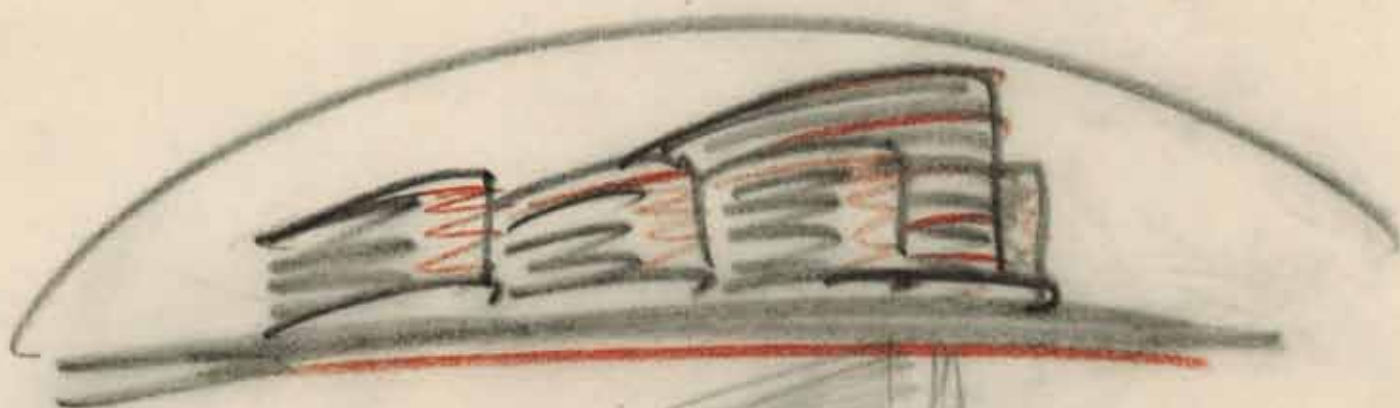
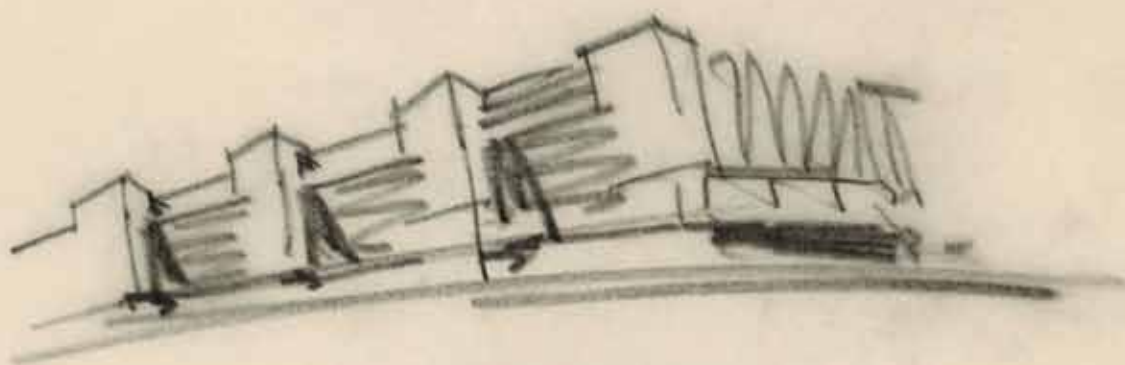
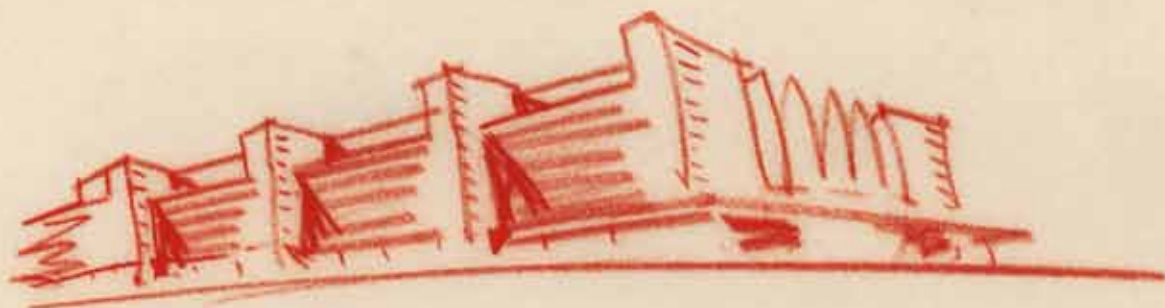
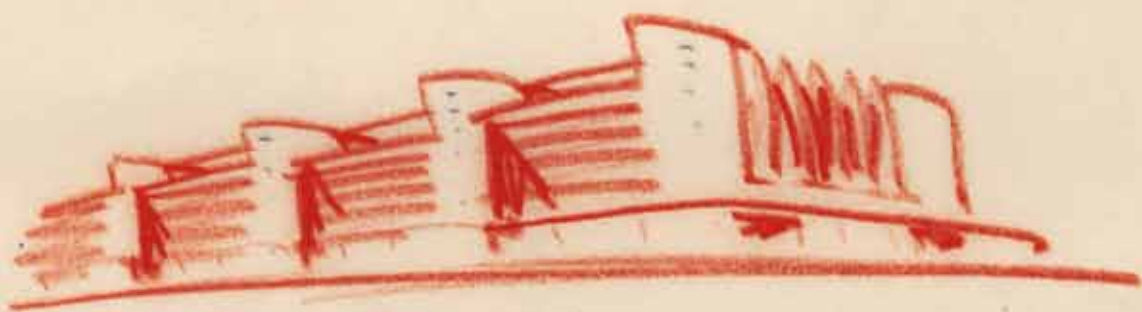

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ АВАНГАРДА DAS ARCHITEKTONISCHE ERBE DER AVANTGARDE

ICOMOS · HEFTE DES DEUTSCHEN NATIONALKOMITEES XLVIII
ICOMOS · JOURNALS OF THE GERMAN NATIONAL COMMITTEE XLVIII
ICOMOS · CAHIERS DU COMITÉ NATIONAL ALLEMAND XLVIII

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ АВАНГАРДА
В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

DAS ARCHITEKTONISCHE ERBE DER AVANTGARDE
IN RUSSLAND UND DEUTSCHLAND

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ АВАНГАРДА В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

DAS ARCHITEKTONISCHE ERBE DER AVANTGARDE IN RUSSLAND UND DEUTSCHLAND

Мероприятие рабочей группы по культуре Петербургского Диалога, Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Администрации Санкт-Петербурга и берлинского Земельного управления по охране памятников (ЛДА) в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем Санкт-Петербурга, Государственными музеями Берлин – Фонд Прусского культурного наследия и Гёте-институтом, по случаю восьмого заседания Петербургского Диалога с 30 сентября по 3 октября 2008 года в Санкт-Петербурге.

Eine Veranstaltung der Arbeitsgruppe Kultur des Petersburger Dialogs, des Komitees für Denkmalschutz der Stadtverwaltung St. Petersburg (KGIOP) und des Landesdenkmalamts Berlin in Zusammenarbeit mit der Staatlichen Eremitage St. Petersburg, den Staatlichen Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz und dem Goethe Institut e. V. anlässlich der 8. Tagung des Petersburger Dialogs vom 30. September bis 3. Oktober 2008 in St. Petersburg.

Издатель: Йорг Хаспель
по заказу рабочей группы по культуре Петербургского Диалога
Herausgegeben von Jörg Haspel
im Auftrag der Arbeitsgruppe Kultur des Petersburger Dialogs

ICOMOS Hefte des Deutschen Nationalkomitees
Herausgegeben vom Nationalkomitee der Bundesrepublik Deutschland
Präsident: Prof. Dr. Michael Petzet, München
Vizepräsident: Prof. Dr. Jörg Haspel, Berlin
Generalsekretär: Dr. Werner von Trützschler, Erfurt
Geschäftsstelle: Maximilianstr. 6, D-80539 München, Postanschrift: Postfach 100 517, 80079 München
Tel.: +49 (0)89 2422 37 84, Fax: +49 (0)89 242 1985 3, E-mail: icomos@icomos.de

**Gefördert von der Deutsche Bank Stiftung und dem Beauftragten der Bundesregierung für Kultur und Medien
При поддержке Фонда Дойче Банк (Deutsche Bank Stiftung) и Уполномоченного по культуре и средствам массовой информации Федеративной Республики Германия**

Koordination/Koordinierung: Wilfried Menghin, Stiftung Preußischer Kulturbesitz

Redaktion/Ответственные редакторы: Diana Zitzmann, Jürgen Bunkelmann und Jörg Haspel
Redaktionelle Mitarbeit und Übersetzungen/Обработка материалов, редактирование и переводы: Elena Dešinova, Birgit Hampel-Chikalov, Elena Peschanska, Viktoria Reichert, Natalija Souvorova, Andrej und Anke Zalivako.

Organisation, Programm und Ausstellungen: Ralf Eppeneder und Jana Soboleva, Goethe Institut St. Petersburg; Georgij Vilinbachov, Staatliche Eremitage St. Petersburg; Vera Dementieva und Boris Kirikov, KGIOP St. Petersburg; Igor und Marina Burdinskij, St. Petersburg; Elena Kolovskaja, Pro Arte Institut St. Petersburg; Anke Zalivako, TU Berlin; Alex Dill, Universität (TH) Karlsruhe; Jörg Haspel, Landesdenkmalamt Berlin; Deutscher Werkbund und Winfried Brenne Architekten Berlin; Wissenschaftliches Museum der Russischen Akademie der Künste St. Petersburg; Staatliches Stadtmuseum St. Petersburg; Deutsches Kulturforum Östliches Europa, Potsdam; Institut für Auslandsbeziehungen e. V., Stuttgart; Rosa Luxemburg Stiftung, Moskau; Generalkonsulat der Bundesrepublik Deutschland St. Petersburg

Организация, программа и выставки: Ральф Эппенедер и Яна Соболева, Гёте-институт Санкт-Петербурга; Георгий Вилинбахов, Государственный Эрмитаж Санкт-Петербург; Вера Дементьева и Борис Кириков, Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга (КГИОП); Игорь и Марина Бурдинские, Санкт-Петербург; Елена Коловская, фонд ПРО АРТЕ Санкт-Петербург; Анке Заливако, ТУ Берлин; Алекс Дилл, Университет Карlsruhe; Йорг Хаспель, Земельное ведомство по охране памятников земли Берлин; некоммерческое общество Немецкий Werkbund и архитектурная фирма «Винфрид Бренне архитекторы» Берлин; Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств Санкт-Петербург; Государственный музей истории Санкт-Петербурга; Немецкий форум восточноевропейской культуры, Потсдам; Институт связей с зарубежными странами (ifa), Штутгарт; Фонд Розы Люксембург, Москва; Генеральное Консульство Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге.

Titelbild: Studien von Erich Mendelsohn für die Textilfabrik „Rote Fahne“ in St. Petersburg, 1925.
Rückseite: Grundrissstudien von Erich Mendelsohn für die Textilfabrik „Rote Fahne“ in St. Petersburg, 1925.
Copyright: Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz/Kunstabtheke

Титульная иллюстрация: Наброски Э. Менделсона фасадов ткацкой фабрики «Красное знамя» в С.-Петербурге, 1925 г.
Иллюстрация на оборотной стороне издания: Наброски Э. Менделсона планов ткацкой фабрики «Красное знамя», 1925 г.
Копирайт: Художественная библиотека Государственных Музеев Берлина

Copyright 2010 ICOMOS, Nationalkomitee der Bundesrepublik Deutschland und hendrik **Bäßler** verlag · berlin
Copyright 2010 ИКОМОС, национальный комитет Федеративной Республики Германия и hendrik **Bäßler** verlag · berlin

Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet unter <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle Rechte vorbehalten. Nachdruck, auch auszugsweise, sowie Verbreitung durch Film, Funk und Fernsehen, durch fotomechanische Wiedergabe, Tonträger und Datenverarbeitungssysteme jeglicher Art, nur mit schriftlicher Genehmigung des Verlages.

2010 Gesamtherstellung und Vertrieb:

hendrik **Bäßler** verlag · berlin

Fon: +49 (0) 30.24085856 · Fax: +49 (0) 30.2492653 · E-Mail: info@baesslerverlag.de · Internet: www.baesslerverlag.de

ISBN 978-3-930388-58-5

Inhalt/Содержание

Editorial/Редакционная статья

IGOR MAKOVECKIJ, MICHAEL PETZET

Editorial der Präsidenten des Deutschen und des Russischen Nationalkomitees von ICOMOS

ИГОРЬ МАКОВЕЦКИЙ, МИХАЭЛЬ ПЕТЦЕТ

Редакционная статья президентов Германского и Российского национальных комитетов ICOMOS 8

Vorwort/Предисловие

KLAUS-DIETER LEHMANN, MICHAEL PIOTROVSKIJ

Vorwort der Vorsitzenden der Arbeitsgruppe Kultur des Petersburger Dialogs

Клаус-Дитер Леманн, Михаил Пиотровский

Предисловие сопредседателей рабочей по культуре «Петербургского диалога» 10

Einführung/Введение

ВЕРА ДЕМЕНТЬЕВА

Архитектурное наследие авангарда – введение с русской точки зрения

VERA DEMENTIEVA

Das architektonische Erbe der Avantgarde – eine Einführung aus russischer Sicht 14

JÖRG HASPEL

Das architektonische Erbe der Avantgarde – eine Einführung aus deutscher Sicht

ЙОРГ ХАСПЕЛЬ

Архитектурное наследие авангарда – введение с немецкой точки зрения 16

KOLLOQUIUM/КОЛЛОКВИУМ

Grußworte/Приветственные слова

KLAUS HARER

Grußwort des Deutschen Kulturforums östliches Europa

Клаус Харер

Приветственное слово Немецкого форума восточноевропейской культуры 20

PETER LINKE

Grußwort der Rosa-Luxemburg-Stiftung Moskau

Петер Линке

Приветственное слово Фонда Розы-Люксембург 22

Das Erbe von Erich Mendelsohn – ein gemeinsames Erbe

Наследие Эриха Мендельсона – всеобщее достояние

ИРИНА АЛЬТЕР

Эрих Мендельсон и Советский Союз

Irina Alter

Erich Mendelsohn und die Sowjetunion 24

ИГОРЬ БУРДИНСКИЙ, СЕРГЕЙ ФЕДОРОВ

«Если владелец думает только о доходности, интересные проекты не реализуются» –

Беседа о будущем «Красного Знамени»

Igor Burdinskij, Sergej Fedorov

„Wenn der Besitzer nur an den Gewinn denkt, kommen keine interessanten Projekte heraus“ –

Gespräch über die Zukunft der „Roten Fahne“ 30

ИВАН ЧЕЧОТ

Маршрут Мендельсона – Наследие Менделсона в Калининградской области

Ivan Czczot

Mendelsohns Weg – das Erbe von Erich Mendelsohn im Kaliningrader Gebiet 36

JÖRG HASPEL

Das Erbe von Erich Mendelsohn im Berliner Raum – eine kurze Bilanz

Йорг Хаспель

Наследие Эриха Мендельсона в Берлине и его окрестностях – краткий обзор 44

REGINA STEPHAN

Inspirationsquelle Natur, Kunst und Musik – Erich Mendelsohns ungewöhnliche Wege zum Entwurf

Регина Штефан

Источники вдохновения: природа, искусство и музыка – непривычные подходы

Эриха Мендельсона к проектированию 51

Denkmale der Avantgarde in Russland**Памятники авангарда в России**

НАТАЛИЯ ГОЛУБКОВА

Памятники московского модернизма – актуальные перспективы

Natalija Golubkova

Denkmale der Moskauer Moderne – aktuelle Ausblicke 56

ASTRID VOLPERT

„Bauhaus im Ural“ – Gesichtsfelder im Spiegel des Erhalts von Gemeinschaftsbauten der Moderne im postsowjetischen Raum

Астрид Фольперт

«Баухаус на Урале» – исторические очерки в зеркале сохранения общественных зданий

модернизма в постсоветском пространстве 60

БОРИС КИРИКОВ

Наследие ленинградского авангарда

Boris Kirikov

Das Erbe der Leningrader Avantgarde 66

МАРГАРИТА ШТИГЛИЦ

Наследие промышленной архитектуры Ленинграда 1920-х–1930-х годов

Margarita Stiglitz

Das Erbe der Leningrader Industriearchitektur der 1920/30er Jahre 72

МАРИЯ МАКОГОНОВА

Жилая архитектура ленинградского конструктивизма – здания и графические памятники

Maria Makagonov

Wohnarchitektur des Leningrader Konstruktivismus – gebautes und grafisches Erbe 77

DIANA ZITZMANN

Öffentliche Badeanstalten der Leningrader Avantgarde – Denkmale der Architektur- und Kulturgeschichte

Диана Цитцманн

Бани ленинградского модернизма – памятники культуры и архитектуры 83

ДМИТРИЙ КОЗЛОВ

Супрематизм в ленинградской архитектуре

Dmitrij Kozlov

Suprematismus in der Leningrader Architektur 89

Avantgarde-Architektur in Deutschland und Russland – heute**Архитектура авангарда в Германии и России – сегодня**

НАТАЛЬЯ ДУШКИНА

Сооружения XX века в России – предложения по включению в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО

Natalija Duškina

Bauten des 20. Jahrhunderts in Russland – Vorschläge für die Aufnahme in die Welterbeliste der UNESCO 95

ЛЮДМИЛА ТОКМЕНИНОВА

Архитектура Современного движения и наследие Баухауса на Урале

Ludmila Tokmeninova

Neues Bauen und Bauhaus-Erbe im Ural 102

ALEX DILL

Internationaler studentischer Workshop – PE „Zeitgenössische Architektur+Revitalisierung der Avantgarde-Bauten in St. Petersburg“

Алекс Дилл

Международный студенческий проектный семинар «РЕ» «Современная архитектура+ревитализация

построек авангарда в Санкт-Петербурге» 106

ANKE ZALIVAKO

Denkmale der Avantgarde – deutsch-russische Hochschulkooperationen

Анке Заливако

Памятники авангарда – немецко-русское сотрудничество высших школ 112

MAXIMILIAN WETZIG

Vom Drahtseilwerk von Jakov Černichov zur Kulturfabrik – Diplomarbeit an der TU Berlin

Максимилиан Ветциг

От литейной фабрики Якова Чернихова к культурной фабрике. Дипломный проект ТУ Берлин 116

THOMAS FLIERL

Das Erbe der Avantgarde-Architektur – ein Thema für den deutsch-russischen Dialog von heute?

Томас Флиерль

Архитектура авангарда – тема сегодняшнего немецко-русского диалога? 118

AUSSTELLUNG – FILM – DISKUSSION**ВЫСТАВКА – ФИЛЬМ – ДИСКУССИЯ****Verwirklichte Utopie – die neue Architektur der 1920er Jahre in Russland und Deutschland****Воплощенная утопия – Новая архитектура 1920-х. Россия – Германия**

RALF EPPENEDER

Eröffnung der Ausstellungsreihe „Verwirklichte Utopie. Die neue Architektur der 1920er Jahre in Russland und Deutschland“

Ральф Эппенедер

Открытие выставочного проекта «Воплощенная утопия. Новая архитектура 1920-х. Россия – Германия» 124

JÖRG HASPEL

Grußwort zur Ausstellungsreihe „Verwirklichte Utopie. Die neue Architektur der 1920er Jahre in Russland und Deutschland“

Йорг Хаспель

Приветственное слово на открытии выставочного проекта «Воплощенная утопия. Новая архитектура 1920-х.

Россия – Германия» 126

WINFRIED BRENNE

Wohnen im Berliner Welterbe und Bauten von Bruno Taut

Винфрид Бренне

Жизнь в памятниках мирового наследия и постройки Бруно Таута 130

ИВАН САБЛИН, СЕРГЕЙ ФОФАНОВ

Шесть жилмассивов ленинградского конструктивизма

Sergej Fofanov, Ivan Sablin

Sechs Siedlungen des Leningrader Konstruktivismus 135

Avantgarde – Welterbe? Zur Erhaltung der Bauten der Moderne in Russland und Deutschland**Авангард – всемирное наследие? К сохранению построек модернизма в России и Германии**

ANKE ZALIVAKO

Einführung in die Ausstellung „Avantgarde – Welterbe? Zur Erhaltung der Bauten der Moderne“

Анке Заливако

Введение в выставку «Авангард – всемирное наследие? К сохранению построек модернизма в России и Германии» . 144

ЕЛЕНА КОЛОВСКАЯ

Открытие выставки «Архитектурный авангард – всемирное наследие?»

Elena Kolovskaja

Eröffnung der Ausstellung „Avantgarde – Welterbe?“ 146

MONIKA MARKGRAF

Welterbestätte Bauhaus Dessau – zum Umgang mit dem Erbe der Moderne

Моника Маркграф

Всемирное наследие Баухаус в Дессау – отношение к наследию модернизма 148

МАРИЯ МАКОГОНОВА

Ленинградский конструктивизм – наследие под угрозой

Maria Makagonova

Leningrader Konstruktivismus – Erbe in Gefahr 151

ИРИНА КОРОБЬИНА

Советский архитектурный авангард в телевизионных проекциях

Irina Korobina

Sowjetische Avantgarde-Architektur in Fernsehfilmen 154

Autoren/Авторы 158

Abbildungsnachweis/Список иллюстраций 163

Editorial der Präsidenten des Deutschen und des Russischen Nationalkomitees von ICOMOS

Der Internationale Denkmalrat ICOMOS (International Council on Monuments and Sites) ist eine nichtstaatliche Organisation, die sich weltweit für Schutz und Pflege von Denkmälern, Ensembles und historischen Stätten einsetzt. 1965 in Warschau gegründet, zählt ICOMOS heute mehr als 9000 Mitglieder, Experten auf dem Gebiet von Denkmalschutz und Denkmalpflege und einschlägige Institutionen und Organisationen. Gegenwärtig bestehen in rund 100 Ländern ICOMOS-Nationalkomitees, außerdem mehr als 28 Internationale Wissenschaftliche Komitees zu Einzelfragen und Sonderproblemen der Denkmalpflege. ICOMOS Deutschland wurde 1965 für die Bundesrepublik gegründet und 1990 mit dem ICOMOS-Komitee der DDR vereinigt. Das ICOMOS-Nationalkomitee der Sowjetunion, aus dem 1990 das Nationalkomitee der Russischen Föderation hervorgehen sollte, entstand ebenfalls bereits 1965 im Gründungsjahr von ICOMOS. Die bis heute gültigen Statuten von ICOMOS International verabschiedeten die Delegierten auf der V. Generalversammlung von ICOMOS 1978 in Moskau.

Grenzüberschreitende Zusammenarbeit ist seit jeher ein Grundanliegen von ICOMOS. Die bilaterale Zusammenarbeit des russischen und des deutschen Nationalkomitees hat nach 1990 zunächst im Rahmen von internationalen Netzwerken und Projekten neue Impulse erfahren. Auf den ICOMOS-Tagungen „*Bildersturm in Osteuropa*“ (1993 in der russischen Botschaft in Berlin) oder „*Stalinistische Architektur unter Denkmalschutz?*“ (1995) standen gemeinsame konservatorische Fragestellungen auf der Tagesordnung, die auch in ICOMOS-Veröffentlichungen dokumentiert sind. Bei der internationalen Moskauer Konferenz „*Heritage at*

Risk. Preservation of 20th-Century Architecture and World Heritage“ (2006) und an der entsprechenden Publikation „*The Soviet Heritage and European Modernism*“ (Heritage at Risk Special 2006, Berlin 2007) wirkten ICOMOS-Experten aus Russland und Deutschland maßgeblich mit.

Die auf Initiative der Arbeitsgruppe Kultur des Petersburger Dialogs 2008 von ICOMOS Russland und ICOMOS Deutschland gemeinsam mit dem Internationalen ICOMOS-Komitee „Heritage of the 20th Century“ herausgegebene Denkschrift „*Avantgarde und Welterbe*“ setzte diese produktive Kooperation fort und bereitete die vorliegende Veröffentlichung vor. Die „Aktionswoche Avantgarde“, die im Herbst 2008 in St. Petersburg stattfand, präsentierte russisch-deutsche Wechselwirkungen auf dem Gebiet der Architekturgeschichte und der Denkmalpflege an einer Auswahl von Projekten und Bauten von Erich Mendelsohn, am Beispiel der Bauhaus-Rezeption oder auch mit der Vorstellung aktueller Hochschul- und Ausstellungsprojekte, die hier unter dem Titel „*Das Erbe der Avantgarde in Russland und Deutschland*“ veröffentlicht werden.

Die Herausgeber danken der Arbeitsgruppe Kultur des Petersburger Dialogs für die Initiative und der Deutschen Bank Stiftung sowie dem Beauftragten der Bundesregierung für Kultur und Medien für die Finanzierung der vorliegenden Dokumentation.

Prof. Igor Makoveckij
Präsident von ICOMOS Russland

Prof. Dr. Michael Petzet
Präsident von ICOMOS Deutschland

Редакционная статья президентов Германского и Российского национальных комитетов ICOMOS

Международный Совет по охране памятников ICOMOS (Международный совет по вопросам памятников и достопримечательных мест) – негосударственная организация, занимающаяся сохранением памятников, ансамблей и исторических мест по всему миру. Основанный в 1965 году, ICOMOS насчитывает на сегодняшний день более 9 000 членов – экспертов в области защиты и охраны памятников, а также соответствующих учреждений и организаций. В настоящее время в 100 странах работают национальные комитеты ICOMOS, а также более чем 28 международных научных специальных комитетов ICOMOS по отдельным вопросам и специальным проблемам охраны памятников. ICOMOS Германия основан в 1965 году в ФРГ, в 1990 году произошло объединение с Комитетом ICOMOS Германской Демократической Республики. Национальный комитет ICOMOS СССР, в 1990 году ставший Национальным комитетом Российской Федерации, был основан также в 1965 году, в год учреждения ICOMOS. До сих пор действующие положения и устав ICOMOS International были утверждены на V. Генеральной ассамблее ICOMOS в Москве в 1978 году.

Главной целью работы ICOMOS является сейчас совместное международное сотрудничество. Двусторонняя работа Национальных комитетов России и Германии получила с 1990 года новые импульсы в рамках организации международных проектов. На конференциях ICOMOS „Bildersturm in Osteuropa“ («Иконоборчество в Восточной Европе») (в 1993 году в Посольстве РФ в Берлине) и „Stalinistische Architektur unter Denkmalschutz?“ («Сталинскую архитектуру под охрану?») (1995) были обсуждены и задокументированы в публикациях ICOMOS общие для обеих стран вопросы консервации.

На международной конференции в Москве «*Heritage at Risk – сохранение архитектуры XX века и Всемирное наследие*» (2006), а также в последующей публикации «*Советское наследие и европейский модернизм*» (Наследие в опасности. Специальный выпуск, Berlin 2007) принимали активное участие эксперты ICOMOS как из России, так и из Германии.

Выпущенный по инициативе рабочей группы по культуре Петербургского Диалога-2008 и подготовленный совместными усилиями ICOMOS России, ICOMOS Германии и Международного комитета ICOMOS „Heritage of the 20th Century“ меморандум «*Авангард и Мировое наследие*» продолжил традицию продуктивного сотрудничества. «Неделя авангарда», прошедшая осенью 2008 года в Санкт-Петербурге, очертила круг обсуждаемых тем, в том числе наследие Эриха Мендельсона, также в рамках мероприятия прошла презентация университетских и выставочных проектов по теме русско-немецкого сотрудничества в области истории архитектуры и охраны памятников культуры. Результаты работы опубликованы под заголовком «*Архитектурное наследие авангарда в России и Германии*».

Издатели благодарят рабочую группу по культуре Петербургского Диалога за инициативу, а также фонд Deutsche Bank и Уполномоченного по культуре и средствам массовой информации Федеративной Республики Германия за финансирование этой публикации.

Проф. Игорь Маковецкий
Президент ICOMOS Россия

Проф. д-р Михаэль Петцет
Президент ICOMOS Германия

Vorwort der Vorsitzenden der Arbeitsgruppe Kultur des Petersburger Dialogs

Auf der Konferenz des Petersburger Dialogs im Jahr 2005 diskutierte die Arbeitsgruppe Kultur in St. Petersburg erstmals auch Fragen der Bau- und Denkmalkultur und deren Bedeutung für die russisch-deutschen Kulturbeziehungen. Unter anderen heißt es im Protokoll:

„Im Vordergrund stand dabei der Umgang mit dem tradierten historischen Baubestand in Deutschland und Russland, zum einen unter Gesichtspunkten des Denkmalschutzes, zum anderen unter den Gesichtspunkten moderner Nutzungsnotwendigkeiten. Dabei wurde unterstrichen, dass eine offene gesellschaftliche Diskussion über das Verhältnis von Tradition und Innovation in den Städten unbedingt erforderlich ist. Besonders hingewiesen wurde auf die in ihrem Bestand gefährdete Avantgardearchitektur in Russland und auf die Bebauung der Stadt Moskau, wo viel Schützenswertes verloren zu gehen droht... Ins Kalkül gezogen wurden auch gemeinsame Konferenzen und Ausstellungen als Mittel, die Problematik erhaltenswerter Architektur stärker ins Bewusstsein der Öffentlichkeit zu rücken.“

Auf dem Folgetreffen in Dresden 2006 beteiligten sich erstmals auch Konservatoren beider Länder am Kulturdialog. „Historische Kultur- und Museumsbauten und Denkmalschutz“ sowie „Architekturdenkmale der Avantgarde“ waren Stichworte, die die Debatte bestimmten. Unter der Überschrift „Welterbe erhalten und weiterbauen – Architektur des 19. und 20. Jahrhunderts“ verabschiedete die Arbeits-sitzung in Wiesbaden 2007 ein breit gefächertes Programm von Aktivitäten. Sie hatten die in der UNESCO-Welterbeliste verzeichneten Residenz- und Museumsensembles des 18. und 19. Jahrhunderts in Berlin und St. Petersburg zum Ausgangspunkt und sollten das junge Erbe des 20. Jahrhunderts in die Welterbedebatte einbeziehen. „Avantgarde“ und „Post-Avantgarde“, so lautete das generalisierende Oberthema, das dem Erbe des russischen Konstruktivismus und Suprematismus ebenso galt wie dem Erbe des Funktionalismus und des Neuen Bauens in Deutschland, aber auch Zeugnisse der Gegenmoderne und Gegen-Avantgarde, wie sie vor allem das zweite Drittel des 20. Jahrhunderts in beiden Staaten zurückgelassen hat, einschließen sollte. Vorbereitet und flankiert von Fachtagungen und Publikationen des Internationalen Denkmalrats ICOMOS (*International Council on Monuments and Sites*) und des Denkmaldialogs der Partnerstädte Moskau und Berlin, initiierte der Petersburger Dialog eine Serie von deutsch-russischen Begegnungen und Projekten, die zur Sitzung des Petersburger Dialogs 2008 in eine „Ausstellungs- und Aktionswoche Avantgarde“ münden sollte.

Im Rahmen der Kulturaktivitäten des Petersburger Dialogs fand im November 2007 ein Round-Table-Gespräch zum Avantgarde-Thema mit geladenen Experten aus beiden Ländern in der Eremitage St. Petersburg statt. Denkmalpfleger und Bau- und Kunsthistoriker, aber auch Architekten und In-

genieure sowie Museumswissenschaftler diskutierten Konservierungs- und Restaurierungsfragen sowie Möglichkeiten, Öffentlichkeit und Politik für diese junge Konservatorenaufgabe zu sensibilisieren. Unter dem Eindruck herausragender und teilweise akut gefährdeter Zeugnisse des Konstruktivismus in St. Petersburg (Eisenfabrik „Roter Nagelschmied“ von Jakov Černichov; Textilfabrik „Rote Fahne“ von Erich Mendelsohn etc.) wurden eine Reihe von deutsch-russischen Kooperationsvorhaben für 2008 verabredet, darunter Ausstellungsprojekte zu Bauwerken und Architekten der Moderne in beiden Ländern sowie eine Fachkonferenz unter dem Arbeitstitel „Architektur und Politik – Bauwerke der Avantgarde in Deutschland und Russland.“

Im Auftrag der Arbeitsgruppe Kultur des Petersburger Dialogs lag die inhaltliche Vorbereitung beim Denkmalschutzkomitee St. Petersburg (KGIOP) und beim Landesdenkmalamt Berlin, denen die Stiftung Preußischer Kulturbesitz als „Avantgarde-Beauftragten“ Prof. Dr. Wilfried Menghin mit seinem Organisations- und Kommunikationsgeschick zur Seite stellte. Die Gesamtkoordination und einen Großteil der Finanzierung des Programms vor Ort übernahm das Goethe-Institut St. Petersburg. Unter der Regie von Dr. Ralf Eppender entwickelte es, in Abstimmung mit dem Generalkonsulat der Bundesrepublik Deutschland in St. Petersburg, der Staatlichen Eremitage und dem Wissenschaftlichen Museum der Russischen Akademie der Künste, engagiert und sehr erfolgreich ein hochinformatives und abwechslungsreiches Rahmenprogramm. Die Deutsche Bank Stiftung ermöglichte mit einem erheblichen finanziellen Beitrag das bilateral besetzte wissenschaftliche Kolloquium zur Denkmalpflege von Bauwerken des 20. Jahrhunderts „Das Erbe der Avantgarde – Architektur des Konstruktivismus in Russland und Deutschland“, welches zudem vom Deutschen Kulturforum Östliches Europa durch die Vergabe von Reisestipendien gefördert wurde.

Unter dem Leitthema „*Verwirklichte Utopien. Die neue Architektur der 1920er Jahre in Russland und Deutschland*“ bot die Aktionswoche Avantgarde vom 30. September bis zum 3. Oktober 2008 einen bunten Reigen an Ausstellungen, Kolloquien, Film- und Diskussionsveranstaltungen, Studentenworkshops sowie Führungen zur Avantgarde-Architektur, um deutsch-russische Wechselbeziehungen in der Architekturgeschichte des 20. Jahrhunderts nachzuzeichnen. Eine inhaltliche Einführung in die aktuelle Problematik der Erforschung, Erhaltung und Erschließung von Baudenkmalen der Avantgarde boten zum Auftakt des Petersburger Dialogs zwei frische Veröffentlichungen zum Thema. Das Denkmalschutzkomitee St. Petersburg (KGIOP) legte unter dem Titel „*Leningrad Avant-Garde Architecture. A Guide*“ einen von Boris Kirikov und Margarita Stieglitz verfassten Stadt- und Architekturführer zu Bauwerken der Moderne und der Avantgarde in St. Petersburg bzw. Petrograd und Leningrad vor (russisch, englisch); und das Russische und

Deutsche Nationalkomitee von ICOMOS veröffentlichten eine gemeinsame Denkschrift „*Avantgarde und Welterbe*“ mit Empfehlungen zur Nominierung herausragender Bauwerke der konstruktivistischen und traditionalistischen Sowjetarchitektur für die Welterbeliste der UNESCO (Natalija Duškina, Jörg Haspel, Boris Kirikov und Anke Zaliwako).

Den Schwerpunkt der vorliegenden Dokumentation bilden zum einen Expertenbeiträge, die die Arbeitsgruppe Kultur des Petersburger Dialogs zur Sitzung 2008 erbeten hatte. Unter dem Titel „*Das Erbe der Avantgarde – Architektur des Konstruktivismus in Russland und Deutschland*“ nahmen Konservatoren, Architekten und Ingenieure sowie Kunst- und Kulturwissenschaftler aus beiden Staaten zu Problemen der Denkmalpflege an Bauwerken des 20. Jahrhunderts Stellung. Den Auftakt bildeten Beiträge zum Erbe der international bekannten Architekten Erich Mendelsohn, von dessen Hand hochkarätige Baudenkmale sowohl in Russland als auch in Deutschland erhalten sind. Auf russischer Seite kamen außer Bauwerken des Konstruktivismus in der Region St. Petersburg auch das Erbe des 20. Jahrhunderts in Moskau, Einflüsse der Bauhaus-Bewegung auf Stadtplanung und Architektur im Ural sowie Beispiele des Neuen Bauens in der Region Kaliningrad (Königsberg) zur Sprache. Auf deutscher Seite standen neben Berliner Beispielen auch die als Welterbe geschützten Bauhausstätten in Weimar und Dessau im Vordergrund. Breiten Raum nahm schließlich die Diskussion von deutsch-russischen Gemeinschaftsprojekten auf dem Gebiet der Architekturgeschichte und Denkmalerhaltung des 20. Jahrhunderts ein, darunter vor allem Hochschulkooperationen und Studentenprojekte, wie sie in den letzten Jahren russische Architektur- und Bauingenieur-fakultäten aus Moskau, St. Petersburg und Ekatarinburg mit Partnerinstituten in Berlin und Karlsruhe sowie in Weimar und Cottbus aufgenommen haben.

Zum anderen vermittelt die vorliegende Publikation einen Überblick über vier thematische Ausstellungen, die in der Sitzungswoche des Petersburger Dialogs Anfang Oktober 2008 in St. Petersburg Premiere feiern konnten. Besonders spektakulär war die Präsentation „*Vom Experiment zur Praxis – der Leningrader Konstruktivismus*“ der wiederentdeckten Zeichnungen und Modelle des Konstruktivismus

und Suprematismus in St. Petersburg, die seit der Stalinzeit in den Depots des Wissenschaftlichen Museums der Russischen Akademie der Künste überdauert hatten. Außerdem waren in den zentral gelegenen und wunderbar geeigneten Museumsräumen der Akademie am Neva-Ufer die Wanderausstellungen zum farbigen Bauen von Bruno Taut und zu den frisch gekürten Berliner Welterbe-Siedlungen zu sehen (Deutscher Werkbund Berlin/Winfried Brenne Architekten und Senatsverwaltung für Stadtentwicklung Berlin) sowie unter dem Titel „*Dynamik und Funktion*“ das eindrucksvolle Oeuvre von Erich Mendelsohn (Institut für Auslandsbeziehungen). Im Leben und Werk der beiden großen deutschen Baumeister der Moderne nahm die junge Sowjetunion – seit dem Ende des Ersten Weltkriegs bis zur Vertreibung aus Nazi-Deutschland nach 1933 – bekanntlich einen wichtigen Platz ein, worauf Eröffnungsreden und Kolloquiumsbeiträge mehrfach hinwiesen. Die aufrüttelnde Wanderausstellung „*Avantgarde – Welterbe? Zur Erhaltung der Bauten der Moderne in Russland und Deutschland*“ (Technische Universität Berlin, Bauhaus Stiftung Dessau, Architekturmuseum „Ščusev“ der Stadt Moskau) zeigten das städtische Historische Museum und das private Pro Arte Institut auf der Peter-und-Paul-Festung – gerade in Blickweite zur Avantgarde-Architektur des „Hauses der Politischen Gefangenen des Zarenreichs“ (1929–33).

Die Avantgarde-Veranstaltung 2008 in St. Petersburg und diese Dokumentation wären ohne die konzertierte Aktion zahlreicher hochengagierter Institutionen und Personen aus Russland und Deutschland und ohne die verständnisvolle Förderung durch Dritte nicht zustande gekommen. Dafür danken wir allen Beteiligten sehr herzlich. Sowohl die Ergebnisse als auch der Geist der Avantgarde-Woche des Petersburger Dialogs 2008 waren der Arbeitsgruppe Kultur auf ihrer Sitzung in München 2009 Grund genug, dem Erbe des 20. Jahrhunderts auch weiterhin besondere Aufmerksamkeit zu widmen.

Prof. Dr. Klaus-Dieter Lehmann
Präsident des Goethe-Instituts, München

Prof. Dr. Michail Piotrovskij
Direktor der Staatlichen Eremitage St. Petersburg

Предисловие сопредседателей рабочей группы по Культуре Петербургского диалога

На конференции Петербургского диалога в 2005 году рабочая группа по культуре впервые рассматривала вопросы культурного наследия в области строительства и исторических памятников, и их значение для развития российско-немецких культурных связей. Среди прочего в протоколе конференции было указано:

«... [Н]а переднем плане находился подход к обращению с историческими строениями в Германии и в России, во-первых, с точки зрения охраны памятников, во-вторых, с точки зрения необходимости их современного использования. Причем было подчеркнуто, что обязательно необходима открытая общественная дискуссия о соотношении между традицией и инновацией. В особенности было указано на то, что в России сооружения архитектуры авангарда находятся под угрозой, а также на застройку города Москвы, где под угрозой утраты находятся многие объекты, подлежащие охране. ... Следует принять в расчет также совместные конференции и выставки в качестве средства, которое сможет более интенсивно внедрить в сознание общественности проблему сохранения архитектуры».

На последующей встрече в Дрездене в 2006 году в первый раз в культурном диалоге участвовали уполномоченные по охране памятников обеих стран. Такие выражения, как «Культурно-исторические здания и охрана памятников», а также «Памятники архитектуры авангарда» были ключевыми, определявшими направление дебатов. Под заголовком: «Сохранять и развивать мировое наследие. Архитектура XIX и XX вв.» прошло рабочее совещание в Висбадене в 2007 году, на котором была принята широкая программа мероприятий. Замковые и музейные ансамбли XVIII–XIX вв. в Берлине и Санкт-Петербурге, включенные в список мирового наследия ЮНЕСКО, явились отправным пунктом программы, которая была призвана включить в диалог по мировому наследию также и молодой пласт культурного наследия XX столетия.

«Авангард» и «пост-авангард», так звучала главная обобщающая тема, посвящённая в равной степени наследию российского конструктивизма и супрематизма и наследию функционализма и нового строительства в Германии. Памятники антимодернизма и пост-авангарда, появились в обеих странах преимущественно во второй трети XX века. Подготовленный и сопровождаемый совещаниями специалистов и публикациями международного комитета по охране памятников ICOMOS (*International Council on Monuments and Sites*) и мероприятиями «Диалога по памятникам» городов-партнёров Москвы и Берлина «Петербургский диалог» начал серию немецко-российских встреч и проектов, завершившихся

к заседанию «Петербургского диалога» 2008 года «Неделей акций и выставок авангарда».

В рамках культурных мероприятий «Петербургского диалога» в ноябре 2007 года в Санкт-Петербургском Эрмитаже состоялся круглый стол на тему авангарда с участием приглашённых экспертов из обеих стран. Лица, занимающиеся охраной памятников, историки архитектуры и искусства, вместе с архитекторами, инженерами и научными работниками музеев обсуждали вопросы сохранения реставрации, а также пути привлечения внимания общественности и политиков к решению этой новой задачи в области охраны памятников. Под впечатлением от выдающихся и частично находящихся под угрозой памятников конструктивизма в Санкт-Петербурге (литейная фабрика «Красный гвоздильщик» Якова Чернихова, Трикотажная фабрика «Красное знамя» Эриха Мендельсона), был оговорен ряд немецко-российских совместных проектов на 2008 год. Среди прочего речь шла о проведении выставок, посвящённых сооружениям и архитекторам модернизма в обеих странах и совещания специалистов с условным названием «Архитектура и политика – сооружения авангарда в России и Германии».

По заданию рабочей группы «Культура» «Петербургского диалога» подготовкой содержания «Неделей акций и выставок авангарда» занимались Комитет по охране Памятников Санкт-Петербурга (КГИОП) и Комитет по охране памятников земли Берлин. Фонд Прусского культурного достояния направил им в помощь в роли «уполномоченного по авангарду» Проф. Др. Вильфрида Менгина с его коммуникабельностью и организаторским талантом. Общее руководство и большую часть финансирования программы на месте, обеспечил Институт им. Гёте-Санкт-Петербурга. Под руководством Ральфа Эппензедера, энергичного директора Генерального консульства Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге, Государственным Эрмитажем и Научно-исследовательским музеем Российской Академии художеств, с успехом была разработана высокоинформативная и разнообразная программа. Фонд *Дойче Банк* (*Deutsche Bank Stiftung*), обеспечивший серьёзную материальную поддержку, сделал возможным проведение научного colloquium представителей обеих стран по охране памятников архитектуры XX столетия «Наследие авангарда – архитектура конструктивизма в России и Германии». Он был также поддержан Немецким форумом восточноевропейской культуры, который выступил в качестве спонсора нескольких участников.

С 30 сентября по 3 октября 2008 года прошла Неделя авангарда» целью которой было дать наглядное представление о немецко-российских взаимосвязях в истории архитектуры XX столетия. Под центральной темой «*Воплощённая утопия. Новая архитектура 1920-х.*

Россия – Германия» в рамках «Недели авангарда» прошел целый ряд разнообразных выставок, коллоквиумов, кинопросмотров, дискуссий, студенческих проектных семинаров, а также посещений памятников авангардной архитектуры. Введение в актуальную проблематику изучения, сохранения и перепрофилирования памятников архитектуры авангарда было представлено к открытию «Петербургского диалога» двумя свежими публикациями. Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга (КГИОП) подготовил городской и архитектурный путеводитель по сооружениям модернизма и авангарда Санкт-Петербурга, (ранее Петроград и Ленинград), на русском и английском языках под названием «Архитектура ленинградского авангарда. Путеводитель» (*“Leningrad Avant-Garde Architecture. A Guide”*), а международными научными комитетами ICOMOS России и Германии был составлен специальный Меморандум «Авангард и Всемирное наследие» с предложением к номинации выдающихся сооружений конструктивистской и традиционалистской советской архитектуры на внесение в список мирового наследия ЮНЕСКО (Наталья Душкина, Йорг Хаспель, Борис Кириков, Анке Заливако).

Центральным элементом представленной публикации являются статьи экспертов, которые рабочая группа «Культура» заказала к заседанию «Петербургского диалога» 2008 года. В рамках общей темы «Наследие авангарда – Архитектура конструктивизма в России и Германии» специалисты по сохранению памятников, архитекторы и инженеры, а также искусствоведы и историки искусства обеих стран, выразили своё мнение о проблемах обеспечения сохранности сооружений XX века. Начало дискуссии положили материалы по изучению наследия всемирно известного архитектора Эриха Мендельсона, руками которого были созданы выдающиеся памятники архитектуры, сохранившиеся до наших дней как в России так и в Германии. Что касается России, то кроме построек конструктивизма в Санкт-Петербурге речь шла о наследии XX века в Москве, влиянии немецкой архитектурной школы Баухаус (Bauhaus) на градостроительство и архитектуру на Урале, а также примеры «Нового строительства» в районе Калининграда (Кёнигсберга). Со стороны Германии кроме объектов в Берлине были представлены охраняемые как культурное наследие объекты Баухаус в Веймаре и Дессау. Много внимания было уделено немецко-российским совместным проектам в области истории архитектуры и охраны памятников XX века. В том числе в первую очередь сотрудничеству высших учебных заведений и студенческим проектам, которые в последние годы разрабатывались архитектурными и инженерно-строительными факультетами Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга с институтами-партнёрами в Берлине, Карлсруэ, а также в Веймаре и Коттбусе.

С другой стороны эта публикация помогает получить общее представление о четырёх тематических выставках, проходивших впервые в начале октября 2008 года в Санкт-Петербурге во время заседаний «Петербургского диалога». Особенно впечатляющей была презентация «От эксперимента к практике – Ленинградский конструктивизм», об обнаруженных недавно чертежах и макетах конструктивизма и супрематизма в Санкт-Петербурге, которые со сталинских времён пылились в хранилищах Научно-исследовательского музея Российской Академии художеств. Кроме того, в центральных залах музея Академии на берегу Невы, можно было увидеть передвижные выставки на тему «красочного» строительства Бруно Таута и берлинских жилых массивов, которые были недавно включены в список мирового наследия. Их подготовило некоммерческое общество Немецкий *веркбунд* Берлин (Deutscher Werkbund Berlin), архитектурное бюро Винфрида Бренне и Управление Сената Берлина по вопросам развития города. А на экспозиции под названием «Динамика и функция» Институт связей с зарубежными странами (ifa) представил впечатляющее творческое наследие Эриха Мендельсона. В жизни и деятельности обоих немецких мастеров – создателей модернизма, молодая страна социализма играла, как известно, значительную роль, с момента окончания первой мировой войны и вплоть до их изгнания из нацистской Германии после 1933 года. На это многократно указывалось в приветственной речи и выступлениях на коллоквиумах. Потрясающую передвижную выставку «Архитектурный авангард – всемирное наследие? К сохранению построек модернизма в России и Германии» (Технический университет Берлина, Фонд Баухаус Дессау, Музей Архитектуры им. А. Щусева г. Москвы) организовали в Петропавловской крепости – недалеко от памятника архитектуры авангарда – «Дома политкампторжан» (1929–1933) Государственный музей истории Санкт-Петербурга и частный Институт ПРО АРТЕ.

Мероприятия посвящённые авангарду в 2008 году в Санкт-Петербурге и итоговая документация по ним были бы невозможны без сосредоточенной деятельности множества глубоко заинтересованных людей и ведомств из России и Германии, а также без чуткой поддержки частных лиц и организаций. За это им всем наша сердечная благодарность. Результаты, а также дух «Недели авангарда» Петербургского диалога 2008 года послужили достаточным основанием для рабочей группы «Культура» уделить особое внимание наследию XX столетия на заседании в Мюнхене в 2009 году.

Проф. д-р Клаус-Дитер Леманн
Президент Института Гёте, Мюнхен

Проф. д-р Михаил Пиотровский
Директор Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург

Архитектурное наследие авангарда – введение с русской точки зрения

Вера Дементьева

Проведение «Недели авангарда» в Санкт-Петербурге вполне закономерно. Если наш город и не является столицей российского авангарда, то по праву может считаться его родиной. Со своего основания Петербург был проводником самых передовых архитектурных идей, и в формировании нового искусства также занимает особое место. Еще на рубеже 1910-х–1920-х годов основоположниками концепций левого искусства К. С. Малевичем и В. Е. Татлиным были сформулированы теоретические основы русского авангарда. В начале 1920-х годов аналитическую работу по овладению новыми формами в архитектуре и прикладном искусстве продолжил Государственный институт художественной культуры (ГИНХУК), во главе которого стоял сам творец «супрематического ордера» и создатель знаменитых «архитектонов» и «планит» К. С. Малевич. Первая половина 1920-х годов – еще эпоха бумажной архитектуры – но это время самого напряженного творческого поиска, когда А. С. Никольский экспериментирует с контрастными сочетаниями *«крупно решенных прямоугольных горизонтальных объемов»*, а Л. М. Хидекель, развивает идеи супрематического зодчества.

За недолгий период «воплощения утопии» в Ленинграде был создан целый ряд выдающихся произведений новой архитектуры, сложилась своя школа конструктивизма, костяк которой составляли такие мастера, как А. С. Никольский, И. И. Фомин, Н. А. Троцкий, А. И. Гегелло, Е. А. Левинсон, В. О. Мунц, А. К. Барутчев, Я. О. Рубанчик, Г. А. Симонов, Д. П. Бурышкин, Л. М. Тверской и многие другие. Безусловными шедеврами конструктивизма стали образцы новых типов зданий: Дворец культуры им. А. М. Горького, Кировский и Московский райсоветы, школа им. 10-летия Октября. Воплощением передовых форм организации пролетарского быта явились фабрики-кухни, а прообразами пролетарских городов будущего – создававшиеся один за другим ансамбли комплексной жилой застройки рабочих окраин (жилмассивы) на Тракторной улице, в Невском и Выборгском районах, на Крестовском острове. Постройки конструктивизма в основном появлялись в удалении от центра города, но были и исключения. К манифестам архитектуры ленинградского авангарда можно отнести возведенный на берегу Невы знаменитый дом-коммуна общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев – симбиоз новаторских композиционных приемов, подчеркивающих реализацию нового жизненного уклада.

Памятники архитектуры конструктивизма создавались в нелегкую эпоху дефицита и низкого качества строительных материалов, недостатка квалифицированных

кадров, что во многом предопределило сложность эксплуатации и недолговечность многих построек. Укрепление советской строительной индустрии пришлось уже на другую эпоху, когда имперские амбиции потребовали обращения к иным архитектурным формам. Архитектура авангарда надолго ушла в тень и ныне она по большей части продолжает находиться в тени классической архитектуры столичного Санкт-Петербурга. Всемирно известны лишь две знаковые постройки ленинградского конструктивизма – расположенные на Васильевском острове Водонапорная башня завода «Красный гвоздильщик» Якова Чернихова, великого творца архитектурных фантазий, и корпуса Трикотажной фабрики «Красное Знамя» на Петроградской стороне, сооруженные по проекту Эриха Мендельсона.

Постройка Мендельсона, с его ярко выраженной экспрессией, является звеном, связующим европейский функционализм и советский конструктивизм. Это звено – общая отправная точка диалога двух культур. Подобно тому, как в 1920-е годы ленинградцы обратились к немецкому архитектору для создания этого шедевра, так мы и сегодня обращаемся к нашим немецким коллегам, имеющим большой опыт в сохранении памятников эпохи конструктивизма и функционализма.

Архитектура советского авангарда высоко ценится за рубежом, однако у нас до недавнего времени необходимость ее сохранения наталкивалась на непонимание. Еще в 1990-х годах под охраной находилось только 15 памятников авангарда. Комитетом по охране памятников на рубеже тысячелетий была проделана большая работа по выявлению, изучению и постановке на учет построек конструктивизма и сейчас под охраной уже 80 объектов. Однако их надо не просто учесть, но и реально сохранить. Дороговизна и сложность реставрации построек из железобетона всем известна. То, что было продуктом дешевого массового производства, воссоздается штучно и вручную. Вследствие этого ремонты такого рода зданий производятся крайне редко. Употребление традиционных материалов в процессе работ, приводит зачастую к фальсификации. Трудности не ограничиваются сферой реставрации, существуют и сложности в вопросах приспособления зданий конструктивизма к новому использованию, перепрофилирование и адаптация их к современным требованиям.

Обозначение задач, привлечение общественного внимания к проблемам сохранения памятников петербургского авангарда, создание условий для взаимовыгодного сотрудничества в этой сфере – вот предмет нашего диалога.

Das architektonische Erbe der Avantgarde – eine Einführung aus russischer Sicht

Vera Dementieva

Dass die „Avantgardewoche“ in St. Petersburg stattfindet, ist durchaus sinnfällig. Zwar ist St. Petersburg nicht der Hauptschauplatz der russischen Avantgarde-Architektur, aber die Stadt darf mit Recht als Wiege der russischen Avantgardebewegung gelten. Seit Gründung der Stadt fanden fortschrittliche Architekturideen in St. Petersburg Unterstützung, und auch an der Herausbildung der Moderne hatte die Stadt besonderen Anteil. Schon Ende der 1910er/Anfang der 1920er Jahre hatten die beiden Gründungsväter linker Kunstkonzepte, Kasimir Malewitsch und Vladimir Tatlin, theoretische Grundlagen für die russische Avantgarde formuliert. Anfang der zwanziger Jahre wurde die methodische Arbeit zur Übertragung der neuen Formen in die Architektur und in das Kunstgewerbe fortgesetzt am Staatlichen Institut für Künstlerische Kultur (GINChUK), unter Leitung von Malewitsch – dem Erfinder der „suprematistischen Säulenordnung“, der berühmten „Architektonen“ und „Planiten“. Die erste Hälfte der 20er Jahre war die Phase der sogenannten „Papierarchitektur“ – die Entwurfsideen blieben unrealisiert. Trotzdem waren gerade diese Jahre eine höchst intensive Phase der kreativen Suche nach neuen Ausdrucksformen – Aleksandr Nikol'skij experimentierte mit dem kontrastiven Zusammenspiel von „grob strukturierten liegenden Quader-volumen“ und Lazar Chidekel' entwickelte die Idee einer suprematistischen Architektur weiter.

In der relativ kurzen Phase der „Verwirklichung der Utopie“ entstanden in Leningrad zahlreiche herausragende Werke des neuen Architekturstils. Eine eigene Leningrader Spielart des Konstruktivismus entwickelte sich mit Baumeistern wie A. Nikol'skij, I. Fomin, N. Trockij, A. Gegello, E. Levinson, V. Munc, A. Barutčev, Ja. Rubančik, G. Simonov, D. Buryškin, L. Tverskoj und vielen anderen im Zentrum. Zu den Meisterwerken des Konstruktivismus zählen die Gründungsbauten neuartiger Bauaufgaben: der Kulturpalast „Gorki“, das Kirovskij und das Moskovskij Bezirksrats-Gebäude, die Schule „Zehnjähriger Oktober“. Avantgardistische Ideen von einer neuen proletarischen Lebensweise kamen im Bau von Fabrikküchen zum Tragen. Kleinausgaben proletarischer Zukunftsstädte stellen die Massenwohnsiedlungen dar, die nach und nach in den Arbeitervierteln Leningrads errichtet wurden – in der Traktornaja Ulica, im Nevskij und Vyborgskij Rayon sowie auf der Krestovskij Insel. Bauten des Konstruktivismus entstanden vorwiegend weit entfernt vom Stadtzentrum. Ausnahmen bestätigen diese Regel. So zählt das berühmte Kommunehaus des „Vereins der ehemals politisch Verfolgten und Verbannten“ am Njwa-Ufer zu den Manifesten der Leningrader Avantgardearchitektur. Die architektonische Symbiose verschiedener innovativer Kompositionsprinzipien unterstreicht die Absicht zur Einführung eines neuen Lebensstils.

Die Architekturdenkmale des Konstruktivismus entstammen einer schwierigen Zeit, in der Mangel an Baumateri-

alien und qualifiziertem Personal herrschte und auch die Qualität der Baustoffe oft zu wünschen übrig ließ. Vielen Bauten waren Schwierigkeiten in der Nutzung und eine kurze Lebensdauer vorherbestimmt. Die sowjetische Bauindustrie erstarkte erst in den späteren Jahren, als repräsentative Bauabsichten auch den Übergang zu anderen Architekturformen erforderlich machten. Die Avantgarde wurde für viele Jahre in den Hintergrund gedrängt, und größtenteils steht sie bis heute im Schatten der klassizistischen Residenzarchitektur St. Petersburgs. Weltweite Bekanntheit erlangten vor allem zwei Ikonen des Leningrader Konstruktivismus: der Wasserturm des Betriebs „*Krasnyj gvozdiščik*“ („Roter Nagel“) auf der Vassilij-Insel, entworfen vom großen Architekturfantasie-Zeichner Jakov Černichov, und die Trikotagenfabrik „*Krasnoe Znamja*“ („Rote Fahne“) auf der Petrograder Seite, errichtet nach einem Entwurf von Erich Mendelsohn.

Der expressive Mendelsohn-Bau stellt gleichzeitig ein Bindeglied zwischen dem europäischen Funktionalismus und dem sowjetischen Konstruktivismus dar, bietet einen gemeinsamen Anknüpfungspunkt für den Kulturdialog. Ähnlich wie sich die Leningrader in den 1920er Jahren für den Entwurf dieses Meisterwerks an den deutschen Architekten gewandt hatten, so richtet sich die russische Seite heute an deutsche Kollegen, die über viel Erfahrung in der Erhaltung von Denkmälern des Konstruktivismus und Funktionalismus verfügen.

Die sowjetische Avantgarde-Architektur wird im Ausland hoch geschätzt, aber in Russland stieß die Forderung nach Erhaltung bis vor Kurzem auf Unverständnis. Noch in den 1990er Jahren standen bloß 15 Bauten der Avantgarde in St. Petersburg unter Schutz. Das Denkmalschutzkomitee KGIOP hat zur Jahrtausendwende große Fortschritte bei der Erfassung, Erforschung und Unterschutzstellung von Bauten des Konstruktivismus erzielt, und mittlerweile stehen bereits 80 Objekte in der Denkmalliste. Aber nur die Erfassung und Unterschutzstellung reichen nicht aus, die Bauwerke müssen real erhalten werden. Die hohen Kosten und Schwierigkeiten einer Sanierung von Stahlbetonbauten sind allgemein bekannt. Die Produkte preiswerter Massenherstellung müssen dabei in Einzel- und Handarbeit wiederhergestellt werden. Deshalb werden solche Gebäude extrem selten instand gesetzt, und häufig führt die Verwendung von konventionellen Materialien dabei zu einer Verfälschung. Probleme gibt es nicht nur in der Sanierungstechnologie. Auch die erhaltende Umnutzung konstruktivistischer Bauten und ihre Anpassung an zeitgemäße Anforderungen gestalten sich schwierig.

Die Definition der Aufgaben, das Wecken des öffentlichen Interesses für die Erhaltung der Petersburger Avantgarde-Denkmale, die Entwicklung einer gemeinsamen Arbeitsgrundlage für eine Kooperation mit gegenseitigen Nutzen – das sind inhaltliche Stichworte für unseren Dialog.

Das architektonische Erbe der Avantgarde – eine Einführung aus deutscher Sicht

Jörg Haspel

Das architektonische Erbe der Avantgarde in Russland und in den ehemaligen Sowjetrepubliken gilt als bedroht. Selbst überregional oder international bekannt gewordene Architekturdenkmale in Moskau, St. Petersburg oder andernorts erscheinen gefährdet, und oft ist noch keine Rettung in Sicht. Auch in Deutschland, wo sogar etliche moderne Bauten der Zwischenkriegszeit als Welterbestätten der UNESCO anerkannt sind, haben es Bauwerke der Moderne im Konfliktfall schwerer als traditionelle Denkmale früherer Epochen, wenn Lösungen von Eigentümern und Investoren, von Politikern und Behörden gefragt sind. Denkmale der Avantgardearchitektur werfen mit ihren neuartigen Materialien und Konstruktionen oftmals unbekannte sanierungstechnische Probleme auf, stoßen in Teilen der Gesellschaft auf wenig Akzeptanz und stellen als jüngste Denkmalschicht eine besondere konservatorische Herausforderung dar.

Gemeinsamkeiten zwischen Russland und Deutschland lassen sich nicht nur auf dem Gebiet der aktuellen Denkmalprobleme mit Bauten der Avantgarde und der Moderne ausmachen. Die Architektur der Avantgarde und der Moderne, die in beiden Ländern nach dem Ersten Weltkrieg entstand und bis heute mehr oder weniger gut überkommen ist, teilt zudem gemeinsame historische Wurzeln und grenzüberschreitende Wechselwirkungen. Das Ende des Ersten Weltkriegs und der Sturz der Monarchie sowie die von den Revolutionsergebnissen ausgelöste politische, gesellschaftliche und kulturelle Aufbruchsstimmung, der die Avantgardekünstler architektonischen Ausdruck verleihen sollten, weisen parallele Züge in Russland und Deutschland auf. Und nie zuvor standen Künstler beider Länder in einem intensiveren Austausch über Ideen und Projekte für eine zukunftsweisende Baukunst. Vortrags- und Studienreisen, Publikationen und Kongresse, Arbeitsaufenthalte und gemeinsame Projekte eröffneten vielfältige persönliche Kontakte und berufliche Kooperationsmöglichkeiten.

El Lissitzky, einer der avantgardistischen Wanderer zwischen Ost und West, zählte in Deutschland mit seinen Projekten und Theorien zu den Aufsehen erregendsten und meist rezipierten Vordenkern der architektonischen Erneuerung und bahnte dem russischen Konstruktivismus einen Weg nach Westeuropa. Umgekehrt können Bauwerke, die unter Mitarbeit deutscher Architekten in Sowjet-Russland oder später der Sowjetunion zustande gekommen und erhalten geblieben sind, als gemeinsames russisch-deutsches Erbe der Moderne und der Architekturavantgarde angesehen werden. Die Textilfabrik „Rote Fahne“ in Leningrad, die auf Erich Mendelsohn zurückgeht, das Kommunehaus *Narkomfin* in Moskau, an dessen Farbkonzept Hinnerk Scheper mitwirkte, oder die erst jüngst unter dem Stichwort „Bauhaus am Ural“ verstärkt ins Blickfeld der Forschung gerückten Bauwerke repräsentieren Schlüsselzeugnisse der russisch-

deutschen Avantgarde-Bewegung der 1920er und 1930er Jahre.

Mit der „Aktionswoche Avantgarde“ stellte die Arbeitsgruppe Kultur des Petersburger Dialog 2008 zum ersten Mal ein Denkmalthema in den Mittelpunkt ihrer Beratungen. Vorausgegangen waren im Herbst 2007 ein Runder Tisch mit Experten aus St. Petersburg und Deutschland, der unter dem Eindruck der lebhaften Diskussion und Besichtigung hochkarätiger, aber oftmals gefährdeter Baudenkmale der Avantgarde die Durchführung einer kompakten Aktionswoche Avantgarde empfahl, die auf russischer Seite auch Sachverständige und Erfahrungen aus anderen Regionen mit einbeziehen und sich zudem an die interessierte Öffentlichkeit und die Medien in St. Petersburg wenden sollte.

Gerne hat das Landesdenkmalamt Berlin, vertreten durch den Landesarchäologen a. D., Prof. Wilfried Menghin, und mich als Landeskonservator, dem Wunsch der Vorsitzenden der Arbeitsgruppe Kultur, Prof. Dr. Klaus-Dieter Lehmann und Prof. Dr. Michail Piotrovskij, entsprochen, die Koordination für die deutsche Expertenseite zu übernehmen, während die Federführung auf russischer Seite bei Vera A. Dementieva, der Vorsitzenden des Denkmalschutzkomitees St. Petersburg, und den Kollegen von KGIOP lag. Ohne das starke Engagement des Goethe-Instituts St. Petersburg und die gute Zusammenarbeit mit dem PRO-ARTE-Institut vor Ort wären die breite Vielfalt der Angebote für die interessierte Öffentlichkeit und die hohe Qualität der Fachveranstaltungen nicht zustande gekommen.

Die Frage nach der Bedeutung und Erhaltung des architektonischen Erbes des 20. Jahrhunderts ist nicht nur aktuell, sondern bisweilen auch brisant. Das gilt in Russland wie in Deutschland besonders im Hinblick auf den architekturpolitischen Richtungswechsel, der sich in den 1930er Jahren in beiden Ländern von der Avantgarde zur Postavantgarde durchsetzen sollte – und der nach 1945 unter veränderten Vorzeichen wiederum zu einem regen Austausch zwischen Stadtplanern und Architekten aus beiden Ländern führte. Die „Aktionswoche Avantgarde“ hat 2008 in St. Petersburg mit Erfolg einen deutsch-russischen Dialog über das gemeinsame Erbe des 20. Jahrhunderts initiiert. Bei den beteiligten Fachleuten hat die Aktionswoche auch die Überzeugung aufkommen lassen, dass eine Fortsetzung lohnen dürfte, um den Ursachen und Bedingungen nachzugehen, die den Abschied von der Avantgarde-Architektur einläuteten und die Vorherrschaft traditionsbetonter Architekturkonzepte in beiden Ländern durchsetzen sollten. Der russisch-deutsche Dialog über das architektonische Erbe des 20. Jahrhunderts hat mit der „Aktionswoche Avantgarde“ in St. Petersburg 2008 einen guten Anfang genommen und sollte im Rahmen der kommenden Sitzungen des Petersburger Dialogs wieder aufgegriffen werden.

Архитектурное наследие авангарда – введение с немецкой точки зрения

Йорг Хаспель

Архитектурное наследие авангарда в России и бывших союзных республиках находится под угрозой. В опасности даже известные на всю страну и мир памятники архитектуры Москвы, Санкт-Петербурга и других городов, часто без надежды на спасение в обозримом будущем. Также и в Германии, где некоторые постройки модернизма, периода между первой и второй мировыми войнами, внесены в список мирового наследия ЮНЕСКО, в случаях возникновения конфликтов интересов между собственниками, инвесторами, политиками и надзорными учреждениями, сооружениям этого стиля приходится тяжелее, чем традиционным памятникам более ранних эпох. Памятники авангарда как самый молодой пласт архитектурного наследия, своими нестандартными конструкциями и нетрадиционными материалами зачастую создают немалые трудности при реставрации, бросая вызов специалистам по консервации. Недопонимание их ценности общественностью усугубляет проблему.

Сходство России и Германии не ограничивается одними лишь проблемами охраны памятников архитектуры авангарда и модернизма. Архитектура авангарда и модернизма, возникшая в обеих странах после первой мировой войны и относительно хорошо сохранившаяся по сей день, имеет общие исторические корни и развивалась при тесном взаимодействии и взаимном влиянии. Первая мировая война и крушение монархии, а также порождённый последующими революционными событиями перелом в политическом, общественном и культурном мировоззрении, который мастера авангарда и пытались выразить своей архитектурой, прослеживаются в истории как России так и Германии. Никогда ранее не происходил такой интенсивный обмен идеями и проектами во имя нового направления строительного искусства. Научные и рабочие командировки, лекции, публикации, конгрессы и совместные проекты сделали возможными разносторонние личные контакты и профессиональное сотрудничество.

Благодаря своим проектам и теоретическим выкладам в Германии Эль Лисицкий считался одним из самых передовых основоположников авангардного обновления архитектуры. Путешествуя между Востоком и Западом он проторил российскому конструктивизму путь в Западную Европу. С другой стороны, сохранившиеся сооружения, возведённые в Советской России или позднее в Советском Союзе при содействии немецких архитекторов, могут рассматриваться как совместное российско-немецкое наследие модернизма и архитектурного авангарда. Трикотажная фабрика «Красное знамя» в Ленинграде, связанная с именем Эриха Мендельсона. Мастер Баухауса Хиннерк Шепер участвовал в подборе цветового решения интерьеров дом-коммуны Наркомфина в Москве. Только недавно попавшие в поле зрения научных исследований сооружения известные

под названием «Баухаус на Урале» представляют собой важнейшие результаты русско-немецкого авангардистского движения 20-х–30-х годов XX века.

Рабочая группа «Культура» Петербургского диалога в рамках прошедшей в 2008 году «Недели Авангарда», впервые выбрала центральной темой своих консультаций проблему охраны памятников. Этому предшествовали в 2007 году круглый стол с экспертами из Санкт-Петербурга и Германии, отмеченный оживлёнными дискуссиями, а также осмотр шедевров архитектуры авангарда, зачастую находящихся под угрозой. В результате чего и было предложено проведение компактной «Недели Авангарда», с целью привлечь с российской стороны специалистов из других регионов, а также заинтересовать средства массовой информации и общественность Санкт-Петербурга.

Берлинский земельный Комитет по охране памятников, представленный бывшим главным археологом земли Берлин, профессором Вильфридом Менгиным и мною, как председателем комитета, охотно откликнулся на просьбу главы рабочей группы «Культура», профессора, доктора Клауса-Дитера Лемана и академика Михаила Пиотровского, взять на себя обеспечение кворума экспертов с немецкой стороны, в то время, как общее руководство с российской стороны осуществлялось Верой Дементьевой, председателем правления Комитета по охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга и сотрудниками КГИОП. Без активной поддержки Института Гёте Санкт-Петербурга и плодотворного сотрудничества с Институтом ПРО АРТЕ были бы невозможны организация разнообразных мероприятий для интересующейся публики и высокий уровень семинаров для специалистов.

Вопрос значения и сохранения архитектурного наследия XX-го столетия является не только актуальным, но и деликатным. Это касается как России, так и Германии, в особенности с учётом смены в 30-е годы архитектурно-политического направления в обеих странах с авангарда на пост-авангард, который в свою очередь определил после 1945 года, под влиянием новой ситуации, заинтересованность в обмене мнениями между градостроителями и архитекторами обеих стран. «Неделя авангарда» 2008 года в Санкт-Петербурге дала толчок немецко-российскому диалогу об общем наследии XX-го столетия. Специалисты, принимавшие участие в этом мероприятии, пришли к убеждению, что продолжение диалога необходимо для исследования причин и условий, приведших к отказу от авангардной архитектуры и возврату в обеих странах к традиционным архитектурным концепциям. Немецко-российский диалог об архитектурном наследии XX-го столетия, успешно начавшийся «Неделей авангарда» в Санкт-Петербурге в 2008 году, следует продолжить в рамках последующих заседаний Петербургского Диалога.

KOLLOQUIUM/КОЛЛОКВИУМ

Grußwort des Deutschen Kulturforums östliches Europa

Ohne historisches Gedächtnis existiert keine Kultur. Und dieses Gedächtnis steht in unmittelbarer Verbindung mit der geistigen Kultur der Gesellschaft. Fachleuten in den Bereichen Architekturgeschichte und Denkmalschutz ist wohl bekannt, wie schwierig es sein kann, die Zeitgenossen von der Notwendigkeit zu überzeugen, ein konkretes Gebäude, eine Kirche oder ein Wohnhaus zu bewahren.

Es wäre sicher falsch zu behaupten, dass die konsequente Zerstörung von Architekturdenkmalen nur mit der Epoche des Sozialismus verbunden war. Ich kann mich noch gut erinnern, wie in der Bundesrepublik Deutschland noch in den 1980er Jahren reihenweise alte Dorfkirchen abgerissen wurden, um an ihrer Stelle Mehrzweckbauten in Beton für die Gemeindearbeit zu errichten. Diese Zerstörungen geschahen nicht aus Platzmangel, sondern einfach nur deshalb, weil man damals „vergessen“ hatte, dass ein Dorf mit seiner Kirche auch seine Mitte verliert und sein – nicht nur architektonisches – Zentrum. Und als man sich dies wieder klar machte, war es bereits zu spät. Das alte Wirtshaus an der Lahn im hessischen Marburg, in dem bereits Michail Lomonosow sein Bier trank und das in einem bekannten deutschen Volkslied besungen wird, wurde in den 1970er Jahren abgerissen, um die Autostraße nach Gießen zu verbreitern und um eine mehrstöckige, damals moderne, Wohnanlage zu bauen. Zahlreiche alte Städte in Westdeutschland opferten in dieser Zeit ihre historischen Stadtzentren der „Modernisierung“. Das Land des Wirtschaftswunders „überwand“ das historische Gedächtnis mit nicht geringerem Enthusiasmus als die weniger wohlhabenden Landsleute in der DDR. Ich könnte sehr viele Beispiele dafür anführen. Wir können daraus schließen, dass materieller Wohlstand einer Gesellschaft allein noch keine Garantie für einen pfleglichen Umgang mit Baudenkmalen ist. Erste Voraussetzung hierfür ist eine Kul-

tur der historischen Erinnerung. Ich bin davon überzeugt, dass Orte ohne materielle Spuren der Vergangenheit für ein menschenwürdiges Leben nicht geeignet sind.

Das Deutsche Kulturforum östliches Europa hat sich zum Ziel gesetzt, der historischen Erinnerung zu ihrem Recht zu verhelfen. Es engagiert sich für eine kritische zukunftsorientierte Auseinandersetzung mit der Geschichte jener Gebiete im östlichen Europa, in denen früher Deutsche gelebt haben bzw. heute noch leben. Bei weitem nicht allen Deutschen ist bekannt, wie tief unsere Geschichte mit dem Osten Europas, auch mit Russland, verbunden ist. Für diese gemeinsame Geschichte möchten wir die Öffentlichkeit – in Deutschland und darüber hinaus – interessieren. Zu diesem Zweck organisieren wir gemeinsam mit Partnern im östlichen Europa Diskussionen, Lesungen, Ausstellungen, Konzerte und Workshops mit Schülern und Studenten. Der Verlag des Deutschen Kulturforums östliches Europa veröffentlicht Sachbücher, Bildbände und Musik-CDs. Auf der Internetseite (www.kulturforum.info) finden sie vielfältige Informationen zu Themen der Kultur und Geschichte im östlichen Europa.

Ich freue mich, dass das Kulturforum bei der Organisation und Durchführung dieser Tagung zur deutsch-russischen Architektur-Avantgarde unterstützend mitwirken konnte und hoffe, dass sich im Laufe der Tagung Anknüpfungen für künftige Kooperationen ergeben mögen. Ich wünsche den Teilnehmern der Konferenz einen produktiven und zukunftsorientierten Gedankenaustausch!

Klaus Harer

Stellvertretender Direktor des
Deutschen Kulturforums östliches Europa

Приветственное слово Немецкого форума восточноевропейской культуры

Без исторической памяти культура не существует. Но память эта напрямую зависит от духовной культуры общества. Вам, специалистам в области архитектуры и охраны памятников культуры прекрасно известно, как сложно бывает убедить людей в необходимости сохранить одно конкретное здание, одну церковь, один дом.

Ошибкой было бы думать, что целенаправленное уничтожение памятников архитектуры связано только с эпохой социализма. Я хорошо помню, как в Западной Германии еще в 80-е годы прошлого столетия повально сносили старинные деревенские церкви, чтобы на их месте построить бетонные multifunctional здания для потребностей местных общин. Дело было не в недостатке места, а просто в том, что тогда людям не доставало именно памяти о том, что без церкви деревня лишается своей середины, своего, отнюдь не только архитектурного, центра. А когда опомнились, было уже поздно. Старинный постоялый двор и трактир в городе Марбурге, который посещал еще Ломоносов, и который воспевается в известной немецкой народной песне, был снесен в 70-е годы в угоду расширения дороги и строительства многоэтажного блочного жилого дома. Исторические центры многих старинных городов западной Германии оказались заложниками «модернизации». Страна экономического чуда «преодолевала» историческую память с неменьшей энергией, чем ее отнюдь не такие богатые братья в ГДР. Таких примеров можно привести бесчисленное множество. А это значит, что общий уровень охраны памятников еще не гарантируется благосостоянием общества. Необходима культура исторической памяти. Я убежден, что жизнь людей там, где не осталось материальных следов прошлого, лишена фундамента.

Немецкий форум восточноевропейской культуры (Deutsches Kulturforum östliches Europa), который я здесь представляю, пытается восстанавливать именно такую историческую память. Мы занимаемся сбором и распространением информации о культурном прошлом и настоящем тех регионов Восточной Европы, где раньше проживали и местами до сих пор проживают немцы. Далеко не всем в Германии известно, насколько наше прошлое нас связывает со странами Восточной Европы, в том числе и с Россией. Наша цель – заинтересовать широкую публику – в Германии и за ее пределами, и вовлечь ее в дискуссию по вопросам истории Германии и Восточной Европы. Для этого мы вместе с коллегами в странах Восточной Европы организуем дискуссии, творческие встречи, выставки, литературные вечера и концерты, работаем со школьниками и студентами. В нашем издательстве мы выпускаем научно-популярную литературу и аудио-диски. На интернетовском сайте Форума (www.kulturforum.info) Вы найдете обширную информацию по разным областям культуры и истории Восточной Европы.

Я очень рад, что мы могли поспособствовать проведению нынешней конференции о немецко-русском архитектурном авангарде, и хотел бы надеяться, что в ходе этой встречи возникнут интересные контакты для проведения совместных проектов. Я желаю всем участникам конференции продуктивной и перспективной работы!

Клаус Харер

Заместитель директора Немецкого форума
восточно-европейской культуры

Grußwort der Rosa-Luxemburg-Stiftung Moskau

Die Rosa-Luxemburg-Stiftung Moskau förderte das Thema „Avantgarde“, weil sie erstens angesichts bestimmter krisenhafter Entwicklungen im internationalen Architektur- und Stadtplanungsgeschäft daran erinnern wollte, dass das Bauhaus niemals bloße Spielwiese weltfremder Ästheten im Dienste reicher Egozentriker war, sondern ein durch und durch politisches Projekt darstellte: Das Bauhaus war die bedeutendste aller rationalistischen Antworten auf die dramatisch zunehmende Zersplitterung der kapitalistischen Gesellschaft an der Wende zum 20. Jahrhundert. Sein Begründer, Walter Gropius, fühlte sich insbesondere der sowjetischen Künstler- und Architekturavantgarde stets eng verbunden, teilte er doch mit ihr die Sehnsucht nach totaler gesellschaftlicher Erneuerung.

Zweitens ließ seine intellektuelle Offenheit gegenüber dem ursowjetischen Experiment das Bauhaus sehr schnell zu einem sozialen Projekt werden. Viele Bauhäusler begnügten sich nicht damit, den Aufbau des Sowjetstaates aus der Ferne zu verfolgen. Ganze Brigaden junger Bauhelfer strömten gen Osten, um sich im Rahmen konkreter Architektur- und Stadtplanungsprojekte nützlich zu machen. Einer Brigade um den Frankfurter Architekten Ernst May folgte im Herbst 1930 der von den Nazis als Bauhausdirektor geschasste Schweizer Kommunist Hannes Meyer. Begleitet wurde er von sieben seiner ehemaligen Schüler, die sehr bald ihr Wissen und Können im Ural und anderswo unter Beweis stellen sollten. Seine sowjetischen Erfahrungen zusammenfassend, vermerkte das Mitglied der Brigade May, der Schweizer Architekt Hans Schmidt, im Jahre 1934 sinngemäß: Wenn

er konkret sagen solle, was er als Architekt in der UdSSR gelernt habe, dann müsse er vor allem auf jenen Bereich der Sowjetarchitektur zu sprechen kommen, der am stärksten vom sozialistischen Aufbauwerk geprägt wurde und im Westen das größte Interesse hervorrief: die Planung neuer Städte auf Grundlage eines einheitlichen sozialen, technischen und architektonischen Programms.

Drittens war das Bauhaus ein grandioses zivilisatorisches Projekt. Unter seinem Dach versammelten sich nicht nur die fortschrittlichsten Architekten, Künstler und Gestalter West- und Osteuropas. Nein, sie zogen auch hinaus in die Welt, schufen und arbeiteten an vielen Orten des gigantischen eurasischen Kontinents: von Moskau, über das Permer Industriebecken bis hin nach Birobidžan. Damit leisteten sie einen unikalén Beitrag zur Ausbreitung der Moderne zwischen Atlantik und Pazifik.

Wir glauben, jungen russischen und deutschen Architekten und Stadtplanern all dies ins Bewusstsein zu rufen und ihnen im Rahmen unserer bescheidenen Möglichkeiten behilflich zu sein, es für die eigene künftige Arbeit produktiv zu machen, ist jede Mühe wert. Und wenn es uns dabei noch gelingen sollte, in Russland und Deutschland zur Schaffung eines auch und vor allem der Moderne verpflichteten Bildes russischer Stadtlandschaften des Urals, aber auch Sibiriens und des russischen Fernen Ostens beizutragen, wäre diese Mühe gleichzeitig unser schönster Lohn.

Peter Linke

Leiter des Moskauer Büros der Rosa-Luxemburg-Stiftung

Приветственное слово Фонда Розы-Люксембург

Фонд Розы-Люксембург в Москве поддерживает обсуждение темы «Архитектура авангарда», потому что во-первых, на фоне происходящих повсеместно кризисных процессов в области архитектуры и градостроительства, уместно вспомнить о том, что Баухаус был не просто проектом отвлеченных эстетов, работавших в интересах кучки богатых, избалованных, сытых заказчиков, а явлением вполне политическим. Баухаус был самым веским, из всех рационалистических проектов, ответом на вызов, брошенный разобщенностью капиталистического общества позднего XIX–раннего XX в. Его основатель, Вальтер Гропиус, с самого начала пристально наблюдал за развитием советского художественного и архитектурного авангарда, разделяя его взгляды и мечты о тотальной перестройке общества.

Во-вторых, благодаря, прежде всего его интеллектуальной открытости в отношении раннего советского эксперимента, Баухаус и превратился в социальный проект. Его адепты не только «издалека» увлекались процессами строительства в молодом советском государстве, они приезжали туда целыми бригадами, чтобы непосредственно участвовать в конкретных архитектурных и градостроительных проектах. Вслед за группой франкфуртского архитектора Эрнста Мая осенью 1930 г. в Москву прибыл уволенный нацистами с поста директора Баухаус швейцарский архитектор-коммунист Ханнес Майер. Его сопровождали семеро бывших учеников, которые очень скоро должны были продемонстрировать свои знания и умения на Урале и в других местах.

Подытоживая опыт своей работы в Советском Союзе, немецкий архитектор Ханс Шмидт, приехавший в со-

ставе группы Эрнста Мая, писал в 1934 г., что если бы он должен был конкретно определить, чему он научился как архитектор в СССР, то прежде всего следует сказать о той области советской архитектуры, которая получила наиболее сильный импульс от социалистического строительства и пробудила сильнейший интерес на Западе. Это – планирование новых городов на основе единой социальной, технической и архитектурной программы.

В-третьих, Баухаус был также грандиозным цивилизационным проектом. Под его крышей не просто собрались самые передовые в области архитектуры, искусства и дизайна Западной и Восточной Европы умы. Они отправились творить и работать во многие точки гигантского евразийского материка: от Москвы до Биробиджана. Тем самым они внесли уникальный вклад в распространение модернизма от Атлантического до Тихого океана.

Мы полагаем необходимым призвать к осознанию всего вышесказанного молодых русских и немецких архитекторов и градостроительных проектировщиков и в свою очередь постараться быть полезными им в рамках наших скромных возможностей, и таким путём поможем перенести эти знания в свою повседневную работу. А если мы смогли бы сохранить и приумножить достижения модернизма при проектировании облика городских ландшафтов Урала, Сибири и Дальнего Востока, это было бы нам лучшим вознаграждением.

Петер Линке

Руководитель московского бюро Фонда
«Розы Люксембург».

Эрих Мендельсон и Советский Союз

Ирина Альтер

Эрих Мендельсон (1887–1953) является одним из самых знаменитых архитекторов первой половины XX века.¹ В Германии 1920-х годов сложно найти более успешного и пользующегося признанием архитектора.² В это время его архитектурное бюро насчитывало до 40 сотрудников и являлось одним из крупнейших в Европе.³

С бывшим Советским Союзом Эриха Мендельсона связывают несколько эпизодов: В 1925–26 годах Мен-

последнем большом интернациональном конкурсе проектов строительства Дворца Советов в Москве. Подробнее об этих эпизодах в творчестве Мендельсона и пойдет речь в дальнейшем.

К работам, которые связывают Эриха Мендельсона и Россию, можно было бы еще отнести и строительство комплекса еврейского кладбища в Кенигсберге. Строительство проводилось по заказу еврейской общины Ке-

Фабрика «Красное знамя». Фотография 1930-х годов.

Textilfabrik „Krasnoe Znamja/Rote Fahne“. Fotografie aus den 1930-er Jahren.

дельсон принимал участие в строительстве ленинградской текстильной фабрики «Красное знамя». Это был первый и наиболее важный контакт архитектора с Советским Союзом. В 1929 г. Мендельсон опубликовал книгу *Rußland – Europa – Amerika. Ein architektonischer Querschnitt* (Россия – Европа – Америка. Архитектурный срез), в которой он описал свои впечатления и мысли о России. В 1931 г. Эрих Мендельсон принимал участие в

Кенигсберга в 1927–1929 годах. В этом проекте Мендельсон впервые выступает не только как архитектор, но и как дизайнер ландшафта. Еврейское кладбище было полностью разрушено в хрустальную ночь в 1938 году. С одной стороны Кёнигсберг не относился в то время к Советскому Союзу, а с другой стороны современная сакральная архитектура не находила большого отклика в 1920-е, 1930-е годы в молодой стране советов. Поэтому

в дальнейшем об этом проекте Мендельсона речи идти не будет.⁴ Итак, к важнейшим работам связывающим Эриха Мендельсона и Россию принадлежит его проект фабрики «Красное знамя».

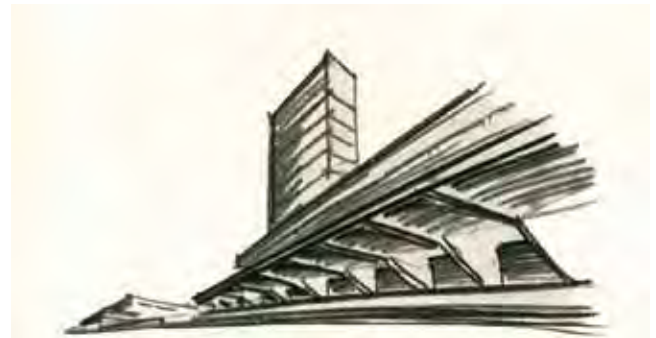
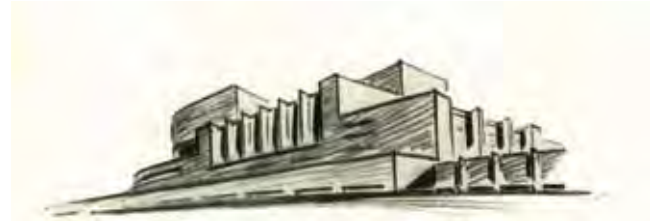
Текстильная фабрика «Красное знамя»

В 1925 году архитектор получает приглашение руководства текстильного треста Ленинграда для строительства фабрики. Эрих Мендельсон был одним из первых иностранных архитекторов, приглашенных в Советский Союз. К тому моменту его имя уже было известно в России. Мендельсон обращает внимание на свое творчество не только архитектурными работами, но и публикациями, книгами, докладами. Его публицистическая и художественная деятельность находят признание в России. Книга Мендельсона „Amerika. Bilderbuch eines Architekten“ («Америка – Книга архитектора») сразу же после публикации в Германии, переведена на русский язык, в отрывках опубликована в журнале *Строительная промышленность* и с похвалой представлена Элом Лисицким. Подводя итог, можно сказать, что имя Мендельсона было хорошо известно в среде специалистов, его творчество высоко ценилось и было популярно в Советском Союзе.

В августе 1925 года Берлин посетили представители комиссии текстильного Треста Ленинградтекстиль. Комиссия хотела ознакомиться с современными достижениями в области промышленного строительства. В Люкенвальде, под Берлином члены комиссии осмотрели построенную Мендельсоном в 1921–23 годах шляпную фабрику «Штаинберг, Герман & Ко». Они были поражены как техническими нововведениями, которые использовал Мендельсон, так и интересным архитектурным решением фабрики.⁵ Советское торговое представительство и Бюро по зарубежной науке и технике со своей стороны рекомендовали Мендельсона как специалиста по техническим и строительным вопросам. Эрих Мендельсон был членом архитектурной секции общества Друзья новой России и, таким образом, являлся и с политической точки зрения подходящей кандидатурой для приглашения в Советский Союз. 19 сентября 1925 года был подписан договор о строительстве текстильной фабрики между архитектором Эрихом Мендельсоном и советским торговым представительством в Берлине. «Планирование большого промышленного комплекса для все ещё такой загадочной и большинству европейцев незнакомой России, приводило не только Эриха, но и все [архитектурное] бюро в восторг. Работали до полуночи, играл Бах, бесконечное количество кофе было сварено – атмосфера вибрировала от творческого накала.» – писала Луизе Мендельсон, жена архитектора.⁶

По замыслу Мендельсона в России должен был быть создан идеальный индустриальный комплекс.⁷ Дошедшая до нас в фотографиях модель, технические чертежи и рисунки представляют комплекс зданий для восьми тысяч рабочих, работающих в две смены. Проект демонстрирует строгое функциональное деление трех основных частей индустриального комплекса: администрацию, производство и транспортное снабжение. Каждая

из этих частей получает в общем ансамбле отдельное пространство. В начале работы над любым проектом Мендельсон подробнейшим образом изучал локальные особенности и специфику места. В работе над Ленинградским проектом архитектор в первую очередь столкнулся с проблемой высокого уровня грунтовых вод, а также постоянной угрозой наводнений. Мендельсон разрабатывает специальную систему, позволяющую максимально защитить предприятие от этой опасности. Главный двор с красильными и отбеливающим цехом, в которых используются ядовитые химические вещества, Мендельсон располагает на три метра выше, чем остальное предприятие. Все фундаменты должны были покоиться на сплошной высокой бетонной платформе. Специальная кессонная конструкция позволяла изоли-

Эрих Мендельсон. Фабрика „Красное знамя“. Силовая станция; Силовая станция – Котельный и турбинный цех; Здание правления завода. Рисунки. 1925.

Erich Mendelsohn. Textilfabrik „Rote Fahne“, von oben: Energiestation; Energiestation mit Kessel- und Turbinenhaus; Expedition (Versandabteilung). Zeichnungen. 1925.

ровать подвальные помещения.⁸ Техническое оснащение должно было быть на самом современном уровне. Контрольно-пропускной пункт, очистка сточных вод, освещение – все должно было соответствовать самым высоким стандартам, которые Мендельсон предъявлял к современному предприятию.

Эрих Мендельсон. Модель фабрики «Красное знамя». Фото 1925.
 Erich Mendelsohn. Modell der Textilfabrik „Rote Fahne“. Foto 1925.

Не только техническое оснащение, но и архитектура нового промышленного комплекса сочетают в себе инновацию, динамику и функциональность. В характерной для Мендельсона манере решено находящееся на слиянии двух улиц (Корпусная и Пионерская улица) и занимающее центральное место в общем комплексе фабрики здание силовой станции. Силовая станция подобно кораблю ведет за собой весь архитектурный комплекс. Это здание отличает ассиметрия и разнообразие различных геометрических форм, столь свойственные Эриху Мендельсону в этот период его творчества. Силовая станция – единственное здание в комплексе фабрики «Красное знамя», которое без серьезных изменений было реализовано по замыслу автора.

Передача одного из крупнейших ленинградских строительных проектов того времени зарубежному архитектору вызвала широкую волну дискуссий. В декабре 1925 года журнал *Строительная промышленность* печатает мнение трех советских архитектурных обществ. Под заголовком «Проблемы заграницы» в статье обсуждаются различные аспекты касающиеся приглашения иностранных архитекторов в Советский Союз. Московское Архитектурное Общество в лице академика А. Щусева не скрывает своего непонимания в связи с приглашением Мендельсона: «Московское Архитектурное Общество не может не выразить своего недоумения по поводу передачи одним из крупных трестов (Ленинградтекстиль) архитектурных работ в порядке персонального заказа – трестом приглашен для этих работ архитектор из Германии. Отдавая должное опыту германских зодчих, Архитектурное общество все же считает, что зодчие СССР едва ли по достаточным техническим основаниям отстранены от подобной работы и полагает, что если такое приглашение и может иметь место, то лишь в порядке результатов конкурсного соревнования.»⁹

В скором времени дискуссия выходит за национальные рамки и продолжается на интернациональной арене. Адольф Бене публикует в журнале *Bauwelt* перевод статьи советских архитекторов.¹⁰ Мендельсон в ответной статье „*Deutsche Architekten nach Russland?*“ («Немецкие архитекторы в Россию?»)¹¹ пытается объяснить плюсы подобного решения. Он видит в приглашении зарубежного специалиста возможность сократить для страны дорогостоящие эксперименты. Объявлять конкурс на подобный проект кажется Мендельсону нецелесообразным.

Он пишет: Это сравнимо с тем «как для определенных врачебных операций приглашают только определенных специалистов, которые добились особых успехов в своей области.»¹² Он подчеркивает, что распространенные в то время командировки экспертов за границу являются очень дорогостоящим решением. Мендельсон считает, что удачный пример промышленной архитектуры перед глазами будет намного выгоднее, быстрее и эффективнее, чем любые заключения комиссий. Возражения Мендельсона в Советском Союзе опубликованы не были.

Несмотря на критику проект Мендельсона для фабрики «Красное знамя» был принят заказчиком. Этот факт резко обострил атмосферу вокруг проекта. Обвинения в адрес Мендельсона скоро потеряли какой-либо объективный характер. Мендельсона обвиняют в аферизме, жажде наживы, некомпетентности в статических расчетах, вплоть до шокирующего в проекте переизбытка лесниц и туалетов.¹³ Критики Мендельсона заявляют: «Надуманные формы силовой станции искусственно вызывают представление о подобию их дремучему или паровозу. Они не вызываются содержанием здания, противостоят органичному формообразованию стильной архитектуры и поэтому являются порождением нездоровой архитектурной мысли, дисгармонирующим с целым фабрикой.»¹⁴ Эта цитата ясно показывает, что как раз то, что Мендельсон хотел выразить своим искусством осталось непонято и непринято. Под огнём критики Мендельсон все больше и больше дистанцировался от проекта, пока в конце концов в 1927 году не отказался от него полностью. Строительные работы фабрики «Красное знамя» протекали в два этапа и продлились с 1926 по 1929 и с 1934 по 1937.¹⁵

Несмотря на искаженную и неполную реализацию идеи архитектора, фабрика «Красное знамя» относится к шедеврам современной архитектуры Ленинграда. Формообразующие решения, пластическая экспрессия и динамика архитектурных форм, которые Мендельсон вложил в проект для фабрики «Красное знамя» нашли свой отклик в архитектуре Ленинграда и Советского Союза. Знаком позднейшего признания работы мастера является номинация здания энергостанции на ежегодном конкурсе на лучшую постройку Ленинграда в 1929 году.¹⁶

В 1920-е годы Эрих Мендельсон создает собственный яркий запоминающийся стиль, который часто имитировался другими архитекторами. Интересно наблюдать, что

в Советском Союзе примером для подражания в основном становится не фабрика «Красное знамя», несмотря на пример перед глазами, а построенные им универмаги и магазины – его художественный язык. Художественный язык Мендельсона в то время воспринимался как современный, модный и именно этому духу современности и подражали.

Приглашение Мендельсона и возникшая в связи с этим полемика послужили прецедентом для принципиальной дискуссии о том, как и при каких условиях, новые строительные объекты в Советском Союзе должны находить своих архитекторов. Какая роль должна быть отведена строительным конкурсам и насколько самостоятельны заказчики. В период НЕПа (в первой половине 1920-х годов) активно используется практика архитектурных конкурсов. В это время они являются полигоном, испытательной площадкой для новых художественных идей. Постепенно ситуация меняется, практика открытых конкурсов все больше и больше уходит в прошлое. С образованием Союза архитекторов РСФСР в 1932 году проведение открытых архитектурных конкурсов окончательно прекращается. Архитекторы теперь являются не «свободными художниками», но государственными чиновниками. Новые строительные проекты распределяются между различными строительными организациями. Участие в архитектурной жизни Советского Союза иностранных архитекторов становится невозможным.¹⁷

Альбом «Россия – Европа – Америка. Архитектурный срез»

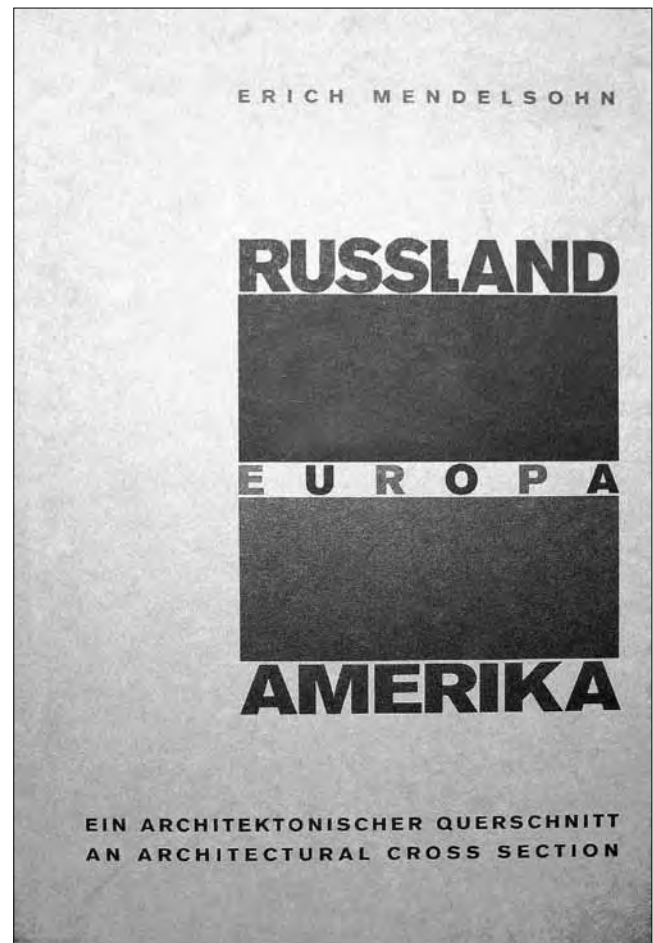
В 1929 году берлинское издательство Моссе публикует книгу Эриха Мендельсона „*Rußland – Europa – Amerika. Ein architektonischer Querschnitt*“ («Россия – Европа – Америка. Архитектурный срез»). Изначально Мендельсон планирует альбом, посвященный исключительно России, по аналогии с книгой *Америка*, которая вышла за 3 года до этого. Но впоследствии он склоняется к сравнительному сопоставлению.

Многочисленные фотографии демонстрируют различные примеры исторической и современной архитектуры, сопровождаются краткими комментариями. Часто эти высказывания носят характер вызова. Подбор фотографий не составляет ни общей панорамы, ни систематического обзора – это скорее личные впечатления автора. Россия видится Мендельсону двуликим Янусом: страной, глубоко уходящей корнями в древнюю традицию и одновременно охваченную революционными идеями и смелыми утопиями. Комментарии Мендельсона звучат зачастую высокомерно и напоминают расхожие клише о России. Вот несколько примеров. О центральной энергостанции Киева Мендельсон пишет: «*Циклопы строят из железобетона, первобытный человек разбрасывает на ветер материю, фантазии утопают в технике. Здесь разверзлась пропасть: русский крестьянин и интеллект – степь и мотор – новый облик и допотопные средства*».¹⁸ Мендельсон пишет, что Россия, несмотря на географическую близость Европе, все также остается для западной Европы загадкой, в то время как Америка,

хоть и отделена океаном, близка Европе своей историей, страной и народом. «*Для Европы ... до войны: Америка – колония, Россия – дальний Восток*».¹⁹

Конкурс по созданию Дворца Советов в Москве

Несмотря на противоречивую историю строительства и реализацию проекта фабрики «Красное знамя» и не всегда политически корректные высказывания Мендельсона в его книге «*Россия – Европа – Америка*» – он

Книга Э. Мендельсона: «*Russland – Europa – Amerika*».
E. Mendelsohns Buch: „*Russland – Europa – Amerika*“.

в числе немногих избранных иностранных архитекторов несколько лет спустя был приглашен советским правительством для участия в конкурсе по созданию Дворца Советов в Москве – амбициозного советского образцово-показательного сооружения. Задача была поставлена следующим образом: отразить «дух времени и стремление пролетариата в строительстве социализма» и при этом «создать монумент архитектурного искусства в столице Советского Союза».²⁰

Для Дворца Советов Эрих Мендельсон разрабатывает гармоничную, можно сказать пуристскую концепцию. «*В подчеркнутом упоре на решение функциональных задач здания, Мендельсон следует поставленным техническим задачам. При этом он делает немного, чтобы реализовать политические и культурные амбиции революцион-*

Эрих Мендельсон. Проект дворца советов в Москве 1931.

Модель восстановлена в рамках выставки «Эрих Мендельсон – Динамика и Функция». Фото 2008.

Erich Mendelsohn. Projekt für den Palast der Sowjets in Moskau 1931.

Modell neu erarbeitet im Rahmen der Ausstellung «Erich Mendelsohn – Dynamik und Funktion». Foto 2008.

ного государства.»²¹ Как раз эту задачу ставит перед собой советский архитектор Б. М. Иофан (1891–1976). Именно его проект становится победителем конкурса. В окончательном варианте Дворец Советов насчитывает 415 метров в высоту. Здание, состоящее, подобно телескопу, из нескольких сужающихся наверх ступеней, служит постаментом для гигантской скульптуры Ленина.

Проект Мендельсона, как и представленные на конкурс проекты других западных коллег Вальтера Гропиуса (1887–1969) и Ле Корбюзье (1887–1965) – советское жюри отметило благодарностью.

Резюме

Подводя итоги, можно сказать, что благодаря участию Эриха Мендельсона в архитектурной жизни Советско-

го Союза были созданы условия для важного диалога между русскими и западноевропейскими художниками. Нельзя сказать, что развитие архитектуры в Советском Союзе принципиально изменилось благодаря Эриху Мендельсону, но его художественный язык воспринимался как язык современной архитектуры и именно это нашло широкий отклик в Советском Союзе.

Во многих зданиях, как в Ленинграде, так и в других городах Советского Союза, видны цитаты из творчества Мендельсона, будь то прямые реминисценции его известных универмагов в Западной Европе или фабрики «Красное знамя» в Ленинграде, или же столь характерная для Мендельсона игра различных архитектурных масс. Влияние Мендельсона в Советском Союзе было недолговременным, но значительным.

Участие Мендельсона в истории советского зодчества в связи со строительством фабрики «Красное знамя»

Влияние Мендельсона: Ной Троцкий. Кировский Райсовет. 1930–1935. Фото 1934.

Mendelsohn als Vorbild für andere Architekten:

Noj Trockij. Kirovskij Bezirksrat. 1930–1935. Foto 1934.

Влияние Мендельсона: Ной Троцкий. Кировский Райсовет. 1930–1935. Фото 1934.

Mendelsohn als Vorbild für andere Architekten.

Noj Trockij. Kirovskij Bezirksrat. 1930–1935. Foto 1934.

(1925) и затем во время конкурса для Дворца Советов (1931) наглядно демонстрирует тот путь, который за эти 6 лет прошла советская архитектура – от конструктивизма до сталинского ампира.

Строительство фабрики «Красное знамя» положило начало дискуссии, которая в конце концов привела к замене открытых строительных конкурсов плановыми и проектными бюро. Конкурс для Дворца Советов ясно показывает, что время открытого диалога прошло.

Irina Alter: Erich Mendelsohn und die Sowjetunion

Drei Schnittstellen gibt es im Schaffen des deutschen Architekten Erich Mendelsohn, die mit der Sowjetunion in besonderer Verbindung stehen, und deshalb auch den Schwerpunkt des Beitrags bilden.

1925 wurde Mendelsohn vom Leningrader Textiltrust mit dem Entwurf der Trikotagenfabrik „Krasnoe Znamja“ („Rote Fahne“) betraut. Die direkte Auftragsvergabe an einen ausländischen Architekten löste in Sowjetrußland eine Diskussions- und Kritikwelle aus, die auch Auswirkungen auf das Ende des Wettbewerbswesens im Lande hatte. Mendelsohn verließ Rußland 1927, noch vor Fertigstellung der Fabrik (Bau 1926–29 und 1934–37). Trotzdem wurde sie ein Schlüsselbau der Moderne. Darüberhinaus beeinflusste Mendelsohn mit seiner expressiven und dynamischen Formensprache, insbesondere mit seinen Kaufhausbauten, viele sowjetische Architekten.

1928 verarbeitete Mendelsohn seine persönlichen, eher ambivalenten Eindrücke von Rußland in dem Buch „Rußland–Europa–Amerika. Ein architektonischer Querschnitt.“ In Bildern und kurzen Unterschriften beschrieb er den von ihm wahrgenommenen Kontrast aus Rückständigkeit und Fortschrittswillen im Lande sowie seine rätselhaft fremdartigen Eindrücke aus Rußland.

Schließlich gehörte Mendelsohn 1931 zu den wenigen ausländischen Architekten, die zum Wettbewerb für den „Palast der Sowjets“ eingeladen waren. Er konzentrierte sich in seinem Entwurf auf die funktionale und technische Lösung der Bauaufgabe und kümmerte sich – anders als der Wettbewerbssieger Boris Iofan – wenig um die Repräsentationsambitionen des Sowjetstaats. Damit nahm Mendelsohn unmittelbar Anteil an dem Geschehen, das das vielbeachtete Ende der architektonischen Avantgarde und der künstlerischen Freiheit in der Sowjetunion einläuten sollte.

schriften der Ludwig-Maximilians-Universität in München: <http://epub.ub.uni-muenchen.de/421/>

² Wolfgang Pehnt: Die Architektur des Expressionismus, Stuttgart 1998, S. 173.

³ Более подробно см. Regina Stephan: „Behält sie Recht, so ist das ein untrügliches und befreiendes Zeichen, dass die Arbeit auf dem Wege ist, ein Kunstwerk zu werden“. Die Skizzen Erich Mendelsohns, in: Regina Stephan (Hg.): Erich Mendelsohn: Dynamik und Funktion. Realisierte Visionen eines kosmopolitischen Architekten, Ostfildern-Ruit 1999, S. XII.

⁴ Более подробно см. Kathleen James: „Wären die Berliner Bauten im Fluss, so hätte ich weiter gekämpft.“ Kleinere Bauten für die jüdische Gemeinschaft in Tilsit, Königsberg und Essen, in: Regina Stephan (Hg.): Erich Mendelsohn. Gebaute Welten. Architekt 1887–1953. Arbeiten für Europa, Palästina und Amerika, Ostfildern-Ruit 1998, S. 175.

⁵ И. В. Коккинаки: Советско-германские архитектурные связи во второй половине 20-х годов // З. С. Пышновская: Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры, Москва 1980, стр. 118.

⁶ Перевод – И. А., Цит. по I. Heinze-Greenberg: Steppe und Motor. Erich Mendelsohn über Rußland, in: A. Raev, I. Wünsche (Hg.): Kursschwankungen. Russische Kunst im Wertesystem der europäischen Moderne, Berlin 2007, S. 88.

⁷ См. М. Л. Макагонова: Эрих Мендельсон в Ленинграде: фабрика „Красное знамя“ // Невский архив, Выпуск 2. Санкт-Петербург 1995, стр. 272.

⁸ Там же, стр. 270–284.

⁹ А. Щусев: О привлечении иностранных специалистов к строительству в СССР // Строительная промышленность 12/1925, стр. 822–823.

¹⁰ Adolf Behne: Zur Berufung ausländischer Architekten nach Rußland, in: Bauwelt 16/1926, S. 374.

¹¹ Erich Mendelsohn: Deutsche Architekten nach Rußland?, in: Bauwelt 18/1926, S. 404.

¹² Там же.

¹³ Николай Григ: Помпадурство в тресте // Экономическая жизнь 17/1927, стр. 6. – См. также Макагонова 1995 [FN 7], стр. 276.

¹⁴ Цит. по Макагонова 1995 [FN 7], стр. 277.

¹⁵ См. М. Штиглиц: Промышленная архитектура Петербурга, Санкт-Петербург 1996, стр. 100–101.

¹⁶ Там же, стр. 116.

¹⁷ Подробнее И. А. Казусь: Об особенностях включенности конкурсного проектирования в организационную структуру архитектурно-строительного дела в годы становления советской архитектуры // Проблемы истории советской архитектуры, Выпуск 3, Москва 1977, стр. 65.

¹⁸ Erich Mendelsohn: Rußland–Europa–Amerika. Ein architektonischer Querschnitt, Basel 1989, S. 158.

¹⁹ Там же, стр. 7.

²⁰ Kathleen James: „Rußland ehemals und jetzt ein Rätsel“. Textilfabrik Krasnoe Snamja in Leningrad und der Wettbewerb für den Palast der Sowjets in Moskau, in: Stephan (Hg.) 1998 [FN 4], S. 168–171.

²¹ Перевод – И. А., Цит. по James 1998 [FN 20], S. 171.

¹ Эта статья базируется на моей ранней публикации: Irina Alter (Grigorieva): „Erich Mendelsohns Wirken als Architekt in der Sowjetunion“. Опубликовано в серии Digitale Hochschul-

«Если владелец думает только о доходности, интересные проекты не реализуются» – Беседа о будущем «Красного Знамени»

Игорь Бурдинский, Сергей Фёдоров

*Силовая станция комплекса «Красное знамя» арх. Эрих Мендельсон, Фото 2007.
Energiestation der Industrieanlage „Rote Fahne“ von Erich Mendelsohn, Foto 2007.*

В конце 2006 года петербургский предприниматель Игорь Бурдинский приобрел большую часть фабричного комплекса «Красное Знамя» на Пионерской улице Петроградской стороны. Находящиеся здесь производственные сооружения, возведенные в 1926–1928 и расширенные в середине 1930-х годов, включают фрагменты широко известного проекта немецкого архитектора Эриха Мендельсона. В последнее время они все чаще упоминаются как пример утраченного наследия, так называемой, современной архитектуры.

Вскоре после приобретения фабричного комплекса Игорь Бурдинский обратился к немецким специалистам, занимающимся вопросами сохранения современной архитектуры, с предложением принять участие в дальнейшем развитии участка. С тех пор действия и личность Игоря Бурдинского привлекают растущее внимание профессиональной общественности, а сам он является желанным гостем различных международных мероприятий в сфере культуры.

В настоящей беседе Игорь Бурдинский делится соображениями о состоянии и дальнейшем развитии

своей инициативы. Интервью подготовлено Сергеем Фёдоровым, сотрудником университета Карлсруэ и консультантом архитектурной части проекта «Ареал Мендельсона в Петербурге». Основу интервью составили материалы рабочих дискуссий и бесед, проходивших в 2008–2009 годы в Петербурге, Берлине и Дармштадте.

Приобретение фабрики «Красное Знамя» с рядом охраняемых зданий сомнительной степени сохранности, вероятно, являлось рискованной затеей для предпринимателя. Что побудило Вас решиться на этот шаг?

Как и многое в жизни, все произошло случайно. Когда я впервые оказался в этой части Петербурга, я увидел сооружение, которое произвело на меня очень сильное впечатление – я имею в виду здание бывшей силовой подстанции фабрики «Красное Знамя». По счастливому стечению обстоятельств как раз в этот период осуществлялась продажа комплекса. Покупать отдельно стоящее здание у бывших его собственников было нецелесообразно, потому я принял решение приобрести весь

*Интерьер силовой станции – комплекс «Красное знамя». Фото 2008.
Innenaufnahme der Energiestation der Textilfabrik „Rote Fahne“, Foto 2008*

комплекс целиком. С точки зрения экономики этот шаг весьма неоднозначен. Несмотря на то, что купленный участок является хорошим вложением средств, наличие на этой территории памятника промышленной архитектуры вносит ряд серьезных ограничений при его использовании. Но я совершил сделку как раз потому, что здесь находится сооружение Мендельсона.

Значит ли это, что имя Мендельсона и его работы были известны Вам ранее?

Меня всегда привлекала и интересовала новая архитектура, в том числе архитектура минимализма. Приезжая в другие города и страны я стараюсь как можно больше видеть и одновременно понять принципы существования этой архитектуры в современном городе. Возможно, при этом я выступаю как потенциальный инвестор, знающий специфику Петербурга и России.

Имя Эриха Мендельсона занимает в истории современной архитектуры особое место, обычно связываемое с развитием в 1920-е годы архитектуры экспрессионизма. Поэтому возможность восстановить уникальный образец архитектуры этого направления в нашем городе, здание силовой станции фабрики «Красное Знамя», вдохнуть в него новую жизнь и одновременно освоить близлежащую территорию показались мне очень интересной задачей.

*Игорь Бурдинский – владелец архитектурного комплекса «Красное знамя», Фото 2008.
Igor Burdinskij – Eigentümer der ehemaligen Textilfabrik „Rote Fahne“, Foto 2008.*

Вскоре после приобретения участка фабрики «Красное Знамя» Вы обратились к немецким архитекторам с предложением о сотрудничестве. Что побудило Вас на это?

Отчасти «виноваты» в этом сами немецкие коллеги. Уже многие годы на самых различных форумах и уровнях можно встретить заявления о катастрофическом положении дел с известным памятником «русско-немецкой строительной культуры эпохи авангарда», комплексом фабрики «Красное Знамя». Незадолго до начала контактов с немецкими коллегами в мои руки попало развернутое письмо на ту же тему в адрес губернатора Петербурга В. И. Матвиенко, составленное от имени университета Карлсруэ. Поэтому мне было, отчасти интересно, какую реакцию вызовут мои предложения.

Кроме того, в Германии работа со зданиями этой эпохи уже давно выделена в самостоятельную проблему, и здесь существует уникальный практический опыт реставрации памятников новой немецкой архитектуры, например, комплекс «Баухаус» в Дессау, Жилой район Вайссенхоф в Штутгарте и ряд других объектов.

Думая о будущем фабрики «Красное Знамя», нужно, в первую очередь, упомянуть наиболее известный памятник архитектурного экспрессионизма, так называемую, башню Эйнштейна в Потсдаме, возведенную Эрихом Мендельсоном несколько ранее, в 1921–1922 годах, серьезно пострадавшую во время войны и недавно полностью восстановленную для использования в прежних

Планировочно-функциональное развитие ареала Мендельсона: музейно-культурное использование – конференц-отель – выставочные помещения – офисный центр – жилье – гараж. Предложение бюро Крамм & Стригл, Дармштадт.

Entwicklungskonzept für das Mendelsohn-Areal vom Büro Kramm & Strigl, Darmstadt. Kultur- und Museumsnutzung – Konferenzhotel – Ausstellungsflächen – Wohnen – Parken.

научных целях. В отличие от выполненной из монолитного железобетона силовой подстанции «Красного Знамени» башня Эйнштейна имеет сложную комбинированную структуру из железобетона в нижних и кирпичной кладки в верхних уровнях и сплошной наружной штукатурки. Реставрация здания требовала комплексного решения многих технических проблем и была успешно осуществлена. В то же время прямой предшественник «Красного Знамени» – шляпная фабрика в Люккенвальде, построенная в 1921–1923 годах, – пока находится в неудовлетворительном состоянии.

Как проходит совместная работа с немецкими коллегами, и каковы ее первые результаты?

Работа проходит очень динамично, и что меня радует – в постоянных совместных дискуссиях. Нашей первой

Проект развития комплекса «Красное знамя». Предложение бюро Дэвид Чипперфильд Архитектс, Берлин. Новые здания (отель и музей) в сохранившейся застройке ареала Мендельсона, 2009.

Entwicklungskonzept für die Industrieanlage „Rote Fahne“ des Büros David Chipperfield Architects, Berlin. Neue Gebäude (Hotel und Museum) innerhalb der zu erhaltenden Bebauung des Mendelsohn-Areals, 2009.

целью является получение свежей, ориентированной на будущее, архитектурой концепции развития территории. Поэтому мы старались привлечь к работе специалистов, имеющих опыт работы с памятниками архитектуры и в особенности – с сооружениями 1920–1930-х годов. Одним из таких профессионалов является архитектор, профессор Рюдигер Крамм. Он разработал для нас несколько вариантов развития участка, в которых новые здания не мешают восприятию сохранившихся фрагментов первоначальной планировки. Вместе они образуют новый городской квартал, во многом учитывающий основу первоначального генерального плана проекта Мендельсона. Предложения предусматривают также возможность частичной реконструкции отдельных элементов, в том числе вентиляционных шахт красильного и отбельного цехов, естественно, для новых функций.

Поскольку сейчас мы находимся на стадии поиска оптимальной концепции развития участка в целом, на этих предложениях мы решили не останавливаться и обратились в берлинское бюро английского архитектора Дэвида Чипперфильда. Оно обладает большим и успешным опытом работы по совмещению «старого» и «нового» в структуре исторических центров европейских метрополий, в частности преобразования музейного комплекса острова Музеев в Берлине. Бюро Чипперфильда предложило свои варианты современного развития участка фабрики «Красное Знамя» с формированием ряда взаимосвязанных крытых урбанизированных пространств и променадов, дополняющих сохранившиеся сооружения – фрагменты генерального плана Мендельсона. Эта работа закончена, и я думаю, ее авторы могли бы при случае сами представить результаты.

То, что Вы уже сделали можно назвать камерным частным конкурсом, что во многом является новым в российской практике. Собираетесь ли Вы его продолжить?

Это будет зависеть от проводимой сейчас экономической оценки уже имеющихся предложений. В принципе, мне представляется интересным иметь дальнейшие альтернативные предложения, например, основанные на более контрастном сопоставлении здания памятника силовой станции и новых частей комплекса. Участие в работе по расширению «Красного Знамени» архитекторов круга Захи Хадид или Фрэнка Гэрри было бы, конечно, слишком радикальным. Однако, я мог бы представить себе участие в работах таких мастеров, как Ренцо Пьяно и Херцог и де Мерон.

В Петербурге уже прошло несколько международных конкурсов с участием целого ряда архитекторов «высшей лиги». Однако ни один из них не дал впечатляющих результатов. Надеетесь ли Вы, что Ваш конкурс приведет к иным результатам?

Уже в процессе работ я неожиданно констатировал следующий феномен: работа со зданием силовой станции Мендельсона вызывает у большинства профессионалов неподдельный, глубокий интерес. Создается впе-

чатление, что дух эпохи, в которую был создан проект фабрики «Красное Знамя», несмотря на все испытания последующего времени, остается в самом здании и удивительно быстро передается всем, кто берется за работу. Именно эти особенности самого объекта позволяют мне надеяться, что мы получим достойные результаты.

«Дух эпохи» фабрики во многом воплощает динамичное решение угловой части силовой станции, блестящей архитектурной композиции из трех полукруглых объемов. Предусматривают ли существующие концепции для этого здания особую роль?

Я думаю, что особая символическая роль архитектурного образа силовой станции существовала и будет существовать вне зависимости от конкретного использования пространств этого здания. Его действительно блестящее архитектурное решение, думаю, вскоре найдет в нашем городе самое широкое признание как один из символов города. Возможно, это признание придет вместе с общим переосмыслением архитектуры эпохи авангарда. Во всяком случае, уже сегодня наличие на участке объекта, который явно можно считать выразительным символом Ленинграда-Петербурга первой трети 20-го века, видится мне важным потенциалом в развитии бывшей фабрики как нового туристического объекта нашего города.

В каком же направлении Вы и архитекторы видите сегодня функциональное использование участка в целом?

Интересно отметить, что представленные на сегодня разные архитектурно-планировочные варианты независимо друг от друга предлагают близкое функциональное использование данной территории. Я бы назвал его разумным сочетанием коммерческой и культурной функций. Зданию силовой станции отводится активная роль мощного культурного центра, новой выставочной и концертной площадки самого широкого профиля. Однако территория фабрики не может быть полностью отдана только под культурные нужды. Обеспечить жизнедеятельность нового культурного объекта можно только посредством развития инфраструктуры прилегающей территории. Поэтому на бывшей фабричной территории предполагается организация конференц-отеля с помещениями для встреч и бизнес-центра. Рядом будет присутствовать и сегмент жилья повышенного комфорта.

Знакомство с уже разработанными концепциями может оставить впечатление, что Вы не столько планируете создание коммерческого предприятия сколько занимаетесь решением социально-культурных программ развития города?

Если владелец думает только о доходности, интересные проекты не реализуются. Поэтому, с одной стороны, я рассматриваю развитие фабрики «Красное Знамя» как уникальный шанс вернуть городу утраченное наследие, естественно, вдохнув в него новое наполнение. Я думаю, всем очевидно, что без появления новой функции «Крас-

*Дэвид Чипперфильд и Игорь Бурдинский, 2008.
David Chipperfield und Igor Burdinskiy, 2008.*

*Рабочая встреча с сотрудниками бюро Дэвид Чипперфильд Архитектс, Берлин, 2008.
Arbeitstreffen Büro David Chipperfield und Igor Burdinskiy, 2008.*

ное Знамя» как памятник архитектуры жить не будет. С другой стороны, мне необходимо думать и о коммерческой рентабельности проекта.

Могу откровенно сказать, что используя только собственные ресурсы, развить всю территорию фабрики будет крайне сложно. Тем более, что я не хотел бы затягивать дело на десятилетия. В связи с этим, для нас важно найти поддержку в лице городской администрации. Город может помочь в решении ряда насущных проблем, например, существенной помощью было бы послабление в вопросах налогообложения для того, чтобы мы могли направить дополнительные средства на осуществление проекта. А главное, нам необходимо взаимопонимание с властями по поводу развития данной территории.

С какими трудностями юридического, финансового или любого другого характера Вы сталкиваетесь в ходе подготовительной работы?

Работа над проектом шла бы более успешно, если бы у нас появились финансовые партнеры, но в условиях раз-

Концерт ансамбля «Солисты Екатерины Великой» в здании ТЭЦ комплекса «Красное знамя» для участников форума Петербургский диалог 29. 9. 2008. Konzert des Ensembles „Solisten von Katharina der Großen“ in der Wärme-Energie-Zentrale der „Roten Fahne“ für die Teilnehmer des Petersburger Dialogs am 29. 9. 2008.

разившегося экономического кризиса это непросто. Тем более, сложно найти, я подчеркиваю, адекватных партнеров, которые разделяли бы моё бережное отношение к данному объекту.

На интернет-страницах секции культура «Петербургского диалога» можно узнать о том, что этот межправительственный российско-немецкий форум проводит активную поддержку деятельности по развитию «ареала Мендельсона» в Петербурге. Как проходит и в чем заключается эта поддержка?

Немецкая сторона «Петербургского диалога» пока принимает активное участие в – назовем это представительской стороне работ. Мы надеемся, что за этой стадией контактов вскоре последует и практическая работа на пользу самого памятника. Ее конкретные формы можно себе хорошо представить, прежде всего, в виде передачи обширного немецкого опыта в области исследования и восстановления памятников этого времени в рамках совместной работы на одном из участков нашего объекта. Такая работа может стать своеобразной школой для петербургской реставрационной практики.

В любом случае, уже сегодня можно ожидать, что памятник архитектуры – здание силовой станции будет сохранено в первозданном виде?

Во всех предложенных архитектурных концепциях здание силовой станции единодушно остается центром, доминантой планировочных решений. При этом его, естественно, предполагается восстановить в тех формах, в которых оно было возведено на основе проекта Мендельсона. Внутреннее пространство будет сохранено и дополнено необходимым для современной эксплуатации общественных зданий инженерным оборудованием. Са-

мое главное и трудное – не меняя пространственную структуру бывшего промышленного объекта, наделить его новыми функциями, а значит новой жизнью.

В последнее время очевиден все больший общественный и профессиональный интерес к наследию ленинградского авангарда, в том числе и к «проекту Мендельсона». Как влияет эта ситуация на принимаемые Вами решения? Чьи мнения Вы готовы учитывать?

Безусловно, влияет, и я отдаю себе отчет в исторической значимости этого объекта для города. У каждого из архитекторов, работающих над данным проектом, есть свое видение развития этой территории. Но, в первую очередь, мы обязаны считаться с мнением КГИОП и общественности. При этом я хочу призвать всех, кому не безразлична судьба этого памятника к объективности и профессионализму. Все говорят о «проекте Мендельсона», «промышленном ансамбле 1920-х годов» хотя в реальности этого нет. Как известно, Мендельсон к середине 1927 года, то есть в самом разгаре строительных работ, продолжавшихся до 1928 (первая очередь) и далее до середины 1930-х годов, оказался отстранен или, возможно, самоустранился от дальнейшего участия в реализации проекта, окончательно разработанного уже ленинградскими проектировщиками. Таким образом, мы имеем в лучшем случае дело с незавершенным проектом или реально – с фрагментами производственного комплекса тех лет в рамках генерального плана Мендельсона.

Проектное будущее здания уже сейчас выглядит впечатляющим, однако если подойти к зданию сегодня, его состояние внушает серьезные опасения. Предполагается ли принять меры к его скорейшей консервации и просто ремонту основных несущих конструкций бетонного каркаса?

Мне, как никому, ясно реальное техническое состояние памятника, поэтому я предполагаю уже в ближайшее время начать основные ремонтные работы. При этом мне бы хотелось, чтобы они стали реальной частью, началом реализации большой концепции развития комплекса. Это значит, что эти работы будут проводиться при участии профессиональных проектировщиков, знакомых как с технической проблематикой санации исторического бетона, так и с вопросами разработки современных охранных концепций промышленных сооружений 1920-х годов.

Большое спасибо за подробный рассказ об актуальном состоянии дел с фабрикой «Красное Знамя», вопрос, который благодаря Вашей энергии, теперь интересует не только жителей нашего города, но и многих представителей европейской профессиональной общественности. В конце – лишь один вопрос: Что бы Вы делали сегодня, если бы не приобрели несколько лет назад «ареал Мендельсона»?

Как в те годы, так и сейчас в нашем городе существует достаточно возможностей для активной предпринима-

тельской деятельности, в том числе и в сфере коммерческой недвижимости. Я могу хорошо представить себе работу по ревитализации других исторических зданий и комплексов, однако надо признать, что комплекс «Красное Знамя» помимо многих хлопот и ответственности, сделал мою жизнь намного интереснее. И в моей деятельности этот проект занимает приоритетное место.

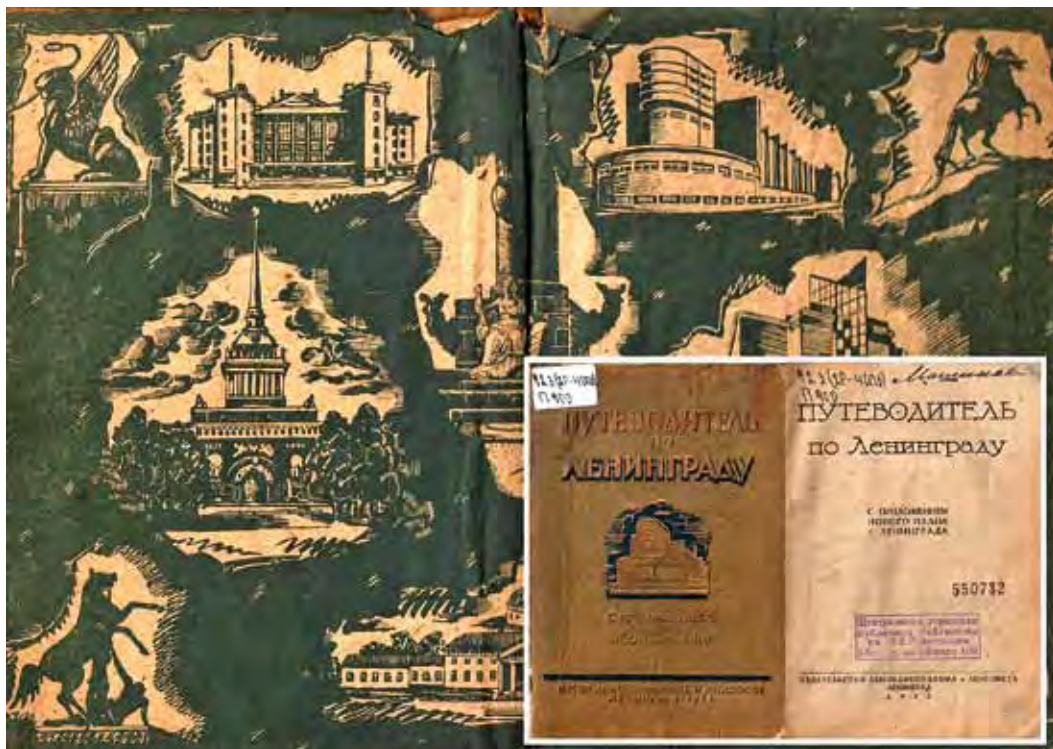
Igor Burdinskij, Sergej Fedorov: „Wenn der Besitzer nur an den Gewinn denkt, kommen keine interessanten Projekte heraus“ – Gespräch über die Zukunft der „Roten Fahne“

Ende 2006 kaufte der Petersburger Unternehmer Igor Burdinskij einen Großteil des Fabrikgeländes von „Krasnoe Znamja“ („Rote Fahne“, 1926–28, Erweiterung Mitte der 30er Jahre), das teilweise nach einem Entwurf von Erich Mendelsohn bebaut ist und unter Denkmalschutz steht. In dem Gespräch mit Sergej Fedorov gibt der neue Eigentümer Auskunft über seine Motive für den Erwerb des Architektur- und Industriedenkmals und über seine Pläne für die Zukunft. Igor Burdinskij führt aus, dass er sich zum Kauf der ungenutzten Anlage entschieden hätte, weil insbesondere das markante Kraftwerksgebäude von Mendelsohn sehr stark beeindruckt habe. Zwar bringe ein Industriedenkmal deutliche Einschränkungen für die Entwicklung des Gelän-

des mit sich, doch sei es gerade seine Absicht, dem unverwechselbaren Kraftwerksbau neues Leben einzuhauchen und damit auch Impulse für angrenzende Gebiete zu geben. Der Mendelsohnbau soll wie schon in den 1920er Jahren ein Symbol und Anziehungspunkt St. Petersburgs werden.

Auf der Suche nach einem „frischen, auf die Zukunft hin orientierten“ Entwicklungskonzept für das Fabrikgelände habe er sich auch an erfahrene deutsche und internationale Architekten gewandt, so an den Karlsruher Architekten Rüdiger Kramm und zuletzt an das Berliner Büro von David Chipperfield Architects. Gemeinsam sei beiden Konzepten eine „vernünftige Verbindung kommerzieller und kultureller Funktionen“. Das Kraftwerk bilde die städtebauliche Dominante und architektonische Visitenkarte der Anlage und solle zu einem Kulturzentrum umgestaltet werden, in dem Ausstellungen und Konzerte stattfinden können. Um die wirtschaftliche Überlebensfähigkeit des Projekts zu garantieren, werde außerdem die Einrichtung eines Konferenzhotels, von Büros und Wohnungen mit gehobener Ausstattung auf dem Grundstück erfolgen. Auf der Basis einer Wirtschaftlichkeitsüberprüfung für die Varianten müsse sich zeigen, ob weitere Architekten und Experten für Alternativen hinzuzuziehen seien.

Die Suche nach geeigneten Investitionspartnern gestaltet nach Aussagen des jetzigen Eigentümers als sehr schwierig und langwierig. Um die Realisierung nicht weiter zu verschleppen und schnellere Planungs- bzw. Investitionssicherheit zu erlangen, schlägt Burdinskij Steuererleichterungen für Denkmalinvestitionen vor. Gerne werde er auch die inhaltliche Zusammenarbeit mit der Stadtverwaltung St. Petersburg und mit deutschen Denkmalpflegespezialisten ausbauen.

Путеводитель по Ленинграду 1933 г. – обложка; форзац.
Die „Rote Fahne“ auf dem Titelbild eines Leningrad-Reiseführers von 1933.

Маршрут Мендельсона – Наследие Менделсона в Калининградской области¹

Иван Чечот

В конце 70-х годов мне впервые довелось побывать в Калининградской области, в том числе и в городе Советске. Гуляя по его улицам, я набрел на странную постройку, которая решительно отличалась от окружения. ... Здание на углу улицы «9-го января» и улицы «Искры» (номер пять) сразу привлекало внимание какой-то загадочной несуразностью и в то же время оригинальностью, продуманностью замысла и композиции. Оно абсолютно асимметрично, отличается большим количеством глухих стен, но и множеством окон. Их переплеты новые, да и форма проемов говорит о том, что после войны дом был

20–30-х годов, но здание явно не было их обыкновенным родственником. Даже если оно и перестроено до неузнаваемости, – рассуждал я, изучая его детали, – оно и с самого начала было и «странным», и «творческим» произведением. Не просто образчиком строительства своего времени, но именно произведением архитектурной мысли.

В то время негде и нечего было прочитать о зданиях бывшего Тильзита, тем более о постройке двадцатых годов, которые не входили в число исторических и архитектурных памятников. Походив вокруг непонятного

«Ложя трех патриархов» (1925–26, Эрих Мендельсон) в Советске (Тильзит), 2008 г.
„Loge zu den Drei Patriarchen“ (1925–26, Erich Mendelsohn) in Sovetsk (Tilsit), 2008.

основательно перестроен. Первоначальными и очень выразительными являются густые параллельные линии кирпичной кладки, образующие фактуру вроде гребенки. Глядя на это сооружение, небольшое, но сложное, многослойное, затруднительно, просто невозможно определить, для чего это оно предназначалось. Клинкерная кладка привычная, похожая на кладку других построек

дома, сделав несколько фотографий, передающих резкую и причудливую игру света на его стенах, я зашел внутрь, где обнаружил «Дом пионеров». Там я узнал, что в этом здании якобы находилась «масонская ложа», что «все здесь перестроено и ничего интересного нет». Мне оставалось лишь одно: рассматривать эту странную постройку как фрагмент неизвестного целого, вне функ-

ционального смысла, и ценить в ней осколок материальной культуры 20-х годов. Я сомневался, что в доме и вправду была ложа, – никаких представлений о ложах у меня не было, что же касается датировки, то здесь тоже не было уверенности. ...

Пройдя еще несколько домов, на левой стороне той же улицы «Искры», я увидел большое здание, тоже облицованное темным красно-фиолетовым клинкером. Это единый блок; фасады плоские и цельные, аскетические. Их линии вытянуты по горизонтали, как руст. Кладка и детализация такая же жестко графическая, как в «Доме пионеров», но композиция симметрична, облик здания традиционен, точнее, представляет собой какую-то трудно определимую амальгаму традиции и модернизма. Двухмаршевая лестница с круглыми шарами и орнаментальными решетками напоминает дворцы и ратуши барокко. Все это заставляло меня думать, что здание, возможно, построено позднее, после 1933 года. Еще раз подчеркну, что я тогда не имел никаких исторических сведений. В этом мрачном доме, кажется, находилось тогда что-то военное, и потому мне не удалось побывать внутри. Через несколько лет в здании был уже кинотехникум и я осмотрел вестибюль, лестницу и коридоры, отмеченные ясным функциональным подходом и конструктивистской эстетикой чистых линий. Гораздо позднее я узнал, что первоначально в этом здании находился полицей-президиум и оно построено по проекту известного кенигсбергского архитектора Курта Фрика (1884–1963) в конце двадцатых или в начале тридцатых годов.

Однако уже тогда, когда конкретных знаний у меня почти не было, я запомнил контраст между двумя выразительными постройками одной эпохи. Трехэтажное темно-красное здание Фрика ... вполне современно и в то же время все связано с прошлым – с классицизмом, с кирпичным стилем шинкелевского происхождения и даже с барокко, которые эта архитектура учитывает, но не стилизует. В отличие от этой постройки, с ее главным и садовым, а также боковыми фасадами, в которой есть «целое» и «детали», есть «основание» и «завершение», «центр» и «обрамление», в здании ложи на углу улицы 9 января прочитывается отказ от этих категорий и обращение к свободному формотворчеству. Я запомнил обе эти постройки как воплощение двух разных типов архитектуры 20 века. Одна – это солидное по приемам и технике строительства универсальное здание, в нем можно разместить все, что угодно. Оно лишено обаяния, которое вообще крайне редко встречается в архитектуре Пруссии, но обладает убедительностью, своеобразной органикой, словно вырастает из окружающей среды. Другое сооружение – оригинальная, странная вещь, напоминающаяся деталями, ракурсами, но едва понятная как целое, которое, вероятно, можно уразуметь, проникнув в замысел заказчика и архитектора, в суть функции и содержания архитектуры. Если полицей-президиум прежде всего есть «дом вообще», то ложа прежде всего – «игра форм вообще», «сенсация» и вместе с тем ребус для постороннего зрителя, шифр – для посвященного. При этом можно сказать, что истоком первого является собственно «строительство и архитектура», их единая

эволюция, а поиск истоков второго скорее уводит в область «свободного искусства», в скульптуру, графику, но также и в сферу «идей».

Сегодня, когда мне известны имена архитекторов этих построек, описанная первоначальная типологизация находит подтверждение в тех художественных, архитектурных и идеологических течениях, к которым принадлежали Фрик – сформировавшийся в Хеллерау под Дрезденом традиционалист, приверженец теорий Генриха Тессенова, убежденный националист и прусский регионалист, а в дальнейшем активный национал-социалист – и Мендельсон как пионер модернизма, архитектор-художник, космополит и в дальнейшем активный сионист. ... Главное расхождение здесь не только чисто политическое, но и обусловленное разной философией культуры. Для Тессенова и его последователей основой культуры является, с одной стороны, традиция, то есть конкретная, материализованная в памятниках, в стиле и материальной культуре традиция, но с другой, категория жизни, живого, саморазвивающегося начала. Художественная форма становится вследствие приобщения к тому и другому, если она может жить, соединяться со средой, меняться по смыслу внутренне, может стареть и молодеть одновременно. Для Мендельсона и вообще классического модернизма форма – это результат авторского умственного и эмоционального напряжения. Она автономна, чисто духовна, «не от мира сего». В природе и в истории она не растворяется, и поэтому старение (и омоложение) не для нее, она не может превращаться в старинное, тем более в руины, в пейзаж. За этой философией стоит не только модернистский пафос нового как таковой, но и свои традиции. Их новое обретение было одним из сюжетов жизни Мендельсона как еврея. Однако понимание традиционного в иудаистской культурной среде и в христианской или пост-христианской, а также и в классической языческой было иным. Прежде всего,

«Ложа трех патриархов» (1925–26, Эрих Мендельсон). Фото до 1930 г.
„Loge zu den Drei Patriarchen“ (1925–26, Erich Mendelsohn). Foto vor 1930.

*Управление полиции (около 1929, Курт Фрик) в Советске (Тильзит), 2008 г.
Polizeipräsidium (ca. 1929, Kurt Frik) in Sovetsk (Tilsit), 2008.*

это связано с отношением ко времени и к материальному, природному. ... Изначальный креационизм этой мифологии становится началом процесса демифологизации, который приводит к убеждению, что создать можно все. Для этого необходимо не партнерство, а внутренняя энергия саморефлексии рассудка. У иудаистского бога нет партнера, нет жены, нет врага. ... Дух в этой традиции не только освобожден от места, он свободен также от прошлого. Точнее, все его прошлое есть будущее, все настоящее также ориентировано на будущее, и поэтому все безжалостно отдано во власть устаревания, а истинным древним является только названный «футуризм».

Прошло немало лет, прежде чем, рассматривая монографию об Эрихе Мендельсоне (Mendelsohn, Erich. *Complete Works of the Architect. Sketches, Designs, Buildings*. New York, 1992), я обнаружил, что он является автором странного здания «Дома пионеров» в Тильзите, которое было, конечно, не в прямом смысле масонской ложи, а еврейским культурным центром и небольшой синагогой. Все вместе по старинной традиции назвалось «ложей» и было посвящено «Трем праотцам» или патриархам. ...

Из той же американской монографии я узнал, что и в Кенигсберге была постройка Эриха Мендельсона – погребальная капелла-синагога на Новом еврейском кладбище близ Фюрстеншлукта, на углу улиц Штеффека и Ратслинден. Сегодня это участок в начале улицы лейтенанта Катина. Отправившись туда, я обнаружил на этом месте ветеринарную лечебницу. Капелла не сохранилась ... Зато одноэтажный дом управления и цветочного

магазина при входе на территорию кладбища стоит ... [С]тоило подойти к нему со знанием дела, как тут же обнаружился эффектный, фирменный мендельсоновский угол, выходящий к воротам, и крутая дуга эркера под широким полем карниза, как у дорогой шляпы ... фабрики Штейнберга, Хермана и Ко в Лукенвальде. ... Как раз тогда, когда он разрабатывал проект [трикотажно-чулочной фабрики «Красное знамя»] в Ленинграде, Мендельсон занимался строительством здания ложи в Тильзите. Его путь в Ленинград пролегал через Кенигсберг, он пользовался самолетом из аэропорта Девау. ...

Отталкиваясь от уже названных построек, фрагменты или следы которых находятся на территории Калининградской области, мне хотелось бы высказать здесь несколько соображений о творчестве Мендельсона. ...

Мендельсон (1887–1953) был уроженцем города Алленштейна (Ольштына), выходцем из мелкобуржуазных еврейских слоев. Он закончил в родном городе школу и гимназию. На углу ратушной площади, на месте, где стоял дом, в котором он жил с отцом и матерью Эммой Эсфирь Мендельсон, урожденной Яруславски, поляки установили мемориальную доску. Будущий архитектор жил в Алленштейне до 20-летнего возраста. В 1907 году он отправился в Баварию, Мюнхен, где пару семестров изучал экономические науки в университете. Однако уже в 1908 году он снова в Пруссии, поступает в Берлине в Высшую техническую школу в Шарлоттенбурге, чтобы учиться архитектуре. ... В его жизненном, а затем и творческом пути хорошо заметно стремление немед-

ленно порвать с «малой родиной», которая в культурном отношении погрязала в консерватизме и отсталости. ... Мендельсон формировался в среде позднего югенд-стиля и впитал в себя его главные идеи – художественность архитектуры, универсальность искусства вместо и как завершение синтеза искусств, акцент на творческом и выразительном начале формы и пр. Свое обучение Мендельсон завершает в мастерской выдающегося архитектора и педагога в Мюнхене – Теодора Фишера (1862–1938). Из восточно-прусского провинциального юноши Мендельсон становится между 1910 и 1914 годами мюнхенским художником, близким к театру, богеме, к самым радикальным кругам, в частности, к объединению «Синий всадник» с его мэтрами художниками-интеллектуалами Кандинским и Клее. ...

Если попытаться в одном, двух словах выразить суть архитектуры Мендельсона, то это слова «шикарный», «мастерский», «блестящий» и «виртуозный». Несмотря на все новации, разрыв с традицией, в глубине и на поверхности архитектор остается верен этим старинным эстетическим и социальным ценностям. К ним добавляется причудливость, даже демоничность, легкий привкус модной иррациональности. Однако, мне кажется, что в новейшем и блестящем и вполне претенциозном стиле Мендельсона содержится в качестве творческого фермента элемент страстного преодоления провинциализма (и восточно-прусского, и вообще «немецкого»), а также стихия мюнхенской по природе рекламности, развязной декоративности и театральности. Эти моменты – погоня за эффектом, искание аплодисментов – подчинены строгой дисциплинирующей проработке берлинского, прусского характера. Но без театральности, парадности и моды, без плакатности приема Мендельсон не был бы самим собой и не имел бы того успеха у буржуазии, который ему выпал. ...

Родная провинция однако не отпускает Мендельсона. Его первая постройка появляется в Алленштейне. Заказ он получает от еврейской общины. Это погребальная капелла-синагога на кладбище (1911), – традиционное по структуре и стилю сооружение с атриумом и куполом, испещренное «восточным» орнаментом. Впрочем, исполнение этого заказа еще не означало, что Мендельсон обрел в себе глубокое и индивидуальное иудейское самосознание, как это произошло позднее. Отец архитектора был прежде всего пруссаком и только во вторую очередь евреем, его иудаизм был традиционным, без духовного напряжения. ... Представляется, что интерес к своей национальной религии пробуждается у его сына не дома, а в Мюнхене и Берлине, под влиянием интеллектуального чтения, философии и эстетики экспрессионизма. Он читает знаменитого еврейского философа и теолога Мартина Бубера, его «Три речи о еврействе» (Buber, Martin/ Drei Reden ueber das Judentum. Frankfurt a.M. 1920), впитывая философию креационизма, концепционизма (духовного зачатия). В то же время он попадает под влияние бурно развивающейся немецкой Geistesgeschichte и искусствознания, восхищается Алоизом Риглем и особенно Вильгельмом Воррингером (1881–1966). ... Мендельсон многократно упоминает Воррингера в письмах и теоретических сочинениях. Возможно именно под его

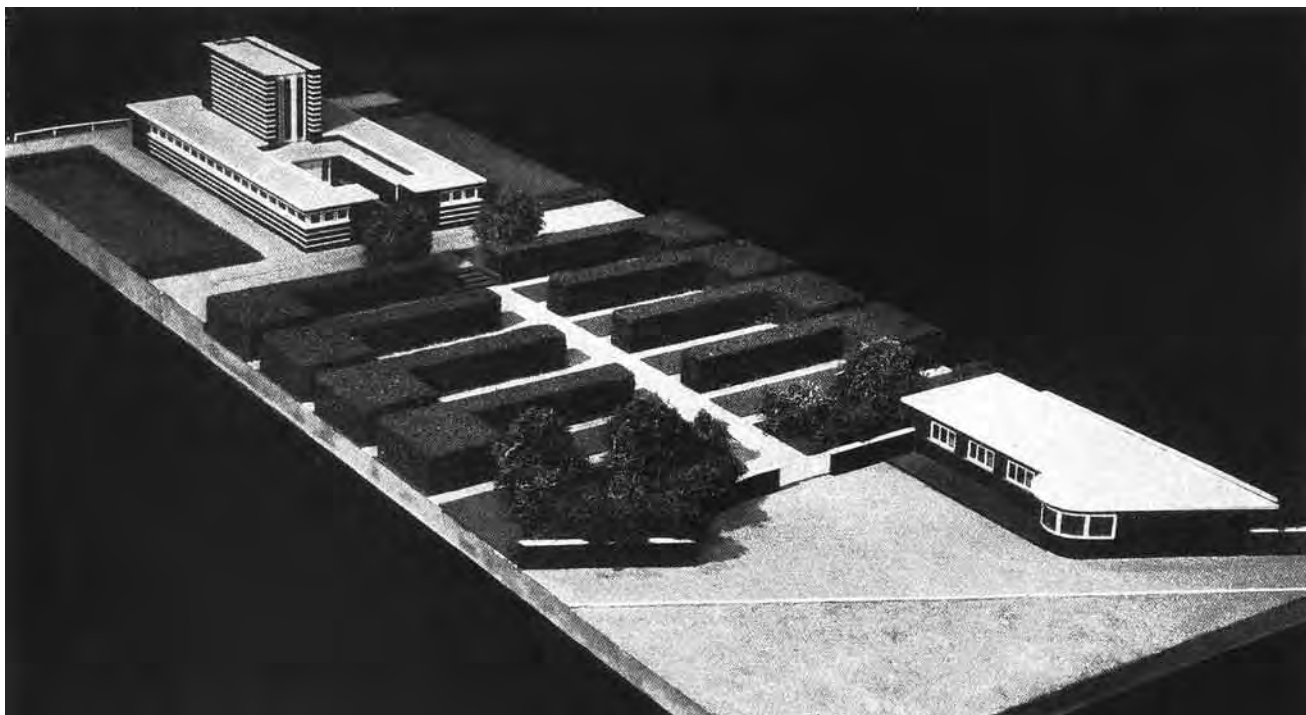

*Управление полиции (около 1929, Курт Фрик)
в Советске (Тильзит), 2008 г.*

*Polizeipräsidium (ca. 1929, Kurt Frik)
in Sovetsk (Tilsit), 2008.*

влиянием, а также под впечатлением эстетической проповеди и творчества Кандинского, Мендельсон начинает не просто формальные эксперименты, но приводит их в связь с идеей искусства ориентально-абстрактного типа, искусства «после грехопадения познания» и наступления безбрежного релятивизма. У Воррингера эти идеи находятся в связи с иудейской ментальностью. Кстати, фирменная мендельсоновская манера скорописного, экзотического росчерка, как основы эскиза, может напомнить рассуждения Воррингера о том, как экспрессивные, нервные каракули и росчерки, выливаясь в процессе выражения, в остывшем состоянии превращаются в непроницаемые абстрактные формы, не поддающиеся психологической расшифровке, но зато годные для проработки аналитическими инструментами логики, стиля. ...

Ключом к творчеству Мендельсона является, по-моему, его графика. Его архитектура – это результат разработки и перевода в пространство импровизированных эскизов на плоскости. В них не отрицается, а продолжает жить линия «удара бича» в стиле модерн. Она делается лишь более резкой, активной, лишается томной мечтательности. ... Также виртуозно и с расчетом на эффект повторяющихся линий делались им эскизы костюмов для мюнхенских праздников. Можно также предположить, что богатство живописной и динамичной формы было впитано Мендельсоном с детства – в ландшафте Алленштейна с его великолепными холмами, поворотами рек и извилистыми берегами озер. В то же время, думаю, что архитектура Восточной Пруссии, ее замков и башен также наложила отпечаток на архитектора, который и в зрелый период часто посещал родные места. ... На цветном плакате 1910 года [«Allenstein Ostpreussens Gartenstadt Herrliche Wälder und Seen»]² он изобразил один из самых живописных, мрачно-героических уголков Алленштейна: вид на замок снизу от реки Алле, круглую башню орденового замка. Любовь к динамично выступающей круглой форме, мощная вертикаль на углу композиции, почти бастионный характер выступов, агрессивность карнизов, мотив винтовой лестницы, сочетания цилин-

Модель еврейского кладбища в Кенигсберге (Эрих Мендельсон, проект 1927).

Modellfoto des Jüdischen Friedhofs in Königsberg (Erich Mendelsohn, Entwurf 1927).

дра и прямоугольного массива стены, – все это бессознательно было запрограммировано у Мендельсона еще в период формирования под стенами замка.

Не менее важно для понимания типологии искусства Мендельсона учесть роль моделей. Архитектор строил их и в целях демонстрации и рекламы своих проектов, и как самостоятельные художественные произведения, с которых делались великолепные фотоснимки. Модель – это презентационный объект и идеальный образ архитектурной идеи, это совершенная скульптура. ... Например, модель построек еврейского кладбища в Кенигсберге показывает интересную конфигурацию плоской крыши цветочного магазина в виде обрезанного пера или копья, а также таинственный Г-образный в плане мотив, использованный в планировке сада и повторяющийся в плане синагоги. Эти невозможные точки зрения, как и любовь к инсценировке при освещении, переходящая во включение света внутрь самой архитектурной структуры, говорят о том, что идеальным зрителем мендельсоновской формы является фото-глаз, отвлеченный движущийся в пространстве дух, возможно, сам Бог. ...

Интересно, что уже в графике архитектора ракурсы и динамика, ощущение искривленного, растянутого по горизонтали дугообразного пространства и чувство скорости создает ощущение, словно художник смотрит сквозь особый, широкоугольный объектив. Линии и пятна зданий проносятся перед глазами, словно увиденные из окна автомобиля, в отражении в криволинейном обратном зеркале. Мендельсон любит дать широкий дугообразный очерк, намекающий на границу зрения. Эта линия читается то как козырек, то как символ скорости. В любом случае конфигурация здания складывается в движении и в отражении, является ускользающим моментом релятивных соотношений во времени и пространстве.

Архитектор гонится за тем, чтобы в статичной постройке сохранить и передать нечто от этой текучей релятивности. ... Отсюда проистекает то, что здания Мендельсона выглядят в натуре как застывшие увеличенные модели (особенно башня Эйнштейна или ленинградская фабрика), модели динамических ситуаций, оставаясь при этом сами системами абсолютно зафиксированными, лишенными «люфта», дыхания.

Другой особенностью рисунков и построек архитектора является трактовка «земли», почвы, из которой вырастают здания. Мендельсон всегда рисует изгибающийся лоб земли, делает дугообразный горизонт, на бешеной скорости облетая вокруг постройки по кривой. Однако значение почвы всегда сохраняется. Сама постройка у него – это «холм», вспучившееся возвышение, иногда «глазастый», поднимающийся из глубины или распластавшийся «монстр». Вокруг этой возвышенности, «башни», за пределами оси-угла, вокруг которого архитектор создает возбужденное движение форм, – находится пустота. И «земля», и постройка свертываются внутрь себя. ... Любимый Мендельсоном изгиб фасада, экспансия форм по отношению к их традиционному окружению, игра светлых и темных линий, стекол, – все это полно своеобразного самолюбования формы и полной изолированности от среды, «природы», города в его несценической текучести. ... В этой радикальной автономности можно усмотреть как собственно модернистский, так и иудейский смысловой корень, однако здесь имеет место и прусский оттенок. Поведение форм Мендельсона можно описать глаголом *stolzieren*, то есть «гордо красоваться», но в этом жесте у него остается много тяжеловесности, слишком много «материализма». Земля, пусть и в абстрактном плане, держит его формы изнутри. Ни воздушность, ни «атмосфера» ему не даны.

Как «мастер во что бы то ни стало» он сам перегружает свои формы, и сам одновременно борется с косностью материи, рвет пространство. Здесь его дефицитом является своеобразное отсутствие мечты, засилье рационализма.

Всякая форма наполнена у Мендельсона пафосом, дана с нажимом. ... Все силы брошены на выявление главного контраста, основного противоречия и эффективной детали, данной в масштабе целого. Этой же риторической природой художественной речи объясняется страсть к повторениям, удвоениям и подчеркиваниям, так сказать к выделениям любыми средствами: удвоенный карниз, многократно проведенные параллельные линии. Его архитектурная речь не столько выражает нечто, углубляя смысл в процессе своего развертывания, сколько является чем-то вроде ритуального умножения энергии. Ее характерной особенностью является отсутствие «резонанса» и способности раскрывать, развертывать сущность. ...

«Ложа Трех патриархов» в Тильзите

Вернемся к зданиям, которые Мендельсон построил в Восточной Пруссии. «Ложа Трех патриархов» в Тильзите занимает угловой участок с маленьким внутренним двором (угол улиц Кирхенштрассе и Фабрикштрассе). Назначение здания было многообразным. Это и клуб, и небольшой дом культуры, и кафе, и конечно, собственно, ложа и синагога.

Здание стоит на довольно высоком подвале; его окружает терраса, обрамленная глухой стеной, напоминающей восточную архитектуру. ... С правой стороны фасада, выходящего на ул. «Искры», находится въезд во двор и лестница, ведущая на террасу ко входу в здание. ...

Терраса вдоль улицы «Искры» до войны была разделена на несколько отсеков довольно крупными поперечными стенками, также обработанными характерной кирпичной гребенкой, являющейся основным «декоративным» мотивом здания. Назначение и смысл этих стел не совсем ясен. ...

Вход остается на старом месте, но внутренняя структура здания почти утрачена в результате упрощенного ремонта послевоенного времени. Здание было двухэтажным с промежуточным (антресольным) этажом. На уровне террасы находился холл и зал для торжеств. Последний был почти квадратным в плане и внутри имел с трех сторон балкон с ложами и местом для музыкантов (как указано на плане). Главный вход в зал был из холла, который располагался слева от входа в здание. ...

Лестница во второй этаж находилась на оси главного входа, имела крутой поворот. Главная ось интерьера первого этажа ... упиралась в три окна на торце зала. На плане хорошо заметна работа Мендельсона с помощью коротких отрезков стены вроде ширмы или стелы. ... Идея стелы и ложи была отчетливо выражена и в наружном облике, и во внутренней структуре здания.

С террасы ... был еще один вход, на боковую лестницу, с которой можно было ... попасть ... и во второй этаж, сначала на открытую террасу, откуда войти в помещение

синагоги. Она была размещена на самом верху, над балльным залом. Сегодня верхняя терраса отсутствует, стена с окнами поднимается прямо над кирпичной гребенкой. Поэтому исчезла игра объемов, фасады стали более плоскими, чем было задумано, здание приобрело сходство с кубом. ...

Помещение синагоги представляет собой прямоугольный зал, развернутый в сторону ул. «9-го января». Снаружи ее главным опознавательным символом является названная призма, торец которой вынесен вперед. Близкий к квадрату прямоугольник призмы прорезан тремя окнами в обрамлении из цемента, а с торца разделен щелями, через которые свет проникал внутрь высокой почти квадратной ниши (там находилась фисгармония, было место кантора). Еще и сегодня торец призмы прочитывается как тройная плита: три камня, три листа, три слоя. Мотив триады понятен, – это три патриарха, три праотца (евр. *avot*) Израиля, всего еврейского народа – Авраам, Исаак и Иаков. Символически они представлены в архитектуре здания как окна-светочи, а также как столбы или слои «эркера». ... Зал синагоги – царство геометрии, симметрии, прямоугольников. Только центральный пульт президента ложи украшала звезда Давида. Слева и справа от него были еще два пульта. Над всеми пультами Мендельсон расположил три выполненные из темного дерева гребенки, фактура которых одновременно напоминает циновки и жалюзи. Скорее всего, это символическое изображение талеса, традиционной принадлежности иудейского ритуала. Талесом называется молитвенная полосатая шаль прямоугольной формы с нитями определенного цвета (коричневого и синего) и кистями. ...

Несомненно, эту «гребенку» можно воспринимать и просто как декоративный геометрический элемент, как эффектную фактуру, введенную для контраста в аскетический интерьер. Однако ... [п]редельно абстрактные формы и числа в искусстве оказываются родственниками наиболее отвлеченных и в то же время основных, конкретных мифологем. Тройка тогда уже не тройка, а триада и троица. Квадрат не квадрат, а краеугольный камень или объект для религиозной медитации. Гребенка становится текстилем, текстиль – лестницей и т.д. и т.п. ...

Обратим внимание на еще одну геометрическую форму, которая, постоянно повторяясь, наводит на мысль о ее смысловой наполненности. В композиции ложи, как и в композиции погребального зала на кладбище в Кенигсберге (см. ниже), неоднократно встречается Г-образная форма. Восемь таких форм в виде блоков кустов фланкируют дорожку, ведущую к залу, и сам зал в плане состоит из двух Г. ... Буква «гимел» в еврейском алфавите является третьей и ее числовое значение в кабале – тройка. Она означает также протянутую ладонь, готовность к коммуникации и действию. Изначально – к коммуникации между Богом и человеком. Эта семантика была усвоена масонами. В то же время эти формы похожи на масонские молоток и угольник, то есть на символ строительства и архитектуры. ...

Рассматривая планы, старые фотографии и нынешнее состояние здания ложи, нельзя не поразиться сложности

Историческая фотография здания траурного зала (не сохранилось) еврейского кладбища в Кенигсберге (Эрих Мендельсон, 1927–29). Фото 1930-е гг.
Historische Aufnahme der Trauerhalle (nicht erhalten) des Jüdischen Friedhofs in Königsberg (Erich Mendelsohn, 1927–29). Foto 1930er Jahre.

Еврейское кладбище в Калининграде (Кенигсберг), Сохранившийся входной павильон/цветочный магазин (Эрих Мендельсон, 1927–29), 1970-е гг.
Jüdischer Friedhof in Kaliningrad (Königsberg). Erhaltener Eingangspavillion/Blumenladen (Erich Mendelsohn, 1927–29), 1970er Jahre.

структуры, многословности и многозначности выражения. Несомненно, самым интересным является здесь сочетание объемов и фактурно проработанных плоскостей, вызывающих ассоциации не только с сакральным текстилем. ... Это кубик-рубик, сконструированный раскуском, способный на множество трансформаций. ...

По-видимому, еще до войны здание было перестроено. Об этом говорят старые фотографии. После войны его облик окончательно изменился, вобрав в себя черты грубой советской материальной культуры и советской архитектуры 60-х годов. Густые деревья и трогательные скульптуры придали террасе интимный оттенок. Заложены окна, надстроен верх, замазана профилировка деталей. Для архитектуры Мендельсона это, если не смертельные, то очень болезненные искажения. Его искусство, как уже говорилось, – «всегда с иголочки», отшлифованность плоскостей, линий, ныне сбитых, аморфных, – душа его стиля. ...

Еврейское кладбище в Кенигсберге

Традиционно еврейское кладбище находилось в Кенигсберге рядом с Трагхеймской пороховой мельницей на улице Врангеля (сегодня на ул. Черняховского рядом со зданием милиции, напротив рынка). Там оно появилось в 1703 году, а через год началось сложение иудейской общины. ... Больше всего евреев проживало в городе в 1880 годах – пять тысяч. По сравнению с другими немецкими городами это было мало. ... Многие евреи – яркий пример отец Мендельсона – были немецкими патриотами. В 1917 году 820 евреев, то есть почти одна треть всей численности, находились на фронте. Среди них была почти сотня добровольцев, а более ста человек были награждены Железным крестом. ... Мендельсон, вышедший из семьи ассимилировавшейся в прусской среде, тоже был участником войны, как на русском, так и на западном фронтах. ...

От Нового еврейского кладбища в Кенигсберге осталось еще меньше, чем от ложи в Тильзите. Собственно, только дом цветочного магазина и часть ограды, а также яма – памятник не столько политического геноцида, сколько бессмысленного вандализма. Когда-то это был очень красивый садовый и архитектурный ансамбль. ... Въезд асимметрично оформляла глухая клинкерная стена, которая, плавно изгибаясь, образовывала небольшую площадь, куда длинным фасадом выходило ныне сохранившееся одноэтажное здание. По замыслу архитектора оно должно иметь совершенно плоскую крышу. Сегодня домик покрыт шифером, изменил силуэт, ставший более традиционным. Три вытянутых по горизонтали окна создают устремление фасада в глубину участка. На красную линию улицы выходит эффектный полукруг с окнами. ... Самым острым впечатлением, которое живо и сегодня, является тот угол здания, который граничит с оградой. Здесь становится ясно, что в плане здание не является прямоугольным. Низкий бетонный карниз вынесен почти на метр, образуя острый экспрессионистический угол-зигзаг, в глубину уносятся окна заднего, выходящего в сад фасада. Вся эта маленькая постройка – замечательный осколок мощного искусства Мендельсона. Стоит обратить внимание на тяжелые подчиненные горизонтальным линиям земли пропорции, на эффектно вынесенные подоконники, на профилировку карниза. ...

Здание [капеллы] было построено из бетона на металлическом каркасе и облицовано темным клинкером. Основная архитектурная идея заключалась в том, чтобы противопоставить низким, как и въездной павильон, подсобным крыльям – мощный вертикальный призматический объем. По горизонтали Г-образные крылья были прочерчены частыми линиями тяг, под выступающим бетонным карнизом по всему периметру шли ленточные окна. ... Здание имело массу красивых деталей из дерева и металла. Возможно, что последние еще ржавеют на дне ямы, засыпанной обломками. Изнутри помещение капеллы, предназначенной для ритуального обмывания покойников, было трактовано с наивысшей строгостью и возвышенностью, доступной отвлеченному геометрическому стилю. Коричнево-голубой с золотом витраж

по эскизу известного художника Карла Гроссберга, построен, как можно судить по фотографии, на комбинации прямоугольников, в виде «кладки» и в тоже время «ткани». ...

Капелла была разграблена во время Кристальной ночи в 1938 г., но стояла, пока окончательно не погибла в советское время. На месте ямы с обломками можно было бы провести раскопки, которые могли бы дать интересные результаты. ...

Использованная литература

- Шахов, В. А. Кто мы? Русские Принеманья или российские балты. Калининград. 2002.
- Рутман И. Из Советска – в Тильзит. Путешествие в историю города. Советск. 1993.
- Немецкие архитекторы Санкт-Петербурга. Под ред. Б. М. Кирикова. СПб. 2003.
- Мифы народов мира. Энциклопедия под ред С. А. Токарева. Т.1–2, М. 1998.
- Энциклопедия символов, знаков и эмблем. Сост. В. Андреев и др. М., Астрель. 2002.
- Albinus, Robert. Lexikon der Stadt Königsberg Pr. und Umgebung. Leer 1985.
- Mendelsohn, Erich. Complete Works of the Architect. Sketches, Designs and Buildings. New York 1992.
- Lurker, Manfred. Wörterbuch der Symbolik. Stuttgart 1988.
- Tessenow, Heinrich. Hausbau und dergleichen. Braunschweig 1986.
- Schickel, Gabriele. Die Architekturschulen 1900 bis 1920–In: Symmetrie und Symbol. Die Industriearchitektur von Fritz Schupp und Martin Kremmer. Essen, Köln 2002, S. 209–214.
- Astrophysikalisches Institut Potsdam. Der Einsteinturm in Potsdam. Architektur und Astrophysik. Berlin 1995.

Ivan Czczot: Mendelsohns Weg – das Erbe von Erich Mendelsohn im Kaliningrader Gebiet

Erich Mendelsohn ist der Architekt des jüdischen Kulturzentrums (und späteren Pionierhauses) in Sovetsk (früher Tilsit), dessen Originalität und künstlerisch-skulpturale Wirkung vor allem im Vergleich mit anderen zeitgleichen Klinkerbauten in der Region auffallen. Das jüdische Kulturzentrum „Loge zu den drei Ervätern“ wurde 1925–26 gebaut, gleichzeitig mit Mendelsohns Fabrik „Krasnoe Znamja“ („Rote Fahne“) in Leningrad. Es umfasst einen Feiersaal und einen Synagogenraum. Die Themen Stele, Loge und Kammstruktur wiederholen sich außen und innen. Dabei stehen die drei Logen wahrscheinlich für die drei Patriarchen und die vier Stelen für die vier Erzmütter. Das Kammmuster verweist auf den jüdischen Gebetsschals Tallit. Außerdem erinnert das sich wiederholende Г-Motiv an den hebräischen Buchstaben Gimel, der Drei bedeutet und für die Kommunikation zwischen Mensch und Gott steht.

Von Mendelsohns Kapellenanlage des Neuen Jüdischen Friedhofs in Kaliningrad (früher Königsberg) sind nur noch der Eingangspavillon und ein Teil der Umfassung erhalten geblieben. Eine Modelaufnahme (1927–29) zeigt die ursprüngliche Gesamtanlage. Mendelsohns Architekturmodelle sind eigenständige Kunstwerke, die als Skulptur aus der Vogelperspektive wirken. Seine Architekturgrafiken, die eventuell von Wolfgang Worringer inspiriert in einer Art Schnell-Schreib-Modus entstanden, zeigen geschwungene Horizont- und Erdlinien, von der sich die Gebäude stolz und autonom erheben. Mendelsohn vertraut nicht auf die Dynamik des Betrachters, sondern seiner eigenen Virtuosität und Energie, mit der er seinen Entwürfen und Gebäuden mit aller Kraft etwas Fließendes und Dynamisches verleiht.

¹ Сокращённое изложение статьи автора из: И. Д. Чечот: Маршрут Мендельсона // Институт зарубежных связей (Ifa, Штутгарт), Калининградская художественная галерея, Немецкий культурный центр им. Гёте в Санкт-Петербурге: Эрих Мендельзон. Динамика и Функция. Образы, воплощённые архитектором-космополитом. Выставка 6–8 сентября 2003 года. Калининградская художественная галерея, Санкт-Петербург 2003,

² воспроизведен в каталоге Erich Mendelsohn. Dynamics and Function. Stuttgart IFA, 1998, S.16.

Das Erbe von Erich Mendelsohn im Berliner Raum – eine kurze Bilanz

Jörg Haspel

Nach seinem Studium in München und Berlin eröffnete Erich Mendelsohn 1919 ein Architekturbüro in Berlin, das er bis zu seiner Emigration nach der faschistischen Machtergreifung 1933 unterhielt. In Berlin machte sich Erich Mendelsohn mit seinen Arbeiten überregional und international bekannt. Hier erwarb er sich seinen Ruf als herausragender

Konstruktivist Jakov Černichov haben sie bis heute nichts von ihrer visionären Kraft eingebüßt. In Berlin hat sich ein Teil des zeichnerischen und schriftlichen Nachlasses von Mendelsohn aus der Zwischenkriegszeit erhalten.

In der deutschen Hauptstadtregion stehen heute ein knappes Dutzend Bauwerke und Gartenanlagen unter Denkmal-

Hutfabrik Luckenwalde, Färbereihalle mit dem hutförmigen Lüftungsaufsatz nach der Wiederaufrichtung der Dachkonstruktion, um 2007.

«Шляпная» фабрика в Люккенвальде, красильный цех с вентилируемой кровлей в виде шляпы, после реконструкции кровли, примерно 2007.

Vertreter des architektonischen Expressionismus und des Neuen Bauens. Hier wurde er Mitglied der Akademie der Künste und war einer der führenden Köpfe der fortschrittlichen Architektenvereinigung Der Ring. Von Berlin aus machte er sich als Entwerfer, aber auch als Publizist einen Namen als Protagonist der Moderne, der weit über Deutschland hinaus einen guten Klang hatte. In Berlin schrieb und veröffentlichte er seine Artikel und Bücher, darunter die kritisch faszinierten Darstellungen über die zeitgenössische Architektur in Amerika und Russland. Und hier entstanden eine Vielzahl der faszinierenden Studien und Skizzen, die unser kollektives Bild von einem plastischen Architekturstil des 20. Jahrhunderts und einer organischen Moderne mitbestimmen. Ähnlich den Architekturfantasien des Petersburger

schutz, für die Erich Mendelsohn in seiner Berliner Zeit als Entwerfer verantwortlich oder mitverantwortlich gezeichnet hatte. Darunter befinden sich legendäre Bauten, wie die Inkunabel der expressionistischen Architektur, der Einstein-Turm in Potsdam oder als innovativer Beitrag zu einer neuen Industriearchitektur die Hutfabrik Luckenwalde, aber auch das Großstadtensemble der „WOGA“ mit dem Universum-Kino am Kurfürstendamm sowie der programmatische Neubau für die deutsche Metallarbeiter-Gewerkschaft. Die Mehrzahl der geschützten Bau- und Gartendenkmale entfällt heute auf vornehme bürgerliche Wohnhäuser und Landhäuser, darunter sein eigenes Haus am Rupenhorn, aus dem die Familie 1934 fliehen und Deutschland verlassen musste.

Denkmalgeschützte Bauwerke und Gartenanlagen

Zu den frühesten Bauwerken, die Mendelsohn realisieren konnte und die überliefert sind, zählen die Siedlungshäuser in Luckenwalde für Beschäftigte der Hutfabrik Gustav Herrmann aus den Jahren 1919–20, die sich bis heute mit ihrem kräftig roten Putz von gleichaltrigen Siedlungshäusern der Stadt abheben.¹

Eine neue Architektur und eine neue Ästhetik, die in der revolutionären Aufbruchstimmung nach dem Weltkrieg und dem Sturz der Monarchie Einzug halten sollten, verkörpert die bis heute frappierende Formerfindung des Einstein-Turms in Potsdam. Die skulpturalen Qualitäten des organisch modellierten Turmbaus stehen im krassen Gegensatz zur Wissenschafts- und Forschungsarchitektur der deutschen Kaiserzeit. Der Architekturgeschichte gilt diese ungewöhnliche Schöpfung, die vor einigen Jahren unter der Leitung des Büros Pitz & Hoh und mit Unterstützung der Wüstenrot-Stiftung mustergültig restauriert wurde², als kongenialer architektonischer Ausdruck der neuen Weltsicht, die der spätere Nobelpreisträger Albert Einstein mit seiner Relativitätstheorie formuliert hatte.³

Erich Mendelsohn selbst soll freilich nicht den spektakulären Turmbau zu Potsdam, sondern die etwa zur gleichen Zeit ausgeführte Hutfabrik in Luckenwalde als sein wichtigstes Werk in der Berliner Zeit bezeichnet haben. Insbesondere die Lösung der Oberlichtkonstruktionen und Lüftungshäuben über der mehrschiffigen Produktionshalle sowie die hoch aufragende Dach- und Abluftkonstruktion der Färbereihalle, die den Komplex beherrscht, sorgten als eigenwillige architektonische und zugleich aus der Funktion entwickelte Form für Aufsehen.⁴ Die Hutfabrik Luckenwalde mit ihrer Lüftungs- und Belichtungsstruktur war Referenzobjekt für den Auftrag an Erich Mendelsohn, eine moderne Industrieanlage für die Textilfabrik „Rote Fahne“ in Leningrad zu entwerfen. Nach dem Krieg wurden Maschinen aus Luckenwalde demontiert und in der Sowjetunion weiter betrieben. Nach der Schließung des Werks und jahrelangem Leerstand konnten einzelne Gebäudehüllen in den letzten Jahren sukzessive gegen Verfall gesichert und geschlossen werden – bisher allerdings ohne in eine wirtschaftlich sinnvolle und dauerhafte Nachnutzung zu gelangen.⁵

Ebenfalls in der Aufbruchstimmung der Jahre nach dem Ersten Weltkrieg erhielt Mendelsohn den Auftrag, das Verlagshaus Mosse im Berliner Zeitungsviertel aufzustocken und zu modernisieren. Das nach der Novemberrevolution in den Kämpfen im Berliner Zeitungsviertel beschädigte Verlags- und Druckhaus erhielt eine neue schwungvoll abgerundete Ecklösung und eine mehrgeschossige Aufstockung, die sich zur Straßenecke hin steigerte und dem Gebäude eine völlig neuartige dynamische Note im Großstadtbild verlieh.⁶ Im Zweiten Weltkrieg wurde das Bauwerk der ebenfalls in die Emigration gezwungenen jüdischen Eigentümer stark beschädigt und lag nach dem Zweiten Weltkrieg nahe der Sektorengrenze am Todesstreifen, wo es als einflügeliger Torso bis zum Mauerfall überdauerte. Nach der Vereinigung Berlins erfolgte eine komplettierende Wiederherstellung des Bauvolumens und eine vereinfachende Rückbildung der für Mendelsohns Großstadtarchitektur charakteristischen Eck- und Dachlösung.

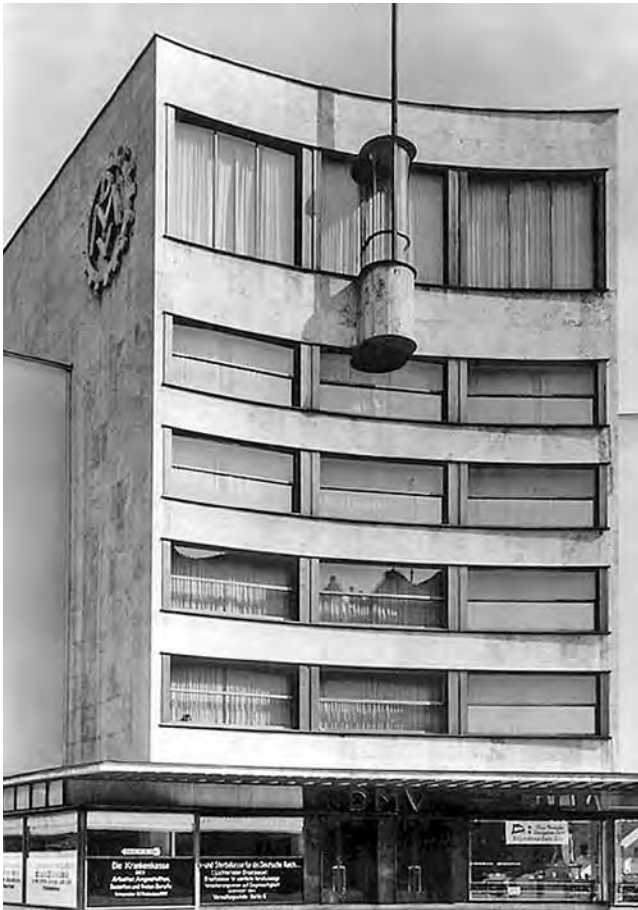
*Mosse-Verlagshaus nach der Neugestaltung der Straßenecke und Aufstockung des Altbaus, um 1925.
Здание издательства Моссе после перестройки угла и надстройки этажа, примерно 1925.*

*Rest des kriegszerstörten Hauses am Todesstreifen der Berliner Mauer, um 1990.
Часть разрушенного войной здания, граничащая с полосой смерти у Берлинской стены, примерно 1990.*

*Mosse-Haus nach der Ergänzung um 1995, 2006.
Здание Моссе, после восстановления ок. 1995, 2006.*

Kopfbau des Gewerkschaftshauses des Deutschen Metall-Arbeiter-Verbandes, um 1930.

Главный корпус профсоюза немецких металлистов, примерно 1930.

Mitte der Zwanziger Jahre entstanden eine Reihe von vornehmen Villen- und Landhäusern von der Hand Erich Mendelsohns mit großzügig geschnittenen Gartenanlagen im Westen und Südwesten der Stadt. Auf Erich Mendelsohn und wohl noch mehr auf Richard Neutra geht die Wohnhausgruppe Sommerfelds Aue (Versuchssiedlung Onkel-Tom-Straße) zurück (1923–24), die in den letzten Jahren seit dem Mauerfall von ihren neuen Eigentümern schrittweise modernisiert und möglichst nach historischem Vorbild wiederhergestellt wurde und wird.⁷

Das Doppelhaus Karolinger Platz, das Anfang der zwanziger Jahre entstand und mit einer Haushälfte auch als Wohnung für Erich Mendelsohn selbst geplant war, zeigt mit seiner Flachdachlösung als Putzbau und den plastisch abgesetzten Ziegelbändern bereits die für die spätere Wohnhausarchitektur Mendelsohns charakteristischen Merkmale.⁸ Von der ursprünglich ebenfalls auf Mendelsohn zurückgehenden Ausstattung hat sich leider nichts erhalten.

Das Haus Sternefeld an der Heerstraße (1923–24) erinnert in seiner horizontalen Lagerung an vergleichbare Wohnbauten Frank Lloyd Wrights und gilt als eines der frühesten Beispiele für eine Flachdachlösung als Stahlkonstruktion in der Villenarchitektur von Berlin. Bereits Ende der 1970er Jahre erfolgte in Abstimmung mit der Denkmalpflege eine Wiederherstellung des L-förmigen Wohnhauses mit Wintergarten und Blumenterrasse, die die Gartenanlagen,

Terrassen und Mauereinfassungen einschloss.⁹ Sowohl das Haus als auch die Gartenarchitektur stammen von Erich Mendelsohn und sind als Bau- und Gartendenkmal geschützt.¹⁰

Das Haus Bejach, am Stadtrand Berlins zu Potsdam hin gelegen (Steinstücken), hat sich erfreulicherweise in einem sehr guten historischen Zustand bis heute überliefert. Es stammt ebenfalls einschließlich des Hausgartens, der durch eine ausgreifende Pergolenarchitektur gefasst und mit dem Wohnhaus zu einer Einheit verbunden ist, von der Hand Mendelsohns.¹¹ Der charakteristische Wechsel von Putzflächen und Ziegelbändern setzt sich in der Gartenarchitektur fort. Haus und Garten Bejach gelten dem DEHIO-Handbuch der Kunstdenkmäler Deutschlands „in der Einfachheit der gestalterischen Mittel als eines der schönsten Landhäuser der zwanziger Jahre in Berlin“. Seit den 1990er Jahren ist der Architekt Helge Pitz, der auch für die mustergültige Instandsetzung des Einstein-Turms verantwortlich zeichnete, Eigentümer des Anwesens und plant,¹² das Denkmalensemble von Haus und Garten sowie sein Archiv in eine neu zugrundende Erich-Mendelsohn-Stiftung überzuführen.

Großstadtarchitektur

Mit dem „WOGA“-Projekt (WOGA=Wohnungs-Grundstücks-Verwertungs-Aktiengesellschaft), einer Kombination von privaten Wohn- und Gesellschaftsbauten mit Einzelhandelsnutzung und gastronomischen sowie kommerziellen Kultureinrichtungen, realisierte Mendelsohn wieder ein Großprojekt in der Region, das auch ins Städtebauliche ausgreift (1927–31). Die weiträumige und komplex angelegte Baugruppe am westlichen Kurfürstendamm wird stadträumlich exponiert von dem Lichtspieltheater des Universum-Kinos, einem als Halbrund an den Boulevard vortretenden Klinkerbau, den eine (als Werbeträger motivierte) vertikale Wandscheibe im Scheitelpunkt weithin sichtbar akzentuiert.

Mosse-Verlagshaus nach der Ergänzung und Nachbildung der Eck- und Dachgestaltung von Erich Mendelsohn, 2006. Здание издательства Моссе после дополнения и воспроизведения оформления угла и крыши по задумке Эриха Мендельсона, 2006.

Ähnlich wie das gelegentlich als „Dampfermotiv“¹³ angesprochene Halbrund des Kraftwerks der Textilfabrik „Rote Fahne“ in Leningrad bildet auch der Berliner Kinobau – zur Eröffnung das größte Kino in der Stadt – das „Flaggschiff“ oder „Markenzeichen“ der sich im rückwärtigen Bereich gruppierenden Gesamtanlage. Die horizontale Schichtung des sich weit ins Blockinnere erstreckenden Baukörpers und durchlaufende Fenster- sowie Klinkerbänder unterstreichen die dynamische Modellierung des Baukörpers, der dem modernen Medium der „Laufenden Bilder“ und dem Tempo des Großstadtverkehrs einen sinnfälligen architektonischen Ausdruck verleiht – ganz ähnlich wie der Eindruck, den das im Halbrund gebändigte Kraftpaket der modernen Energiezentrale in Leningrad erzielen sollte.

Die Entwicklungslinie, die Mendelsohn mit dem Rückgriff auf die wirkungsvolle Baukörpermodellierung der halbrunden Kraftzentrale in Leningrad für den halbrunden Kopfbau aufnimmt, lässt sich möglicherweise auch auf Vorläufer der Stromversorgungsbauten in Berlin zurückführen, insbesondere auf die abgerundeten Warten, wie sie Hans-Heinrich Müller für die BEWAG-Abspannwerke bevorzugt hatte.¹⁴ Bei Müllers Umspannwerken verkörpern die Schaltwarten sozusagen das Herz der technischen Anlagen und sind als funktionaler und räumlicher Mittelpunkt im Inneren der Komplexe positioniert, wogegen Mendelsohn die zentrale Funktion nach außen exponiert und in Kopfbauten unterbringt, deren Halbrund den Gesamtanlagen vorgelagert ist und die moderne Zweckbestimmung demonstrativ im Stadtraum zur Schau stellt.

Nach Kriegszerstörungen wurde der Komplex wieder aufgebaut und das Kino später als Tanzlokal genutzt. Seinem geplanten Abbruch entging dieses 1979 als Denkmal eingetragene Schlüsselzeugnis von Mendelsohn nur knapp durch den Einbau eines modernen multifunktionalen Theaters („Schaubühne“, 1981, Architekt: Jürgen Sawade), dem allerdings bis auf Teile der Fassade das gesamte historische Innengefüge des Altbaus zum Opfer fiel („Fassadismus“).¹⁵ Als Visitenkarte des umgebenden Mendelsohn-Ensembles tritt der sorgfältig restaurierte Außenbau heute umso eindrucklicher im Stadtbild in Erscheinung.

Für das Haus des Deutschen Metallarbeiter-Verbandes (1929–31) ging Erich Mendelsohn als Sieger aus einem Architekturwettbewerb hervor. Er nutzt geschickt die geplante städtebauliche Situation der im spitzen Winkel auf Hochbahn und Landwehrkanal zuführenden Straßeneinmündungen zur Anlage eines dreieckigen Geschäftshauses, das zur Straßenkreuzung durch einen konkav eingewölbten Kopfbau wirkungsvoll akzentuiert wird. Der mit Natursteinplatten verkleidete Mittelbau, der die beiden weiß verputzten Büroflanken verbindet und überragt, nimmt mit einem großzügigen Foyer, dem eleganten Treppenhaus und den Vorstandsbereichen mit Sitzungssaal im obersten Geschoss öffentlichkeitswirksame Funktionen auf. Im Unterschied zur Lochfassade der Bürotrakts ist der Kopfbau durch Fensterbänder horizontal gegliedert und wird, durch einen Glaserker mit Fahnen- bzw. Antennenmast zusätzlich betont, in den Dienst der architektonischen Außendarstellung einer modernen Industriegewerkschaft gestellt. Das Denkmal konnte nach dem Fall der Mauer grundlegend modernisiert und insbesondere in der Ladenzone und im Mittelbau wieder

*Haus und Garten Erich Mendelsohn, Am Rupenhorn, 2007.
Дом и сад Эриха Мендельсона, на улице Ам Рупенхорн, 2007.*

auf sein historisches Erscheinungsbild zurückgeführt werden.¹⁶

Sein eigenes Wohnhaus, das Mendelsohn 1929/1930 für sich und seine Familie Am Rupenhorn erbauen ließ und schon bald nach der Machtergreifung der Nationalsozialisten 1933 wieder verlassen musste, öffnet sich als zweigeschossiger, flacher Putzbau mit den Wohnräumen und einer großzügigen Aussichtsterrasse zur Havelpromenade.¹⁷ Über das Haus Mendelsohn, dessen Fenster im Wohn- und Musikzimmer versenkt werden können, hieß es in *Berlin und seine Bauten* noch 1972: „Die Durchformung der Details im Hause und in den Mauern, Wegen und Terrassen des Gartens hat in Berlin nicht ihresgleichen.“¹⁸ Die Gartenanlage – der Vorgarten steht als Gartendenkmal ebenfalls unter Denkmalschutz – geht interessanterweise nicht auf den Bauherren selbst, sondern auf den Landschaftsplaner Heinrich Wiepking-Jürgensmann zurück.¹⁹ 1988 wurde an dem Haus eine „Berliner Gedenktafel“ zur Erinnerung an den berühmten Baumeister, Bauherren und Bewohner angebracht. In

*Haus und Garten Sternefeld an der Heerstraße sind als Bau- und Gartendenkmal geschützt, um 2005.
Дом и сад Штернефельда на улице Хеерштрассе, памятники архитектуры и паркового искусства, примерно 2005.*

Universum-Kino nach dem Wiederaufbau und dem Umbau als Theaterkomplex (1980/81, Architekt Jürgen Sawade) für die Berliner Schaubühne, um 2007.

Кинотеатр «Универсум» после восстановления и перестройки в театральный комплекс (1980/81, архитектор Юрген Савадэ) для Берлинской театральной труппы Шaubюне, примерно 2007.

Universum-Kino nach den Zerstörungen des Zweiten Weltkriegs, um 1950.

Кинотеатр «Универсум» после разрушений Второй мировой войны, примерно 1950.

jenen Jahren erfolgten auch einige weitere Veränderungen an dem Bauwerk, dem man aus konservatorischer Sicht eine baldige Sanierung und auch Rückführung in den bauzeitlichen Zustand wünschen möchte.

Berlin – St. Petersburg – Berlin

Offensichtlich stehen die denkmalgeschützten Bauwerke und Gartenanlagen von Erich Mendelsohn in den Metropolen St. Petersburg und Berlin nicht nur in einem biografischen Zusammenhang im Oeuvre dieses internationalen Protagonisten der architektonischen Moderne. Vielmehr lassen sich auch konkrete Parallelen und Wechselwirkungen aufzeigen, die die Textilfabrik „Krasnoe Znamja“ in St. Petersburg mit Projekten und Bauten im Berliner Raum verbinden. Die Vorbildfunktion der Hutfabrik Luckenwalde für die Industrieanlage in Russland ist evident. Ebenso finden sich die kreisförmig oder oval abgerundeten Ecklösungen und Kopfbauten, die sich leitmotivisch als Stromlinienformen durch Mendelsohns Werk ziehen, in St. Petersburg und Berlin wieder.

Aber auch die komplizierte und oft mehrjährige Sanierungs- und Rettungsgeschichte der Mendelsohnbauten in Berlin und Brandenburg weist offensichtlich Gemeinsamkeiten mit der aktuellen Situation in St. Petersburg auf. Die gewissermaßen im Ausbauzustand gesicherten Mendelsohn-Hallen der stillgelegten Industrieanlage Luckenwalde erfordern ebenso eine wirtschaftlich tragfähige Umnutzungsperspektive wie der leerstehende Fabrik- und Kraftwerkkomplex in St. Petersburg. Und verglichen mit der Berliner Lösung zur Rettung des zum modernen Theaterbau („Schaubühne“)

transformierten Universum-Kinos von Mendelsohn möchte man in der ungeklärten Situation der historischen Werksbauten in St. Petersburg sogar eine besondere Chance erkennen: Das Industrie- und Technikdenkmal „*Krasnoe Znamja*“ weist nämlich ein Maß an historischer Authentizität und auch im Inneren noch zahlreiche charakteristische Ausstattungselemente auf, wie sie in Berlin über Kriegsreparaturen und Nachkriegsmodernisierungen häufig schon verloren gegeben werden mussten. Dieses Eingeständnis schließt aus deutscher Perspektive das Angebot mit ein, den russisch-deutschen Denkmaldialog über das gemeinsame Erbe der Avantgarde und der Moderne auch auf das Gebiet der Fabrikarchitektur und des industriellen Erbes zu erweitern und womöglich zu beiderseitigen Kooperationsprojekten in der praktischen Denkmalpflege zu kommen.

Literatur:

Veröffentlichungen von und zu Erich Mendelsohn

- Sigrid Achenbach: Erich Mendelsohn 1887–1953. Ideen, Bauten, Projekte, Ausst.kat. Kunstbibliothek SMB-SPK, Berlin 1987.
- Oskar Beyer (Hg.): Erich Mendelsohn. Briefe eines Architekten, München 1961, Neuausg. Basel/Berlin/Boston 1991.
- Arnt Cobbers: Erich Mendelsohn. Der analytische Visionär, Köln 2007.
- Dehio-Vereinigung, Deutsche Stiftung Denkmalschutz und Vereinigung der Landesdenkmalpfleger in der Bundesrepublik Deutschland/Landesdenkmalamt Berlin (Hg.): Georg Dehio Handbuch der deutschen Kunstdenkmäler – Berlin. München/Berlin 2006, S. 129 f., 242 f., 245, 256 f., 308 f., 460 und 490.
- Dehio-Vereinigung und Vereinigung der Landesdenkmalpfleger in der Bundesrepublik Deutschland/Brandenburgisches Amt für Denkmalpflege und Archäologisches Landesmuseum (Hg.): Georg Dehio Handbuch der deutschen Kunstdenkmäler – Brandenburg. München/Berlin 2000, S. 619, 620 und 796.
- Wolf von Eckhardt: Erich Mendelsohn (Große Meister der Architektur VII), Ravensburg 1962.
- Irina Grigorieva: Erich Mendelsohns Wirken als Architekt in der Sowjetunion. LMU-Publikationen, München 2003.
- Ann Grünberg: Erich Mendelsohns Wohnhausbauten. Architekturkonzepte in den internationalen Tendenzen der klassischen Moderne (Kunstwissenschaftliche Studien Band 129), München/Berlin 2006.
- Ita Heinze-Greenberg, Regina Stephan (Hg.): Erich Mendelsohn. Gedankenwelten. Unbekannte Texte zu Architektur, Kulturgeschichte und Politik, Ostfildern-Ruit 2000.
- Ita Heinze-Greenberg, Regina Stephan (Hg.): Luise und Erich Mendelsohn. Eine Partnerschaft für die Kunst, Ostfildern-Ruit 2004.
- Kathleen Andrew James: Erich Mendelsohn. The Berlin Years 1918–1933, Diss. University of Pennsylvania 1990.
- Erich Mendelsohn: Amerika. Bilderbuch eines Architekten, Berlin 1926, Reprint Braunschweig/Wiesbaden 1991.

Erich Mendelsohn: Russland–Europa–Amerika. Ein architektonischer Querschnitt, Berlin 1929, Neuausgabe Basel/Berlin/Boston 1989.

Erich Mendelsohn. Das Gesamtschaffen des Architekten. Skizzen, Entwürfe, Bauten. Berlin 1930, Reprint Braunschweig/Wiesbaden 1988.

Erich Mendelsohn. Dynamik und Funktion. Realisierte Visionen eines kosmopolitischen Architekten. Ausst.kat. Institut für Auslandsbeziehungen, Ostfildern-Ruit 1999.

Regina Stephan (Hg.): Erich Mendelsohn. Architekt 1887–1953. Gebaute Welten. Arbeiten für Europa, Palästina und Amerika, Ostfildern-Ruit 1998.

Regina Stephan: Erich Mendelsohns Bauten heute. Architekturführer zu seinen Bauten in Deutschland, Polen, Russland, Norwegen, Großbritannien, Israel und in den Vereinigten Staaten von Amerika, Akademie der Künste Berlin 2004.

Bruno Zevi: Erich Mendelsohn. Opera Completa, Milano 1970 (Reprint 1997).

Katalog: Auszug aus den Denkmallisten von Berlin und Brandenburg der denkmalgeschützten Bauten von Erich Mendelsohn

- 1919–20
Siedlungshäuser Gottorfer Straße Luckenwalde
- 1920–21
Einsteinurm Potsdam
- 1921–23
Hutfabrik Luckenwalde
- 1921–23
Erweiterung/Umbau Mosse-Haus Berlin
- 1922
Doppelwohnhaus Karolingerplatz Berlin
- 1923–24
Landhausgruppe Sommerfeld Aue (mit Richard Neutra) Berlin
- 1923
Haus Dr. Sternefeld Heerstraße Berlin
- 1927
Landhaus Dr. Bejach Berlin-Steinstücken
- 1927–28
Baugruppe „WOGA“ mit Universum-Kino am Kurfürstendamm Berlin
- 1929–30
Sitz des Deutschen Metallarbeiter-Verbandes Alte Jakobstraße Berlin
- 1929–30
Haus Erich Mendelsohn Am Rupenhorn Berlin

Йорг Хаспель: Наследие Эриха Мендельсона в Берлине и его окрестностях – краткий обзор

Статья рассказывает об архитектурном наследии Эриха Мендельсона сохранившемся в Берлине и вокруг него. После защиты диплома в 1919 году Эрих Мендельсон открывает в Берлине свою архитектурную мастерскую. В

этом городе он останется до своей эмиграции в 1934 году. Здесь он проектирует, пишет и рисует, причем его архитектурные фантазии до сих пор не потеряли свои силы, как и фантазии Якова Чернихова. В Берлине Эрих Мендельсон стал известен как один из лидеров архитектурного экспрессионизма и Современного движения. В Берлине и вокруг него находятся сегодня под охраной более десяти построек и садов Мендельсона: поселковые дома и Шляпная фабрика в Люкенвальде, Башня Эйштейна в Потсдаме, жилые и загородные дома в Берлине, среди которых Дом архитектора, Издательский дом Моссе и Дом немецкого Союза металлистов.

Взгляд на характерные художественные особенности, степень сохранности и проблемы охраны памятников берлинских построек указывает на общность между фабрикой «Красное Знамя» и сооружениями в Берлине: функция образца, которая была у «Шляпной фабрики» (Hutfabrik), архитектурный лейтмотив динамического решения углов, а также параллели в сложных и часто многолетних процессах сохранения и спасения построек Мендельсона. Например удалось частично спасти от дальнейшего разрушения исторические стены Шляпной фабрики в Люкенвальде, но до сих пор не найдено осмысленное решение использования здания. Обе фабрики – в Люкенвальде и Петербурге – нуждаются в экономически обоснованной концепции нового использования. При этом сегодня «Красное Знамя» имеет особый шанс на сохранение исторической подлинности и оригинальных элементов оборудования, в то время как подобные элементы в Берлине не имели шансов на спасение и уже не сохранились. Это самокритичное признание немецкой стороны могло бы быть хорошей предпосылкой, к тому чтобы от русско-немецкого «Диалога о судьбе памятников» перейти в стадию реализации двусторонних совместных проектов по их сохранению.

- ¹ Vgl. Thomas Drachenberg: Luckenwalde – Ein unbekanntes Werk Erich Mendelssohns, in: Brandenburgische Denkmalpflege 1/1996 (Jg. 5), S. 71–78. – Stadt Luckenwalde (Hg.): Erich Mendelsohn und die Moderne in Luckenwalde, Berlin/Luckenwalde o. J. (2005?).
- ² Vgl. Norbert Huse (Hg.): Der Einsteinurm. Die Geschichte einer Instandsetzung, (Schriftenreihe der Wüstenrot Stiftung „Baudenkmale der Moderne“) Stuttgart/Zürich 2000.
- ³ Jörg Limberg: Entwürfe, Ausführung und Erweiterungsbau. Erich Mendelssohns Einsteinurm in Potsdam, in: Arbeitshefte des Brandenburgischen Landesamtes für Denkmalpflege (5), 1994, S. 4–71. – Astrophysikalisches Institut Potsdam (Hg.): Der Einsteinurm in Potsdam. Architektur und Astrophysik, Berlin 1995. – Hans Wilderotter im Auftrag des Hauses für Brandenburgisch-Preußische Geschichte (Hg.): Ein Turm für Albert Einstein. Potsdam, das Licht und die Erforschung des Himmels, Potsdam 2005.
- ⁴ Gerald Kühn von Kaehne, Christoph Lebek, Matthias Noell: Luckenwalde. Die ehemalige Hutfabrik Friedrich Steinberg, Herrmann & Co von Erich Mendelsohn, in: Brandenburgische

- Denkmalpflege 1/1992 (Jg. 1), S. 75–84. – Thomas Drachenberg: Die Hutfabrik von Erich Mendelsohn in Luckenwalde, in: Kunsttexte.de, Nr. 2/2002, <http://www.kunsttexte.de/download/denk/drachenberg.PDF>
- ⁵ Carola Nathan: Hütte unterm Hut – Meisterwerk von Erich Mendelsohn hat wieder eine Zukunft, in: Monumente online, Januar 2005, http://www.monumente-online.de/05/01/streiflicht/hutfabrik_luckenwalde.php
- ⁶ Landesdenkmalamt Berlin (Hg.): Denkmale in Berlin. Bezirk Mitte – Ortsteil Mitte (Denkmaltopographie Bundesrepublik Deutschland), Petersberg 2003, S. 146 f. und 384 f.
- ⁷ Landesdenkmalamt Berlin (Hg.): Baudenkmale in Berlin, Bezirk Zehlendorf, Ortsteil Zehlendorf, (Denkmaltopographie der Bundesrepublik Deutschland), Berlin 1995, S. 219.
- ⁸ Kühl und elegant. Erich Mendelssohns Villen, in: Michael Bienenert, Elke Linda Buchholz: Die Zwanziger Jahre in Berlin. Ein Wegweiser durch die Stadt, Berlin 2005, S. 99–103.
- ⁹ Der Senator für Bau- und Wohnungswesen – Landeskonservator Berlin (Hg.): Erich Mendelsohn – Haus Dr. Sternefeld 1923, Charlottenburg, Heerstr. 107. Instandsetzung, Umbau, Restaurierung. Berlin (Info-Flyer 9/81) 1981.
- ¹⁰ Jörg Haspel, Klaus Henning von Krosigk (Hg.): Gartendenkmale in Berlin. Privatgärten (Beiträge zur Denkmalpflege in Berlin 21, Hg. Landesdenkmalamt Berlin), Petersberg 2005, S. 35 und 302.
- ¹¹ Ebd., S. 218 und 298.
- ¹² Jürgen Tietz: Zeitschichten. Pitz und Hoh Werkstatt für Architektur und Denkmalpflege. Bü-roportrait, in: db deutsche bauzeitung 12/2005 (Jg. 139), S. 54–58. – Tag des offenen Denkmals 2003 – Landhaus Dr. Bejach, in: <http://www.stadtentwicklung.berlin.de/denkmal/denkmaltag2003/bookmarkanzeige.php?dkmenu=serch&id=102>
- ¹³ Vgl. Gert Kähler: Architektur als Symbolverfall. Das Dampfermotiv in der Baukunst (Bauwelt Fundamente 59), Braunschweig/Wiesbaden 1981.
- ¹⁴ Vgl. Paul Kahlfeldt: Hans Heinrich Müller, 1879–1951. Berliner Industriebauten, Basel/Berlin/Boston 1992. – BEWAG (Hg.): Elektropolis Berlin. Historische Bauten der Stromverteilung, Berlin 1999.
- ¹⁵ Helge Pitz u. a.: Der Mendelsohn-Bau am Lehniner Platz, Berlin 1981. – Jörg Haspel: Rückwärtige Erosion und schleichen-de Rekonstruktion. Das Universum-Kino von Erich Mendelsohn. in: Rekonstruktion in der Denkmalpflege. Überlegungen – Definitionen – Erfahrungen (Schriftenreihe des Deutschen Nationalkomitees für Denkmalschutz, Bd. 57), Bonn 1997, S. 147–151.
- ¹⁶ Peter-Jörg Gutzke: IG-Metall-Haus, Alte Jakobstraße/Ecke Lindenstraße (Kreuzberg), in: Reparieren – Renovieren – Restaurieren. Vorbildliche Denkmalpflege in Berlin. Hg. Verlagsgruppe Wiederspahn im Auftrag des Landesdenkmalamtes Berlin, Wiesbaden/Berlin 1998, S. 32 f.
- ¹⁷ Jörg Stabenow: Architekten wohnen. Ihre Domizile im 20. Jahrhundert, Berlin 2000, S. 58 ff.
- ¹⁸ Architekten- und Ingenieurverein zu Berlin (Hg.): Berlin und seine Bauten Teil IV C, München/Berlin/Düsseldorf 1975, S. 182 f.
- ¹⁹ Haspel, von Krosigk (Hg.) 2005 [FN 10], S. 290.

Inspirationsquelle Natur, Kunst und Musik – Erich Mendelsohns ungewöhnliche Wege zum Entwurf

Regina Stephan

Wer sich mit Mendelsohn beschäftigen will, muss bereit sein, in die Lebensbereiche einzutauchen, die ihn bei seiner kreativen Arbeit inspirierten: Natur, Kunst und vor allem die Musik. Denn Mendelsohns architektonische Entwürfe entstanden in einem für einen Architekten sehr ungewöhnlichen künstlerischen Prozess. Sei es, indem er Naturformen abzeichnete und in Baukörper übertrug, wie es etwa für Muscheln oder Dünen nachweisbar ist, sei es in indirekter Weise, indem Prinzipien musikalischer Kompositionen Ausgangspunkte zeichnerischer, räumlicher Darstellungen werden. Die flüchtige Kunst der Musik wurde somit in ein bleibendes Raumgefüge transformiert. Dieser Prozess ist komplex, spannend und eine besonders wichtige Grundlage für das Verständnis seiner Architektur.¹

Musik im Leben von Mendelsohn

Die Musik von Johann Sebastian Bach war für Mendelsohn die Inspirationsquelle schlechthin, er hat sich zum Zeichnen und Entwerfen in sein Studiolo zurückgezogen und Platten aufgelegt, neben den „Brandenburgischen Konzerten“ vor allem die „Kunst der Fuge“, die „Matthäus Passion“ und die „H-Moll Messe“. Bei Konzerten pflegte er nach kurzer Zeit zu skizzieren, was seiner Frau bisweilen peinlich war, da die Leute sich umdrehten, weil sie das Geräusch des Federhalters oder des Bleistifts irritierte. Uns hat er jedoch eine große Anzahl sogenannter musikalischer Skizzen hinterlassen.

Musik und Zeichnung, ebenso wie Musik und Architektur, sind eigentlich unvergleichbar, denn so dauerhaft und über lange Zeit präsent Gebautes ist, so flüchtig ist Musik. Sie ist, wie der Komponist Frank Michael Beyer ausführte, „ein höchst komplexer innerer Zeitorganismus, der im erinnernden Hören sich zum Eindruck, gleichsam zum bildlosen Gesamtbild verdichtet.“² Mendelsohn versuchte also genau dies, die Musik in einen Raumorganismus umzuwandeln. Er ging so weit, 1925 in dem Aufsatz „Harmonische und kontrapunktische Führung in der Architektur“ musikalische

Kompositionsprinzipien direkt auf die Architektur zu übertragen, für die er die Vereinigung aller Bauglieder zu einem „Organismus, das ist das selbstverständliche Ineinandergreifen der Einzelglieder, der Raumvorgänge“ forderte.³ Wir werden sehen, dass Mendelsohn die Prinzipien harmonischer und kontrapunktischer Führung bei seinen großen Entwürfen berücksichtigte und selbst die in der Musik so wichtige

Pause, als unerwartete Richtungsänderung, umsetzte.

Mendelsohn profitierte bei dieser Herangehensweise von seiner außerordentlich tiefen Vertrautheit mit der klassischen Musik seit seiner Kindheit in Allenstein. Nicht nur hatte er eine sehr musikalische Mutter, er lernte selbstverständlich für das damalige aufstrebende Bürgertum selbst Klavier zu spielen, und seine Verlobte und spätere Frau Luise hatte sogar ein Studium zur professionellen Cellistin absolviert. Hauskonzerte gehörten bei den Mendelsohns Zeit ihres Lebens dazu! 1927 luden sie ihre engsten Musikfreunde nach Leipzig ein, wo in der Thomaskirche, an der Bach gewirkt hatte, die unvollendet gebliebene *Kunst der Fuge* erstmals aufgeführt wurde. Man flog hierfür eigens von Berlin nach Leipzig, damals ein Abenteuer für sich, das zwei Stunden dauerte. Das Haus der Mendelsohns in

Erich Mendelsohn, 1921.

Эрих Мендельсон, 1921.

Berlin am Rupenhorn erhielt einen Musiksalon mit eingebauten Instrumentenschränken und eine Bühne für Konzerte auf der Ostseite des Gebäudes, auf der man Gäste empfing und z. B. auch für wohltätige Zwecke Spenden sammelte. Später, in Jerusalem, war die Windmühle, in der die Mendelsohns lebten, ein Treffpunkt der immigrierten Deutschen, bei dem bei Konzerten Gelder für mittellose Immigranten, wie die Dichterin Else Lasker-Schüler, gesammelt wurde. Stets muss man sich Mendelsohn, wenn er nicht selbst spielte, bei solchen Aufführungen skizzierend vorstellen. Musik hat ihn offenbar sehr inspiriert. Er ist damit ein herausragendes Beispiel für den sogenannten „Mozart-Effekt“, den man damals allerdings so noch nicht benannte. Er wurde erst 1993 von Gordon Shaw und Frances Rauscher in der

Skizzen für den „Einsteinurm“.
Эскизы для «Башни Эйнштейна».

Zeitschrift *Nature* beschrieben. Demnach verbessert sich das räumliche Vorstellungsvermögen durch das Hören und Spielen klassischer Musik. Bach, als sehr konsequent und klar strukturierender Komponist, war für die Arbeit des Architekten Mendelsohn ideal.

Studienjahre in München

Mendelsohns Familie lebte in Allenstein, einer mittelgroßen Provinzstadt in Ostpreußen, im heutigen Masuren. Auf Wunsch der Eltern sollte er – er war 1887 geboren – nach dem Abitur, das er an einem humanistischen Gymnasium abgelegt hatte, Volkswirtschaft studieren, begann das Studium auch 1907 in München, um es sogleich wieder zu beenden. Das war nicht sein Fach! München aber war seine Stadt, in die er nach vier Semestern an der TH Berlin-Charlottenburg 1910 zurückkehrte. Die Gründe hierfür sind vielfältig. München war eines der, wenn nicht das Zentrum der Moderne in Deutschland. Dort wurde 1907 der Deutsche Werkbund gegründet, dort lebten und arbeiteten die Künstler des Blauen Reiters, allen voran Vassily Kandinsky und Gabriele Münter, gab es gigantische Faschingsbälle und eine Künstlerszene, der sich Mendelsohn zugehörig fühlte und auch war. Ein Expressionistentheater sollte in München schon vor dem Ersten Weltkrieg gegründet werden, mit Hugo Ball, der später zu den Gründern von Dada gehörte, mit Arnold Schönberg, dem Erfinder der Zwölftonmusik, und Mendelsohn als Bühnen- und Kostümbildner. Nur der Kriegsausbruch am 1. August 1914 verhinderte seine Umsetzung.

Nach München aber hatte ihn wohl vor allem Theodor Fischer gezogen, der als genialer Architekturlehrer in die Architekturgeschichtsschreibung eingegangen ist. Bei ihm studierten so bedeutende Architekten wie Hugo Häring, Ernst May, Dominikus Böhm. Bruno Taut und Paul Bonatz arbeiteten im Büro Fischers jahrelang nebeneinander.⁴ Fischerschüler zeichnen sich durch eine genaue Berücksichtigung städtebaulicher Gegebenheiten aus, bei gleichzeitiger stilistischer Freiheit.

Aus dieser Gemengelage zwischen Expressionismus, Musik und Architektur entwickelte Mendelsohn dann in den Jahren des Ersten Weltkrieges, in denen außer Rüstungsfabriken nahezu nichts mehr gebaut wurde, seinen eigenen architektonischen Ausdruck.

„Skizzen von der russischen Front“ – der Einsteinurm in Potsdam

Den Kriegsausbruch am 1. August 1914 erlebte Mendelsohn in München. Anders als die meisten Mitbürger erahnte er das große Unglück, das damit begann. Er schrieb an seine Freundin: *„Der Wahnsinn des Krieges steht also bevor... Die Zustände auf dem Bahnhof sind unbeschreiblich... Uns ... berührt es niederdrückend, dass alle Kultur nur ein Mantel ist für die rohe Kraft, dass das Naturgesetz der Macht des Stärkeren elementar Beweise gibt und alles Streben darüber hinaus zu einem Phantom macht.“*⁵

Er wurde aufgrund seiner schlechten Augen zunächst vom Kriegsdienst zurückgestellt, 1915 dann aber doch, 28-jährig, einberufen, an West- und Ostfront eingesetzt und mehrfach verwundet. Dem Grauen des Stellungskrieges entkam er durch Arbeiten an seinem Konzept für eine Architektur, wie er sie sich für die Zeit nach dem Krieg erträumte. Diese *Skizzen von der russischen Front*, genauer gesagt vom Frontabschnitt bei Libau/Liepaja im heutigen Lettland, haben unmittelbar nach Kriegsende den Grundstein zu seinen ersten Aufträgen gelegt. Wir wissen über ihre Entstehung über die Briefe, die er seiner Frau Luise sandte. So schrieb er am 11. August 1917: *„Gestern keine Wache. Heute früh schon hinter Blättern. Die Gesichte sind wieder hinter jedem Lichtkranz, jedem Blutkörperchen im geschlossenen Auge. Massen, die reif dastehen, im Augenblick sich ziehen, verschieben, so dass es der Hand fast unmöglich ist, sie annähernd festzuhalten. Ich bedauere, dass Hand und Gesicht nicht im maschinellen Zusammenhang stehen. Aber der Widerstand zwingt scheinbar erst zur Form.“*⁶

Die Skizzen sind sehr kleinformatig, denn sie mussten mit der Feldpost transportiert werden. Luise versorgte ihren Mann mit Papier und Zeichenutensilien, sie fixierte die Skizzen zuhause. Sie sind sein Weg, mit der Zeit an der Front sinnvoll umzugehen und auch das Grauen zu vergessen, das durch viele Briefe scheint. Mitte Oktober 1917 schrieb er: *„1914 war die Welt im Tausend, heute ist sie im Wahnsinn. Beides hat so viel Gemeinsames, dass sie in gleicher Weise nicht weiß, wie sie hineinkam und nun heraus ...“*⁷ Nun, heraus kam Deutschland durch die Novemberrevolution 1918, die Abdankung des Kaisers am 9. 11. und den totalen Zusammenbruch seiner Wirtschaft infolge des Krieges und des Versailler Vertrages.

Dünen in der Kurischen Nehrung. Foto: Kazimieras Mizgiris (A FIAP).
Дюны на Куршской косе. Фото: Казимиераса Мизгируса (АФИАП).

Man muss es als kühn bezeichnen, dass Mendelsohn dennoch Anfang November 1918 ein Architekturbüro in Berlin gründete, inmitten des Aufruhrs und der schweren Krise. Vielleicht war es die aufgestaute Energie eines tatendurstigen Architekten, dem der Krieg bislang keine Möglichkeit gegeben hatte, zu bauen, vielleicht aber war es auch die sich abzeichnende Chance, trotz dieser widrigen Umstände einen Auftrag zu bekommen, über den er sich schon während des Krieges mit einem Bekannten und Freund Luises unterhalten hatte: den Bau eines astrophysikalischen Instituts zum Nachweis der Relativitätstheorie Albert Einsteins. Erwin Finlay Freundlich, wie Luise aus Königsberg stammend, Cellospieler wie sie, Mitarbeiter Einsteins, korrespondierte mit Mendelsohn schon seit 1917 über seine Idee, einen solchen Turm zu bauen, für den er sich bemühte, Gelder aufzutreiben. Anfang Juli 1918 war es schließlich so weit: Er schilderte Mendelsohn das Konzept seines Turmes in einem längeren Brief und schloss mit den Worten: „*Hätten Sie Zeit und Lust eine Zeichnung zu machen? Man kann ja auch aus einem so kleinen Projekt etwas Hübsches machen.*“⁸

Natürlich hatte Mendelsohn Lust und Zeit und entwickelte in einer Reihe von Skizzen seine Entwurfsideen für den Einsteinurm! Er wurde aus Gründen des nationalen Prestiges – die Amerikaner, deren Kriegseintritt 1917 den Krieg zugunsten von Deutschland entschieden hatte, drohten als Erste den Nachweis der Relativitätstheorie zu führen – auch in der unmittelbaren Nachkriegszeit realisiert. Er machte Mendelsohn mit einem Paukenschlag berühmt und führte in

der Folge dazu, dass er mit seinem Büro eine Vielzahl großer Aufträge parallel bearbeiten konnte.

Dünenskizzen – Textilfabrik in Luckenwalde und Leningrad

Aus der Hektik des Bürobetriebs zog sich EM, wie er in seinem Büro nur genannt wurde, zum Entwerfen in besagtes Studiolo zurück. Oder aber er nutzte Gelegenheiten, wie einen Familienurlaub am Kurischen Haff, wo ihn die Dünenformationen zu Skizzen anregten, die unter dem Namen „*Dünenskizzen*“ berühmt geworden sind. Die Kurische Nehrung im Norden Ostpreußens verfügt über sehr ungewöhnliche Dünenformationen, die bis heute Künstler und Fotografen inspirieren. Ich kenne keinen anderen Architekten, der diese Dünen zum Ausgangspunkt seiner Entwürfe machte. Ich zeige Ihnen ein Foto des Fotografen Kazimieras Mizgiris von 1991 mit solchen Formationen.

Eine solche Dünenskizze lag dem berühmten Färbereigebäude der Hutfabrik in Luckenwalde zugrunde, Mendelsohns zweitem großen Auftrag der Inflationszeit. Wieder gelang es ihm, seine Skizzen in gebaute Architektur umzusetzen. Für mich ist dies das große Faszinosum Mendelsohn. Die Dünenskizze bildet die Grundlage für den Entwurf des Färbereigebäudes, das aufgrund seiner herausragenden gestalterischen und technischen Lösung in Luckenwalde, einen riesigen Folgeauftrag aus Leningrad nach sich zog: die Tex-

*Blick in das Innere der „Hutfabrik“ in Luckenwalde 2003.
Взгляд внутрь фабрики головных уборов Хутофабрик
(«Шляпная Фабрика») в Люккенвальде, 2003.*

tilfabrik „Krasnoe Znamja“. Was war so besonders an der Färberei? Die Gestaltung, die dem Bau den Spitznamen „der Hut“ verschaffte, die elegante, spitz zulaufende Eisenbetonrahmenkonstruktion, und vor allem die darin enthaltene und unlösbar damit verbundene innovative technische Lösung der Lüftung des Färbereigebäudes, die die Arbeitsbedingungen erheblich verbesserte. Das heißt, eine Inspiration aus der Natur wurde nicht nur gestalterisch in die Realisierung gerettet, sondern zugleich auch um eine erfolgreiche Erfindung zur Entsorgung der gesundheitsgefährdenden Färbereigase erweitert. Innerhalb kürzester Zeit hatte damit Mendelsohn zwei völlig unterschiedliche Bauten auf gänzlich neue Weise architektonisch-gestalterisch und technisch-konstruktiv gelöst: der Einsturmturm als Laboratorium und Denkmal für Einstein, die Hutfabrik als Fabrikgebäude und immanentes Firmensignet.

Musikalische Skizzen – Verlagshaus Mosse und Kaufhaus Schocken in Stuttgart

Auch die „Musikalischen Skizzen“ waren nicht l’Art pour l’Art. Sie waren oftmals die ersten Skizzen für seine Gebäude. Ich möchte dies anhand von zwei Bauten erläutern. Das Verlagshaus Rudolf Mosse in der Jerusalemer Straße war 1919 beim Spartakusaufstand beschädigt worden und sollte wiederhergestellt und modernisiert werden.⁹ Der bestehende eklektizistische Bau von Cremer und Wolfenstein passte nicht mehr in die CI des Verlages, der das linksliberale Berliner Tageblatt publizierte. Einige Architekten waren an der Aufgabe schon gescheitert. Auch Mendelsohns erster Entwurf gefiel nicht. Dann aber hatte er bei der Aufführung von Bachs *Matthäuspassion* die zündenden Ideen. Er entwarf den Außenbau des später „Einfropfung“ genannten Um- und Erweiterungsbaus von der Gesamtform bis ins Detail während eines Konzertes. Der Vergleich des fertigen Baus mit den Skizzen macht die genaue Umsetzung der Skizzen in gebaute Architektur absolut evident. Mendelsohn hat hierfür allerdings sehr kämpfen müssen. Der Berliner Oberbürgermeister Gustav Böß und, mehr noch, der langjährige Stadtbaurat Ludwig Hoffmann, setzten alle

*Blick in den Werkshof der Textilfabrik „Rote Fahne“, 2008.
Вид на территорию текстильной фабрики
«Красное знамя», 2008.*

möglichen Mittel ein, um die Realisierung des Projekts zu verhindern. Erst der übergeordnete Reichskunstwart Edwin Redslob genehmigte schlussendlich den Bau. Mendelsohn bestand hier und auch bei seinen folgenden Bauten auf der Gültigkeit der Skizze, denn: „Behält sie Recht, so ist das ein untrügliches und befreiendes Zeichen, dass die Arbeit auf dem Wege ist, ein Kunstwerk zu werden. So sehr begeben sich mich unter die Herrschaft des Unbewussten. Denn der Intellekt baut zusammen, aber die Intuition gestaltet.“¹⁰

Er äußerte dies im Zusammenhang mit dem Kaufhaus Schocken in Stuttgart, für das auch die wesentlichen Entwürfe beim Hören von Musik entstanden, in diesem Fall bei einem Bachabend, bei dem neben Luise Mendelsohn auch Erich Mendelsohn selbst, sein Freund und späterer Biograph Oskar Beyer und Albert Einstein musizierten.¹¹ Mendelsohns Kaufhaus Schocken in Stuttgart ist die gebaute „Harmonische und kontrapunktische Führung in der Architektur“, was man anhand des Vergleiches von Skizzen und ausgeführtem Bau sehr gut erkennen kann.

Grundlage jeder Konzeption war natürlich das genaue Studium des Bauplatzes, der umgebenden Bebauung, der städtebaulichen Situation, der klimatischen Bedingungen. Mendelsohn sog derartiges in eingehenden Studien vor Ort gleichsam in sich ein und begann dann meist schon vor Ort mit ersten Skizzen. Dieses Eingehen auf den Ort ist den Bauten auch anzusehen. Allesamt sind sie Individualisten, für den jeweiligen, spezifischen Ort entworfen, nicht transferierbar. Es verwundert daher in keinsten Weise, dass seine beiden Vorbilder ebenso individualistische Architekten waren: Henry van de Velde und Frank Lloyd Wright, den er nur „the master“ nannte. Die Umsetzung der Skizzen in Bauzeichnungen war – das sei nicht verschwiegen – nicht Erich Mendelsohns Lust, wohl auch nicht seine Stärke. Hierfür suchte er sich kompetente Mitarbeiter, die bereit waren, sich in seine Skizzen einzudenken – Richard Neutra, Arthur Korn, Ernst Sagebiel, Gabriel Epstein, Julius Posener, um nur ein paar zu nennen.

Sein Büroleiter war sein bester Schulfreund, das „Große Heimattier“, wie die Mitarbeiter Charles Duvinage nannten. Er wickelte schließlich auch das Büro ab, als die Mendelsohns am 30. März 1933 Berlin über Nacht verließen, in

Skizze Mendelsohns für das Kaufhaus Schocken in Stuttgart, ca. 1926.

Эскиз Мендельсона для универмага «Шоккен» в Штутгарте, около 1926.

dem sie als prominente Juden, so der Abschnitt im Berliner Adressbuch, in dem sie genannt wurden, sich nicht mehr sicher fühlen konnten. Als Mendelsohn bei der Ankunft im Hauptbahnhof in Amsterdam einen sehr bekannten Bauunternehmer traf, der gleichfalls Nazideutschland verlassen hatte, fragte der ihn: „Mendelsohn, was machen Sie denn hier?“, woraufhin Erich seinen Stift aus der Brusttasche zog und sagte: „Sehen Sie, ich habe mein Büro nach Amsterdam verlegt.“ „Der Stift“, so schrieb Luise Mendelsohn rückblickend, „war Erichs Kapital – sein unerschütterlicher Glaube an seine Kreativität und meiner an sein Genie. Wir brachen dann alle Verbindungen nach Deutschland ab. Wir hatten nur noch einen Gedanken – ein neues Leben zu wagen, ohne alle Last.“¹²

Das aber ist ein anderes Kapitel.

Регина Штефан: Источники вдохновения: природа, искусство и музыка – непривычные подходы Эриха Мендельсона к проектированию

Статья позволяет взглянуть на вдохновляемый музыкой и природой процесс проектирования Эриха Мендельсона в период перед его эмиграцией. В 1907 году Мендельсон приехал в Мюнхен. В этом центре модернизма он был частью художественного сообщества и поддерживал особо тесные контакты с экспрессионистами вокруг Василия Кандинского, учился архитектуре у Теодора Фишера. В 1915 Мендельсона призвали на войну. Ужасы фронта перерабатывал он в архитектурные эскизы, формирующие базу первых послевоенных проектов. В 1918 году Мендельсон основывает архитектурное бюро в Берлине. Его первый заказ был астрофизический

институт доказательства теории относительности Альберта Эйнштейна. Благодаря «Башиной Эйнштейна» Мендельсон стал известным и получил многочисленные заказы.

На протяжении всей жизни Эриха Мендельсона музыка, особенно творения Баха, являлась важной частью для него – и его повседневной жизни, и в творчестве. Он сам музицировал, организовывал домашние концерты, слушал музыку во время работы и творил на концертах. Мендельсон пытался применять в архитектуре принципы музыкальной композиции. Этот теоретический подход он объяснил в 1925 году опубликованной статье. Перестройку и расширение издательского дома Моссе Мендельсон проектировал от концепции и до деталей во время прослушивания концерта Баха «Страсти по Матфею». Основные эскизы для Универмага «Шоккен» также были созданы во время вечера Баха. Переведенные рисунки в чертежи брали на себя сотрудники его мастерской.

¹ Mendelsohn hat sich selbst dazu geäußert: Erich Mendelsohn: Kontrapunktische Führung in der Architektur, in: Baukunst 1/1925, S. 179. – Eine grundlegende Analyse des Zusammenhangs von Musik und Architektur bei Mendelsohn lieferte: Frank Michael Beyer: Zeitarchitektur bei Johann Sebastian Bach, in: Regina Stephan: Erich Mendelsohn. Wesen, Werk, Wirkung, Ostfildern-Ruit 2004, S. 58–63.

² Ebd. S. 59 f.

³ Zit. nach Ita Heinze Greenberg, Regina Stephan (Hg.): Erich Mendelsohn. Gedankenwelten, Ostfildern-Ruit, 2000, S. 54.

⁴ Zu den Fischer-Schülern siehe: Winfried Nerdinger: Theodor Fischer. Architekt und Städtebauer, Kat. Ausst. München 1988, S. 86.

⁵ Mendelsohn am 1. 8. 1914 an Luise Maas, zit. nach Oskar Beyer: Erich Mendelsohn, Briefe eines Architekten, München 1961, S. 28.

⁶ Erich an Luise Mendelsohn, Ilipau, 11. 8. 1917, zit. nach Beyer 1961 [FN 5], S. 40.

⁷ Erich an Luise Mendelsohn, Feldlazerett Hal, 17. 10. 1918, zit. nach Beyer 1961 [FN 5], S. 52.

⁸ Finlay-Freundlich, zit. nach Sigrid Achenbach: Erich Mendelsohn 1887–1953. Ideen, Bauten, Entwürfe, Kat. Ausst. Berlin 1987, S. 64.

⁹ Siehe hierzu: Regina Stephan: Waren- und Geschäftshäuser Erich Mendelsohns in Deutschland. Diss. phil. München 1992, S. 63–73.

¹⁰ Erich Mendelsohn: Der Architekt über seine Arbeit, in: S.: Die neuen Bauten. Mitteilungen der Schocken KG a. A. Zwickau/Sa. 7, o. J. (1928), zit. nach Stephan 1992 [FN 9], S. 34.

¹¹ Z. B. Hdz. EM 155, publiziert in: Regina Stephan (Hg.): Erich Mendelsohn. Gebaute Welten, Ostfildern-Ruit 1998, S. 105.

¹² Louise Mendelsohn: My life in a Changing World, San Francisco o. J., S. 254. – In Auszügen publiziert von Ita Heinze-Greenberg und Regina Stephan (Hg.): Luise und Erich Mendelsohn. Eine Partnerschaft für die Kunst, Ostfildern-Ruit 2004, S. 113.

Памятники московского модернизма – актуальные перспективы

Наталья Голубкова

Под влиянием объективных экономических законов развития Москва неоднократно меняла и масштабы, и стилистику, и этажность своей застройки. Остановить этот процесс невозможно. В первую очередь он охватывает исторический центр города, где сегодня сосредоточены важнейшие столичные и городские функции. Здесь возникают и ярче всего проявляются главные противоречия между «старым» и «новым», острота которых особенно

ностями по преодолению мировоззренческих стереотипов, а часто и идеологических штампов. Что следует сохранять в бурной динамике развития гигантского мегаполиса? Что ценно? Главной задачей в сохранении культурного наследия столицы является сохранение ее архитектурной неповторимости и своеобразия облика города. Решать эту задачу на практике призвано Московское наследие.

Жилой дом К.С. Мельникова, Кривоарбатский, 10.

Wohnhaus des Architekten Konstantin Melnikov, Krivoarbatskij Pereulok 10.

ощутима последние 10 лет. В этих условиях Московское наследие призвано объективно и профессионально оценивать различные ситуации, осуществлять законодательный контроль за территориями исторического города, преодолевая конфликтные ситуации в своей работе по сохранению и реставрации многочисленных объектов культурного наследия и историко-градостроительной среды.

Работа в области охраны памятников истории и культуры всегда была сопряжена с многочисленными труд-

Архитектура московского модернизма и история постановки на охрану

Как часть мирового модернизма архитектура московского конструктивизма представляет собой чрезвычайно разнообразную картину. В рамках конструктивизма, как основного архитектурного направления, в Москве решались самые разные задачи: создавалась новая типология общественных, транспортных и жилых зданий, вырабатывался новый архитектурно-художественный

язык авангардизма. В период пятнадцатилетия после революции 1917 г. сформировался новый архитектурный стиль, который был чрезвычайно продуктивен. В эти годы были сооружены знаковые постройки московского авангарда: клубы и гаражи К. С. Мельникова, дворцы культуры и общественные здания братьев А. А. и В. А. Весниных, жилые комплексы М. Я. Гинзбурга, активное проектирование новых сооружений способствовало разработке нового архитектурно-художественного языка и новой типологии советской архитектуры.

Осознание непреходящей ценности объектов времени авангарда и необходимости государственной охраны архитектурных творений этой эпохи наступило только в 1980-х гг. В 1987 г. выпущено первое решение МГИ (Мосгорисполкома) № 647 от 23 марта о постановке на государственную охрану первых памятников советской архитектуры, в приложение к которому вошли 49 объектов, практически основная масса объектов 1920-х–1930-х гг., которые были известны к этому времени, находились в удовлетворительном состоянии и описание которых вошло в учебники по истории архитектуры. Среди них: Экспериментальный жилой дом К. С. Мельникова в Кривоарбатском переулке, его же клуб фабрики Буревестник, клуб им. Зуева И. Голосова, Жилой дом Наркомфина, Краснопресненский универмаг, Дом политкаторжан театр киноактера, Дворец культуры завода «ЗИЛ» братьев Весниных, Радио-башня Шухова, станции метро первой очереди Маяковская, Красные ворота, все 7 «высоток», здание бывш. ЦСУ Ле Корбюзье-Колли, здание газеты «Известия», Планетарий, стадион «Динамо» и многие другие. В 1990 г. в связи со 100-летием со дня рождения зодчего, значительным вкладом в состав объектов наследия времени советского авангарда стало Решение МГИ № 1085 от 26.06. о постановке на охрану всех сооружений К. С. Мельникова, находящихся в Москве (7 объектов).

После выхода данного решения постановка на государственную охрану объектов наследия 1920–1930-х гг. надолго прекратилась. Объекты авангарда рассматривались не как памятники наследия, а как действующие архитектурные сооружения, имеющие «некрасивую» архитектуру.

Охрана памятников сегодня

Только в начале 2000-х гг. объекты культурного наследия времени авангарда переживают возрождение общественного интереса. К этому времени отмечена и среди специалистов, и среди представителей общественности переоценка роли архитектуры авангарда в объеме отечественного архитектурного наследия, пришло понимание уникальности русского конструктивизма среди общемирового наследия модернизма. Этот период для Московского наследия также является переходным к новой стратегии сохранения объектов культурного наследия в структуре современного города, в рамках которой происходит выработка новых научных подходов к каждому отдельно взятому памятнику и в то же время более развитых

Жилой дом К. С. Мельникова, Кривоарбатский переулок, 10.

Wohnhaus des Architekten Konstantin Melnikov, Krivoarbatskij Pereulok 10.

градостроительных подходов по формированию широких зон городского ландшафта в сохранении наследия.

Среди московских объектов выделяются новые постройки, комплексы, ансамбли, которые составляют содержание двух новых решений правительства Москвы о постановке их на государственную охрану в качестве объектов наследия регионального значения – Распоряжение Правительства Москвы № 1608-РП от 10.08.2004, Распоряжение ПМ № 932-РП от 16.05.2007, где учтены ряд новых сооружений 1920-х–1930-х гг., в настоящее

Здание Наркомфина, М. Я. Гинзбург, Новинский бульвар, 25.

Wohnhaus für das Finanzministerium Narkomfin, M. J. Ginzburg, Novinskij Boulevard 25.

*Гараж для грузовых машин, К. С. Мельников/
В. Г. Шухов, Новорязанская, 27.
Bus-Garage, K. S. Melnikov/V. G. Šuchov, Novorjazanskaja
Ulica 27.*

время в работе проект нового постановления правительства Москвы о постановке на государственную охрану около 100 объектов московской архитектуры авангарда и предвоенного времени.

К настоящему моменту на учете в Москомнаследии числится около 400 объектов культурного наследия и выявленных объектов наследия времени авангарда, среди которых – общественные сооружения, постройки производственного и транспортного назначения, отдельные жилые дома и целые комплексы жилой застройки.

Наследие авангарда теперь не просто в «копилке памяти», оно требует активной работы в части сохранения, реставрации и приспособления под современное использование. Работа с объектами авангарда выделяется в комплексную программу по реставрации и приспособлению под современное использование, которая тесно увязана с общегородскими программами комплексной модернизации больших территорий города с учетом сохранения объектов культурного наследия, массивов исторической средовой застройки и новым строительством. Среди таких программ на первое место выдвигается программа сохранения исторической жилой застройки Москвы 1920-1930-х гг. в структуре современного города, формирующаяся на основании Концепции сохранения жилой застройки времени авангарда, разработанной исследователями НИИПИ Генплана¹ г. Москвы. Москомнаследием в течение 2007-2008 гг. были рассмотрены предложения исследователей в объеме 25 кварталов г. Москвы, выявлены наиболее ценные фрагменты застроечных комплексов, определен охранный статус. В зависимости от категории ценности и охранный статус объектов были определены 3 возможных режима реабилитации и развития данных комплексов: режим 1 – реставрация (11 кварталов), режим 2 – реконструкция (10 кварталов), режим 3 – реновация (7 кварталов, 3 смешанных). Разработка предпроектных предложений поручена Москомархитектуре².

На фоне сохранения массовой жилой застройки 1920-х гг. активно разворачиваются работы по реставрации знаковых объектов наследия времени авангарда. В стадии проработки юридических обоснований находится работа

*Наркомзем, А. В. Щусев, Садовая-Спасская, 11/1.
Landwirtschaftsministerium Narkomzem, A. V. Ščusev,
Sadovaja-Spaskaja Ulica 11/1.*

по проведению реставрационных работ ансамбля «Жилой дом Наркомфина», а также «Жилого дома-коммуны И. Николаева» (студенческое общежитие Института стали и сплавов).

Большие работы планируются в Москве по выводу из города и освобождению ряда производственных предприятий, с целью придания новой функции зданиям-памятникам. Одним из наиболее интересных обещает стать проект «Гаража для грузовых машин» Мельникова в новом проекте приспособления. Интересен проект реставрации Хлебозавода им. Зотова с реставрацией уникальной конструкции инженера Марсакова (Ходынская ул., 2).

Новое реставрационное обновление предстоит первому спортивному сооружению Москвы времени авангарда – стадиону «Динамо» на Ленинградском проспекте, заканчивается реставрация «Водного стадиона Динамо» на берегу канала Москва-Волга, где практически воссозданы уникальная структура и конструкции главной трибуны стадиона раскинувшейся над водной гладью канала, возрожденному комплексу вновь возвращена его первоначальная функция.

Чрезвычайно интересным в плане разработки и применения новых методик аутентичного воссоздания обещают стать работы по воссозданию павильона «Шестигранник», сооруженного в 1923 г. по проекту архитектора И. В. Жолтовского как один из выставочных павильонов 1-ой сельскохозяйственной выставки в Москве, сохранившийся до наших дней в очень тяжелом техническом состоянии.

Natalija Golubkova: Denkmale der Moskauer Moderne – aktuelle Ausblicke

Moskau wurde im Laufe der Geschichte mehrfach komplett überformt und befindet sich gegenwärtig wieder in einer

*Жилая застройка 1920-х гг. Дубровка .
Wohnbebauung „Dubrovka“ aus den
1920er Jahren.*

unaufhaltsamen Transformation. Angesichts dieser gewaltigen Entwicklungsdynamik und des immensen Gefährdungsdrucks muss die Moskauer Denkmalschutzbehörde „Moskomnasledie“ entscheiden, was unbedingt erhalten werden sollte und kann. Dabei steht die Bewahrung der architektonischen Unverwechselbarkeit des Stadtbilds im Vordergrund. Der Denkmalwert von Avantgardebauten wurde erst in den 1980er Jahren erkannt. 1987 kamen erstmals 49 Moskauer Objekte unter Denkmalschutz, 1990 folgten sieben Bauwerke des Architekten Konstantin Melnikov. Darauf folgte eine lange Pause und für Moskomnasledie der Übergang zu neuen Arbeitsmethoden. Seit der Wende ins 21. Jahrhundert ist wieder ein gestiegenes Interesse an der Moderne feststellbar. 2004 und 2007 wurden die Denkmallisten ergänzt und gegenwärtig befindet sich ein neuer Gesetzesvorschlag zur Neuaufnahme von zirka 100 weiteren Bauwerken in Arbeit. Insgesamt hat Moskomnasledie etwa 400 Objekte der Avantgarde-Zeit erfasst.

Häufig steht die Frage nach dem Erhalt bestimmter Gebäude im Zusammenhang mit Sanierungs- und Umgestaltungsplänen für ganze Stadtviertel. So hat Moskomnasledie 2007/08 im Rahmen eines Programms für den Schutz und Erhalt von Wohnbauten und Wohnsiedlungen der 1920/30er

*Стадион «Динамо», Д. М. Иофан, А. Я. Лангман,
Л. З. Черниковер и др., Ленинградский проспект, 36.
Stadion „Dynamo“, D. M. Iofan, A. Ja. Langman,
L. Z. Černikover u. a., Leningradskij Prospekt 36.*

Jahre Untersuchungen für 25 Stadtgebiete begutachtet, um denkmalwürdige Wohnbauten zu bestimmen und in Abhängigkeit von deren Schutzstatus über Restaurierung, Umgestaltung oder auch Neubebauung zu entscheiden. Zurzeit gehen die Baumaßnahmen am „Wasserstadion Dynamo“ mit der Wiederherstellung der Zuschauertribünen zu Ende. Für die Restaurierung des Narkomfin-Gebäudes und für das Kommunehaus von I. Nikolaev werden noch juristische Fragen geklärt. Die Busgarage in der Novorjazzanskaja Ulica von Melnikov soll einer neuen Nutzung zugeführt und die Brotfabrik des Marsakov-Typs in der Ulica Chodynskaja restauriert werden. Zahlreiche Industriebauten werden durch die Verlagerung von Produktionsstätten frei. Außerdem ist ein völliger Nachbau des 1923 errichteten Pavillons „Šestigrannik“ („Sechseck“) von I. Žoltovskij vorgesehen, der sich in schlechtem Erhaltungszustand befindet.

¹ Научно-исследовательский и проектный институт Генерального плана г. Москвы (ред.)

² Комитет по архитектуре и градостроительству города Москвы (ред.)

„Bauhaus im Ural“ – Geschichtsfelder im Spiegel des Erhalts von Gemeinschaftsbauten der Moderne im postsowjetischen Raum

Astrid Volpert

Am 23. August 1930 schrieb der gerade aus dem Amt in Dessau entlassene zweite Bauhaus-Direktor Hannes Meyer an El Lissitzky: „mehr denn je bin ich zu der Überzeugung gekommen, das für uns in Westeuropa gar nichts zu machen

Kramatorsk..., auf chemische, elektrische, Maschinen- und Papierkombinate. Unter uns Architekten herrscht eine Gigantomanie: Wohnkombinate für 1 000 bis 3 000 Menschen, Küchenfabriken für 5 000 bis 25 000 Essen täglich.“²

Die Bauhäusler Tibor Weiner, Margarete Mengel, Philipp Tolziner und Antonin Urban (von links nach rechts) bei der Feier zum 1. Mai 1932 in Moskau.

Архитекторы Баухауса: Тибор Вайнер, Маргарете Менгель, Филипп Тольцингер и Антонин Урбан (слева направо) на празднике 1 мая 1932 в Москве.

ist, die Geister scheiden sich und selbst Paul Klee findet, dass er ‚westlich‘ und ich ‚östlich‘ gehen müssen. Wenn ich und meine Gruppe am Aufbau des Sowjetstaates mithelfen könnten, so müssten wir dort eingesetzt werden, wo wir das vielerlei unserer Absichten und Erfahrungen am fruchtbringendsten verwerten können.“¹

1942, im mexikanischen Exil, heißt es rückblickend in Meyers Aufsatz *Der sowjetische Architekt*: „Die weite Provinz ist entblößt von Architekten und Bauingenieuren. Alles Bauen konzentriert sich auf die 500 Massiven der Schwerindustrie in Magnitogorsk, Tscheljabinsk, Molotowo, Kusnetsk,

Bauhäusler im Ural

Ja, es handelte sich wirklich um eine Epoche des Industriebaus und die damals rückständige Wohnungsarchitektur für weite Kreise der Bevölkerung entwickelte sich ähnlich, wie im Deutschland der 1920er, zu Beginn der 1930er Jahre. Die Sowjetunion hatte jedoch ein eigenes Modell für ihre Ansiedlungspolitik parat: die *Socgorod*.³ Und diese sozialistische Stadt wurde in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts sogar in den nach dem Zweiten Weltkrieg entstandenen Satellitenstaaten umgesetzt – Eisenhüttenstadt, Hoyerswerda,

Halle-Neustadt, aber auch Dunaújváros in Ungarn, die von einem Bauhäusler projektierte größte *Socgorod* außerhalb Russlands, sind solche Beispiele.

Die 40 Russlandfahrer des Bauhauses,⁴ in erster Linie Architekten und Städteplaner, gestalteten diese große Utopie kräftig mit, was vor allem in funktional durchdachten, dynamisch angeordneten städtebaulichen Anlagen und Einzelgebäuden zum Ausdruck kommt. In der Regel handelte es sich um Gemeinschaftsbauten – Kommunehäuser, Fabrik- und Brigadenschulen, Arbeiterklubs, Küchenfabriken, Kindergärten, Kinos. Ihr Engagement im fremden Land war – das wird heute in mancher Darstellung⁵ vergessen – im Unterschied zu vielen anderen Vertragsarbeitern bzw. Emigranten nicht nur dem existentiellen Kampf wegen der Krise des Baugewerbes in Westeuropa und dem Protest gegen die politische Entwicklung in Deutschland geschuldet. Es ging um ein Neues Bauen und um die Neue Welt, in der „die Kunst Erfindung und beherrschte Realität“⁶ sein soll.

Intensive Kontakte zwischen Bauhaus und *Vchutemas*, den Moskauer Höheren Künstlerisch-Technischen Werkstätten, gab es schon sehr früh. Bevor gegenseitige Arbeitsbesuche realisiert wurden, war 1919 eines der ersten offiziellen Schreiben des Bauhaus-Gründers Walter Gropius aus Weimar an die Führer der Oktoberrevolution als Erbauer einer, wie er mit vielen Intellektuellen in Deutschland hoffte, neuen, gerechteren Gesellschaft gerichtet. Erst das Bauhaus unter Hannes Meyers Direktorat in Dessau (1928–30) verschaffte der Architektur mit einer praxisnahen Lehre den führenden Platz innerhalb der Ausbildung dieses Avantgarde-Instituts. Junge Bauhaus-Studenten, die kurz darauf in die Sowjetunion gehen werden, sind Projektanten, Bauleiter, Zeichner in Dessau und anderswo: Sie wirken mit an Gropius' Schulgebäude (Philipp Tolziner), den Meisterhäusern, der Siedlung Törten, dem Arbeitsamt (Farbentwürfe und teilweise Ausführung: Erich Borchert), an Meyers „Laubenganghäusern“ (Scheffler, Tolziner, Püschel) und der „ADGB-Bundesschule“ in Bernau bei Berlin (Antonin Urban, Konrad Püschel, Lotte Beese); Projekte, die damals Maßstäbe im Neuen Bauen setzten. Zudem baute der Holländer Mart Stam erfolgreich am „Weißenhof“ in Stuttgart und bei der Hellerhof-Siedlung in Frankfurt am Main. Fréd Forbát aus Budapest, am Weimarer Bauhaus wie auch der Pole Max Krajewski, Mitarbeiter im Büro Gropius, beteiligte sich am Bau der „Siedlung am Horn“. Forbát war nicht nur im Expertenrat für den Wohnungsbau in der Hauptstadt, sondern mit einem eigenen Gebäude in Siemensstadt dabei – seit Sommer 2008 ein Weltkulturerbe. Mart Stam betreute außerdem Studentenprojekte im Wettbewerb der Reichsforschungsgesellschaft für die Siedlung Berlin-Haselhorst (Scheffler, Püschel). Sie alle gingen Anfang der 1930er Jahre für eine kurze oder längere Zeit als Architekten und Städteplaner in die Sowjetunion.

Und wenn wir einen Blick auf die Karrieren jüngerer Bauhäusler nach dem Krieg werfen, so zeigt sich ein Bezug zu den in der Sowjetunion gemachten städtebaulichen Erfahrungen in den Wiederaufbauprojekten von Lotte Beese und Konrad Püschel für die zerstörten Städte Rotterdam bzw. Hanchung und Hungnam (Korea) sowie Projektierung und Aufbau der ungarischen Planstadt Stalinváros/Dunaújváros des Budapester Bauhaus-Architekten Tibor Weiner.

Die Russlandfahrer des Bauhauses waren erfolgreiche, führende Köpfe in der Bewegung des Neuen Bauens und bei den internationalen CIAM-Kongressen. Dementsprechend groß formulierten sie ihr Ziel in der Fremde: Sie wollten, nach den Worten von Hannes Meyer, in der Sowjetunion „das (von den Nazis) zerstörte Bauhaus“ weiterbauen, wie die erste spontane Ausstellung 1930 am VASI⁷ in Moskau hieß. Das implizierte einen gesellschaftlichen Anspruch auf Mitbestimmung und Teilhabe an der russischen Entwicklung: nicht nur auf künstlerischer Ebene, sondern auch gesellschaftlich, wozu der Wunsch nach Vertrauen, Mitverantwortung und Gleichstellung mit den sowjetischen Kollegen gehörte. Kommunistische Parteizugehörigkeit spielte übrigens eine geringere Rolle, als von heutigen Kritikern angenommen wird. Die wenigsten Bauhäusler besaßen sie (auch nicht Hannes Meyer) bzw. sie brachen in der Sowjetunion bewusst damit wie Erich Borchert. Sie verschaffte ihnen keine Privilegien. Eher war es von Nachteil, wie Béla Scheffler erfahren musste, der nach russischen Eingliederungsregeln als Mitglied einer befreundeten KP zum Beispiel keinen Arbeitsvertrag bekam und so stets um sein Rubel-Gehalt kämpfen musste. Selbst die kurzzeitige Mitgliedschaft von Meyer und Scheffler in der Allunionsvereinigung Proletarischer Architekten VOPRA⁸ scheint mir als Indiz einer „fanatischen“ Bindung an deren baupolitische Ziele überbewertet⁹ Die Realität zeigte vielmehr: Fast alle Bauhausarchitekten gingen in ihrer Berufspraxis mit Mitgliedern der Gesellschaft Zeitgenössischer Architekten OSA (den Konstruktivisten also) zusammen. Sie projektierten in den Büros von Moisej Ginzburg, Jakov Kornfeld, Iosif Robačevskij, Moisej Rejser und Pëtr Oranskij. Nach dem Weggang von Hinnerk Scheper leitete Erich Borchert 1931–39 im Trust *Maljarstroj* das künstlerische Laboratorium für den Umgang mit Farbe am Bau.

Zur Wahrheit dieser spannenden Geschichte deutsch-russischer Wechselbeziehungen der Avantgarde gehört aber auch eine andere Seite: Galt die Dienstreise in die Sowjetunion als eine Art konstruktiver Befreiungsschlag, gestaltete sich ihre Rückkehr in die Heimat oder ein Drittland als „eine Flucht ins Leben“, wie Hannes Meyer 1937 aus der sicheren Schweiz Nikolaj Kolli, dem Chef des Sowjetischen Architektenverbands, nunmehr mitteilte. Da hatte der erste

Industriellandschaft, Kohlezeichnung von Erich Borchert, 1933.

Промышленный ландшафт, рисунок Эриха Борхерта, 1933.

Eines der fünf Laubenganghäuser in Dessau-Törten, Peterholzstr. 40, Südfront (Projekt: Hannes Meyer u. Studenten 1929/30), Foto 2001.

Один из пяти галерейных домов в Дессау-Тёртен. Петергольцимтрассе, 40, южный фасад (проект: Ханнес Майер и студенты 1929/30), фото 2001.

Kongress dieses Einheitsverbands im Stil des Sozialistischen Realismus die Umkehr zu nationalen stalinistischen Bauformen und Prinzipien zum Dogma erhoben, das Neue Bauen war abgeschafft. Wer nicht wenigstens auf neoklassische Bauformen umstieg, wurde abgelöst oder an die Wand gestellt. Elf der in der Sowjetunion aktiven Bauhäusler überlebten die Stalinschen Repressionen nicht. Erst die Öffnung russischer Archive in den späten 1980er und 1990er Jahren, die staatliche Rehabilitationspolitik unter Gorbatschow, später auch Präsident Jelzin haben manche Biographie ans Licht gebracht. Diese Wiederentdeckung der aus Dokumentationen und damit auch aus dem Gedächtnis mehrerer Generationen gelöschten Namen führt uns direkt oder auf Umwegen zur Verifizierung der Leistungen der Bauhäusler in der UdSSR. Sie ist logischerweise verbunden mit der Wertschätzung und Popularisierung russischer Avantgardearchitektur, die bis heute in Russland nicht geliebt und selbst unter Leuten vom Fach wenig erschlossen und deshalb kaum vor Verfall und Vernichtung geschützt ist.

Initiative „BAUHAUS im Ural“

Damit das nicht so bleibt, damit diese sozial ausgerichtete Architektur eine Zukunft hat, gibt es das Netzwerk „BAUHAUS im Ural“. Unser Label hat zwei Deutungsebenen: Erstens benennt es einen historischen, noch unzureichend reflektierten Fakt unserer wechselseitigen Kulturbeziehungen, die in der Zwischenkriegszeit des 20. Jahrhunderts florierten und faszinierten. Was von diesen stürmischen Aufbrüchen wie den enttäuschten Hoffnungen vieler Architekten, die in Ereignisse, Pläne und Bauten in Russland verwickelt waren, geblieben ist, wurde in den fast 80 Jahren danach nicht ernsthaft bzw. nachhaltig diskutiert und berücksichtigt. Wir haben uns von der falschen Behauptung verabschiedet, dass dieses Thema ein nur trauriges Kapitel sei, wie es bis heute in manchen Bauhausreporten kolportiert wird. Dieses Vorurteil hat die Sicht auf wirkliche Geschichte lange versperrt. Es trug mit dazu bei, dass die funktionalen Bauleistungen

Stadion „Avantgarde“ UZTM, ul. Festivalnaja, Hauptpavillon, Architekten: Pjotr Oranskij und Béla Scheffler, Mitte der 1930er Jahre, Foto 2007.

Стадион «Авангард» УЗТМ, ул. Фестивальная, главный павильон, архитекторы: Петр Оранский и Бела Шефлер, середина 30-х годов, фото 2007.

einer deutsch-russischen Moderne in der Realität weiter verdrängt und vergessen wurden. Anonym, ohne Pass und Obhut sind sie wie ihre Schwestern des Konstruktivismus auf die schiefe Ebene geraten: Statt lebendiger Attraktivität und Nutzung wurden sie zum Pflegefall, vielen droht Entsorgung oder Identitätsverlust durch totalen Umbau. Deshalb wirkt unter dem Begriff „BAUHAUS im Ural“ seit 2007 unsere gemeinnützige Initiative eines deutsch-russischen Netzwerkes zum Erhalt der Spuren des Bauhauses in dieser Region Russlands.

„BAUHAUS im Ural“ ist ein Bündnis von Wissenschaftlern und Denkmalpflegern, von Lehrinrichtungen und Werkstätten, Archiven und Museen, an vorderster Stelle die Bauhaus-Universität Weimar, das Bauhaus-Archiv/Museum für Gestaltung Berlin und die Uraler Akademie für Architektur und Künste. Dieses Netzwerk arbeitet als zivilgesellschaftliches Forum. Projektgebunden unterstützte die Rosa-Luxemburg-Stiftung in der Russischen Föderation und in Berlin anteilig eine internationale Konferenz, einen Workshop und zwei Publikationen. Wir leisten Forschungs- und Vermittlungsarbeit, organisieren Ausstellungen, Konferenzen, Workshops und Aktionen im öffentlichen Raum sowie eine Datenbank. Dank Winfried Brenne und seiner Architekten Gesellschaft mbH zeigten wir im August 2008 seine Ausstellung zur Restaurierung der Bundesschule des ADGB im Haus des Architekten und danach in der Architekturakademie in Ekaterinburg. Seit 2007 tourt eine eigene Exposition zum städtebaulichen Erbe der *Socgorod* von Magnitogorsk und Orsk durch Uralstädte.

Unsere Adresse ist das Uraler Zentrum der Architektur des Neuen Bauens in Ekaterinburg, angesiedelt an der Uraler Akademie für Architektur und Künste (UralGACHA). Einen Lehrstuhl für historische Bauforschung und Denkmalpflege wie in Weimar gibt es dort noch nicht, wenngleich Rektor Prof. Aleksandr Starikov dessen Notwendigkeit wie Potenzial auch an der Uraler Akademie sieht und mit Fachkollegen der Bauhaus-Universität, Prof. Dr. Hans-Rudolf Meier und Dr. Mark Escherich, im Gespräch ist. Des Weiteren kommunizieren wir mit Fachverbänden, staatlichen sowie

kommunalen Denkmalbehörden und Sanierungsbetrieben in der Uraler Region, mit Architekten, Restauratoren, Bauleitern, auch mit Politikern und Journalisten. Im Mai 2008 konnten wir in dieser Mission Außenminister Frank-Walter Steinmeier und einer Parlamentarier-Gruppe aller Fraktionen des Deutschen Bundestages exklusiv das konstruktivistische Ekaterinburg zeigen. Sie waren sehr überrascht, dass diese Stadt der Metallurgie, die sich Ausländern meist einseitig als Wallfahrtsort der Ermordung des letzten russischen Zaren präsentiert, über ein so kompaktes, überzeugendes, uns Deutschen nahestehendes Erbe dieser Modernisierung des frühen 20. Jahrhunderts verfügt.

Bisher ist unsere Tätigkeit eine ausschließlich ehrenamtliche. Sie erstreckt sich auf ein weites Territorium an der Grenze zwischen Europa und Asien, das drei klimatische Zonen, zwei präsidiale Verwaltungsbereiche sowie vier *Oblast'* umfasst. Gegenwärtig konzentrieren wir uns auf denkmalwürdige Gebäude und notwendige Schutzzonen in den Städten Solikamsk, Perm, Ekaterinburg, Magnitogorsk, Orsk. Wir erhoffen eine Signalwirkung für den Erhalt des gemeinsamen deutsch-russischen Erbes von 17 Bauhäuslern, die in dieser Region in den 1930er Jahren in sowjetischen Bautrusts neue Siedlungen mit administrativen, kulturellen, sozialen und Sporteinrichtungen planten und bauten. Unter anderen gesellschaftlichen Verhältnissen entstanden, verkörpert diese ästhetisch wie funktional beeindruckende Gebrauchsarchitektur ein hohes Maß an gelebter Sozialisierung und Integration der Bürger, für das postsozialistische Gesellschaften in Deutschland (Ost) wie Russland heute nach einem überzeugenden Äquivalent an Lebensqualität und Identifikation suchen.

Es ist für unsere Gegenwartsmission ein gutes Omen, dass bereits 1950 der Bauhaus-Architekt Philipp Tolziner den ersten Denkmalpflegebetrieb im Ural gründete, ihn zwölf Jahre vor Ort leitete. Auch unter dem Eindruck späterer Studienreisen nach Westeuropa weitete er sein Pflegekonzept auf den gesamten Kern der mittelalterlichen Salzstadt Solikamsk aus, einschließlich von ihm festgelegter Pufferzonen. Dieselbe heute in Perm ansässige Institution¹⁰ setzt sich aktiv auch für die Erforschung und den Erhalt von Hannes Meyers städtebaulichem Erbe in dieser Millionenstadt des Ural ein: Auf unserer internationalen Konferenz 2007 in Ekaterinburg legten dessen Mitarbeiter u. a. dar, in welchem interessanten Kontext Meyers Stadtteilplanung „*Socgorod na Gorkach*“ entstanden war, wie sich diese Bandstadt mit Wohnquartalen, Streifen der Kultur und Schulparks entwickeln sollte, was davon verwirklicht wurde und mit welchen Problemen sie als Denkmalschützer heute dort konfrontiert sind. Zwei Objekte – das „Haus der Spezialisten“ und das Gebäude der Technischen Hochschule – befinden sich seit 1993 im regionalen Denkmalverzeichnis und wurden nach 2000 saniert.

Die international durch Erinnerungs- und Fachliteratur wohl bekannteste Uraler Baustelle ist die Errichtung der Hütten- und Wohnstadt Magnitogorsk. Sie wird vor allem mit dem Wirken des Frankfurter Baustadtrats Ernst May verbunden, der zusammen mit dem Gutachten des Projekts von Sergej Černušev einen Alternativplan der Wohnstadt als parallel zur Industrie angeordnetes Band vorlegte. Weniger bekannt ist, dass auch nach dem Ausscheiden Mays die Bauhäusler Mart Stam, Fréd Forbát, Johan Niegeman und Gerda

Erste Zehnklassenschule in der Socgorod Uralmaš, Haupteingang mit Originalreliefs, Architekten: Pëtr Oranskij und Béla Scheffler, 1934, Foto 2008.
Первая десятилетняя школа в соцгороде Уралмаш, главный вход с подлинными рельефами, архитекторы: Пётр Оранский и Бела Шефлер, 1934, фото 2008.

Marx sowie Klaus Meumann (aus der Gruppe von Hannes Meyer) aktiv an Planung und Bau beteiligt waren.

Der Schweizer Architekt Hans Schmidt, der mit der Gruppe May in die Sowjetunion gegangen war, schuf 1934/35 den Generalplan für das neue Orsk (Orenburger Gebiet),

Dunaujváros/Ungarn, Korányi Sándor utca 3–9, 8-Sektionswohnhaus; Fassadendetail, Architekten: Tibor Weiner und József Balla, 1960, Foto 2008.
Дунайүварош/Венгрия, улица Кораний Шандор 3–9, восьмисекционный дом: деталь фасада, архитекторы: Тибор Вайнер и Йозеф Балла, 1960, фото 2008.

Herzlich willkommen! Plakat der Studenten der Bauhaus-Universität Weimar – Präsentation der Ergebnisse des Studentenpraktikums im Handelshaus (Torgovyj korpus), August 2008.

Добро пожаловать! Плакат студентов Веймарского Баухаус- университета, презентация результатов студенческой практики в Торговом корпусе, август 2008.

Orsk, Wohnhaus in der Gasse Muzykal'nyj 10, Fassade mit Erkerfenstern im Treppenhaus, Architekten: Tibor Weiner und Philipp Tolziner 1935, Foto 2007.
Орск, Жилой дом в Музыкальном переулке, 10 с эркерным окном на лестнице, архитекторы: Тибор Вайнер и Филипп Тольцинер 1935, фото 2007.

in dem er „die offene Zeilenbauweise mit aufgelockerter Blockrandbebauung vereinigte und das bandartige, lang gestreckte Siedlungsmuster des Desurbanismus mit einer Zentrumsplanung versah.“¹¹ Philipp Tolziner, Tibor Weiner und Konrad Püschel aus der ursprünglichen Roten Bauhausbrigade um Hannes Meyer setzten diesen Plan vor Ort weitgehend, aber nicht vollständig um. Die Gründe lagen in Material- und Finanzierungsdefiziten, permanent geänderten staatlichen Planvorgaben (Vergrößerungen, die zu Vergrößerungen führten) sowie stilistischen Überformungen des Stalin-Empire. Am vollständigsten wurden diese Pläne im ersten Wohnabschnitt realisiert.

In Ekaterinburg hat Béla Scheffler, Meyers Assistent in Dessau und Moskau, der *Socgorod Uralmaš* (Chefarchitekt: Pëtr Oranskij) ein modernes Gesicht gegeben: 1932 bis 1941 war er maßgeblich beteiligt an den Dominanten von Werkleutungsgebäude, Hotel „Madrid“, der ersten Zehnklassen-Schule, dem Pavillon des Stadions „Avantgarde“, drei großen Wohnhäusern auf dem Kulturboulevard und vor allem dem mit Speisesälen, Bibliothek, Friseur, Theatersaal und Kinos multifunktional ausgerichteten Handelshaus (*Torgovyj korpus*) aus dem Jahr 1935, das dabei mit einer drei Jahre früher errichteten Großküche verbunden wurde. Ungeachtet wechselnder Besitzer und Nutzungen vom Speisehallen-Komplex bis zum Kulturhaus beeindruckt sein Baukörper bis heute als ein „Kleines Bauhaus im Ural“. Deshalb meinen wir, dass dieses Gebäude trotz seiner vernachlässigten Gestalt und unsicheren Zukunft auf die Denkmalliste gehört, auf der übrigens andere Bauten in seinem Umfeld sich schon befinden. Als überzeugendes Beispiel für einen entwickelten sozialen Gesellschaftsbau des jungen sowjetischen Staates sollte es erhalten bleiben. Deshalb haben Studenten der Weimarer Bauhaus-Universität und der Uraler Architekturakademie im August 2008 eine Bauaufnahme vorgenommen und die Ergebnisse öffentlich in Performance, Ausstellung und im Workshop vermittelt.¹² Gelingt es uns, an diesem konkreten Beispiel überzeugend zu vermitteln, dass die ihrem Wesen nach international ausgerichtete Architektur der Moderne im heutigen Russland kein Auslaufmodell sein muss, dass Denkmalschutz und eine den aktuellen Ansprüchen von Komfort, Sicherheit, Ökologie und Effektivität gewachsene öffentliche Nutzung sich nicht widersprechen müssen, würde dies eine Signalwirkung zugunsten ähnlich gelagerter Problemarchitektur in Perm, Magnitogorsk, Tscheljabinsk, Orsk und Solikamsk bedeuten, deren Bestand nicht weniger gefährdet ist. „BAUHAUS im Ural“ will diesen Prozess des zivilgesellschaftlichen historischen und denkmalpflegerischen Umgangs mit dem gemeinsamen Avantgarde-Erbe weiterhin anregen, beratend, dokumentierend begleiten und sucht für diese Tätigkeit dringlich Sponsoren und Investoren.

Астрид Фольперт: «Баухаус на Урале» – исторические очерки в зеркале сохранения общественных зданий модернизма в постсоветском пространстве

В 20-х, начале 30-х годов прошлого века архитектура жилых и общественных зданий в Советском Союзе развивалась схоже с Германией. Но у русских была собственная градостроительная модель: соцгород. 40 переехавших в Россию архитекторов Баухауса активно участвовали в создании этой утопии. В центре их интересов было развитие Нового строительства и формирование нового быта в России. Самое малое число архитекторов Баухауса были членами Коммунистической партии, их профессиональная деятельность была связана с конструктивистским сообществом ОСА. К истории архитекторов Баухауса принадлежит также теневая сторона: въезд в страну расценивался как освобождение, а выезд был бегством от сталинского преследования. Одиннадцать архитекторов Баухауса не пережили репрессии.

Только благодаря рассекречиванию русских архивов некоторые биографии снова стали доступными для публики. Это способствовало тому, что сооружения архитекторов Баухауса в СССР можно было документировать, что в свою очередь поспособствовало большей известности и признанию построек авангарда. В России эта архитектура нелюбима, мало исследована и поэтому почти незащищена от разрушения и упадка. В 2007 году была основана некоммерческая немецко-русская инициатива «Баухаус на Урале», цель которой содействовать сохранению следов Баухауса в этом регионе России. Эта сеть объединяет под крышей Уральского центра архитектуры Современного движения (Modern Movement) в Екатеринбурге научных деятелей и специалистов по охране памятников учебных организаций, архитектурных мастерских, архивов и музеев. Эта деятельность добровольна и распространяется по обширной территории, хотя пока она сконцентрирована на Соликамске, Перми, Екатеринбурге, Магнитогорске и Орске.

Bergner, bearbeitet von Klaus-Jürgen Winkler, Dresden 1980, Zitat S. 325.

- ³ Es ist nicht Aufgabe dieses Vortrags auf die theoretischen Grundlagen dieses Modells einzugehen, etwa die Basis-Schriften von Leonid Sabsovič, Michail Ochitovič und Nikolaj Miljutin, die mit heutigen Lesarten versehen, in Deutschland wie Russland gut zugänglich sind, zuletzt Nikolaj Miljutin: *Sozgorod. Probleme des Planes sozialistischer Städte*. Faksimile-Ausgabe deutsch/russisch, eingeleitet von Dmitri Chmelnizki, Berlin 2009. – Harald Bodenschatz, Christiane Post: *Städtebau im Schatten Stalins. Die internationale Suche nach der sozialistischen Stadt in der Sowjetunion 1929–1935*, Berlin 2003 sowie Aufsätze von Evgenia Konyševa, Evgenia Nižnik, Mark Meerovič u. a. zur russischen Stadt im Spiegel ihrer Generalpläne: *Gorod v zerkale genplana: Panorama gradostroitel'nykh proektov v rossijskoj provincii 18-načala 21 vekov*, Čeljabinsk 2008.
- ⁴ In Ergänzung der in Folke Dietzsch: „Die Studierenden am Bauhaus“, Dissertation (A), Weimar 1990 vorgelegten Statistik konnten von mir 17 weitere Bauhäusler, die für Russland planten bzw. dorthin ihren Lebensschwerpunkt verlegten, nachgewiesen werden, siehe Verzeichnis in: Astrid Volpert/Ludmila Tokmeninowa: *BAUHAUS na Urale. Ot Solikamska do Orska (BAUHAUS im Ural. Von Solikamsk bis Orsk)*. Materialien der gleichnamigen Konferenz im November 2007 in Ekaterinburg, Ekaterinburg 2008, S. 162–175.
- ⁵ Maria Dmitrieva-Einhorn: Zwischen Futurismus und Bauhaus, in: Gerd Koenen und Lew Kopelew: *Deutschland und die russische Revolution (West-östliche Spiegelungen, Reihe A, Bd. 5)*, München 1998, S. 733–759, hier S. 759.
- ⁶ So hatte es Hannes Meyer bereits 1926 verkündet in der Zeitschrift *Neues Bauen*, Zürich 11/1926.
- ⁷ Vysšij architekturno-stroitel'nyj institut, russ. Akronym für Höheres Architektur- und Bau-Institut, ein Nachfolger der avantgardistischen Vchutemas und Vchutein, an dem ab 1931 neben Hannes Meyer auch Béla Scheffler und Antonin Urban lehrten.
- ⁸ Meyer und Scheffler folgten in Moskau zunächst einer Empfehlung ihres russischen Betreuers Arkadij Mordvinov und wurden am 30. 1. 1931 Mitglieder der VOPRA. 1932 löste sich dieser Verband auf zugunsten der Schaffung eines einheitlichen sowjetischen Architektenverbands. Von 1933–35 war Meyer Vorstandsmitglied der Moskauer Sektion dieser Berufsorganisation, Scheffler gehörte ab 1935 der Sverdlovsker Sektion an.
- ⁹ Vgl. Dmitrij Chmelnizkij: Der Kampf um die sowjetische Architektur, in: *OSTEUOPA* 9/2005 (Jg. 55), S. 91–111, insb. S. 99.
- ¹⁰ Kraevoj naučno-proizvoditel'nyj centr po ochrane i ispolzovaniju pamjatnikov istorii i kul'tury Permskogo kraja – Wissenschaftliches Produktionszentrum für Schutz und Nutzung von Denkmälern der Geschichte und Kultur im Permer Land.
- ¹¹ Christiane Post: *Zapadno-evropejskie gradostroiteli i architektory Bauhausa v načale 1930-ch gg. v Magnitogorske i Orske: Proektirovanie "socialističeskich gorodov" na Urale.*, in: *BAUHAUS na Urale* [FN 4], S. 74–81, Zitat S. 78.
- ¹² *BAUHAUS im Ural II. Materialien des internationalen Seminars 2008 in Ekaterinburg und des Studentenpraktikums im UZTM-Gebäudekomplex „Küchenfabrik und Handelshaus“*. Geplantes Erscheinen: Herbst 2009.

¹ Brief an El Lissitzky vom 23. August 1930, Nachlass Lene Meyer-Bergner, zit. nach Klaus-Jürgen Winkler: *Der Architekt Hannes Meyer. Anschauungen und Werk*, Berlin (Ost) 1989, S. 131.

² Das in deutscher Sprache geschriebene Manuskript konnte erst 38 Jahre später veröffentlicht werden in Hannes Meyer: *Bauen und Gesellschaft*. Schrift, Brief, Projekt. Hg. von Lena Meyer-

Наследие ленинградского авангарда

Борис Кириков

Авангард давно признан за рубежом главным вкладом России в мировую архитектуру XX века. Именно в двадцатых годах наша страна, наряду с Германией, Францией и Голландией, стала одним из лидирующих центров, где были заложены фундаментальные основы и состоялись высшие творческие открытия разных направлений Современного движения (Modern Movement). Международный авторитет русского авангарда остается

Знаменитый и непризнанный

Ленинградский авангард остается в тени московского. Это отчасти справедливо, поскольку Москва являлась средоточием новаторских исканий. В нашем городе это движение сдерживалось силой классических традиций, хотя именно здесь осуществляли свои революционные эксперименты Татлин и Малевич,

А. И. Гегелло, А. С. Никольский, Г. А. Симонов. Дома с полуаркой на Тракторной улице. 1925–27. В глубине – здание школы (1925–27, А. С. Никольский). Фото около 1930 г.
A. Gegello, A. Nikol'skij, G. Simonov: Wohnhaus mit Halbbogen in der Traktornaja Ulica. 1925–27. Im Hintergrund das Schulgebäude (1925–27, A. Nikol'skij). Foto um 1930.

бесспорным и незыблемым, несмотря на зигзаги пост-модернизма, новейшую смену вех и переоценку ценностей.

Естественно, всемирную известность завоевали главные творцы и лидеры новой архитектуры. Прежде всего – основоположник конструктивизма В.Е. Татлин и создатель супрематизма К. С. Малевич. В когорту выдающихся мастеров XX века вошли московские зодчие: братья Веснины и М. Я. Гинзбург, Л. М. Лисицкий и Н. А. Ладовский, К. С. Мельников и И. И. Леонидов.

причем супрематизм стал важнейшим приоритетом петроградско-ленинградской архитектурной школы. Архитектура Ленинграда 1920-х – начала 1930-х годов не укладывается в рамки «чистого» конструктивизма, составляющего mainstream советского авангарда. Она занимает особое положение. Однако ее меньшая известность объясняется и другими причинами. Этот мощный и оригинальный пласт наследия недостаточно изучен и слабо популяризируется. В самом городе авангард не получил должного общественного признания.

Судьба авангарда в России вообще сложилась крайне драматично. Уже в начале 30-х годов произошел резкий поворот к освоению классического наследия, закрепленный официальными постановлениями. Новаторские течения были сломлены и стали объектом огульной критики; их обвиняли как в безыдейном формализме, так и в чрезмерном аскетизме. В период двадцатилетнего господства неоклассики («сталинского ампира») авангард оставался эстетическим и идеологическим изгоем. Следует признать, что отсталая техническая база и низкое качество работ, вынужденная упрощенность жилищного строительства и недостаток элементарных бытовых удобств содействовали самодискредитации новой архитектуры.

Полвека назад, после директивной отмены «излишеств», советская архитектура вновь повернула в русло функциональности и экономичности. Смену ориентиров красноречиво выражал лозунг «Вперед, к двадцатым годам!» Уроки конструктивизма были активно востребованы. Но победило обезличенное массовое строительство, в котором бесконечно тиражировался на сниженном схематичном уровне ограниченный набор композиционных приемов. Это неизбежно привело к профанации Современного движения. Реабилитация авангарда в глазах общества не состоялась. Запоздалый переход к постмодернизму вновь ударил рикошетом по репутации авангарда. Не мог упрочить ее и период «перестройки», сопровождавшийся негативной переоценкой всей социалистической эпохи.

На невыходных берегах, в городе великих классических традиций, неприятие авангарда было особенно заметным. Приверженность классике глубоко укоренилась в петербургско-ленинградском менталитете. Все, что не укладывалось в идеализированную модель стилистически единого города-ансамбля, долгое время считалось чужеродным. Только с 1970-х годов началось осознание ценности многоликой и многослойной городской среды. Но и это лишь укрепило апологию Старого Петербурга – в противовес новому Ленинграду. Авангард в Петербурге значительно уступает в популярности не только золотому веку барокко и классицизма, но и периодам историзма и модерна. Хронологические рамки исторической застройки у нас по-прежнему ограничены 1917-м годом. За исключением узкого профессионального круга петербуржцы не воспринимают новаторские течения 1920–30-х годов как важнейший пласт нашего культурного наследия, имеющий исключительную ценность.

В последнее время московский авангард полностью восстановлен в правах и подробнейшим образом исследован благодаря работам группы авторов, среди которых выделяются титанические труды С. О. Хан-Магомедова. В почете конструктивистская архитектура Свердловска (Екатеринбурга) и некоторых других городов. В отношении Петербурга пока можно говорить о разрозненных усилиях ряда специалистов. Между тем, ленинградское наследие все больше привлекает внимание зарубежных коллег. Это в очередной раз продемонстрировал осенью 2008 года VIII российско-германский форум «Петербургский диалог», в программу которого была включена

А. И. Гегелло, Д. Л. Кричевский. Дворец культуры имени А. М. Горького. 1925–27. Фото 2008 г.
A. Gegello, D. Kričevskij: Kulturhaus „Gorkij“. 1925–27. Foto 2008.

А. С. Никольский, Л. М. Хидекель. Стадион «Красный Спортинтернационал». 1927–28. Фото 1933 г.
A. Nikol'skij, L. Chidekel': Stadion „Rote Sportinternationale“. 1927–28. Foto 1933.

Г. А. Симонов. Школа на улице Ткачей. 1927–29. Фото 1933 г.
G. Simonov: Schule in der Ulica Tkačej. 1927–29. Foto 1933.

«Неделя авангарда» – что показательно, по инициативе немецкой стороны.

А. К. Барутчев, И. А. Гильтер, И. А. Меерзон, Я. О. Рубанчик. Универмаг и фабрика-кухня Кировского района. 1929–31. Фото 1937 г.

A. Barutčev, I. Gil'ter, I. Meerzon, J. Rubančik: Kaufhaus und Fabrikküche des Kirovskij Rayons, 1929–31. Foto 1937.

Течения и мастера

Одним из символов архитектуры XX века стал дерзновенный проект Памятника (Башни) III Интернационала, созданный в 1919–1920 годах В. Е. Татлиным. Этот радикальный манифест конструктивизма как-то не ассоциируется с нашим городом. Между тем, модель Башни была выполнена в Петрограде, где в те годы работал Татлин, правда, недолгое время.

С 1922 года в Петрограде обосновалась группа К. С. Малевича. Здесь реализовался выход супрематизма в объемные структуры и затем в архитектуру. Создавались архитекторы и планы, велся поиск новых гармонических закономерностей геометризованных форм («супрематический ордер»). Особую роль в преобразовании супрематической системы в сферу архитектурного проектирования сыграл совсем молодой сподвижник Малевича Л. М. Хидекель.

На рубеже 20-х годов начал работать над проблемами новой формы А. С. Никольский. Учитывая опыты московских коллег и отталкиваясь от приемов кубизма, он выстраивал пространственные соотношения простых геометрических частей и элементов. Вскоре архитектор сблизился с супрематизмом. В 1923 году он организовал творческую мастерскую из молодых архитекторов, объединенных духом поиска.

В Петрограде-Ленинграде все эти форматворческие новации замыкались до середины 1920-х годов в области экспериментального проектирования. Реальная практика – и конкурсные работы, и немногочисленные сооружения – укладывались в рамки неоклассики или, реже,

иных ретростилей. 1917-й год, проложивший глубинный разлом в истории страны, не прервал единого цикла развития неоклассицизма, зародившегося в 1900-е годы и взявшего на себя миссию «петербургского возрождения». Революционные перемены в корне изменили социальное и идейное содержание архитектуры, но не поколебали на первых порах приверженности большинства архитекторов старо-петербургским традициям. Идея преемственной эволюции города на основе классического наследия напрямую сочеталась с представлением об абсолютном, внеисторическом значении классики, способной к самообновлению и воплощению современных задач. Отсюда – разработанные И. А. Фоминым концепции «красной дорики», а затем «пролетарской классики», основанные на отборе, упрощении и трансформации ордерных форм. Петроградская неоклассика, овеванная революционной романтикой и вбравшая импульсы от новейших течений, отличалась повышенной монументальностью и экспрессией, обобщенным лаконизмом крупных форм и героическим звучанием. Эти качества особенно ярко проявились в проектах И. А. Фомина и Н. А. Троцкого. С редкой образной силой интерпретировал образы средневековья А. Е. Белогруд.

Тем временем в Москве шло форсированное становление и самоопределение новаторских направлений. Эстетический рационализм (группа АСНОВА) исходил из решения пространственных задач и выверенного – путем анализа психофизиологии восприятия – построения формы. Конструктивизм, или функциональный метод (группа ОСА), родственник европейскому функционализму, ставил на первый план тщательную разработку

функциональных процессов с выявлением соответствующих зон и конструктивной основы. Жизнестроительный вектор и социальная направленность конструктивизма предопределили его действенность, продуктивность и широчайшее распространение. Не случайно конструктивизм часто выступал синонимом советского авангарда.

В Ленинграде общий поворот к новым течениям наметился в 1925 году. Этот момент совпал с проведением крупных конкурсов и началом активного строительства новых типов зданий. На творческую перестройку, несомненно, повлияли и европейская (главным образом, немецкая), и московская архитектура; внутренним источником послужили открытия супрематизма, с одной стороны, и рационалистические традиции, с другой. Но этот перелом не был бескомпромиссным, в постройках 20-х годов отчетливо сквозили классицистические реминисценции. Московские коллеги имели основания говорить про «давно известную ленинградскую оппозицию современной архитектуре» (И. Н. Соболев), которая заключается, впрочем, «вовсе не в отрицании новых принципов, а скорее в осторожном к ним подходе, но, однако, не без воспоминаний о “добром старом времени”» (Н. В. Марковников). Между тем, авангардные средства выразительности входили в репертуар опытных, состоявшихся мастеров. Одним из первых обратился к ним В. А. Щуко. Ленинградские зодчие С. С. Серафимов, А. И. Дмитриев и другие сформировали градообразующий конструктивистский ансамбль Харькова. Ключевую позицию в ленинградском контексте заняла фабрика «Красное Знамя», спроектированная в 1925–1926 годах выдающимся немецким архитектором Эрихом Мендельсоном. В этом комплексе сплавлены принципы функционализма и экспрессионизма. Черты экспрессионизма особенно сильны в динамичной композиции силовой станции с закругленными объемами башни. Произведение Мендельсона наложило глубокий отпечаток на развитие ленинградской архитектуры. К 1927 году авангард одержал решительную победу. Главным авторитетом, харизматическим лидером модернистского крыла выступал А. С. Никольский. Он был связан с московским ОСА, но не разделял ортодоксальности конструктивизма и основное внимание уделял разработке супрематических принципов. «Критерием функционального метода» для него служила «эстетическая оценка», которая, в свою очередь, проверялась «рациональным мышлением». Такой подход позволил Никольскому и сотрудникам его мастерской органично воссоединить две полемизировавшие концепции в «супрематическом конструктивизме».

Видным представителем ленинградского авангарда был А. И. Гегелло, который работал обычно в дуэте с Д. Л. Кричевским. В их постройках 1925–1927 годов прослеживается связь с упрощенной неоклассикой и мотивами экспрессионизма (как и у Никольского), но затем выкристаллизовываются конструктивистские приемы. Выразительные и оригинальные произведения принадлежат Г. А. Симонову, но ему выпала также прозаическая роль строителя утилитарных жилмассивов. Строго рациональной версии придерживались А. А. Оль и Л. В. Руднев. Едва ли не самые законченные и отточенные образ-

Е. А. Левинсон, И. И. Фомин. Жилой дом Ленсовета. Фото 1934 г.

E. Levinson, I. Fomin: Wohnhaus des Leningrader Stadtrats (Lensovet). Foto 1934.

цы ленинградского авангарда представляют районные фабрики-кухни, созданные молодыми архитекторами А. К. Барутчевым, И. А. Гильтером, И. А. Меерзоном и Я. О. Рубанчиком. Эта четверка составляла местную группу АРУ – наследницы АСНОВА.

На поздней стадии новаторской архитектуры Ленинграда начала 1930-х годов самой яркой фигурой стал Н. А. Троцкий. Он вносил в функциональные структуры сильный оттенок экспрессионизма (не без влияния Э. Мендельсона), наделяя их монументальной силой и эмоциональным звучанием. Тогда же на первый план выдвинулись Е. А. Левинсон – самый артистичный зодчий той поры – и часто работавший с ним И. И. Фомин. Эти мастера также стремились к подчеркнутой экспрессии и, кроме того, приблизились к стилистике ар нуво. В тот же круг входил и И. Г. Явейн.

Ленинградскую архитектурную школу принято считать по сравнению с московской более умеренной и компромиссной. Это во многом справедливо, учитывая классицистический акцент ее языка, особенно ощутимый в переходных фазах. Не менее существенную особенность составляла стойкая тяга к экспрессионизму. Отсюда – пристрастие к криволинейным объемам, весомая пластика, контрасты горизонталей и вертикалей.

А. И. Гегелло, Д. Л. Кричевский. Дворец культуры имени И. И. Газа. 1931–35. Фото 2005 г.

A. Gegello, D. Kričevskij: Kulturpalast „I. I. Gaza“ 1931–35. Foto 2005.

Супрематизм обеспечивал острую новизну композиционных решений: сдвиги и всечения геометрических объемов и чистых плоскостей, контрасты белого и черного, иллюзию парящих над землей этажей. В самом конструктивизме, вопреки постулату функционалистов «что хорошо функционирует, то хорошо и выглядит», ленинградские мастера стремились к выразительной образности. Таким образом, региональное своеобразие ленинградского авангарда, независимо от стилевых предпочтений, определялось повышенным вниманием к художественной форме (разумеется, речь идет не об утилитарном экономичном строительстве). Показателен феномен художника-архитектора и теоретика Я. Г. Чернихова. В его блестящих архитектурных фантазиях, утверждающих самоценность образной стороны проектирования, всесторонне раскрыт огромный формообразующий потенциал всего спектра авангарда.

Авангард оказался мимолетным явлением – после 1932 года он был предан ostrакизму. Здания, которые достраивались по конструктивистским проектам, вынужденно принимали «покровительственную окраску», обогащаясь классицистическими элементами. На короткой временной дистанции постконструктивизм сменился новыми вариациями возрожденной неоклассики. И если для принципиальных поборников авангарда этот безальтернативный путь означал творческую трагедию, то для многих ленинградских архитекторов оказался

естественным возвращением к недавнему прошлому. Ленинградский авангард явно недооценен. Это сложное и неоднозначное явление широкого диапазона. Его региональные варианты не всегда совпадали с магистральными линиями новой архитектуры. Эти особенности не следует рассматривать критически, как некий паллиатив; они определяют специфику ленинградской школы и обогащают общую картину Современного движения в русской и мировой архитектуре. Причем «нечистые», гибридные модификации стиля (от Тракторной улицы до Фрунзенского универмага) также представляет высокий интерес, тем более при ретроспективном взгляде сквозь призму постмодернизма. Можно сказать, что в модернизированной неоклассике 1930-х годов содержались многие находки, предвосхищавшие постмодернистские приемы.

Проблемы охраны

Памятники архитектуры становятся памятниками не когда создаются, а лишь когда осознаются в этом качестве. Из-за негативного отношения к авангарду его здания долгие десятилетия не включались в списки охраняемых объектов. К тому же малый промежуток времени еще не позволял осмыслить недавнее прошлое как полноценную часть историко-культурного наследия. Впервые весьма немногочисленная группа зданий советского периода была поставлена под государственную охрану в 1970 году. В том числе – ансамбль общественных зданий у площади Стачек и Тракторная улица, жилой дом Ленсовета на Карповке и «Большой дом» (здание НКВД-КГБ), а также две пожарные части. В основном, это были бесспорные, выдающиеся памятники, созданные крупнейшими ленинградскими зодчими. Но чести охранного статуса тогда не удостоились ни дворцы культуры (кроме носящего имя А. М. Горького), ни бани Никольского, ни фабрика «Красное Знамя», ни другие значимые сооружения. Была резко отвергнута кандидатура Дома-коммуны политкаторжан (маститые историки называли его «архитектурным уродством»). Столь фрагментарное представление авангарда в списках памятников объяснялось и малой изученностью, и инерцией неприятия по вкусовым мотивам. Но был здесь и явный оттенок парадокса: Ведь эпоха социалистического строительства в то время всемерно возвеличивалась и пропагандировалась.

Состав охраняемых объектов удалось значительно пополнить на рубеже 80-х и 90-х годов. Заслуженный ранг памятников получили Силовая станция фабрики «Красное Знамя», Дворец культуры им. С. М. Кирова, фабрика-кухня Выборгского района, Круглая баня и другие. Но пробелов оставалось значительно больше. Ситуацию удалось во многом выправить за счет так называемых выявленных объектов – кандидатов в памятники, имеющих временный охранный статус. Ныне действующий перечень таких объектов, утвержденный в феврале 2001 года, составлялся под руководством автора этих строк (возглавлявшего соответствующее управление КГИОП – Комитета по охране памятников Администрации Санкт-

Петербурга). Нами двигал не особый пиетет к авангарду, а желание адекватно отобразить в официальных списках все значимые пласты наследия. В результате, общее число охраняемых объектов того периода выросло почти до 80, что было, конечно большим шагом вперед (всего в городе насчитывается порядка 200 зданий и комплексов, связанных с авангардом). Самые интересные объекты уже в 2001 году предполагалось перевести в памятники, но по разным причинам сделать этого не удалось. И в низшей, по сути, временной категории культурного наследия застряли выдающиеся сооружения, достойные лучшей участи, – Мясокомбинат Н. А. Троцкого и хлебозаводы инженера Г. П. Марсакова, Московский райсовет И. И. Фомина и Дом культуры им. Ильича Н. Ф. Демкова, Дом политкаторжан и школа на улице Ткачей Г. А. Симонова, жилой дом Свиристеля И. Г. Явейна и другие.

Однако главная проблема — не в том. Никакой охраненный статус сам по себе не является панацеей. Авангард — все еще наименее признанная в городе часть наследия, а потому — самая незащищенная. Некоторые здания были недавно снесены, в том числе уникальный технологический эксперимент «Тахитектон» на Крестовском острове. Ряд построек грубо искажен — школы на улицах Ткачей и Политехнической, Дом технической учебы на площади Стачек, павильоны стадиона «Динамо». Многие объекты находятся в запущенном состоянии, среди них Мясокомбинат, Ушаковские бани, «Башня Чернихова». Инвесторы и собственники, чиновники и население часто не понимают ценности памятников новаторской архитектуры. Отношение к ним менее трепетное, чем к историческим стилям. Скорее выделяются средства на их ремонт и реставрацию. Поэтому специалистам, «охранникам», заинтересованной общественности в союзе с прессой необходимо вести более активную разъяснительную работу, отстаивая необходимость бережного отношения к наследию авангарда.

Boris Kirikov: Das Erbe der Leningrader Avantgarde

Der Artikel gibt einen Überblick über die Architekturgeschichte und stilistischen Besonderheiten der Leningrader Avantgarde, über die allmähliche Anerkennung ihrer Bauwerke als Denkmal und über Probleme der Konservierung.

Anfang der 1920er Jahre arbeiteten Vordenker der Avantgarde wie V. Tatlin und K. Malewitsch in Leningrad. Ab 1925 setzte sich die Moderne auch im realen Baugeschehen Leningrads durch. Als Vorreiter erwies sich Aleksander Nikol'skij; andere wichtige Vertreter waren das Team A. Geggello/D. Kričevskij, der Wohnungsbauarchitekt G. Simonov sowie die Autoren der Fabrikküchen und Mitglieder der Rationalistengruppe ARU A. Barutčev, I. Gil'ter, I. Meerson und Ja. Rubančik. Anfang der 30er Jahre schließlich setzte sich ein expressiver Postkonstruktivismus durch, angeführt von den Architekten E. Levinson und N. Trotskij. Im Ausland gilt die sowjetische Avantgarde vielen Experten als

О. Л. Лялин, Я. О. Свирский. Ресторан стадиона «Динамо». Фото 1935 г.

O. Ljalin, J. Svirskij: Restaurant des Stadions „Dynamo“. Foto 1935.

О. Л. Лялин, Я. О. Свирский. Ресторан стадиона «Динамо». Фото 2008 г.

O. Ljalin, J. Svirskij: Restaurant des Stadions „Dynamo“. Foto 2008.

Russlands wertvollster Beitrag zur Architekturgeschichte des 20. Jahrhunderts. Dagegen hat in Russland nach der Diskreditierung der Moderne unter Stalin bis heute keine wirkliche Rehabilitierung stattgefunden. Die Leningrader Avantgardearchitektur ist noch weniger erforscht und anerkannt als die Moskauer. Sie gilt eher als gemäßigt und kompromissreich. Andererseits repräsentiert die Leningrader Schule, die durch den Suprematismus und die rationalen Architekturtraditionen der Stadt sowie durch Mendelsohns Expressionismus geprägt wurde, eine wichtige Facette des Neuen Bauens und bereichert unser Gesamtbild.

In Leningrad wurde eine kleine Gruppe von Avantgardebauten erstmals 1970 in die Denkmalliste aufgenommen. Weitere folgten Ende der 1980er bzw. Anfang der 1990er Jahre. Doch 2001 stieg die Anzahl der konstruktivistischen Denkmale in Leningrad merklich an, auf fast 80 Objekte. Allerdings befinden sich die meisten Avantgardedenkmale nur in der Kategorie der „neu erfassten Objekte“ (Denkmalverdachtsobjekte), obwohl sie eigentlich einen höheren Status verdienen. Das Hauptproblem bei der Erhaltung und Pflege von Denkmälern der Avantgarde ist jedoch nicht der niedrige Schutzstatus, sondern die geringe Wertschätzung, die die Öffentlichkeit, Politiker, Investoren und Beamte dem Erbe der Avantgarde entgegen bringen. Hier ist Aufklärungsarbeit notwendig.

Наследие промышленной архитектуры Ленинграда 1920-х–1930-х годов

Маргарита Штиглиц

Представление о Петербурге связано прежде всего с величавым простором Невы, с монументальными классическими ансамблями главных площадей, набережных и проспектов. Антитезу парадному центру составляет

трогаду роль города «победоносного труда». Бывшая столица получила в наследство огромное количество производственных построек, новаторских по типу и конструкциям. Эстетическое осмысление свойств же-

Кушелевский хлебозавод. Проект. Начало 1930-х гг.

Brotfabrik „Kuşelev“. Entwurf. Anfang der 1930er Jahre

опоясавшая его промышленная зона. Массивы производственных корпусов с высокими трубами и башнями определяют характер обширных территорий и водных панорам за пределами исторического ядра. Они входят в зону регулирования застройки или в соответствии с международной терминологией – в буферную зону.

Промышленная архитектура Ленинграда

В промышленном строительстве Невской столицы наибольший интерес представляет период 1920-х–1930-х годов, совпадающий с расцветом русского авангарда. Его наследие включает выдающиеся памятники, среди которых есть шедевры мирового уровня. Ленинградское промышленное зодчество продолжило и развило тенденции, зародившиеся в предшествующий период.

В 1918 году, когда большевики перевели правительство в Москву, столичная функция отпала, оставив Пе-

лезобетона предопределило уже раньше, в 1910-е годы появление утилитарных сооружений, в отношении которых применялся термин «конструктивный стиль». Среди них в первую очередь можно назвать элеватор Акционерного общества товарных складов – одно из первых в Петербурге железобетонных сооружений. Здание, построенное в 1911–1912 гг. (инж. И. Н. Квиль), можно считать предвестником конструктивизма. Специфический полный брутальной экспрессии архитектурный образ создан чисто утилитарными средствами, самой конструкцией. Монолитной железобетонной структуре отвечает лапидарная пластика крупных обобщенных объемов.

Масштабы промышленного строительства возросли после принятия в декабре 1920 года VIII Всероссийским съездом Советов Государственного плана электрификации, который стал программой возрождения страны путем создания новой энергетической базы для развития индустрии. Первым значительным сооружением в горо-

де, еще не преодолевшем хозяйственной разрухи, стала теплоэлектростанция «Красный Октябрь». Устройство ее на далекой окраине было обусловлено тем, что в прилегающем районе, выше по течению Невы, находилось множество фабрик и заводов. Руководителю проекта архитектору А. А. Олю принадлежит и авторство первой очереди электростанции, возведенной здесь в 1914–1916 гг. и носившей название «Уткина заводь». Новое сооружение 1920-х годов, в отличие от первого, свободно от исторических аллюзий и декоративных средств. Строгий и лаконичный архитектурный язык продиктован функциональными и технологическими требованиями. Прозаически утилитарный облик сооружения впечатляет мощью геометрических объемов, над которыми вырастает целый лес дымовых труб. Ровные аскетичные плоскости светлых стен прорезаны проемами разных размеров – от крупных витражей до лежащих щелевидных окон. Невысокие, но внушительные башни дополнительно выделены круглыми иллюминаторами. Сооружение ТЭЦ – самый ранний пример новаторских исканий в строительстве послереволюционных лет, свидетельствующий об опережающем развитии промышленной архитектуры.

В середине 1920-х гг. после окончания гражданской войны началось возрождение ленинградской промышленности под лозунгом «догнать и перегнать развитые страны». В страну, возобновившую экономические отношения с развитыми странами, и в том числе с Германией, активно привлекаются зарубежные специалисты. Этапным произведением, оказавшим заметное влияние на архитектуру ленинградского конструктивизма, стал комплекс трикотажной фабрики «Красное знамя» Э. Мендельсона. Возведение комплекса в 1926–1930-х годах стало результатом полного конфликтов сотрудничества автора проекта с ленинградскими коллегами. По предварительному проекту Мендельсона под руководством известных специалистов С. О. Овсянникова и И. А. Претро были выполнены рабочие чертежи для первой очереди строительства, в целом соответствующие основному замыслу. Новаторский проект иностранца встретил немало противников и вызвал бурную полемику в прессе. Несмотря на это летом 1926 года было начато возведение зданий первой очереди – главного трикотажного цеха, отбельного, красильного, силовой станции. Весь комплекс сооружен методом «народной стройки» в две очереди: первая в 1926–1929, вторая в 1934–1937. В процессе строительства авторский замысел был искажен и упрощен. Три цеха внутри двора (отбельные и красильные) должны были завершаться высокими вентиляционными шахтами (по типу корпусов фабрики в Люккенвальде), но этот важный элемент был выполнен только над красильным цехом, причем с искажением. Не осуществлено двухуровневое решение внутреннего двора, изменено объемное построение главного корпуса, лишившегося лестничных шахт и башни. Только силовая станция, сооруженная в 1926–1928 годах, полностью соответствует проекту. Смелая по пластике, полная движения композиция убедительно соединяет черты экспрессионизма и функционализма и воплощает постулат автора «функция плюс динамика». Недо-

*Элеватор Акционерного общества товарных складов. Фото 1939 г.
Silo des Aktionärsverbands für Warenlager.
Foto von 1939.*

*ТЭЦ «Красный Октябрь». Фото 1930 г.
Wärme-Energie-Zentrale „Krasnyj Oktjabr“
(Roter Oktober). Foto von 1930.*

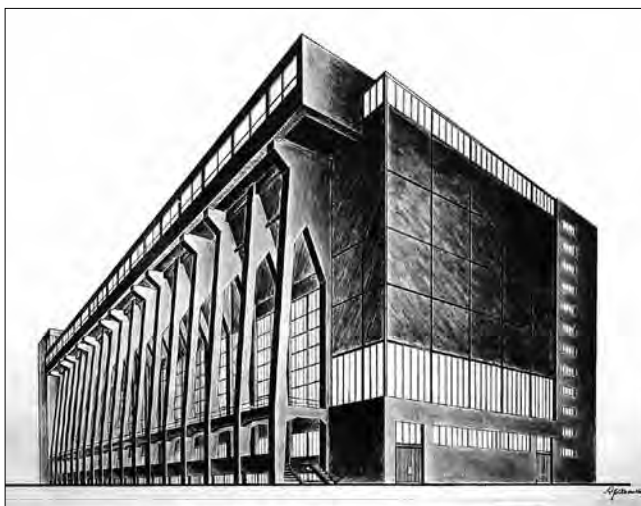

*Цеха фабрики «Красное Знамя». Фото 1930-х гг.
Werkhallen der Textilfabrik „Krasnoe Znamja“
„Rote Fahne“. Foto aus den 1930er Jahren.*

вольство многочисленными нападениями русских коллег и прессы, неудовлетворенность качеством строительства побудили архитектора устраниваться от авторского надзора и датировать проект фабрики начальной стадией разработки – 1925 годом. Тем не менее, основной замысел

*Мясокомбинат имени С. М. Кирова. Фото 1930-х гг.
Fleischereigrossbetrieb „Kirov“. Foto aus den
1930er Jahren.*

*Котельная Теплоэлектростанции – 2.
Перспектива 1930.
Heizwerk der Wärme-Energie-Zentrale Nr. 2.
Perspektivzeichnung von 1930.*

зодчего прочитывается в пространстве комплекса и в настоящее время.

Произведение великого мастера оказало сильное влияние на ленинградскую архитектуру, особенно на творчество Н. А. Троцкого, одного из выдающихся зодчих межвоенного периода, назвавшего фабрику «классическим образцом новой архитектуры». Комплекс мясокомбината имени С. М. Кирова (1931–1933), построенный под руководством Троцкого, относится к самым значительным достижениям конструктивизма. Предприятие должно было стать центром вновь осваиваемой территории, своеобразными воротами при въезде в город. Внешний облик комплекса с высоко взметнувшейся вверх башней символизирует подъем советского промышленного производства. Поставленный на плоском рельефе, главным фасадом к городу, он доминирует в большом

радиусе окружающего пространства. Авторы стремились выразить в нем мощь и динамизм эпохи, увязать требования прогрессивной технологии с высокохудожественным образным решением утилитарных построек. Производственный процесс, наиболее прогрессивный для того времени, был основан на американской технологии, с компактным размещением основных циклов в одном объеме и максимальной механизацией. Каждое звено производственного цикла выделено в самостоятельный геометрически четкий объем. Вместе с тем все они неразрывно связаны в единую композиционно-технологическую систему. В композиции доминирует главный шестизэтажный колбасный цех с административной башней. Это мощный параллелепипед, неостекленные плоскости стен которого прорезаны консольным бетонным козырьком. Динамично врезанная в него 42-метровая башня служит главным опознавательным знаком всего ансамбля. Она как бы составлена из двух всеченных друг в друга вертикальных пластин. Башня сообщает строго конструктивистской архитектуре комплекса ярко выраженный экспрессионистский оттенок. На верхней отметке башни расположена смотровая площадка. На Международной выставке 1937 года в Париже комплекс был отмечен «Гран-при» за инженерные и архитектурные достоинства.

Троцкий построил еще ряд производственных сооружений в Ленинграде. «Стиль конструктивный толкнул меня, может быть случайно, а может быть в этом была своя логика, на промышленное строительство», – писал он. Здание котельной Теплоэлектростанции (ТЭЦ-2), сооруженное по его проекту (1930) – один из наиболее выразительных образцов ленинградского конструктивизма. Объем здания с обнаженной рамной конструкцией большой высоты образован рядом открытых железобетонных наклонных рам – пилонов, несущих бункеры и транспортеры. Угловая башня, открытые мосты и галереи – все это, по словам мастера, «имело целью выявить внутреннее содержание, дать характерную форму железобетонной конструкции».

Не менее значим для архитектуры Современного движения и редкий образец реального творчества знаменитого архитектора и педагога Якова Чернихова, снискавшего международную известность как автор блестящих архитектурных фантазий, послуживших для многих поколений архитекторов источником вдохновения. В проекте водонапорной башни канатного цеха завода «Красный гвоздильщик» (1930–1931) Черников стремился к динамике экспрессии и остроте композиции, построенной на резком контрасте вертикали и горизонтали. В обнаженной конструкции башни полностью выявлены и реализованы формообразующие возможности железобетона. Окончательный проект канатного цеха доработан архитектором М. Д. Фельгером и К. В. Сахновским. Они сохранили структурную основу Чернихова, но значительно упростили здание. Тем острее и эффектнее воспринимается водонапорная башня. Узкий высокий ствол возносит вверх объем водонапорного бака, скругленный выступ которого опирается на тонкие столбы. Резкое столкновение жестких прямолинейных и плавных криволинейных форм усиливает пластическую экспрессию

лаконичной композиции. Силуэт башни эффектно воспринимается в перспективе улиц-линий промышленной зоны юго-запада Васильевского острова.

В 1920-е гг. большое внимание уделялось проектированию механизированных хлебозаводов, которые должны были стать образцом передового производства и опытной лабораторией хлебопечения. Один из таких заводов, был построен на основе результатов конкурса 1926 г., где первой премии удостоено предложение мастерской А. С. Никольского. Окончательный проект с использованием материалов конкурса разработало архитектурное бюро во главе с П. Д. Бункиным. Объемно-пространственная композиция обусловлена горизонтальным технологическим циклом. Ведущей темой главного фасада служит крупный ритм четырех повышенных световых объемов. Хлебозавод имени 10-летия Октября, впоследствии носивший имя А. Е. Бадаева, был реконструирован в начале 1990-х годов, что повлекло частичные изменения первоначального облика.

Наиболее выразительными и органично слитными с технологией, где принципы конструктивизма нашли наилучшее воплощение, являются здания круглых хлебозаводов, построенные в Ленинграде в середине 1930-х годов. Автор прогрессивного технологического решения, продиктовавшего и объемное построение Г. П. Марсаков. Механизированный вертикально-кольцевой процесс приготовления хлеба наглядно выражен в композиции, основу которой составляют ступенчато нарастающие цилиндрические объемы. Этот талантливый инженер пытался распространить идею круглых форм не только на композицию отдельного сооружения, но и на архитектурно-пространственную организацию целого города.

Закончился «золотой век» промышленной архитектуры Петербурга–Ленинграда в конце 1930-х годов. В послевоенные десятилетия она уже никогда не поднималась до прежнего уровня. Итоги предвоенного периода развития промышленной архитектуры были подведены на Первой выставке проектов промышленных сооружений, организованной в 1940 году. В обсуждении принимали участие крупнейшие мастера – Л. В. Руднев, А. И. Гегелло, О. Р. Мунц, Н. А. Троцкий, Е. А. Левинсон. Было отмечено, что художественно-образная сторона промышленных сооружений стала значительно уступать ее конструктивно-типологической. Объясняется это тем, что в середине 1930-х годов был резко оборван цикл развития авангарда. Тогда же были образованы отраслевые проектные институты, вследствие чего многие крупные архитекторы отошли от индустриального строительства. Все же, несмотря на утраченное первенство в формообразовании, конструктивизм в промышленном строительстве еще сохранял свои позиции до конца предвоенного периода. Свидетельство тому, возведенный по проекту инженеров Б. Я. Дризена и А. Ю. Флейшмахера Мельничный комбинат имени С. М. Кирова. Грандиозный мукомольный комбинат воздвигнут в 1933–1938 гг. на месте старых хлебных амбаров вблизи невской пристани. Комплекс состоит из двух самостоятельных частей: зернохранилища с очистными сооружениями и мукомольной мельницы с хранилищем и экспедицией

Водонапорная башня завода «Красный Гвоздильщик». Фото 2007 г.

Wasserturm des Betriebs „Krasnyj Gvozdiščik“ (Roter Nagel). Foto von 2007.

Хлебозавод имени 10-летия Октября.

Фото 1929 г.

Brotfabrik „Zehnjähriger Oktober“. Foto von 1929.

муки. Мукомольная мельница состыкована из многоэтажных геометрических объемов с тремя повышенными массивами. Сильной доминантой возвышается 60-метровая башня-пластина элеватора. Железобетонные колоссы доминируют среди застройки индустриального района и воспринимаются с дальних точек в панораме Невы.

Архитектурная фантазия. Я. Г. Черников. 1931.
Architekturphantasie. Jakov G. Černichov. 1931.

Охрана памятников промышленной архитектуры

В начале 1990-х годов памятники промышленной архитектуры были включены в список объектов, охраняемых государством. Однако большая часть из них имеет самый низкий охраняемый статус – выявленного объекта культурного наследия. На практике это означает невысокую степень их защищенности. И хотя, казалось бы, по закону они пользуются всеми правами памятников, но это лишь временный статус, процедура снятия которого достаточно проста.

Современное состояние памятников промышленной архитектуры ленинградского авангарда оставляет желать лучшего. Несмотря на то, что здания имеют охраняемый статус, частные владельцы, в чьих руках они находятся, не осознают подлинной ценности этих шедевров, находящихся в бездействии, и от того деградирующих и разрушающихся. Время не щадит железобетонные конструкции, не отличавшиеся высоким качеством при их возведении. До сих пор существует недопонимание ценности этого пласта нашего культурного наследия широкими слоями общества, властными структурами и даже некоторыми архитекторами. Произведения всемирно известных архитекторов, достойные включения в Список Всемирного наследия, не используются или используются крайне нерационально, что ставит их под угрозу разрушения.

Многочисленные попытки специалистов – публикации и выступления в прессе, проведение семинаров, конференций, инициирование акций современного искусства в заброшенных корпусах, организация дипломного про-

ектирования – весь возможный арсенал средств, используемый для достижения цели, не принес пока ощутимых результатов. Привлечение внимания международного сообщества и включение лучших образцов промышленной архитектуры Ленинграда в Список Всемирного наследия, может способствовать защите и поиску оптимальных путей их сохранения.

Margarita Stiglitz: Das Erbe der Leningrader Industriearchitektur der 1920/30er Jahre

In den 1920er und 1930er Jahren entstanden einige der interessantesten Industriebauten Leningrads, darunter Avantgardearchitektur von internationalem Format. Der Artikel gibt einen Überblick über die bedeutendsten Leningrader Industriebauten dieser Zeit sowie über die Geschichte ihrer Unterschutzstellung und über den Erhaltungszustand bzw. Gefährdungsgrad.

Schon im Industriebau der Zeit vor dem Ersten Weltkrieg bot der „konstruktive Stil“ gute Grundlagen für die Anwendung moderner Bauweisen. Der Plan zur Elektrifizierung des Landes initiierte ab 1920 einen Aufschwung im Industriebau; die erste größere Bauaufgabe in Petrograd wurde die Erweiterung des Wärmekraftwerks „Krasnyj Oktjabr“ („Roter Oktober“, 1920er, A. Ol'). Ein wichtiges Ereignis war der Bau der von Erich Mendelsohn entworfenen Textilfabrik „Krasnoe Znamja“ („Rote Fahne“, 1926–30er), deren expressive Architektur großen Einfluss auf die Leningrader Architekten ausübte, insbesondere auf N. Trockij. Dessen Fleischkombinat „Kirov“ (1931–33) und das Heizwerk des Wärmekraftwerks TEC-2 (1930) gehören zu den ausdrucksstärksten Bauwerken der Leningrader Moderne. Eines der wenigen realisierten Gebäude des für seine Grafiken berühmten Architekten Jakov Černichov ist der Wasserturm der Fabrik „Krasnyj Gvozdilščik“ („Roter Nagel“, 1930–31). Bemerkenswert sind auch die Brotfabriken, insbesondere der zylindrische Bautyp des Ingenieurs G. Marsakov (1930er). Schließlich demonstriert das Mühlkombinat „Kirov“ (1933–38, B. Drizen, A. Flejšmacher), dass die Moderne im Leningrader Industriebau bis in die späten 1930er Jahren Bedeutung behielt.

Unter Denkmalschutz gestellt wurden die wichtigsten Industriegebäude Anfang der 1990er Jahre. Allerdings hat die Mehrheit als „neu erfasste Objekte“ nur den niedrigsten Schutzstatus. Obwohl diese nach dem Gesetz alle Denkmalrechte genießen, kann dieser temporäre Status mit geringen Hürden aufgehoben werden. Der aktuelle Zustand der Leningrader Industriedenkmale ist bedenklich. Ihr Wert wird von der Bevölkerung nicht anerkannt, viele Bauten haben keine oder nur eine ungeeignete Nachnutzung gefunden. Hier könnte internationales Interesse oder gar die Aufnahme der besten Denkmale in die Tentativliste der Russischen Föderation zur Nominierung für die Welterbeliste der UNESCO ein deutliches Signal setzen.

Жилая архитектура ленинградского конструктивизма — здания и графические памятники¹

Мария Макогонова

Ленинградский конструктивизм оставил после себя сравнительно небольшое количество архитектурных памятников, но и они изучены весьма поверхностно. Долгое время это наследие находилось в забвении, но отношение к нему постепенно начинает меняться. Тем более актуальным является сегодня изучение и введение в самый широкий оборот графического наследия эпохи конструктивизма, помогающего воссоздать целостную картину архитектурной жизни

часть из них составляют проекты жилищного строительства.

Строительная практика и архитектурные конкурсы второй половины 1920-х

В 1925 в Ленинграде началась реконструкция рабочих окраин. Основное внимание при этом уделялось жилищ-

Ной Троцкий, Михаил Рейзман, Владимир Ходов. Конкурсный проект застройки Крыловского и Серафимовского участков в Московско-Нарвском районе Ленинграда. 1925. Не реализован.

Noj Trockij, Michail Rejzman, Vladimir Chodov. Wettbewerbsprojekt für Bebauung des Krylovskij und Serafimovskij Gebiets im Moskovsko-Narvskij Rayon in Leningrad. 1925. Nicht realisiert.

Ленинграда и реальной строительной практики второй половины 1920–начала 1930-х. Именно с этой целью музей истории С.-Петербурга в настоящее время издает иллюстрированный каталог своей коллекции чертежей эпохи конструктивизма, дополненный малоизвестными фотографиями памятников. Это собрание начало формироваться в 1920-е и в настоящее время насчитывает около полутора тысяч листов. Значительную

роль в развитии жилищного строительства. Первые эксперименты по созданию дешевого и комфортного рабочего жилья относятся к 1925–1926, когда в Володарском и Московско-Нарвском районах началось сооружение новых жилых массивов. Строительству предшествовал конкурс «на составление проектов новых типов жилых домов», объявленный 24 января 1925 Комитетом содействия кооперативному рабочему строительству. На конкурс было подано 28

Застройка Серафимовского участка (1925–1928. Архитекторы Александр Гегелло, Александр Никольский, Григорий Симонов). Фотография 1935.

Bebauung des „Serafimovskij učastok“ (Grundstück „Serafimov“) (1925–28. Architekten: Aleksandr Gegello, Aleksandr Nikol'skij, Grigorij Simonov). Foto: 1935.

Генеральный план застройки жилого массива завода «Большевик». Около 1930.

Bebauungsplan für die Wohnanlage des Betriebs „Bol'shevik“. Um 1930.

Жилой массив завода «Большевик» (1926–1934. Архитекторы Григорий Симонов, Иван Безруков, Тамара Каценеленбоген, Лев Тверской при участии Люси Акоповой). Фото 1934.

Siedlung des Betriebs „Bol'shevik“ (1926–34. Architekten: Grigorij Simonov, Ivan Bezrukov, Tamara Kacenenelbogen, Lev Tverskoj unter Mitarbeit von Ljusi Akopova). Foto von 1934.

проектов, но, по мнению жюри, среди них не оказалось ни одного «безукоризненного решения». К осуществлению были приняты проекты, разработанные одновременно с проведением конкурса и по той же программе в Проектном бюро Стройкома (Комитет по строительству рабочих жилищ) А. Гегелло, А. Никольским, Г. Симоновым (застройка Тракторной улицы (1925–1927) и Серафимовский жилой массив на проспекте Стачек (1925–1928), Д. Бурышкиным и Л. Тверским (жилой массив на улице Ткачей (1926–1929), а также А. Зазерским, И. Безруковым и Н. Рыбиным (Палевский жилой массив на проспекте Елизарова (1925–1928) в Отделе нового строительства Ленинградского союза жилищных кооперативных товариществ.

Конкурс 1925 года достаточно известен, а его материалы – неосуществленные И. Лангбарда (совместно с С. Турковским), И. Фомина, Н. Троцкого (совместно с М. Рейзманом и В. Ходовым), частично опубликованы. Заметно меньше внимания привлекал конкурс «на типы стандартных квартирных ячеек в каменных жилых домах и застройку участка земли в Выборгском районе Ленинграда», проведенный Комитетом содействия кооперативному рабочему строительству в ноябре 1927 – апреле 1928 года. Необходимость в его организации была вызвана опытом двух первых лет жилищного строительства, который не всегда оказывался удачным. Так, например, первая очередь строительства жилого массива завода «Большевик» (1926–1934. Г. Симонов, И. Безруков, Т. Каценеленбоген, планировка участка – Л. Тверской при участии Л. Акоповой) удостоилась резко отрицательных отзывов и за низкое качество самого строительства, и за внутреннюю планировку. Из 181 квартиры этого жилого массива сто были трехкомнатными, средняя рабочая семья не могла оплачивать такое жилье, в результате квартиры в новых домах заселялись несколькими семьями и превращались в коммунальные. «В маленьких кухнях толкотня, ссоры, дразни. Если бы строители думали головой и принимали во внимание бюджет рабочей семьи, они 85 % квартир должны бы построить в 2 комнаты», – писала газета Ленинградская правда².

Как отмечалось в конкурсной программе, «отсутствие определенных заданий и норм, рациональных типовых планировок и конструкций, технически и экономически обоснованных, вызывает многочисленные переделки проектов как в процессе их составления, так

и утверждения»³. Первоначально предполагалось, что главной задачей конкурса станет поиск наиболее экономичных типовых решений и для квартирных ячеек с прилегающими к ним лестничными узлами, и для планировки кварталов. Но в окончательный вариант конкурсного задания был включен конкретный участок на пересечении Кондратьевского и Полустровского проспектов. Он был небольшим по площади, что исключало возможность разбивки его на типовые кварталы. Таким образом, значение конкурса в разработке стандартов для жилищного строительства изначально было ограничено проектированием типовых квартирных ячеек.

В конкурсе участвовали 40 проектов. Особой оценки за «исследовательский характер в области экономики жилищного строительства» удостоились проекты под девизами «Зеленый квадрат» (Г. Симонов, Т. Каценеленбоген, И. Безруков) и «Синий квадрат» (Г. Симонов, Т. Каценеленбоген, И. Безруков, С. Васильковский). Однако, как и в предыдущем конкурсе, жюри не было удовлетворено результатами: «материалы конкурса - только лишь этап в искании дальнейших путей типового рабочего жилища, каждый проект, взятый в отдельности, не дает законченного целого»⁴. Проектирование было передано Проектному бюро Стройкома, где под руководством Г. Симонова при участии И. Капцюга, Т. Каценеленбоген и Л. Тверского и был создан окончательный проект Кондратьевского жилого массива, осуществленный в 1929–1930.

Переустройство быта

Хотя размах жилищного строительства в Ленинграде во второй половине 1920-х нельзя сравнить со строительным бумом начала XX века, благодаря многочисленным льготам и поддержке, которую советское государство поначалу оказывало жилищной кооперации, в течение трех лет (1925–1928) многие крупные предприятия, промышленные тресты или профсоюзы приступили к сооружению жилья для своих рабочих⁵. В проекты жилых массивов обязательно включались обслуживающие и общественные помещения. В комплекс зданий Щемилковского жилого массива на Фарфоровской улице (1927–1929. Г. Симонов, Т. Каценеленбоген) и жилищно-строительного кооператива «Московско-Нарвский металлист» на проспекте Стачек (1927–1929. Т. Каценеленбоген, Г. Симонов, тот же проект использован как типовой при сооружении первой очереди Бабуриного жилмассива на Лесном проспекте) вошли механизированные прачечные. В жилом городке завода «Красный треугольник» на Старо-Петергофском проспекте (1927–1929. И. Лангбард) отдельное здание было отведено детскому саду.

Начиная с 1929 устройство в едином комплексе с жильем так называемой «общественной группы» (бани-прачечной, кооперативного магазина, яслей-детского сада, красного уголка, а иногда – библиотеки-читальни или зала для собраний) стало нормой. Характерные примеры таких комплексов – Кондратьевский жилой массив, жилые массивы завода «Красный треугольник»

Максим Липкин. Вид вестибюля и галереи Дома коммуны общества Политкаторжан. Рисунок. 1934. *Maksim Lipkin. Vestibül und Galerie im Kommunehaus des Verbands Politkatoržan. Zeichnung 1934.*

Дом коммуны общества Политкаторжан (1929–1933. Архитекторы Павел Абросимов, Григорий Симонов, Александр Хряков). Фото 1933. *Kommunehaus des Verbands Politkatoržan (1929–33. Architekten: Pavel Abrosimov, Grigorij Simonov, Aleksandr Chrjakov). Foto 1933.*

(1929. П. Гринберг) и Первой ГРЭС (1929, А. Ладинский, П. Гринберг) на Обводном канале, жилой массив Союза сотворгслужащих на Каменноостровском проспекте (1929–1930. Е. Левинсон, А. Соколов). Впрочем, комплексный подход к жилой застройке не всегда реализовывался на практике. Так, при осуществлении в 1929–1931 проекта Городка Текстильщиков на Лесном проспекте, разработанного С. Овсянниковым и Д. Ковчевым, были построены только жилые корпуса и отдельное здание котельной, а строительство детского сада и универсама-столовой отложили на вторую очередь и не возвели. Характерно, что во всех упомянутых выше жилых массивах проектировались индивидуальные жилые квартиры, но при этом часть помещений отводилась под общежития для одиночек и бездетных (бытовые коммуны).

По данным Экономико-статистического сектора Ленинградского совета, в январе 1931 в городе насчитыва-

Жилой массив на Батениной улице (1930–1933. Архитекторы Григорий Симонов, Тамара Каценеленбоген, Борис Рубаненко, Александр Соломонов, Павел Степанов, Валентина Жуковская). Фото 1933.

Siedlung in der Batenina-Ulica (1930–33. Architekten: Grigorij Simonov, Tamara Kacenelenbogen, Boris Rubanenko, Aleksandr Solomonov, Pavel Stepanov, Valentina Žukovskaja). Foto 1933.

Городок Текстильщиков (1929–1931. Архитекторы Дмитрий Ковчев, Сергей Овсянников). Фото 1935. „Städtchen der Textilarbeiter“ (1929–31. Architekten: Dmitrij Kovčev, Sergej Ovsjannikov), Foto 1935.

лись 103 бытовые коммуны с 13.434 взрослыми членами. Общественное движение за коллективизацию быта росло, что стало причиной для проведения в Ленинграде весной 1930 года конкурса на «проект коллективного жилищного комплекса, отвечающего современным стремлениям к социализации быта и раскрепощению женщины с учетом реальных возможностей в экономическом, хозяйственном и культурном отношениях при наилучших санитарных и технико-экономических показателях»⁶. Конкурс проводился с конкретной целью дальнейшей постройки опытного дома-коммуны в Ленинграде и проходил в два тура.

Программа первого тура основывалась на идее уничтожения семьи и традиционного домашнего быта. Предполагалось создание комплекса зданий так называемой 100-процентной бытовой коммуны. Опыт организации таких коммун в Ленинграде уже имелся. Так,

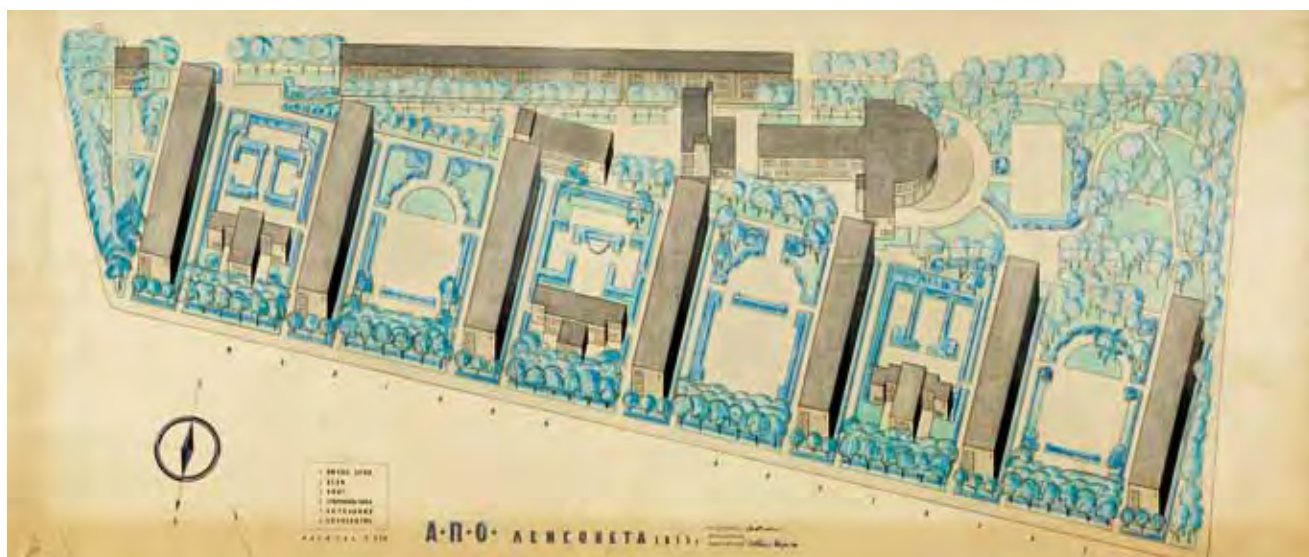
например, «Первая бытовая рабочая коммуна», которая была создана в октябре 1929 и располагалась в четырех квартирах обычного многоэтажного жилого дома была 100-процентной. Ее члены не имели ничего своего, даже денег. В личном пользовании оставались лишь зубные щетки, бритвы, полотенца. Как писала пресса: «в последнее время под влиянием разъяснений врача возникает вопрос, который еще не разрешен, о предоставлении права иметь каждому «свое» белье, так как этого требует элементарная гигиена и профилактика»⁷.

На первый тур было подано 30 проектов, которые были выставлены для всеобщего обозрения на выставке, проходившей сначала в Смольном, а затем – в Доме культуры Выборгского района. Там же 1 июля 1930 в присутствии 156 ленинградских рабочих и представителей общественности было устроено публичное обсуждение проектов и подведены окончательные итоги конкурса. Премии получили 10 проектов, в том числе – хранящийся в собрании музея истории Петербурга проект под девизом «Ответ Пию» К. Шеенкова и Д. Потапова. При проведении второго тура конкурса основные положения Программы были существенно пересмотрены на основании известного постановления ЦК ВКП (б) «О работе по перестройке быта» от 16 мая 1930, осудившего как «чрезвычайно вредные» попытки полного обобществления всех сторон быта, отделения детей от родителей и запрета индивидуального приготовления пищи. Для строительства Дома коммуны был выделен участок в Выборгском районе Ленинграда у железнодорожной станции Кушелевка. На второй тур было подано три проекта. Первая и вторая премии не присуждались. Проект под девизом «Смена» (Н. Баранов, А. Кривецкий, В. Нотес, Н. Чемоданов, М. Русаков, В. Романов) получил третью премию и был передан для переработки мастерской Г. Симонова. Строительство планировалось начать в 1931, но осуществлено оно не было.

На практике домов-коммун в Ленинграде не сооружали. Так называемые Первый дом-коммуна инженеров и писателей (1929–1931. А. Оль, К. Иванов, А. Ладинский) и Дом-коммуна общества Политкаторжан (1931–1933. П. Абросимов, Г. Симонов, А. Хряков) относятся к «домам переходного типа», где не было полной коллективизации быта, ломавшей институт семьи, но целый ряд хозяйственных и общественных функций обобществлялся (в квартирах, в частности, не было кухонь, в домах имелись общие столовые).

Эксперименты начала 1930-годов

В начале 1930-х на смену строительству небольших жилых массивов пришла практика проектирования нового типа застройки – жилых концентрационных центров на несколько тысяч, а иногда – десятков тысяч человек. В едином комплексе с жильем такие проекты предусматривали сооружение спортивных площадок и стадионов, школ, столовых, клубов, библиотек, магазинов, бань, прачечных, больниц, отделений почты, телеграфа и банка, а иногда даже хлебозаводов или кондитерских фабрик. На три года (1930–1933) в разных районах го-

*Генеральный план Крестовского жилмассива в Ленинграде. 1933.
Städtebauplan der Krestovskij Siedlung in Leningrad. 1933.*

рода были намечены несколько участков для такого образцового строительства, но реализованы эти планы были лишь частично. На острове Декабристов (проект Д. Бурышкина, В. Жуковской, Ф. Мазель, Н. Рыбина) строительство даже не началось. У завода «Электросила» (проект Г. Симонова, Т. Каценеленбоген, Б. Рубаненко, М. Русакова) возвели отдельные жилые корпуса. Программа строительства на Батениной улице, где был сооружен Батенинский жилой массив (1930–1933. Г. Симонов, Т. Каценеленбоген, Б. Рубаненко, А. Соломонов, П. Степанов, В. Жуковская) была сокращена.

Главной целью укрупненного строительства была не только «социализация быта, обеспечивающей культурный рост рабочих масс», но и понижение стоимости застройки, переход к массовому типовому строительству. В марте 1931 в Ленинграде прошел конкурс на проект жилого дома, сооружаемого промышленными методами. Перед участниками была поставлена задача разработки принципиально новых строительных технологий: срок постройки здания не должен был превышать 35 дней; при строительстве необходимо было использовать стандартные элементы, а применение ручного труда сократить до минимума. В конкурсе участвовали семь проектов, из которых были выбраны три лучших – проект крупноблочного жилого дома (Матвеев, Д. Альперович), проект «Тахитектон» (И. Рянгин, Л. Серк) и проект «ЛДН» (В. Латынин, Б. Дмитриевский, Н. Носов). Для опытной реализации крупноблочного строительства был отведен участок у завода «Электросила» на Сызранской улице, для осуществления двух других проектов – Крестовский остров. В 1931–1936 годах здесь были построены и комплекс домов из серии ЛДН и «Тахитектон» (не сохранились).

В основу проекта «Тахитектон» («Быстрый строитель») был положен принцип литого строительства из бетона (укладка бетона в опалубку на месте постройки). Все работы осуществлялись передвижным заводом, состоявшим из нескольких цехов, которые один за другим передвигались по двум рельсовым путям, оставляя за

собой готовое здание. К числу интересных технологических экспериментов, осуществленных в Ленинграде, относятся также опыты строительства из литого шлакобетона в передвижной опалубке (жилые дома на Старо-Петергофском проспекте и Киевской улице, сооруженные в 1929–1930 по проекту Я. Блувшейна, А. Велевича, М. Савчука).

Попытки конструктивистов превратить архитектуру в носителя социальной справедливости, привели лишь к разочарованиям. В середине 1930-х годов в советской архитектуре утвердился социалистический реализм, что означало возвращение к традиционным стилям. На смену дешевому массовому жилью пришел новый тип зданий – так называемые «дома специалистов», которые строились по индивидуальным проектам и отличались повышенной комфортностью (Первый жилой дом Ленсовета на набережной реки Карповки (1931–1935. Е. Левинсон, И. Фомин при участии Н. Мухина, М. Плисецкого).

*Крестовский жилмассив. Дома серии «ЛДН» (1931–1936. Архитекторы Всеволод Латынин Борис Дмитриевский, Николай Носов) и жилой дом «Тахитектон» (1932. Иван Рянгин). Фото 1933.
Krestovskij Siedlung. Haus der Serie „LDN“ (1931–36. Architekten: Vsevolod Latynin, Boris Dmitrievskij, Nikolaj Nosov) und Wohnhaus „Tachitektion“ (1932. Ivan Rjangin). Foto 1933.*

Давид Бурыйкин, Лев Тверской, Люси Аконова, Ольга Руднева, при участии Каценеленбогена. Конкурсный проект застройки многоквартирными домами участка Кондратьевского проспекта («Кондратьевский жилмассив»). 1928. Не реализован.

David Buryškin, Lev Tverskoj, Ljusi Akopova, Ol'ga Rudneva, unter Mitarbeit von Kacenenelbogen. Wettbewerbsentwurf für Geschosswohnbauten am Kondrat'evskij Prospekt („Kondrat'evskij Wohnmassiv“) 1928. Nicht realisiert.

Maria Makagonova: Wohnarchitektur des Leningrader Konstruktivismus – gebautes und grafisches Erbe

Die 1500 Blatt umfassende Sammlung von Architekturzeichnungen der Avantgardezeit im Leningrader Stadtmuseum vermittelt ein facettenreicheres Bild vom Leningrader Entwurfs- und Baugeschehen, insbesondere im Bereich Wohnungsbau. 1925 fand ein Wettbewerb für „neue Wohnhaustypen“ statt. Realisiert wurden allerdings mit den Siedlungen Traktornaja, Serafimovskij, Tkačej und Palevskij die direkt beim städtischen Planungsbüro Strojkom bzw. beim Verband der Wohnbaugenossenschaften in Auftrag gegebenen Entwürfe. Beim Wettbewerb für wirtschaftlichen Wohnungsbau am Kondrat'evskij Prospekt lobte die Jury 1928 zwei Beiträge des Teams Simonov/Kacenenelbogen/Bezrukov (Vasil'kovskij) für den „Forschungscharakter im Bereich Ökonomie“. Ein von Strojkom überarbeiteter Entwurf kam zur Ausführung (Simonov, Kapcjug, Kacenenelbogen, Tverskoj). Im Frühling 1930 war die Bauaufgabe „Kommunehaus“ Thema eines zweistufigen Realisierungswettbewerbs. Gebaut wurde das Kommunehaus jedoch nicht. Auch das realisierte Kommunehaus der Ingenieure und Schriftsteller und das des Verbands Politkatoržan sind keine richtigen Kommunehäuser, sondern Übergangstypen. In den Massenwohnungsbauprojekten stieg die Größe der neuen Siedlungen auf mehrere Tausend Bewohner, doch blieben die meisten Planungen auf dem Papier. Zum Beispiel entstanden im Gebiet Elektrosila nur ein paar Wohnzeilen. Im März 1931

waren Vorschläge für schnelle industrielle Baumethoden gefragt. Die drei prämierten Entwürfe wurden im Elektrosila-Viertel (Matveev/Al'perovič) und auf der Krestovskij Insel erprobt (Tachitekon von Rjangan/Serk, „LDN“ von Latynin/Dmitrievskij/Nosov, nicht erhalten). Mitte der 1930er Jahre rückte dann der Hausbau für Privilegierte in den Vordergrund, und der Traum, die Architektur zum Träger sozialer Gleichheit zu machen, ging zu Ende.

¹ По материалам публичной лекции, прочитанной 17 октября 2008 в институте ПРО АРТЕ

² Ленинградская правда 120/1928, стр. 4.

³ ЦГА НТД. ф. 102 оп. 3–1 д. 9507, л. 77.

⁴ Вопросы коммунального хозяйства 5/1928, стр. 21.

⁵ В 1924–1928 советским правительством была принята серия законодательных актов, направленных на поддержку кооперативного жилищного строительства. Государственным и кооперативным учреждениям, предприятиям и организациям, производившим рабочее жилищное строительство, а также союзам жилищной кооперации предоставлялись многочисленные льготы в приобретении и транспортировке строительных материалов. Для кредитования нового жилищного строительства был создан Банк коммунального хозяйства, предоставлявший жилищно-строительным кооперативам ссуды на 60 лет в размере 80–90 процентов стоимости домов. В середине 1930-х жилищная кооперация была свернута.

⁶ ЦГАНТД. ф. 192 оп. 3–1 д. 9799, л. 141.

⁷ М. Юльев: Ростки нового обобщественного быта // Вопросы коммунального хозяйства. 2/1930, стр. 35.

Öffentliche Badeanstalten der Leningrader Avantgarde – Denkmale der Architektur- und Kulturgeschichte

Diana Zitzmann

Die Leningrader Banjas¹ der Avantgardezeit, insbesondere die von Aleksandr Nikol'skij, gehören zu den architektonisch interessantesten Beispielen sowjetischer Badeanstalten in ganz Russland.² In der Nawa-Hauptstadt wurden bis einschließlich 1932 mehr als ein Dutzend Entwürfe ausgearbeitet und fünf Banjas errichtet.³ Dieser Gebäudetyp ist auch unter architektursoziologischen Gesichtspunkten interessant, weil er auf die damaligen Klassen- und Geschlechterbeziehungen, das Kultur- und Freizeitbild und die herrschenden Hygieneverhältnisse schließen lässt. Dabei fanden in der Zeit zwischen Revolution und Übergang zum stalinistischen Realismus signifikante Veränderungen statt und es lassen sich vier baugeschichtliche Phasen unterscheiden.

1920–21: Therme und Duschgebäude – Frühe Entwürfe nach der Revolution

Öffentliche Badeanstalten wurden nach der Revolution 1917 schnell zu einem sehr wichtigen Architekturthema, allerdings zunächst in nicht realisierten Ideenprojekten. Zwischen 1920 und 1921 entwarf das Petrograder städtische Architekturbüro trotz erheblicher Hygiene- und Seuchenprobleme keine pragmatischen Zweckbauten, sondern repräsentativ-historisierende Körperkultureinrichtungen. An ihnen ist besonders auffällig, dass Duschgebäude, die bis dahin nur in Westeuropa üblich waren, zum Bau vorgeschlagen wurden und dass im Idealtyp „Therme“ altrömische, moderne westliche und traditionell russische Waschmethoden zu großartigen Regenerationsbädern kombiniert wurden. In ihnen kommt Wunsch nach Reinheit und physischer Kraft zu einem sinnfälligen architektonischen Ausdruck kommt. Die große Bedeutung, die diesem Gebäudetyp beigemessen wurde, wird auch daran deutlich, dass unter allen Neubauprojekten dieser Jahre die „Zentralen Thermen“ am exponiertesten positioniert sein sollten: auf einer Nawa-Insel, vis-à-vis zur Börse und der Peter-und-Paul-Festung.⁴

1927–28: Erste nachrevolutionäre Banja-Neubauten von Aleksandr Nikol'skij⁵

Mit der Neuen Ökonomischen Politik (NÖP)⁶ verbesserte sich die Hygienesituation und durch die Reprivatisierungen stieg die Anzahl der Banjas in der Stadt von 16 auf 48 Stück. Allerdings war damit erst die Hälfte des Vorkriegsstandes erreicht.⁷ Besonders in den Arbeitervierteln am Stadtrand herrschte ein immenser Bedarf. Deshalb entschloss sich das Kommunalwirtschaftsamt 1926, dort zwei neue öffentliche Badeanstalten zu bauen. Interessant dabei ist, dass sich die städtischen Verantwortlichen für den russischen Banja-Typ entschieden – das heißt Schwitzbäder mit Dampfraum und

dem als „Seifenraum“ bezeichneten Waschraum mit Bänken für die Waschschräusen.

Die beiden Banjas wurden von Aleksandr S. Nikol'skij (1884–1953), dem wichtigsten Leningrader Vertreter der konstruktivistischen Architektenvereinigung OSA, entworfen. Er war beim Kommunalamt angestellt und hatte zudem am Leningrader Institut für Zivilingenieure ein eigenes Architekturbüro, in dem er die Bäder bearbeitete. Im Juli 1927 präsentierte Nikol'skij die Vorentwürfe: für die Banja im Viertel Vyborgskij Rayon einen kompakten viergeschossigen Zylinder mit den Dampfräumen im unbelichteten Zentrum und für den Moskovskij-Narvskij Rayon einen eingeschossigen, halbhoch in die Erde eingelassenen Zylinderring mit zweiseitig belichteten Räumen in einem Park. Die Baukörperbildung aus geometrischen Grundformen entsprach Nikol'skijs Bestreben nach leicht erfassbarer Architektur, und das Eingraben sowie die zylindrische Form sollten Wärmeverluste reduzieren. Bis August 1927 entwickelten Nikol'skij und seine Mitarbeiter, insbesondere Nikolaj F. Demkov, das Genehmigungsprojekt für die Banja des Vyborgskij Rayons als zweigeschossigen Zylinderring mit einem quaderförmigen Eingangsvorbau, wobei das Erdgeschoss halbhoch versenkt ist. Das Genehmigungsprojekt für die Banja im Moskovskij-Narvskij Rayon entstand einige Monate später (bis April 1928) u. a. unter Mitarbeit von Aleksandr V. Krestin. Hier waren die Räume mit dem höchsten Wärmebedarf in einem Halbzylinder konzentriert und die beiden L-förmig angeordneten Seitenflügel reagieren städtebaulich auf das Eckgrundstück. Die Architekten hatten Freibäder und bei der zweiten Banja zusätzlich Dachterrassen eingezeichnet, die jedoch unrealisiert blieben. Die „Runde Banja“ im Vyborgskij Rayon für 200 Besucher wurde von 1927 bis 1929 gebaut, die Banja „Gigant“ im Moskovskij-Narvskij Rayon für 400 Besucher von 1928 bis 1930. Damit gehörten sie zu den frühen sowjetischen Beispielen für diesen Gebäudetyp landesweit.

Beide Banjas verfügten über vier russische Abteilungen: zwei erste und zwei zweite Klassen, getrennt für Männer und Frauen. Diese Zweiklassen- und Geschlechtertrennung entwickelte sich zum charakteristischen Prinzip für sowjetische städtische Badeanstalten. Vor der Revolution hatte es häufig mehr Klassen bzw. zusätzlich separat anzumietende Privatabteilungen gegeben, und die Frauen hatten meist kleinere und schlechter ausgestattete Räume bekommen. In den Nikol'skij Banjas herrschte dagegen durch identische Grundrisse weitgehende Geschlechtergleichberechtigung. Die Frauenabteilungen befanden sich im Erdgeschoss und darüber die der Männer. Die ersten Klassen, die flächenmäßig einen kleineren Anteil von 25 Prozent einnahmen, zeichneten sich durch einen zusätzlichen Raum für Wannenbäder aus.

Die Nikol'skij Banjas unterschieden sich von den vorrevolutionären Anstalten außerdem durch einen Minimalismus

Auskleideraum im Banja „Gigant“, 2003.
Раздевалка, бани «Гигант», 2003 г.

im Raum- und Funktionsangebot sowie durch die nüchterne Gestaltung voller geometrischer Einfachheit, Funktionalität und Helligkeit. Nikol'skij entwickelte den Grundriss sinnvoll aus den inneren Bewegungsabläufen heraus, indem er Umkleide, Seifen- und Dampfraum als Raumfolge anordnete. Der Zusammenschluss der zwei Abteilungen auf einer Etage ermöglichte, dass bei einer Typhus- oder anderen durch Läuse übertragbaren Epidemie ein „reiner“ Ankleide- von einem „unreinen“ Auskleideraum abgetrennt werden konnte, während die Wäsche in den darüber liegenden Geräten zur Entlausung (Desinsektion) behandelt wurde. Diese Vorkehrungsmaßnahme für den Epidemiefall hatte bei den vorrevolutionären Banjas gefehlt, sie wurde aber typisch für sowjetische Bäder.⁸

Dass die Leningrader Kommunalwirtschaftler auf die russische Waschmethode mit Dampfbad und Schüsseln zurückgriffen, obwohl Duschen als fortschrittlich galten, erklärt sich nicht zuletzt aus der veränderten Einstellung zur Neuen Lebensweise. Während kurz nach dem Machtantritt die Bol'seviki erwartet hatten, dass der „Neue Mensch“ allein durch das Ereignis der Revolution entstehe, wurde Mitte der 1920er Jahre den Veränderungen mehr Zeit eingeräumt und führende Politiker warnten vor übereilten und extremen Neuerungen. Eine solche hätten Badeanstalten ohne Dampfbad aber bedeutet. Denn die Körperreinigung durch Abwaschung und nicht durchs Schwitzbad war unter der breiten russischen Bevölkerung kaum bekannt bzw. ihr wurde eine „verächtliche Haltung“ entgegengebracht und die proletar-

Seifenraum im „Runden Banja“, 2001.
Помывочная, «Круглая баня», 2001 г.

rischen Neumieter überließen die Bäder der großbürgerlichen Wohnungen oft „dem Verfall und der Verstopfung“.⁹ Die Kommunalwirtschaftler mussten das Dampfbad und die Waschschüsseln für die Reinigungsfunktion beibehalten, doch darüber hinaus war es durchaus ihr Ziel, den Bautyp Banja entsprechend der modernen sowjetischen Kulturvorstellungen zu verändern.¹⁰ Dies erschien notwendig, denn in den Idealvorstellungen zur neuen Lebensweise hatten Traditionen keinen Platz, und kaum ein anderer Gebäudetyp war so tief darin verwurzelt wie die Banja. Sie hatte über Jahrhunderte die zentrale Position in der Volksmedizin, im Volksglauben und bei Bräuchen eingenommen und viele der mystischen Vorstellungen von magischen Kräften in der Banja waren auch in den 1920er Jahren zumindest in einer Art Verhaltenskodex lebendig. Nach den Vorstellungen der Sowjets sollten angewandte Technik und Bildung die Welt-sicht des „alten Menschen“ korrigieren.¹¹ Für kurative Eingriffe sollten ausschließlich Krankenhäuser zuständig sein und für die sowjetische Präventivmedizin wurden spezielle Gebäude, sogenannte Prophylaktorien, errichtet. Eines davon baute das Kommunalwirtschaftsamt zeitgleich gegenüber der Banja „Gigant“ (1928–33, O. L. Ljalin, L. V. Rudnev, Ja. O. Svirskij, I. I. Fomin). In den Banjas dagegen untersagte das Gesundheitskommissariat 1929 explizit die „Einnahme von Arzneimitteln für Heilzwecke, die Anwendung von Schröpfköpfen, wie auch jeglicher Art von Abreibmassen, Tinkturen und anderer Mittel“.¹² Auch Erholung und Muße in der Banja waren in den sowjetischen Vorstellungen nicht

zeitgemäß. Schlendrian galt den Revolutionären als urrussisches Übel, als Grund für die Zurückgebliebenheit des Landes. Die Privatabteilungen und Einzelumkleidelogen der vorrevolutionären teuren Klassen mit den dazugehörigen Polstermöbeln, schweren Vorhängen und der schummrigen Gemütlichkeit wurden zu Symbolen für Laster, Untätigkeit und Sittenverfall. Die sowjetische Badekultur sollte zu dem von Hygiene, Schlichtheit und Zweckmäßigkeit geprägten Bild der neuen, proletarischen Lebensweise und Körperkultur passen. „Maß, Diszipliniertheit, Sinn für das Praktische“¹³ zeichneten für den Bildungskommissar Lunačarskij den Sowjetmenschen aus. Dazu passend sollte er in den Idealvorstellungen der Hygieniker seine Körperreinigung regelmäßig und effektiv, aber „ohne dafür viel Zeit aufzuwenden“¹⁴ erledigen. Zum Freizeitaufenthalt gab es schließlich den Arbeiterklub. Die Bedeutung des Gebäudetyps Banja wurde dagegen während der NÖP auf die Funktionen Körperhygiene und Desinsektion im Epidemiefall beschränkt.

Aleksandr Nikol'skij übertrug die herrschenden Ideen zur sowjetischen Bade- und Lebenskultur in eine dazu passende Banja-Architektur. Im Sinne der Kulturvorstellungen schuf er in den Neubauten eine nüchterne, aufgeklärte Atmosphäre und rückte die Hygienefunktion ins Zentrum. Dabei ermöglichten die auf beiden Raumseiten unter der Decke liegenden Fensterbänder gleichmäßig licht- und sonnendurchflutete Innenräume. Durch sichtbar bleibende Konstruktions- und Installationsteile sowie die Wahl glatter Wand- und Möbelflächen wurde die Raumwirkung noch zweckmäßiger. Geradezu technisch erschien der Dampfraum, weil der Aufgusssofen durch Dampf abgebende Rohre unter den Sitzbänken ersetzt worden war.¹⁵ Gleichzeitig gelang es Nikol'skij, durch die schlichte Geometrie der Baukörper sowie die hohen, liegenden Fenster das neue Wesen des Bautyps Banja als pures Reinigungsbad von außen ablesbar zu machen, aber trotzdem die Besucher mit Vordächern und großzügigen Eingangsbereichen einladend ins Innere zu führen.

1930: Multifunktionsbauten mit Schwimmbad – der Idealtyp

In den 1927/28 errichteten Bädern von Nikol'skij wurde die Eliminierung von Räumen und Elementen, die für die Reinigungsfunktion nicht grundlegend notwendig waren, vollendet. Allerdings entsprach dieses reduzierte Raumprogramm nicht unbedingt der sowjetischen Idealvorstellung eines öffentlichen Bads, denn diese beinhaltete zumindest eine Kombination mit Elementen der als fortschrittlich geltenden westlichen Badekultur. Zusätzliche Duschabteilungen sollten zur allmählichen Gewöhnung an diese hygienische Waschmethode führen. Sowjetische Bäderspezialisten meinten, dass Hallenbäder „dank der Gymnastik des ganzen Körpers während des Schwimmens“ der „gesündeste“ Typ einer Badeanstalt seien.¹⁶ Sie befürworteten die Kombination mit Wäschereien, denn zu einem sauberen Körper müsse auch saubere Kleidung gehören, und durch die Mitbenutzung der Banja-Heizanlage würde die „kommunale Wäscherei ... erschwinglich sogar für die ärmere Bevölkerung“.¹⁷

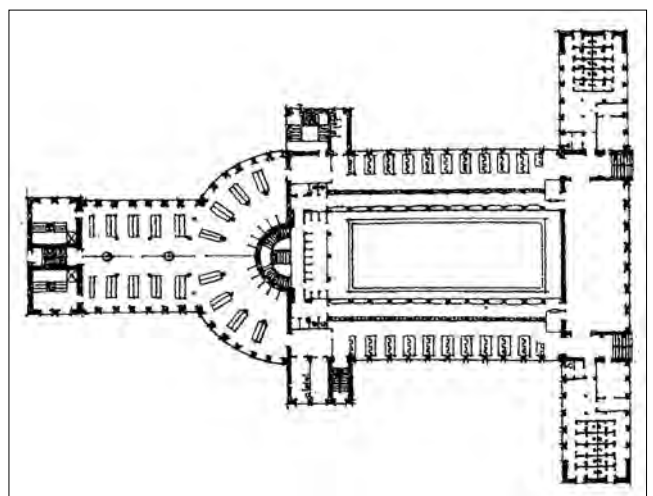

Badeanstalt des Moskovskij-Narvskij Rayons – Banja „Gigant“ (1928–30, Atelier von Aleksandr Nikol'skij). Foto 1930er Jahre

Бани «Гигант» Московско-Нарвского района (1928–30, Александр Никольский, Мастерская). Фото 1930-х гг.

Banja „Raznočinnaja“ des Petrogradskij Rayons (1931–Mitte 1930er, Nikolaj Demkov/V. Geršelman. Umbau 1934–36 nach einem Entwurf von Aleksandr Gegello). Seitenansicht nach Aufstockung, Foto: 2003. «Разночинные бани» Петроградского района (1931–сер. 1930 гг., Николай Демков/В. Гершельман. Перестройка в 1934–36 по проекту арх. Гегелло). Боковой фасад после надстройки, Фото 2003 г.

Banja „Raznočinnaja“ des Petrogradskij Rayons Grundriss OG mit Hallenbad im Zentrum. «Разночинные бани» Петроградского района План 2го этажа с бассейном в центре.

Banja-Wäscherei-Kombinat im Moskovskij Rayon (1931–34, Team unter Nikolaj Demkovs Leitung), 2003.
«Лиговский банно-прачечный комбинат» Московского района (1931–34, руководитель проекта Николай Демков), 2003 г.

Waren für die Leningrader diese Extras zunächst noch zu teuer gewesen, änderten sich die Prioritäten bald. Von 1929 bis Mitte 1930 plante Nikolaj F. Demkov (1900–1942), der frühere Mitarbeiter von Nikol'skij, zusammen mit V. Geršel'man¹⁸ eine Banja mit Schwimmbad für den Petrogradskij Rayon und ein Banja-Wäscherei-Kombinat mit Schwimmbad für den Volodarskij Rayon, beide mit speziellen Dusch- und Wannenabteilungen. In diesen Multifunktionsbauten waren die verschiedenen Reinigungsabteilungen und das für den Wettkampfsport geeignete Hallenbad (Beckengröße 25 x 7,5 m) ohne Verbindung für die Besucher angelegt. Die Raumanordnung der Banjas ähnelte noch dem Ring-Typ von Nikol'skij, wobei nun die Schwimmhalle die Stelle des Hofes im Zentrum einnahm und Anbauten für die Dusch- und Wannenbäder dazukamen. Damit verloren die russischen Abteilungen die zweiseitige Belichtung. Um die Banjas trotz Schwimmbad nicht extrem zu verteuern, sparte Demkov auch an der Fläche pro Besucher im Seifen- und Dampfraum und verringerte die Raumhöhe.

Passend zum während des Fünfjahrplans verbreiteten Glauben an Großprojekte erreichte die Kapazität der Banjas in dieser Zeit ihr Maximum: Die Petrogradskaja Banja verfügte über 500 Plätze in den russischen Abteilungen sowie 32 Duschen und 30 Wannen, was bei einer Dusch- bzw. Badedauer von 20 bzw. 30 Minuten eine stündliche Kapazität von insgesamt 636 Besuchern ermöglichte. Das Volodarskaja Banja sollte sogar 970 Menschen offen stehen.

Dem axialsymmetrischen Grundriss dieser Bäder entsprach im Inneren die absolute Gleichheit der beidseitig liegenden Männer- und Frauenabteilungen. Eine Hierarchie durch oben und unten gab es jetzt nicht mehr. Die Geschossdecke trennte die erste von der zweiten Klasse, wobei aus den Grundrissen keine Unterschiede zwischen den Klassen mehr ablesbar sind. Mit dem Preisunterschied erkaufen sich die Besucher der 1. Klasse vor allem eine kürzere Wartezeit und einen geringeren Besucherandrang.

Charakteristisch für diese und spätere Entwürfe wurde eine T-förmige Raumanordnung: Entlang der Hauptstraße lagen die Funktionen mit normalem Temperatur- und

Banja „Stacionnaja“ im Volodarskij Rayon (1931–33, Team unter Nikolaj Demkovs Leitung), 2003.
«Станционные бани» в Володарском Районе (1931–33, руководитель проекта Николай Демков), 2003 г.

Feuchteregime und nach hinten reihten sich die Seifen- und Dampf Räume. Dadurch wurde eine Hauptfassade frei von Feuchteschäden möglich. Das Raumprogramm umfasste jetzt auch einen Imbiss, „Erholungsräume für die Sportler und Zuschauer“, ein wahrscheinlich für eine medizinische Kontrolluntersuchung der Schwimmbadnutzer gedachtes Arztzimmer, Zuschauertribünen und offene Sonnendecks. Die Bedeutung dieser Banja-Bauten und ihr Aufenthaltswert waren deutlich gestiegen, was aus der Verbindung mit dem als kulturelle Errungenschaft gefeierten Schwimmbad resultierte. Dazu passt, dass die schlicht geometrisch gestalteten Hauptfassaden in den Entwürfen an Kulturhäuser erinnerten.¹⁹

Realisiert wurde nur die Banja-Projekte im Petrogradskij Bezirk. Deren Reinigungsabteilungen wurden von 1931 bis 1932, das Schwimmbad von 1934 bis 1936 gebaut. In diesem zweiten Bauabschnitt erhielt die Fassade nach einem Entwurf von Aleksandr I. Gegello (1891–1965) eine klassisierende Überformung.

1931–32: Bauboom einfacher, rationalisierter Banjas

Am Ende des Ersten Fünfjahrplans fand ein regelrechter Banja-Bauboom in Leningrad statt. Laut eines Parteibeschlusses vom Juni 1931 sollten im nächsten Jahr fünfzehn (!) Banjas und mehrere Duschpavillons gebaut werden, was im Dezember 1931 auf acht Neubauten nach unten korrigiert wurde.²⁰ Dieses hochgesteckte Ziel erreichten die Leningrader nicht. Zunächst ging 1931 ein von Nikolaj Demkov entworfenes Typenprojekt für 500 Besucher, das mit einer Wäscherei kombiniert werden konnte, zweimal in Bau: als reine Banja im Volodarskij Rayon (1931–33) und als Banja-Wäscherei-Kombinat im Moskovskij Rayon (1931–34). Im nächsten Jahr wurden vier Banja-Wäscherei-Kombinate, zwei Banjas und einige Duschgebäude begonnen, doch wurde nur das „Bateninskij“ Banja-Wäscherei-Kombinat im Vyborgskij Rayon (Je. Vitenberg,²¹ 1932–33) fertiggestellt²² sowie zwei Duschpavillons (nicht erhalten) als Anbauten an bestehende Banjas. Die anderen Baustellen wurden 1933 aufgegeben.

Das Aufsplittern von Personal und Material auf die zahlreichen parallel laufenden Baustellen hatte zu einem sehr geringen Baufortschritt geführt: Die meisten Rohbauten waren kaum über die Erdgeschosswände hinausgewachsen. Es war dringend notwendig, alle Kräfte auf die Fertigstellung der begonnenen Banjas zu konzentrieren. An den Idealtyp war in dieser Situation nicht mehr zu denken. Das Raumprogramm wurde auf das für die Funktionen Körperhygiene und Desinfektion grundlegend Notwendige beschränkt. Typenprojekte sollten die Planung beschleunigen, wobei staatliche Baugesetze mittlerweile verbindliche Vorgaben zu den Mindestflächen enthielten. Die Duschabteilungen wurden bei den Banjas 1931–32 durch die Verschiebung aus den Anbauten ins Erdgeschoss zu gleichberechtigten Abteilungen. Dadurch sank die Außenoberfläche und damit der Bedarf an Baumaterialien. Der Übergang vom Kabinensystem zu Gemeinschaftsumkleiden und -duschen minimierte weiter den Flächenbedarf, ohne dass die Kapazität darunter litt.

Die Banjas heute

Die Entwicklungsgeschichte der sowjetischen Banjas ist – von einer kurzen Phase abgesehen – eine der Konzentration auf die Reinigungsfunktion und Epidemieprävention. Dies hat dazu beigetragen, dass dieser Gebäudetyp während der Sowjetzeit an öffentlicher Anerkennung verloren hat und seine Denkmalswürdigkeit kaum gesehen wird. Gleichzeitig gehören die Badeanstalten zu den Gebäudetypen, deren Erhalt durch die Privatisierung in der Nachperestrojka-Zeit und die fehlende kommunale Verantwortung gefährdet ist, denn wegen der Hitze- und Feuchtelast bedürfen diese Gebäude regelmäßiger Reparaturen und Instandsetzungen. So gehören einige Banja-Abteilungen des „Bateninskij Banja-Wäscherei-Kombinats“ zwar heute zu den beliebtesten mit höherer Ausstattung in der Stadt, aber bei den Umbaumaßnahmen wurden die Feuchteschäden nur verdeckt und nicht saniert, zum Beispiel wurde die Fassade mit Trapezblech verhängt.

Weitgehend im Originalzustand erhalten ist dagegen die Banja im Volodarskij Rayon und auch das Gebäude des Banja-Wäscherei-Kombinats im Moskovskij Rayon. Letzteres wird allerdings heute nur noch als Wäscherei genutzt. Auch die Banja-Abteilungen und das Schwimmbad der Petrogradskaja Banja (Denkmalstatus: Anwärter) sind bis heute als solche in Betrieb und lassen noch viel von der originalen Innenraumästhetik erlebbar werden. Die Dusch- und Wannenabteilungen sind zu privat anzumietenden russischen Abteilungen umgebaut worden – eine häufig anzutreffende Erscheinung in der postsowjetischen Zeit.

Die „Runde Banja“ im Vyborgskij Rayon ist die einzige der Banjas, die unter Denkmalschutz steht (seit 1993 mit örtlichem Denkmalstatus). Diese wird ihrer ursprünglichen Funktion gemäß genutzt und der Besucher kann die licht- und sonnendurchfluteten, gut proportionierten Räume von Aleksandr Nikol'skij erleben. Dagegen ist der Erhalt der zweiten Nikol'skij Banja, die in der Anwärter-Kategorie der „neu erfassten Objekte“ einen nur geringen Schutz genießt, stark gefährdet. „Gigant“ steht seit wenigen Jahren

Badeanstalt des Vyborgskij Rayons – das „Runde Banja“ (1927–29, Atelier von Aleksandr Nikol'skij), 2007. «Кругая Баня» Выборгского Района (1927–29, Александр Никольский, мастерская). Фото 2007 г.

leer und ist jetzt von Abriss bedroht. Häufig hört man die Meinung, der Erhalt der „Runden Banja“ sei wichtiger und in gewissem Sinn auch ausreichend. Doch sollte man nicht vergessen, dass „Gigant“ eine Weiterentwicklung aus beiden Vorprojekten ist und *beide* Banjas zu den bemerkenswertesten Beispielen für diesen Gebäudetyp landesweit gehören. Von Nikol'skij – dem wichtigsten Leningrader Avantgarde-Architekten – sind darüberhinaus kaum noch Werke erhalten und „Gigant“ gehört zu den besten und reinsten Beispielen der Leningrader Moderne.

Диана Цитцманн: Бани ленинградского модернизма – памятники культуры и архитектуры

Между революцией и окончанием периода модернизма в Петрограде/Ленинграде были разработаны десятки проектов бань, из них построены пять. При этом историю петроградских/ленинградских бань можно поделить на четыре периода:

В оставшихся нереализованными проектах 1920/21 архитекторы объединили западноевропейские способы помывки с традиционной русской парной (баней) в грандиозное учреждение культуры тела.

1927/28 были возведены первые две послереволюционные бани, спроектированные Александром Никольским. Хотя город берет за основу традиционный русский тип бани с раздевалкой, мыльной и парилкой, все же урезанный состав помещений, функции и разумная, простая архитектура с обилием света является антиподом традиционной бани как места народной медицины, суевений, отдыха.

На следующем этапе происходит приближение к советскому представлению об образцовой, идеальной бане. В 1930 Николай Демков спроектировал два мультифункциональных здания: русская баня была скомбинирована со спортивным бассейном, пригодным для соревнований,

отделениями душевых и ванн и, по одному проекту, даже с прачечной. Был реализован только проект для Петроградского района в 1931–36 (перестройка фасадов и интерьера по проекту Гегелло в 1934–36).

1931/32 – время настоящего бума в строительстве бань в Ленинграде. Было начато строительство шесть бань. Из них, правда, только три были закончены: одна баня в Володарском районе и банно-прачечный комбинат в Московском районе (по типовому проекту Николая Демкова), а также банно-прачечный комбинат в Выборгском районе. Эти бани имели только функцию помывки, связанной с санитарными требованиями в случае эпидемии, особенно тифа. Приоритетом было количество.

Все эти здания сохранились, большинство соответствует своему функциональному использованию. Вызывают тревогу планы по сносу Московско-Нарвской бани Никольского. Она причисляется к лучшим памятникам этого типа во всей России и к редким чистым примерам конструктивизма в Ленинграде.

¹ Banja – in Russland verbreitetes Schwitzbad. Zentrum ist der Dampfraum mit dem Aufgusssofen. Das Schwitzen bei heiß-feuchter Luft kann durch Massage mit gebundenem Birkenreisig unterstützt werden. In größeren Banjas kommt ein Vorraum dazu, in öffentlichen Banjas ein abgetrennter Waschraum, der sogenannte „Seifenraum“. Dessen Grundausstattung besteht aus Wasserhähnen, Sitzbänken und Wasserschlüsseln.

² Selim O. Chan-Magomedov: *Architektura sovetskogo Avantgarda. Kniga vtoraja. Social'nye problemy*. Moskva 2001, S. 634–640, ders.: *Sto šedevrov sovetskogo arhitekturnogo avangarda*, Moskva 2005, S. 311.

³ Rundes Banja: Ulica Karbyševa 29a (Ploščad' Mužestva), Banja Gigant: Turbinnaia Ulica/ Ulica Zoi Kosmodemjanskoi 7, Banja des Petrogradskij Rayons: Čkalovskij Prospekt 12, Banja (beim Betrieb Bol'shevik) im Volodarskij Rayon: Ulica Šelgunova 3, Banja-Wäscherei- Kombinat im Moskovskij Rayon: Ligovskij Prospekt 269, Banja-Wäscherei-Kombinat im Vyborgskij Rayon: Ulica Matrosova 20. Außerdem einige wenige Banjas als Teil von Wohnungsneubaugebieten.

⁴ Abbildungen der Projekte siehe: K. N. Afanas'ev, V. E. Chazanova (Hg.): *Iz istorii sovetskoj architektury 1917–1925 gg. Dokumenty i materialy*. Moskva 1963, S. 163–168, 194–197.

⁵ Ausführlicher siehe: Diana Zitzmann: Die russische Banja im Kommunismus. Aleksandr Nikol'skijs Leningrader Bäder, in: *Osteuropa* 1/2007 (Jg. 57), S. 97–112.

⁶ NÖP: Phase in der sowjetischen Geschichte zwischen 1921–28, die durch die Wiederzulassung von privatwirtschaftlichen Strukturen gekennzeichnet war.

⁷ N. Bolšakov: K organizacii v Leningrade Bannogo Tresta, in: *Voprosy kommunal'nogo chozjajstva*, 3/1928, S. 57–61, S. 57.

⁸ Beschreibung basiert auf folgenden Zeichnungen: M-N-Banja: Vorentwurf: ORRNB SPb f. 1037/d. 570 ff, Genehm.-planung:

CGANTD SPb f. 192/op. 3-1/d. 3865 und d. 8610.– Vyb- Banja: Vorentwurf: ORRNB SPb f. 1037/d. 561–568, Genehm.-planung: CGANTD SPb f. 192/op. 3-1/d. 3110 und d. 4293.– CGA SPb f. 4412/op. 7/d. 18.

⁹ Vrač L. V.: Vannye, bani i duši, in: *Bytovaja Gazeta*, 14.–21. 9. 1928, S. 5.

¹⁰ Zum Kulturdiskurs und zur Materialkultur: Stefan Plaggenborg: *Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrußland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus*, Köln 1996. – Richard Stites: *Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*, Oxford 1988, S. 164, Victor Buchli: *An Archaeology of Socialism. Materializing Culture*. Oxford, New York 2000.

¹¹ W. F. Ryan: *Banja v polnoč'.* Istoričeskij obzor magii i gadanii v Rossii. Moskva 2006, insbe sondere S. 89–93. – T. V. Privalova: *Byt rossijskoj derevni 60-e gody XIX–20-e gody XX v. Mediko-sanitarnoe sostojanie derevni Evropejskoj Rossii*, Moskva 2000, S. 126 f. – William B. Husband: *Godless Communists. Atheism and Society in Soviet Russia 1917–1932*, Illinois 2000, S. 35.

¹² Zitiert nach A. D. Krjačkov: *Bani i kupal'ni. Proektirovanie, rasčet*, Tomsk 1932, S. 252.

¹³ Anatolij Lunačarskij zitiert nach Plaggenborg, *Revolutionskultur* [FN 10], S. 35.

¹⁴ F. Ja. Burče: *Bani, duši, bassejny. Spravočnaja kniga dlja inženerov, teknikov i sanitarnych vračej*, Moskva 1930, S. 16.

¹⁵ I. A. Bogdanov: *Tri veka Peterburgskoi bani*. Sankt Peterburg 2000, S. 158. Vor der Revolution wurde diese Methode hauptsächlich für die kleinen Privatabteilungen angewandt.

¹⁶ F. Ja. Burče: *Bani. Nekotorye dannye ob èkonomike ich us-trojstva i èksploatacii*, in: *Kommunal'noe Delo*, 12/1929, S. 57–68, S. 57.

¹⁷ L. Ginter: *Značenie teplo-èlektričeskich stancij v kommunal'nom chozjajstve*, in: *Voprosy kommunal'nogo chozjajstva*, 2/1926, S. 11–16, S. 16.

¹⁸ Bisher gilt Gegello als Autor, m. E: sind es jedoch Demkov/ Geršel'man. Gegello/Vinogradov fertigten nur einen unrealisiert gebliebenen Skizzenentwurf an (Ščusev-Museum Moskau Pl. 8196) und Gegello/Vasil'kovskij planten den Umbau. Für Demkov/Geršel'man als Autor spricht: Demkov berichtet über die Projekte (V. F. Rajljan, N. F. Demkov: *Perspektivy stroitel'stva. (Okončanie)*, in: *Voprosy kommunal'nogo chozjajstva*, 9/1930, S. 38–46). Zudem findet sich seine Unterschrift auf dem sehr ähnlichen Projekt für den Volodarskij Rajon (ebd.).

¹⁹ Über die Projekte: Rajljan, Demkov 1930 [FN 18]

²⁰ Rekonstruieren kommunal'noe chozjajstvo Leningrada, kak ukazal ijun'skij plenum CK VKP(b). In: *Voprosy kommunal'nogo chozjajstva*, 7/1931, S. 1–9., S. 8. – *Postanovlenie CK VKP(b) I SNK SSSR ot 3/XII-31g. o žiliščno-kommunal'nom chozjajstve Leningrada*. In: *Voprosy kommunal'nogo chozjajstva*, 11–12/1931, S. 1–6, S. 4 f.

²¹ Den Hinweis auf den Architekten verdanke ich Ivan Sablin.

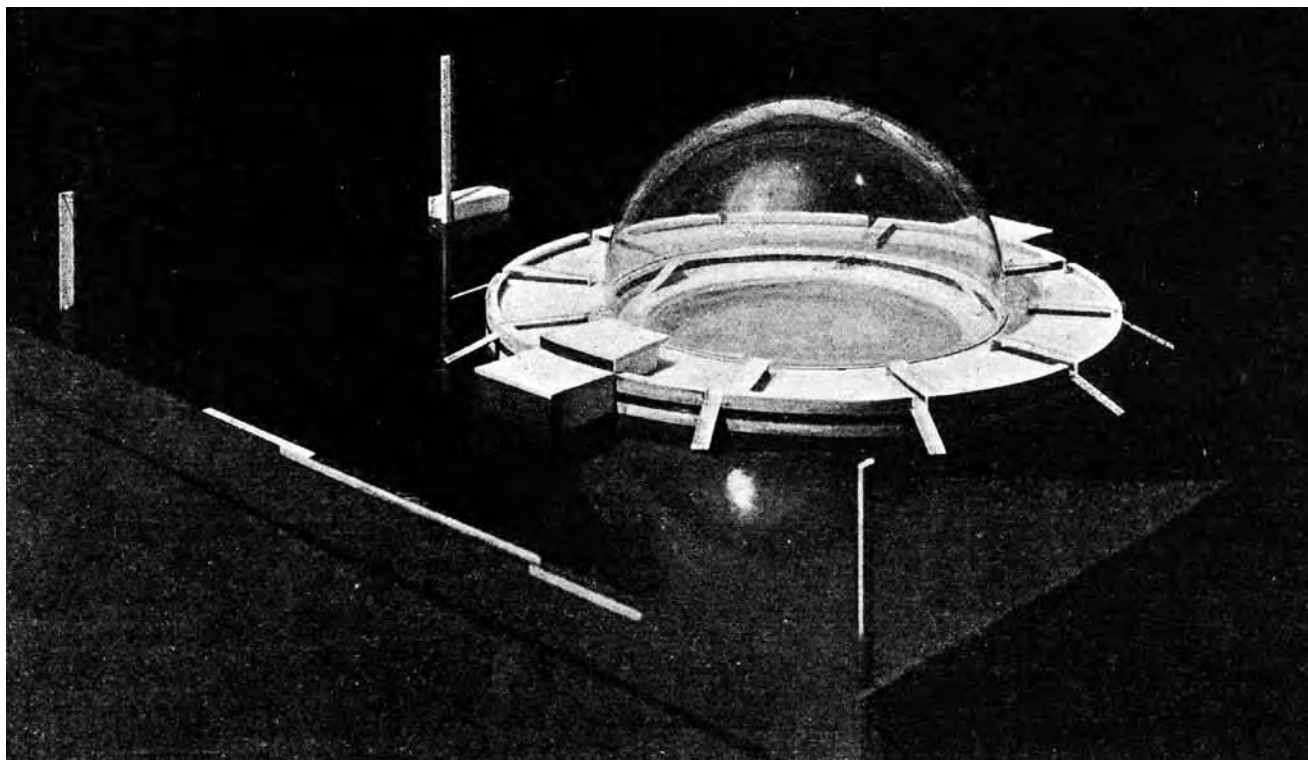
²² Zwar Wiederaufnahme der Baustelle für das Smol'ninskij-B-W-Kombinat 1934, aber Weiterbau nach einem neuen Projekt (Fedor Petrovič Fedoseev) für ein reines Banja.

Супрематизм в ленинградской архитектуре¹

Дмитрий Козлов

Ленинградская архитектурная школа первых советских лет была представлена в подавляющем большинстве мастерами с академическим образованием. Архитектурный факультет Академии художеств продолжал оставаться центром притяжения для всех, кто желал иметь звание

был чрезвычайно плодотворным. У Малевича появилась собственная школа, с учениками, манифестами и социальной программой. За два года произошли глобальные события для искусства всего XX века: теоретическое обоснование беспредметного искусства, создание супре-

Мастерская Александра Никольского. Экспериментальный проект круглой бани с бассейном в парке. 1927. Atelier Aleksandr Nikol'skij. Ideenprojekt für Runde Badeanstalt mit Schwimmbecken im Park. 1927.

архитектора. Таким образом, в ленинградской архитектуре 1920-х–начала 1930-х годов прослеживаются черты синтеза классических и авангардных принципов. Ансамблевость сочеталась с функциональной планировкой здания, а монументальные формы – с конструктивной эстетикой.

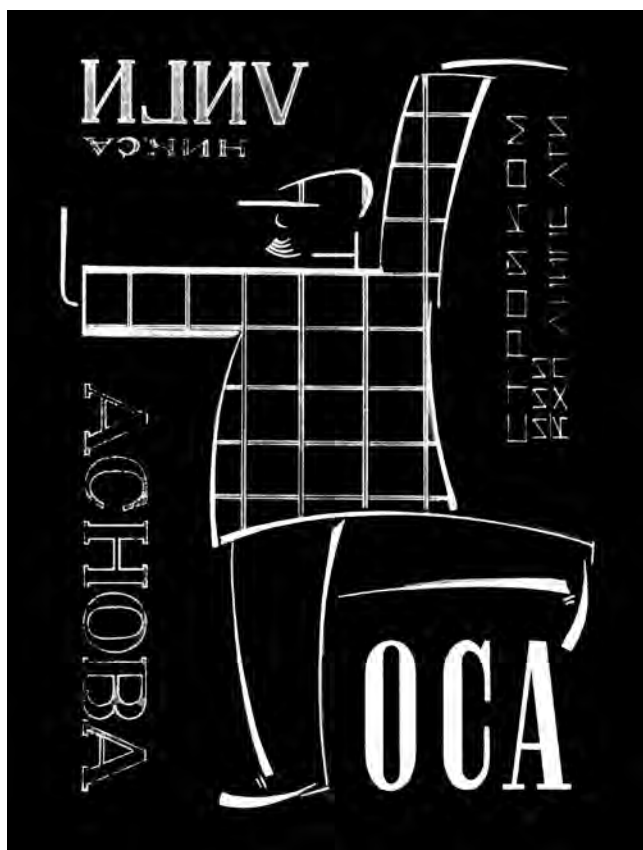
Ранний «прорыв» Владимира Татлина с его проектом Памятника Третьему Интернационалу в 1919 году создал прецедент утопический, и сразу вызвал реакцию консервативных кругов. «Левое» искусство в Петрограде-Ленинграде имело в 1920-е годы уже меньше влияния на ход текущих событий, являлось скорее интеллектуальным, теоретическим, было плохо организовано институционально.

Ситуация в городе частично изменилась после переезда из Витебска в Петроград школы Казимира Севериновича Малевича. Именно ей пришлось сыграть роль художественного центра, проецирующего свой метод на разные виды искусств и передающего «стилистическую эстафету» архитектуре. Предыдущий, витебский период

матической философии и космогонии, введение супрематических принципов в живопись, скульптуру, балет, театр, дизайн и другие виды творчества. В Витебске был также сделан шаг к выходу супрематизма в архитектуру. Лазарь Маркович Лисицкий и его ПРОУНЫ («Проекты утверждения нового», экспериментальные аксонометрические проекции) показали потенцию супрематизма и беспредметности к развитию и существованию в пространственной среде.

Школа Малевича в Петрограде

Малевич приехал из Витебска в Петроград еще в середине 1922 года. Очень быстро ему удалось возглавить² центральное учреждение нового искусства в городе – Музей художественной культуры (МХК), детище Н. Н. Пунина и В. Е. Татлина. На базе музея Малевич сформировал исследовательский институт с отделами, а в 1924 году открыл Институт художественной культуры (ИНХУК).³

Николай Демков. Шарж с изображением Александра Никольского в окружении названий мест его работы и основанных им институций.

Nikolaj Demkov. Karikatur mit Aleksandr Nikol'skij und den Namen seiner Arbeitsplätze und der von ihm gegründeten Organisationen.

Институт занимался изучением новейших течений в искусстве.

Вместе с Малевичем приехали многие из его учеников: Н. Суетин, И. Чашник, Л. Хидекель, Л. Юдин и другие. В 1924 году Малевич с учениками начал работу по проектированию и макетированию сооружений супрематической архитектуры. Предварительные модели из гипса получили название «архитектоны», в них Малевич видел «заготовки» архитектуры будущего мира. В ГИНХУКе был создан специальный отдел «супрематического ордера», в котором разрабатывались принципы пространственного супрематизма. Кроме практических экспериментов с архитектонами, группа должна была вести научные бюллетени о своей работе (они не были изданы). Группа Малевича занималась и производственной деятельностью. Его ученики разошлись по городским предприятиям и организациям в поисках заработка и средств выражения собственных художественных идей. В том же 1922 году Суетин и Чашник попадают на Ленинградский фарфоровый завод, а Хидекель – в Институт Гражданских инженеров (ИГИ). Малевич изначально присутствовал в обоих местах вместе со своими учениками, но он оставил там лишь след своего пребывания, доверив ученикам распространение супрематизма.

Никольский в Институте Гражданских Инженеров

Александр Сергеевич Никольский – наиболее известный ленинградский архитектор 1920-х годов, признанный в России и за рубежом мастер архитектурного авангарда и модернизма. В его творческой биографии 1920-х годов есть факты, свидетельствующие о серьезной теоретической деятельности по введению супрематизма в архитектуру.

Еще с 1920 года, когда он начал преподавать архитектурные дисциплины в Институте Гражданских инженеров (ИГИ), Никольский сам разрабатывал программы курсов. Выдвижение на должность декана инженерно-архитектурного факультета в 1923 позволило ему ответить собственным творческим запросам, и создать архитектурную мастерскую в 1923 году, которая стала впоследствии главным проектным центром авангардной архитектуры в Ленинграде. В состав мастерской вошли И. К. Белдовский, В. М. Гальперин, А. В. и М. В. Крестины, позднее А. А. Заварзин, К. И. Дергунов. Кроме основной группы к сотрудничеству привлекались также К. Кашин, Н. Демков, Л. Хидекель и другие. Мастерская просуществовала до 1930-го года, когда Никольский возглавил мастерскую спортивных сооружений при Ленсовете и полностью посвятил себя спортивной архитектуре.

С 1923 года начинается сближение Никольского с членами художественной группы супрематистов. Работы Никольского конца 1910-х годов показывали его стремление использовать пластический язык кубизма в архитектуре. Работы 1920-х годов – уже объемно-пространственные эксперименты. Никольского волновали проблемы соотношения объемов, их взаимодействия в общем архитектурном целом. Он искал формальную систему для выражения идей современной архитектуры, в то время, когда в искусстве появился, и уже почти достиг своей высшей ступени супрематизм. Малевич в своих трудах демонстрировал линию развития художественных систем от импрессионизма к супрематизму (более обще – к беспредметности), и для художников, принимавших кубизм как промежуточный этап, такая схема была естественна.

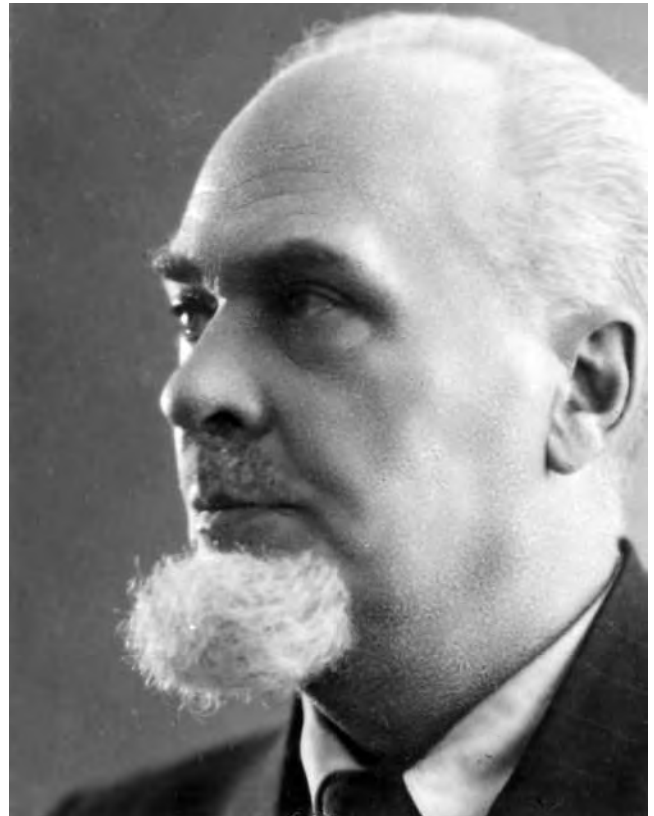
Осенью 1922 года Лазарь Хидекель поступает на инженерно-архитектурный факультет ИГИ. Появление этого человека оставило свой след в истории института: будучи студентом, он читал лекции своим сверстникам, а его профессиональный уровень художника-архитектора (Хидекель получил архитектурное образование еще в Витебске, в мастерской Лисицкого) был признан руководством заведения. Курсовой работой Хидекеля в 1926 году стал супрематический проект здания рабочего клуба⁴. В институте случился скандал: несмотря на прогрессивные тенденции учреждения, проект казался вызывающим. Но в 1927 году на Берлинском смотре искусств проект Хидекеля был представлен вместе с работами Малевича (архитектоны «Альфа», «Бета» и др.), в документах выставки по ошибке Малевич значился архитектором проекта, Хидекель – проектировщиком. Несмотря на эту ошибку, событие принесло молодому архитектору известность зарубежом, проект был опубликован в немецкой прессе.⁵

Никольский славился своей открытостью и легким общением с молодежью, но рабочие его контакты с Хидекелем начались лишь с 1925 года. В феврале 1924 года в ИГИ на должность преподавателя рисунка был приглашен Малевич. Вполне вероятно, что это приглашение было в какой-то степени заслугой Хидекеля. С другой стороны, этот факт свидетельствует о некоторых симпатиях к Малевичу и супрематизму, которые выражало руководство института. Он был приглашен преподавать рисунок, а эта практика лежит в основе архитектуры. Таким образом, Малевичу был доверен пост, важный в плане возможности воспитания школы архитекторов. Но Малевич преподавал рисунок всего неделю и ушел, не сумев договориться о достойной оплате труда, а его присутствие в ИГИ не зафиксировано даже в его официальных биографиях. Хидекель же учился до 1930 года, позже закончил аспирантуру института и преподавал там долгие годы. Именно с Никольским он начал свою практическую деятельность как архитектор.

Никольский и Комитет Художественной Промышленности

Никольский стал интересоваться деятельностью ГИНХУКа, он активно сотрудничал с отделом органической культуры Матюшина. Там Никольский выполнял, по словам его биографа Оль, «задания на конкретизацию отвлеченных построений в целях приложения к потребностям современного строительства и промышленности».⁶ «После того как ГИНХУК перевели в ведомство Государственного института истории искусств Никольский возглавил там Комитет современной художественной промышленности (КХП) [с 1925 по 1928 годы – Д. К]. Вместе с ним там работали ученики Малевича и Матюшина – Чашник, Б. В. Эндер, В. Воробьев, Хидекель и сотрудники его архитектурной мастерской».⁷ Пожалуй, в этом заведении и начался самый важный этап в процессе освоения Никольским супрематического метода формообразования. Комитет занимался всем спектром исследований, закладывая основы архитектуры как науки в современном понимании.

1926 годом датируются рисунки Ильи Григорьевича Чашника, на которых изображаются супрематические интерьеры и неопределенные в функциональном плане архитектурные сооружения.⁸ В это время Чашник еще работает с Малевичем над архитекторами, даже создает свои собственные модели. В своих рисунках 1926 года Чашник достаточно далеко продвинулся в деле гармонизации супрематических пространственных построений. Он представляет не отвлеченные абстракции, а конкретные пространства супрематической архитектуры. Эти рисунки Чашника, как и весь гинхуковский период, известен очень слабо, но даже нескольких работ достаточно, чтобы увидеть в них одно из явлений на пути от супрематической живописи к супрематической архитектуре. Исследователь авангардной архитектуры С. О. Хан-Магомедов считает, что главное недостающее звено этого пути – эксперименты Лисицкого⁹ ПРОУНЫ Лисицкого действительно открывали дорогу супрема-

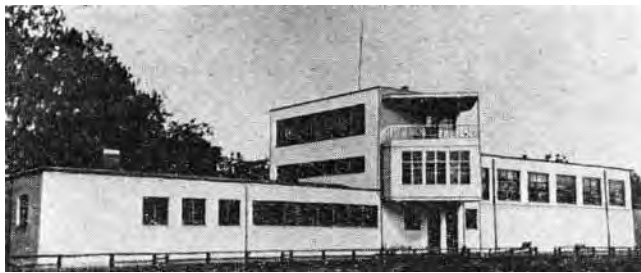
Александр Никольский.
Aleksandr Nikol'skij.

тизму в архитектуру, он впервые дал абстрактным геометрическим формам пространственное существование. Но в данном случае следует принимать во внимание, что Чашник в Ленинграде продолжал линию развития супрематизма к архитектуре через архитекторов Малевича, а не через ПРОУНЫ Лисицкого. Отличие путей их выхода в архитектуру заключается в самом характере тектоники: статика и гармонизация масс у Малевича и острая динамика конструктивных объемов и плоскостей – у Лисицкого.

Чашник продолжал линию архитекторов, работая уже вместе с Никольским. В том же 1926 году Никольский вместе с сотрудниками своей архитектурной мастерской выполняет три проекта зданий автоматических телефонных подстанций¹⁰. Проекты не были реализованы, но их облик являлся прямым воплощением пространственных построений Чашника. Общая композиция сооружений трех нетиповых проектов выражена в планетарном характере сопряжения геометрических объемов, столь близком супрематизму. Вполне возможно, что объемно-пространственная схема в проектах АТС была задумана под воздействием построений Чашника или в процессе творческого общения.

О совместной работе Никольского и Чашника говорит в своем исследовании В. Ракитин.¹¹ Автор сообщает о проектах цветового оформления фасадов жилых домов на Тракторной улице (арх. А. Никольский, А. Гегелло, Г. Симонов, 1925–1927), которые выполняли Чашник и Суетин.

Также Никольский работал совместно с учениками другого мэтра русского авангарда – Матюшина, который

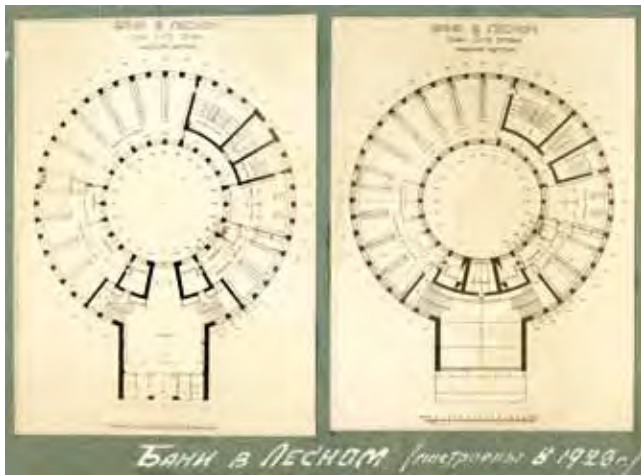
Александр Никольский, Лазарь Хидекель. Здание клуба стадиона «Красный Спортивный Интернационал». 1926.

Aleksandr Nikol'skij, Lazar' Chidekel'. Klubgebäude des Stadions „Rote Sportinternationale“. 1926.

Мастерская Александра Никольского. Круглая баня в Лесном. Фотография начала 1930-х.

Atelier Aleksandr Nikol'skij. „Rundes Banja“ im Lesnaja-Gebiet. Foto Anfang der 1930er Jahre.

Мастерская Александра Никольского. Проект круглой бани в поселке Лесной. 1929–1931. План 1 и 2 этажей. Atelier Aleksandr Nikol'skij. Projekt für Runde Badeanstalt im Lesnaja-Gebiet. 1929–31. Grundrisse Ebene 1 und 2.

занимался исследованиями цвета в искусстве. При разработке конкурсного проекта жилмассива завода «Красный треугольник», Никольский пригласил М. и Б. Эндеров «для разработки цветовой окраски стен зданий»¹². До работы в Комитете художественной промышленности Эндеры были сотрудниками отдела органической культуры ГИНХУКа и учениками школы Матюшина.

Научно-исследовательский кабинет архитектуры и строительной техники (НИКАРХ)

Работая в комитете, Никольский расширил свои представления о современных системах в искусстве и об их связях с реальной жизненной практикой. Следующим его шагом стало открытие Научно-исследовательского кабинета и лаборатории современной архитектуры и строительной техники, сокращенно – НИКАРХ¹³. Эта организация просуществовала при ИГИ несколько лет. Темы, изучением которых занимался НИКАРХ, представляли собой продолжение пути ГИНХУКа и КХП, но исключительно в области архитектуры и строительства. Кабинет имел широкую сеть специализированных отделов, позволяющих говорить о возможности комплексного анализа архитектурной деятельности. Сама идея возникновения НИКАРХа была целиком связана с деятельностью Никольского в кругу авангардных художников. Структура исследовательского центра занимающегося вопросами архитектуры, по сути, повторяла структуру заложенную Малевичем в ГИНХУКе. В архиве Никольского обнаружена машинопись Малевича¹⁴, в которой описывалась программа создания «мастерских по изучению новейшей художественной культуры в области живописи и архитектуры». Это одно из немногих прямых свидетельств внимания Никольского к текстам и организационным идеям Малевича. Исходя из этого, можно предположить, что Малевич подсказал Никольскому не только метод работы с формой, но и фактически организационную структуру исследовательского центра. Факт хранения Никольским машинописи является исключительным, её нет в официальных собраниях трудов Малевича, также нет материалов, подтверждающих деловое общение между ними.

Супрематическая архитектура

А Лазарь Хидекель стал главным «супрематическим спутником» Никольского в 1920-е годы. В 1925 году Хидекель впервые начинает сотрудничать с Никольским. Он принимает участие в работе над проектом оформления внутреннего пространства клуба им. Ильича для рабочих Путиловского завода.¹⁵ Никольский доверил студенту своего факультета работу скорее художественную, чем архитектурную – Хидекель создал проект росписи стен в клубе¹⁶. Неизвестно, была ли она осуществлена, но начало общения было положено. К слову сказать, здание клуба было перестроено Никольским из церкви для рабочих, а в начале 1930-х годов стены клуба тайно расписал известный художник Павел Филовов со своими помощниками.¹⁷ О работе над интерьером здания сохранились лишь упоминания, и нет материалов, позволяющих представить характер росписей.

Здание позже многократно перестраивалось и до настоящего времени сохранилось в совершенно ином виде. В 1925–1926 годах Никольский с Хидекелем выступили соавторами при проектировании здания клуба стадиона «Красный Спортивный Интернационал» (построен в 1927) для рабочих Металлического завода на Выборг-

ской стороне. Не сохранившееся до нашего времени сооружение представляло собой исключительный в Ленинграде пример реализации замысла супрематической архитектуры. Проект был выдержан в стилистике более ранних супрематических работ Хидекеля (например, упоминаемый проект рабочего клуба), где простые геометрические объемы сопрягались друг с другом, а белые плоскости стен прерывались черными горизонтальными лентами окон. Данный случай свидетельствует, видимо, об инициативе Хидекеля в совместной работе двух архитекторов. Известно, что Хидекель отвечал за архитектурное оформление стадиона. Никольский же способствовал своим авторитетом исполнению заказа.¹⁸

Но чаще Никольский работал с молодыми архитекторами, которые составляли ядро его мастерской: Крестин, Гальперин, Кашин, Белдовский. Демков. Все работы снабжались аббревиатурой «МАН» – Мастерская Александра Никольского. За период с 1925 по 1930 годы было выполнено около десяти экспериментальных проектов – воплощался новый метод «пространственного проектирования». Создание экспериментальной серии было результатом «прорыва» 1926 года, когда Никольский оказался в центре коллектива, состоящего из учеников Малевича и Матюшина. Особое внимание обращают на себя работы, выставленные мастерской Никольского на Первой выставке современной архитектуры летом 1927 года в Москве и впоследствии названные Хан-Магомедовым «супрематическим конструктивизмом» – этим термином можно охарактеризовать все творчество Никольского 1920-х годов: «Никольский стремился преодолеть все более определенно проявляющиеся стилиевые штампы отдельных творческих школ, активно вводя (вслед за Л. Хидекелем) в палитру архитектурного авангарда приемы и средства супрематизма. Все это позволило Никольскому совместно с архитекторами его мастерской, наряду с лабораторными разработками, создать оригинальные проекты школ, бань, хлебозаводов, жилых домов и спортивных сооружений, многие из которых были осуществлены»¹⁹.

Макеты, представленные на выставке²⁰ демонстрировали синтез конструктивных возможностей архитектуры и тектонических свойств архитектурных масс и геометрических объемов. В некоторых случаях проекты в чистом виде продолжали тему, заявленную рабочим клубом Хидекеля, в других конструктивные идеи были проявлены более сильно. Но, безусловно, идеи многих проектов родились у Никольского в процессе общения с Хидекелем и Чашником. Воздействие супрематизма на Никольского нельзя назвать прямым и однозначным – супрематистом он, конечно, не был. Скорее это было заинтересованное сотрудничество творческих личностей, в результате которого шел обмен художественными методами и открытиями даже на подсознательном уровне. Никольский оказался именно тем, кто взял на себя труд по применению супрематизма в реальной практике. Им были построены здания, в основе замысла которых лежала супрематическая идея, прошедшая инженерную, функциональную и архитектурно-конструктивную обработку. Супрематическая архитектура реально существует не только в теориях Малевича, рисунках и экспериментах его

Александр Никольский, Николай Демков и др.
Фабрично-заводская школа в поселке Лесной.
1929–1933.

Aleksandr Nikol'skij, Nikolaj Demkov u. a.
Fabrik-Betriebsschule im Lesnaja-Gebiet. 1929–33.

учеников, а в архитектуре Никольского в Ленинграде. Супрематизм можно видеть в формах бани «Гигант» на ул. Зои Космодемьянской, где голые геометрические объемы пересекаются в трех измерениях, в архитектуре «Круглых» бань на пл. Мужества, где треугольник вестибюля врезается в кольцо основного корпуса. Линии окон цветом разделяют белые плоскости стен.

Отголоски обнаруживаются и в зданиях других архитекторов. Супрематизм реализован архитектурных планах, организующих будущую постройку. Динамическое взаимодействие геометрических форм в противовес конструктивной динамике является определяющим для супрематической архитектуры.

Кафе на стадионе «Динамо» О. Лялина и Я. Свирского (1929–1931) представляет собой две окружности с врезанным в него объемом лестницы. Административное здание завода Ленполиграфмаш (арх. Е. Лансере, 1929–1931) имеет также закругляющуюся и врезающуюся в нее формы. Чкаловские бани А. Гегелло (1929–1930) имеют в плане подобие архитектонки. Супрематизм создавал объект в космическом пространстве, и лишь после этого опускал его на землю. Из плана, как самостоятельного графического произведения вырастал объем. Архитектура эта была предназначена для парения в воздухе, могла быть обозреваемой сверху и снизу. Вот главные визуальные признаки супрематизма, и ленинградская архитектура 1920-х годов обнаруживает такой специфический стиль работы с формой.

Супрематизм оказал влияние на искусство XX века своей теорией и формальной системой. Но реально проявиться в искусстве вещей супрематизм смог лишь в Ленинграде 1920-х годов. Если Витебск приютил супрематическую живопись на стенах городских домов, то на Невских берегах была дана возможность осуществиться идеям супрематического фарфора и архитектуры.

Dmitrij Kozlov: Suprematismus in der Leningrader Architektur

Als Kunstrichtung entwickelte sich der russische Suprematismus nicht nur in der bildenden Kunst, sondern fand seinen Niederschlag auch in der Baukunst, besonders in der Leningrader Avantgarde-Architektur. Kasimir Malewitsch kam 1922 nach Petrograd und wurde zum Leiter des Museums für künstlerische Kultur (MChK), später des Instituts für künstlerische Kultur (GINChUK). Sein Schüler Lazar Chidekel, der in Vitebsk bei El Lissitzkij Architektur studiert hatte, immatrikulierte sich 1922 am Institut für Zivilingenieure (LIGI), wo er mit seinem suprematistischen Arbeiterklub 1926 großes Aufsehen erregte.

Am LIGI war Aleksandr Nikol'skij Dekan der Architekturfakultät und Leiter eines avantgardistischen Architekturbüros. Nikol'skij beschäftigte sich seit 1923 mit der Überführung des Suprematismus in die Architektur. Er interessierte sich für die Tätigkeit des GINChUK und als Leiter des Komitees für Moderne Künstlerische Industrie (KChP) arbeitete er mit Schülern von Malewitsch und Matjuschin zusammen. Zum Beispiel entwarfen I. Čašnik und N. Suetin die Farbgestaltung für die Fassaden der Traktornaja Ulica (Traktorenstraße), und M. und B. Ender waren für das Farbkonzept für die Siedlung „Krasnyj Triugol'nik“ („Rotes Dreieck“) in Nikol'skij's Wettbewerbsbeitrag verantwortlich (nicht realisiert).

Zur Zusammenarbeit zwischen Nikol'skij und Chidekel kam es ab 1925. Chidekel plante die Wandmalerei im Umnutzungsprojekt der Putilovskij Kirche in einen Klub und hatte großen Anteil an der suprematistischen Architektur des Stadionklubs „Krasnyj Sportivnyj Internacional“ („Rote Sportinternationale“, 1927, nicht erhalten).

Zusammen mit den jungen Architekten seines Büros M. Krestin, V. Gal'perin, K. Kašin, I. Beldovskij und N. Demkov schuf Nikol'skij zwischen 1925 und 1930 ungefähr zehn experimentelle Entwürfe und einige Realisierungsprojekte, die stark von den Gestaltungskonzepten des Suprematismus beeinflusst waren.

Noch heute ist die suprematistische Architektur in den geometrischen Formen der „Kruglaja Banja“ („Runde Banja“) und der „Banja Gigant“ von Nikol'skij erlebbar, oder weniger ausgeprägt in Werken anderer Leningrader Architekten.

¹ К выставке архитектурных макетов Александра Никольского в академии художеств

² Утвержден в должности директора 15 августа 1923 года.

³ И. Н. Карасик: Петроградский Музей художественной культуры // Русский авангард. Музей в музее, Санкт-Петербург 1998, стр. 19–36.

⁴ Проект Рабочего клуба с концертным залом, кинозалами, столовой и другими помещениями. 1926. Архитектор: Л. М. Хидекель. Опубликовано в изд.: Современная архитектура 6/1927.

⁵ Wasmuths Monatshefte für Baukunst, Berlin 10/1927.

⁶ Г. А. Оль: Александр Никольский, Ленинград 1980, стр. 49.

⁷ Там же.

⁸ L. A. Shadowa: Suche und Experiment. Aus der Geschichte der russischen und sowjetischen Kunst zwischen 1910 und 1930, Dresden 1978, – В. Ракитин: Илья Чашник, Москва 2000.

⁹ С. О. Хан-Магомедов: Архитектура советского авангарда. Т. 1, Москва 1996, стр. 103.

¹⁰ Проекты автоматических телефонных подстанций. Архитекторы: А. С. Никольский совместно с И. К. Белдовским, В. М. Гальпериним, А. В. Крестиним. – 1) ОРПК РНБ, ф. 1037, ед. хран. № 71. 1-я районная подстанция на углу Большого пр. Васильевского о-ва и Лахтинской ул. 1926; 2) ОРПК РНБ, ф. 1037, ед. хран. № 75. 2-я районная подстанция на ул. Некрасова, 93/5. 1926; 3) ОРПК РНБ, ф. 1037, ед. хран. № 77–79. 3-я районная подстанция на углу Садовой ул. и Лермонтовского пр. 1926.

¹¹ Ракитин 2000 [FN 8], стр. 92.

¹² ОРПК РНБ, ф. 1037, ед. хр. № 547–550. Конкурсный проект жилого комбината «Красный треугольник» на пр. Газа. 1926–1927. Архитекторы: А. С. Никольский совместно с В. М. Гальпериним и А. В. Крестиним; художники: М. В. и Б. В. Эндер. Опубликовано в изд.: Я. Тартаковский: Дома для трудящихся «Красного треугольника» // Вопросы коммунального хозяйства 6/1927, стр. 32–41.

¹³ ОРПК РНБ, ф. 1037, ед. хр. № 1085.

¹⁴ ОРПК РНБ, ф. 1037, ед. хр. № 1265. Малевич К. С. 1925–1926

¹⁵ Проект перестройки здания церкви под клуб для рабочих Путиловского завода. 1925–1926. Архитекторы: А. С. Никольский совместно с Л. М. Хидекелем. Опубликовано в изд.: Современная архитектура 5–6/1926, стр. 140.

¹⁶ Личное дело Л. М. Хидекеля. Архив СПб ГАСУ.

¹⁷ П. Н. Филонов: Дневник, СПб 2003, стр. 246–263.

¹⁸ Проект стадиона «Красный Спортивный Интернационал» (КСИ). 1925–1926. Арх.: А. С. Никольский совместно с Л. М. Хидекелем. Построен в 1927–1929. Не сохранился.

¹⁹ Хан-Магомедов 1996 [FN 9], стр. 432.

²⁰ ОРПК РНБ ф. 1037, ед. хр. № 158–159. Экспериментальный проект здания общественных собраний на 1000 человек «Ленин». 1926–1927; ОРПК РНБ, ф. 1037, ед. хр. № 161, 163; Экспериментальный проект здания общественных собраний на 500 человек «Труд». 1926–1927; ОРПК РНБ, ф. 1037, ед. хр. № 164. Эскиз экспериментального проекта кинотеатра и столовой. 1927; Экспериментальный проект клуба для рабочих с залом на 500 чел. 1927, а также другие: точное количество выставляемых проектов пока не установлено

Сооружения XX века в России – предложения по включению в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО

Наталья Душкина

Переход в XXI век установил минимальную, но психологически важную дистанцию, которая позволяет взглянуть на только что ушедший век как на историческое явление выдающегося масштаба и важности. Кардинальное изменение представлений об устройстве мироздания,

ям, массовому строительству и типовому жилью, основанных на принципах стандартизации, использования новых строительных материалов и технологий. Все это не могло не сказаться на формировании новой эстетики и стиля в искусстве, изменило представления о форме,

Здание Наркомфина в Москве (М. Гинзбург, И. Милинис, 1928–1930).

Претендент на включение в Предварительный список Всемирного наследия от России.

Narkomfin-Gebäude in Moskau (M. Ginzburg, I. Milinis, 1928–30).

Kandidat für die Aufnahme in die Welterbe-Tentativliste von Russland.

пространстве и времени, происшедшее в XX столетии, повлияли на все области человеческой жизни. Важнейшие движущие силы конца XVIII–XIX веков – технологическое развитие, индустриализация, демократические реформы, идеи коллективизма – предопределили изменение всей окружающей нас предметной среды. «Новый мир» был отмечен расцветом естественных наук, новаторством технологических достижений, принципиально новой инфраструктурой транспорта и коммуникаций, новыми концепциями промышленного производства, организации труда человека. Появилось другое видение городов, которое дало рождение бескрайним метрополи-

пространстве и тектонике в архитектуре, дало толчок к появлению новых типов зданий. XIX век, который подготовил эти мощные цивилизационные сдвиги, но внешне остававшийся облаченным в одежды исторических стилей, был в буквальном смысле сметен радикальными концепциями.

Авангард и Всемирное наследие

Процесс, в котором Россия сыграла одну из ведущих ролей, начался с реформирования художественного языка

Здание Центросоюза в Москве (Ле Корбюзье, Н. Колли, 1928–1937). Претендент от России на включение в серийную номинацию работ Ле Корбюзье (Франция, Германия, Бельгия, Швейцария, Аргентина, Япония). Заявлена в Список Всемирного наследия в 2008 г. *Centrosojuz-Gebäude in Moskau (Le Corbusier, N. Kolli 1928–1937). Vorschlag für die 2008 gestartete Welterbeinitiative Le Corbusier (Frankreich, Deutschland, Belgien, Schweiz, Argentinien, Japan). 2008.*

и привел к отказу от традиций реализма и фигуративного творчества в живописи. Постепенно он завладел всеми формами пространственных искусств – и, в первую очередь, архитектурой. Условные беспредметные композиции и абстрактные образы, получившие развитие в экспериментальном искусстве начала XX века (экспрессионизм, кубизм, футуризм, супрематизм), заложили основы новой стилиобразующей системы, прервавшей эволюционное развитие зодчества. Был создан новый язык архитектуры модернизма,¹ отказавшейся от академических концепций стиля с присущими ему статическими объемами, ордерам, симметрией, ритмическим повторением. К началу 1920-х гг. в Европе оформилось Современное движение (Modern Movement), ориентированное в будущее и окрыленное оптимистической верой в возможности прогресса. Такие течения как «функционализм», «рационализм», «минимализм», «авангардизм», «конструктивизм» в архитектуре стали также ассоциироваться с понятием модернизма. Его социальный и идеологический пафос (в особенности на раннем этапе) был направлен на обновление всей жизненной среды общества. В утверждении новой архитектуры бесспорными лидерами выступили Германия, Россия, Голландия и Франция. Каждая из стран внесла самостоятельный вклад в развитие авангардных течений, однако единое культурное пространство, которое существовало в Европе до начала 1930-х годов, позволяло плодотворное сотрудничество и взаимообогащение.

К работе «Петербургского диалога» 2008 международными научными комитетами ICOMOS России и Германии был подготовлен специальный Меморандум *Авангард и Всемирное наследие*.² Центральная задача этого важного документа состояла в привлечении внимания: 1) к универсальной ценности построек, созданных в России в XX веке; 2) к их неудовлетворительному (бед-

Читальный зал Библиотеки в Выборге (быв. Финляндия) (А. Аалто, 1928). Претендент от России на включение в серийную номинацию работ Аалто от Финляндии. *Lesesaal der Bibliothek in Vyborg (ehemals Finnland) von dem Architekten Alvar Aalto, 1928. Kandidat in Russland für eine Aufnahme in die von Finnland beabsichtigte internationale serielle Gruppennominierung des architektonischen Gesamtwerks von Alvar Aalto für die Welterbeliste der UNESCO.*

ственному) состоянию и необходимости срочной реставрации; 3) к выдвижению наиболее значимых сооружений 1920–1950-х, обладающих выдающимся мировым значением, в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Как известно, в него входят «лучшие из лучших» сооружений всех эпох и народов, прошедшие многоступенчатую международную экспертизу.

Однако анализ Списка Всемирного наследия с позиции вклада XX века в культуру человечества выявляет значительные пустоты. Это выглядит тем более странно, если принять во внимание общее соотношение огромного числа зданий, возведенных в прошлом столетии, ко всему пласту исторического наследия предыдущих веков. Достаточно упомянуть, что даже в Италии «новое наследие» составляет около 60% от общего числа всех сооружений, когда-либо возведенных в этой уникальной стране, сплошь покрытой выдающимися историко-архитектурными ландшафтами.³ Так, при общем числе памятников (679 объектов «культурной» собственности на апрель 2009 г.), включенных в Список с момента подписания *Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО* в 1972 г., конец XIX–XX вв. представлены всего лишь 25 номинациями. Это составляет чуть более 3% от общего свода всемирно признанных сооружений.⁴ Многие выдающиеся, пионерские по духу экспериментальные градостроительные и архитектурные постройки, творчество крупнейших мастеров XX века Ле Корбюзье,⁵ Райта, Аалто, Мендельсона и многих других ключевых фигур в архитектуре этого периода, вообще не представлены в этом знаменитом реестре. Это в полной мере касается и уникальных, снискавших мировую известность сооружений, созданных в России в XX столетии. Таким образом, процесс эволюции культурного наследия – одной из ключевых позиций в философии Всемирного наследия – с дис-

танции нового, XXI столетия, оказывается неполным и разорванным.⁶

Русский архитектурный авангард, рожденный на волне художественных открытий (К. Малевич, В. Кандинский, В. Татлин) и беспрецедентных социальных и политических преобразований, традиционно рассматривается в мире как выдающийся вклад России в историю модернистской архитектуры XX века. Ни одна из стран не получила такого сильного толчка и стимула к преобразованию мира, как это случилось в России после революции 1917 г. Неслучайно, что сюда устремились многие западные архитекторы в надежде на осуществление самых радикальных идей. В короткий промежуток времени были основаны и действовали известная школа авангарда ВХУТЕМАС (Высшие художественные мастерские, 1920), творческие объединения «рационалистов» АСНОВА (Ассоциация новых архитекторов, 1923) во главе с Н. Ладовским и «конструктивистов» – ОСА (Объединение современных архитекторов, 1925) во главе с А. Весниным. В противоборстве течений, отстаивающих приоритет пластической формы или примат конструктивной основы и функциональности, было разработано множество экспериментальных, социально направленных проектов, реализованы абсолютно новые типы зданий и поселения (дома-коммуны, рабочие клубы, соцгорода). В работах крупнейших архитекторов – братьев Весниных, М. Гинзбурга, И. и П. Голосовых, К. Мельникова, А. Никольского, И. Николаева, Я. Чернихова и многих других мастеров – были воплощены одни из наиболее ярких социальных и эстетических устремлений эпохи, определивших выдающийся вклад советского архитектурного авангарда в историю мировой архитектуры. В начале 1930-х гг., на волне укрепления тоталитарного режима, модернизм в России был признан «космополитическим» (так же, как и в Германии) и не соответствующим национальному развитию. Все левые течения были политически табуированы и запрещены. Произошел силовой поворот к новому этапу освоения классики, которая, как полагалось, может быть более понятна народу, чем необычные формы и аскетизм авангарда. Эволюционное развитие новой архитектуры в России было прервано на десятилетия. На смену пришел ретроспективизм, построенный на интерпретации историко-архитектурного наследия и просуществовавший до его политического «закрытия» сверху до 1955 г. Эта фаза «поставангарда» также оставила после себя целый ряд интереснейших сооружений и ансамблей, со временем все более набирающих историческую и художественную ценность.

Heritage at Risk

Наиболее значимые сооружения 1920–1930-х гг., сосредоточенные в Москве и представляющие собой золотой фонд мирового Современного движения, были поставлены на охрану в 1987 г. и являлись памятниками самой низшей «местной» категории до 2005 г., когда были переведены в разряд объектов «регионального» значения. Лишь единицы обладают «федеральным» (обще-

Дом-студия архитектора К. Мельникова в Москве (1927–1929). Претендент на включение в Предварительный список Всемирного наследия от России.

Wohn- und Atelierhaus des Architekten K. Melnikov in Moskau (1927–29). Kandidat für die Aufnahme in die Welterbe-Tentativliste von Russland.

Рабочий клуб «Буревестник» в Москве (К. Мельников, 1927). Претендент на включение в Предварительный список Всемирного наследия от России.

Arbeiterklub „Burevestnik“ (Sturmvoegel) in Moskau (K. Melnikov, 1927). Kandidat für die Aufnahme in die Welterbe-Tentativliste von Russland.

российским) статусом, который позволяет претендовать на включение в Список Всемирного наследия (Библиотека в Выборге, А. Аалто, 1928). Многие из памятников на протяжении длительного времени находятся в состоянии деградации, подверглись переделкам, утратили интерьеры, оригинальную фактуру поверхностей и детали. Такие всемирно известные сооружения как дом Наркомфина арх. М. Гинзбурга и И. Милиниса (1928–1930), дом-коммуна арх. И. Николаева (1929), рабочие клубы арх. К. Мельникова (1927) оказались на грани разрушения. Многие значимые постройки более позднего периода 1930–1950-х гг., известные в мире как «сталинская архитектура», прошли через разрушительные проекты

Система Московского метрополитена 1930–1950-х гг. Станция «Маяковская» (А. Душкин, 1938). Претендент на включение в Предварительный список Всемирного наследия от России.

Moskauer Metronetz aus den 1930–50er Jahren. Station „Majakovskaja“ (А. Duškin, 1938). Kandidat für die Aufnahme in die Welterbe-Tentativliste von Russland.

в бурном коммерческом и градостроительном обновлении. Аналогичная ситуация сложилась в других городах России и в постсоветских республиках.

Особо следует подчеркнуть, что в последнее десятилетие некоторые из памятников первого ряда в Москве подверглись реставрационному и реконструктивному вмешательству (Планетарий, М. Барщ, М. Синявский, 1927–1929; клуб «Буревестник», 1927–1929; Бахметьевский гараж, 1926–1927 – оба К. Мельников). В результате проведенных работ, *подлинность* – главный ценностный критерий наследия – была в значительной степени утрачена, критически сузив возможности этих объектов для номинации в Список Всемирного наследия.⁷ Непоправимый урон также наносит нерегулируемое новое строительство, осуществляемое в непосредственной близости от памятника. Это приводит к искажению визуального восприятия, а при массивном освоении вблизи него подземного пространства – к деформации гидрогеологии участка и дренажной системы. Так произошло с домостудией К. Мельникова в Кривоарбатском (1927–1929) переулке, что повлекло за собой не только изменение окружения этого всемирно известного сооружения, но и деформацию его фундаментов, разрушение субстанции здания. Становится очевидным, что при таком подходе Россия может навсегда потерять возможность включить сооружения, созданные в ней в XX веке, в Список ЮНЕСКО.

Крупнейшая научная конференция *Heritage at Risk. Сохранение архитектуры XX века и Всемирное наследие*, которая проходила в Москве в апреле 2006 г. под патронатом правительства Москвы, выявила многочисленные факты утрат и деградации памятников этого периода и заявила о необходимости принятия безотлагательных мер по сохранению этого ценного пласта культурного наследия. В тексте итогового документа – *Московской декларации по сохранению культурного наследия XX века* – звучит призыв «к строгому соблюдению законов о

Система Московского метрополитена 1930–1950-х гг. Входной вестибюль станции «Красные ворота» (Н. Ладовский, 1935). Претендент на включение в Предварительный список Всемирного наследия.

Moskauer Metronetz aus den 1930–50er Jahren. Eingangs-vestibül der Station „Krasnye Vorota“ (Rotes Tor) (N. Ladovskij, 1935). Kandidat für die Welterbeliste.

защите культурного и природного наследия, и в особенности – к необходимости финансирования программ по исследованию, консервации и реставрации объектов наследия XX века, обладающих выдающейся ценностью для всего мира». Участники конференции настаивают «на строгом применении международных научных принципов, отраженных в многочисленных международных хартиях по консервации и реставрации, а также Конвенции по Всемирному наследию».⁸ Декларация была подписана тремя влиятельными международными организациями ICOMOS, DOCOMOMO и UIA,⁹ по сути дела, объявивших о широкомасштабной международной кампании по сохранению памятников архитектуры XX века на территории России и в бывшем постсоветском пространстве. В развитие этого проекта, в сентябре 2007 г. в Берлине состоялась конференция *Всемирное наследие XX столетия – лакуны и риски с европейской точки зрения*, на которой были представлены первоочередные российские номинанты в Список Всемирного наследия, в том числе дом Наркомфина и система московского метро 1930–1950-х гг.¹⁰

Предложения по включению в Список Всемирного наследия

В настоящий момент в Предварительный список (Tentative List) на включение в реестр ЮНЕСКО, официально формируемый государством для его представления в Центре Всемирного наследия в Париже, от России входит 26 номинаций. Среди них XX век обозначен лишь одним сооружением – Храмом Христа Спасителя в Москве. Он был реконструирован в 1995–2002 гг. и номинирован в Предварительный список еще до завершения строительства в 1998 г. Однако следует заметить, что в соответствии с Законом РФ *Об объектах культурного наследия* это сооружение «памятником» истории и

культуры не является. Храм может получить этот статус только по истечении 40 лет с момента его возведения, а, следовательно, претендовать на включение в международный реестр.

При проведении многоступенчатой экспертизы для принятия решения о включении объекта культурного наследия, в том числе XX века, в Список ЮНЕСКО, осуществляются следующие важнейшие направления исследования:

- Определение выдающейся универсальной ценности сооружения и критериев его оценки;
- Проведение сравнительного анализа памятника в глобальном масштабе;
- Изучение гарантий государства по наличию и соблюдению: 1) национального законодательства; 2) научных принципов реставрации, которые могут обеспечить сохранение подлинности и целостности памятника; 3) механизмов предотвращения разрушительного давления на памятник (архитектурных и градостроительных проектов, индустрии туризма); 4) финансирования на разных национальных уровнях; 5) действенной системы управления объектом наследия, и т. д.

Отдавая отчет в трудностях выдвижения российских памятников XX века в Список ЮНЕСКО, связанных с заниженной оценкой наследия этого периода в обществе и на административном уровне, низким охранным статусом, деградированным состоянием, необходимостью реставрационного вмешательства, тем не менее, представляется важным продолжить международную кампанию, начатую на московской конференции *Heritage at Risk* в 2006 г. В этой связи, в *Московской декларации* были обозначены две первоочередные задачи: «... поднять уровень защиты наиболее ценных объектов наследия XX века, придав им статус памятников федерального значения. <...> подготовить предложения для включения в Список Всемирного наследия таких выдающихся произведений российской архитектуры XX века, как: Дом Наркомфина арх. М. Гинзбурга, клуб им. Русакова, клуб «Каучук» и собственный дом архитектора К. Мельникова, Дом-коммуна арх. И. Николаева, радиобашия инж. В. Шухова, станция метро «Маяковская» арх. А. Душкина».¹¹ К этому следует добавить, что в составе номинации «Кремль и Красная площадь в Москве», включенной в Список в 1990 г., находится одно из ярких «супрематических» сооружений архитектуры XX века Мавзолей Ленина (А. Щусев, 1929–1930), в настоящий момент не обладающий ни международным, ни федеральным (общероссийским) статусом.

В развитие этой темы, в Меморандуме *Авангард и Всемирное наследие* была поставлена задача включения здания Центросоюза (1928–1937) в Москве в серийную номинацию архитектурных и градостроительных произведений Ле Корбюзье, выдвинутых в Список Всемирного наследия шестью странами мира в 2008 г. В равной степени это касается и Библиотеки в Выборге (1928), которая может потенциально войти от Финляндии и России в состав серийной номинации построек архитектора А. Аалто.

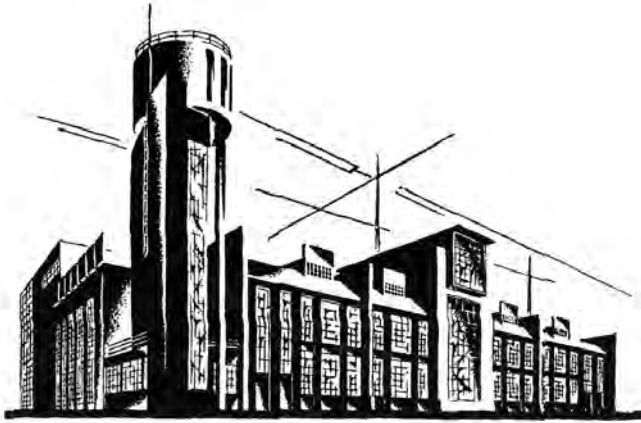
Пространственные конструкции инженера В. Шухова. Радиобашия в Москве (1919–1922). Претендент на включение в Предварительный список Всемирного наследия от России.

Raumtragwerke des Ingenieurs V. Šuchov. Funkturm in Moskau (1919–1922). Kandidat für die Aufnahme in die Welterbe-Tentativliste von Russland.

Система высотных зданий в Москве послевоенного периода. Жилой дом на Котельнической набережной (Д. Чечулин, А. Ростковский, 1949–1952). Претендент на включение в Предварительный список Всемирного наследия от России.

Hochhaus-Gruppe in Moskau der Nachkriegszeit. Wohnhaus am Ufer Kotel'ničeskaja Naberežnaja (D. Čechulin, A. Rostkovskij, 1949–52). Kandidat für die Aufnahme in die Welterbe-Tentativliste von Russland.

Завод «Красный Гвоздилик» (Я. Черников, 1930–1931) в Ст. Петербурге. Претендент на включение в Предварительный список Всемирного наследия от России? Эскиз 1929 года.

Fabrik „Krasnyj Gvozdiľšik“ („Roter Nagel“, Jakov Černichov, 1930–31) in St. Petersburg. Kandidat für die Aufnahme in die Welterbe-Tentativliste von Russland? Druckgrafik aus dem Jahr 1929.

Кроме того, намечены следующие первоочередные номинации, охватывающие конец 1920–1950-х гг.:

- ключевые памятники московского авангарда (дома-коммуны, рабочие клубы, дворцы культуры, фабрики, заводы и инженерно-технические сооружения) как исторические свидетельства зарождения новых форм жилья, массовой культуры, инновационных технологий и средств коммуникаций, имеющих мировое значение;
- градостроительный ансамбль Московского метрополитена (наземные и подземные сооружения) 1930–1950-х гг. как выдающийся инженерно-технический и архитектурный памятник эпохи;
- послевоенный ансамбль высотных зданий Москвы 1950-х гг. (с потенциальным включением аналогичных сооружений, находящихся в странах бывшего соцлагеря).

Для реализации этой программы, имеющей большое национальное и международное значение, необходимо:

- Провести незамедлительное повышение статуса выдающихся российских объектов XX века до «федерального» (общенационального) уровня;
- Оформить охранные обязательства на памятники XX века в соответствии с национальным законодательством;
- Соблюдать научные принципы реставрации и высокие международные стандарты сохранения наследия;
- Провести корректировку Предварительного списка на включение объектов во Всемирное наследие ЮНЕСКО от России;
- Министерству культуры РФ (совместно с Российской комиссией по делам ЮНЕСКО) разработать концепцию включения выдающихся сооружений XX века, созданных в России, в Список Всемирного наследия.

Конвенция по Всемирному наследию утверждает принцип, делающий наследие страны – наследием всего человечества. Именно поэтому востребованы высочайшие международные стандарты сохранения и реставрации, которые в государстве, подписавшем Конвенцию, должны распространяться на все памятники истории и культуры. В этом – главная сила этого международного института.

Natalija Duškina: Bauten des 20. Jahrhunderts in Russland – Vorschläge für die Aufnahme in die Welterbeliste der UNESCO

Der Beitrag beschreibt Gründe, Hindernisse und notwendigen Maßnahmen für die Aufnahme von russischen Baudenkmalen des 20. Jahrhunderts in die Tentativliste der Russischen Föderation zur Nominierung für die Welterbeliste der UNESCO.

Bauten des 20. Jahrhundert sind – trotz ihres hohen Anteils an unserer gebauten Umwelt und trotz ihrer innovativen Neuerungen – auf der Welterbeliste der UNESCO mit ca. 3 % erheblich unterrepräsentiert. Die herausragende Bedeutung der Avantgardearchitektur Russlands ist international anerkannt, und auch während der „Postavantgarde“ entstanden Bauten von hohem künstlerischen Wert. Dies sind in Moskau vor allem das Narkomfin-Gebäude von M. Ginzburg, der Kautschuk-Klub und das Wohnhaus von K. Mel'nikov, das Kommunehaus von I. Nikolaev, der Funkturm von V. Šuchov und das Centrosjuz-Gebäude von Le Corbusier. Auch die Moskauer U-Bahn, wie beispielsweise die Metrostation „Majakovskaja“ von A. Duškin, oder die Lomonossow-Universität und andere Hochhäuser der Stalin-Jahre wären hier anzuführen. Doch kein russisches Gebäude aus dem 20. Jahrhundert (vom Leninmausoleum als Teil des Kremls abgesehen) ist auf der Welterbeliste vertreten. Auch die offizielle Tentativ-Liste enthält nur die 1995–2002 wieder aufgebaute Christus-Erlöserkirche, die nach sowjetischem Gesetz überhaupt kein Denkmal sein kann.

Für die meisten russischen Avantgarde-Bauten ist die Voraussetzung für die Antragstellung nicht erfüllt, denn sie haben nicht den höchsten nationalen Schutzstatus im dreistufigen hierarchischen Denkmalschutzsystem der Russischen Föderation. Besorgniserregend sind auch unsachgemäße Restaurierungs- und Baumaßnahmen, die viele herausragende Baudenkmale der Moderne in den letzten zehn Jahren so sehr beeinträchtigt haben, dass ihre historische Authentizität und visuelle Integrität – Hauptkriterien für Welterbe – darunter gelitten haben. Durch seinen sorglosen Umgang mit Denkmälern der Avantgarde riskiert Russland auch die Möglichkeit zur Aufnahme in die Welterbeliste.

Zum Petersburger Dialog haben ICOMOS Russland, ICOMOS Deutschland und das ICOMOS Scientific Committee 20th Century Heritage das Memorandum Avantgarde und Welterbe vorgelegt, um die Aufnahme der besten russischen Beispiele in die offizielle Tentativliste für eine Welterbenominierung zu fördern. Dazu sind folgende Schritte notwendig:

1) *Hochstufung der bedeutendsten Avantgarde-Denkmale in den höchsten nationalen Schutzstatus*, 2) *Durchsetzung der gesetzlichen Schutzmaßnahmen und strenge Einhaltung der internationalen Standards zur Konservierung und Restaurierung*, 3) *Aktualisierung der offiziellen russischen Tentativliste für einen Welterbeantrag* und 4) *Ausarbeitung eines Konzepts für die Welterbenominierung von Denkmälern der Avantgarde durch das Kulturministerium der Russischen Föderation*.

- ¹ Широкий обзор терминологии и анализ явления см.: C. Wilk (Ed.): *Modernism 1914–1939. Designing a New World*, London 2006.
- ² Авангард и Всемирное наследие. Совместный Меморандум национального комитета ICOMOS (International Council on Monuments and Sites) Российской Федерации, национального комитета ICOMOS Федеративной Республики Германия и интернационального научного комитета по наследию XX века (ICOMOS International Scientific Committee on 20th Century Heritage). ICOMOS 2008.
- ³ К примеру, в национальном реестре США числится 26 тыс. единиц «наследия современности», в Голландии их число приблизилось к 100 тыс.
- ⁴ Собственно Современное движение представлено 13 объектами: город Бразилиа (Бразилия, 1987), Лесное кладбище близ Стокгольма (Швеция, 1994), Баухаус в Веймаре и Дессау (Германия, 1996), университет в Каракасе (Венесуэла, 2000), дом Шредера-Ритвельда в Утрехте (Нидерланды, 2000), вилла Тугендхат в Брно (Чехия, 2001), «Белый город» Тель-Авив (Израиль, 2003), дом-студия Л. Баррагана (Мексика, 2004), послевоенная реконструкция Гавра (Франция, 2005), Зал тысячелетия во Вроцлаве (Польша, 2006), здание оперы в Сиднее (Австралия, 2007), университетский кампус в Мехико (Мексика, 2007), рабочие поселки эпохи модернизма в Берлине (Германия, 2008). Кроме того, памятниками Всемирного наследия являются: концлагерь Освенцим (Польша, 1979), реконструированный центр Варшавы (Польша, 1980), парк Гуэль, Дворец Гуэль и Каса Мила А. Гауди (Испания, 1984), рудники Раммельсберг и историче-

ский город Гослар (Германия, 1992), металлургический завод в Фёльклингене (Германия, 1994), мемориал Мира в Хиросиме (Япония, 1996), дворец Каталонской музыки и Госпиталь Св. Павла в Барселоне (Испания, 1997), паровая насосная станция Вауда (Нидерланды, 1998), остров Роббен (ЮАР, 1999), постройки В. Орта в Брюсселе (Бельгия, 2000), угольная шахта Цольферайн в Эссене (Германия, 2001), радиостанция Варберг (Швеция, 2004).

- ⁵ В настоящее время в процессе рассмотрения находится серийная номинация «Архитектурные и градостроительные работы Ле Корбюзье», выдвинутая в 2008 г. шестью странами (Францией, Германией, Бельгией, Швейцарией, Японией и Аргентиной).
- ⁶ См.: *The World Heritage List. Filling the Gaps – an Action Plan for the Future*. An ICOMOS study compiled by J. Jokilehto, contributions from H. Cleere, S. Denyer and M. Petzet. ICOMOS 2005, pp. 36–46. – N. Dushkina: *World Heritage List: Evaluating the 20th Century Heritage. Values and Criteria in Heritage Conservation*. Proceedings of the International Conference of ICOMOS, ICCROM and Fondazione Del Bianco. Firenze 2008, pp. 417–423.
- ⁷ В случае выдвижения в Список Всемирного наследия, объект должен пройти экспертизу на подлинность первоначального замысла, формы, материалов, субстанции, местоположения, окружения, функции, технологии и т.д.
- ⁸ *Heritage at Risk. Special Edition. The Soviet Heritage and European Modernism / Советское наследие и европейский модернизм*. ICOMOS, Berlin 2007, p. 12.
- ⁹ ICOMOS/ИКОМОС – Международный совет по вопросам памятников и достопримечательных мест. Неправительственная научная организация, осн. в 1965 г. – DOCOMOMO/ДОКОМОМО – Международная рабочая группа по документации и консервации сооружений Современного движения. Неправительственная научная организация, осн. в 1988 г. в Нидерландах. UIA. – Международный Союз архитекторов. Неправительственная организация, осн. в 1948 г. в Швейцарии. Штаб-квартиры находятся в Париже.
- ¹⁰ *World Heritage Sites of the 20th Century – Gaps and Risk from a European Point of View*. ICOMOS, Hefte des Deutschen Nationalkomitees XLVI, Petersburg 2008.
- ¹¹ *Heritage at Risk. Special Edition*. [FN 8], p. 12.

Архитектура Современного движения и наследие Баухауса на Урале

Людмила Токменинова

Уральский регион России, расположенный на границе Европы и Азии в 1920-1930х гг. был одной из территорий индустриального развития, призванных радикально изменить экономику страны, вступившей на путь социально-политического эксперимента. Промыш-

Современное движение на Урале

Процесс индустриализации с последующей урбанизацией края заключался в возведении новых или реконструкции старых заводов и строительстве по единому

Магнитогорск. Общеобразовательная школа по проспекту Пушкина, 21. Интерьер холла второго этажа. 1930–1932 г. Бригада Э. Мая. Фото 2007 г.

Magnitogorsk, Prospekt Puškina 21, Allgemeinschule. Foyer des 1. OGs. Brigade E. May, 1930–32. Foto 2007.

ленное освоение Урала, начавшееся еще в XVII веке, к началу XX века не соответствовало масштабу индустриализации, намеченной новым правительством. Массовое строительство промышленных предприятий и поселений при них с одной стороны было традиционным для Урала, с другой – масштабы строительства, превратившие территорию Урала в строительную площадку, освоение передовых технологий, новые формы управления экономикой, глобальные изменения в структуре общества. Смена нравственных и идеологических устоев на фоне отрицания традиционных ценностей предшествующей эпохи привели к необычайной востребованности нового архитектурного языка, радикальных образных решений и к поискам новых способов расселения.

плану городов или городских районов, именуемых соц-городами. Исторически сложившиеся города подвергались реконструкции, предполагавшей прежде всего увеличение архитектурно-градостроительного масштаба, благоустройство, развитие городского коммунального хозяйства и радикальную смену архитектурного образа города, отразившегося в названии «Большой город». И в тех, и в других в разной степени использовалась концепция города-сада. Новые типы зданий, востребованные вновь сформировавшимся социальным заказом (спортивные сооружения, рабочие клубы, общественные бани и прачечные) и функционально трансформировавшиеся под его влиянием существовавшие ранее (лечебно-профилактические, учебные заведения, жилые здания) облачались в нетрадиционные формы нового архитек-

турного стиля как символы тотального переустройства и начала новой исторической эпохи. Широкое распространение новой архитектуры в отдаленном от столиц уральском регионе, применение перспективных методов проектирования являлись форсированием эволюционного развития архитектурных процессов края, значительно отстававших от европейской части России в предшествующие эпохи. Административные и экономические рычаги в соответствии с особым статусом региона как передового края индустриализации обеспечили быстрое перемещение сюда новой архитектуры обеспечением архитектурными кадрами, интенсивной практикой архитектурных конкурсов, учреждением проектных организаций, развитием собственной архитектурной школы. В условиях массового строительства новая архитектура не только приобрела своеобразие в соприкосновении с традиционным уральским зодчеством, но и получила развитие некоторых концептуальных принципов.

Наследие архитектуры Современного движения на Урале сегодня многочисленно, разнообразно по типам, неоднородно по качеству и представлено почти всеми стилистическими направлениями, характерными для крупных промышленных центров – наиболее типичных мест локализации этого наследия в России. Хронологические рамки развития этой архитектуры на Урале совпадают, в основном, с общероссийскими, а эстетические качества наиболее значительных произведений не уступают столичным. Мировой известностью обладают Водонапорная башня УЗТМ (арх. М. Рейшер, 1929) и Городок чекистов (арх. И. Антонов, В. Соколов, А. Тумбасов, 1934).

Одним из истоков архитектуры Современного движения на Урале послужило влияние творческих союзов Москвы (особенно ОСА) через практику архитектурных конкурсов. Убежденные сторонники Современного движения – молодые архитекторы из Ленинграда, другого центра архитектурного авангарда в России, были вторым источником идей новой архитектуры. Выпускники Томского политехнического института, проектировавшие промышленные здания, внесли свой вклад в развитие Современного движения на Урале. И, что особенно важно отметить, члены «бригады *Баухауса*»¹, приглашенные советским правительством в СССР для проектирования и строительства жилых и общественных зданий, работали в городах Урала в 1930-х годах, сотрудничая с советскими архитекторами в Свердловске (Екатеринбурге), Орске, Магнитогорске, Перми, Соликамске, вследствие чего творческое наследие Баухаусцев стало органичной составляющей уральского наследия архитектуры Современного движения. Установлены исторические связи сотрудничества уральских и немецких архитекторов.

Изучение истории *Баухауса* на Урале

Открытие новой страницы в изучении истории *Баухауса* и уникального явления архитектурного наследия Урала стало возможным только в последние годы, благодаря совместным усилиям исследователей обеих стран. Наследие *Баухауса* на Урале привлекало пристальное

внимание российских и зарубежных исследователей с 1970-х годов, когда об архитектуре 1930-х годов решились снова заговорить открыто и некоторые здания этого периода получили статус памятников. Но выявление, атрибуция и объективная оценка этих памятников, определяющая их дальнейшую судьбу, были всегда крайне затруднительны. Коллективные методы проектирования, отрицание эстетического образа новой архитектуры в середине 1930-х годов, функциональная дискредитация жилых комплексов и многие другие причины привели к стремлению «исправить», спрятать или вовсе уничтожить подлинные документы «ошибочной» архитектуры. Относительно наследия *Баухауса* эти явления усугубились тем, что много архитекторов «бригады *Баухауса*» попали, как и многие советские архитекторы, в жернова машины сталинских репрессий, и часть сохранившихся подлинных исторических документов (эскизы, проекты, рисунки, пояснительные записки, описания, мемуары) были вывезены из России и находятся в архивах, музеях и частных коллекциях Германии и других, главным образом, европейских стран. Они разрозненны, требуют тщательной обработки и осмысления.

Не менее печальна участь самих зданий, построенных по проектам выпускников *Баухауса* в городах Урала, обладающих всем спектром проблем, свойственных наследию Современного движения российской провинции, где у подавляющего большинства населения не было и нет понимания специфической ценности этих зданий. Многие из них не имеют статуса памятника, не подлежат государственной охране и быстро разрушаются как естественным образом, так и примитивными перестройками, искажающими их объемно-планировочную структуру, композиции фасадов и архитектурный образ в целом. С каждым годом усложняется ситуация с окружающим эти здания пространством, запроектированным архитекторами как сады и скверы внутри квартала и превратившиеся в постсоветское время в пустыри на территории городских центров, привлекательные для нового строительства.

Впервые уральское наследие Современного движения было, не без сомнений, представлено в Европе в 1992 г. на конференции ДОКОМОМО в Дессау. В 2006 году в Москве стало очевидно, что это наследие имеет прямое отношение к мировому архитектурному авангарду, являясь его своеобразной ветвью. Но отсутствие достоверной информации до середины первого десятилетия XXI века скрывало от российских исследователей значительность и ценность архитектурного наследия *Баухауса* на Урале. Благодаря настойчивости зарубежных исследователей, предоставивших биографические сведения Баухаусцев-авторов архитектурных проектов существующих ныне памятников, стали возможны их комплексные исследования с последующими рекомендациями о внесении в государственный реестр.

Исследовательская работа по проблемам наследия Современного движения на Урале сосредоточена в специализированном Центре, образованном 1996 г. при Уральской государственной архитектурно-художественной академии. Деятельность Центра ведется в следующих направлениях:

Екатеринбург. Административное здание по ул. Малышева, 26. 1930е гг. Архитектор С. Захаров. Фото 2008 г.

Jekaterinburg. Verwaltungsbau in der Ulica Malyševa 26, Architekt S. Sacharov, 1930er Jahre. Foto 2008.

Екатеринбург. Спортивный комплекс «Динамо», клуб по ул. Еремина, 12. 1929 г. Архитектор В. Соколов. Фото 2007 г.

Jekaterinburg. Sportanlage „Dynamo“, Klub in der Ulica Eremina 12, Architekt V. Sokolov, 1929. Foto 2007.

- реабилитация и популяризация архитектурного наследия, формирование позитивного общественного мнения (создание фильмов, телепередач, публикаций в периодической печати);
- создание научно-информационного банка данных для оснащения информацией реставрационно-строительной практики. Использование этой инфор-

мации в учебном процессе (в дипломном проектировании, в макетировании по авторским чертежам; в пленэрной практике для изображения объектов с высоты птичьего полёта и выявления особенностей объёмно-пространственных композиций объекта);

- выявление и атрибуция новых памятников;
- выставочная деятельность. Обмен выставками о творчестве уральских и зарубежных лидеров архитектуры Современного движения;
- обмен опытом и знаниями с зарубежными специалистами по решению общих проблем изучения и сохранения этого наследия.

В середине 1990-х академией успешно осуществлены две международные программы по обмену опытом и знаниями в области изучения и сохранения архитектурного наследия Современного движения в Нидерландах и России и в Германии и России, соответственно с архитектурными факультетами Технического университета в Дельфте и Технического университета в Карлсруэ. В 2007 году Центром Академии организована и проведена Международная научная конференция *Баухаус на Урале*, инициатором которой была искусствовед и публицист Астрид Фольперт (Берлин). Результатом конференции было решение о необходимости срочных действий в защиту быстро исчезающего архитектурного наследия *Баухауса* на территории уральского региона России.

Учитывая принадлежность архитектурного наследия *Баухауса* к культурам обеих стран, их отдалённость и несовпадение в законодательствах по охране памятников, а также значительное количество самих памятников (на сегодняшний день выявлено более 50 зданий), конференцией было принято решение о проведении совместных исследовательских работ на одном из объектов в виде пилотного проекта. Таким объектом стал комплекс Фабрики-кухни (арх. В. Парамонов, 1928) и Торгового корпуса (арх. Б. Шефлер, 1935) соцгорода Уралмаш (г. Екатеринбург) построенный по проектам советского и немецкого архитекторов (оба были репрессированы) и названный нами символом российско-немецкого сотрудничества.

Действительно, уже третье поколение (имея ввиду и нас – исследователей среднего возраста) представителей обоих народов в августе 2008 года трудилось для сохранения этого комплекса, не имеющего статуса объекта культурного наследия. Это были студенты-архитекторы и преподаватели УралГАХА (Екатеринбург) и *Баухаус-Университета* (Веймар). Целью работы была подготовка первичной учётной документации объектов культурного наследия, необходимых для внесения комплекса в государственный реестр. Эта дорогостоящая работа выполнена студентами и их руководителями безвозмездно. Позже в *Баухаус-Университете* были успешно защищены две курсовые работы по данным материалам. В УралГАХА готовится к защите дипломный проект по реконструкции и дальнейшему использованию комплекса.

Эта плодотворная совместная работа стала возможна при поддержке немецкого фонда Розы Люксембург в Москве и администрации УралГАХА. Совместная студенческая практика была подготовительным этапом к

Екатеринбург. Заводоуправление УЗТМ по ул. Машиностроителей, 19а. Окно в интерьере главной лестничной клетки. Архитекторы Б. Шефлер, П. Оранский. 1935 г. Фото 2007 г.

Jekaterinburg, Ulica Mašinostróitelej 19a, Gebäude der Werksleitung von UZTM. Fensterfront im Haupttreppehaus. Architekten: B. Scheffler, P. Oranskij, 1935. Foto 2007.

проведению международного семинара по проблемам сохранения архитектурного наследия Баухауса на Урале, выявившего новые проблемы и задачи, в частности, возможность восстановления комплекса Фабрики-кухни и торгового корпуса УЗТМ.

Международное движение в защиту архитектурного наследия Баухауса на Урале становится всё более популярным и многочисленным. Его деятельность отражена в репортажах, публикациях, выставках, слайд-фильмах, сборниках научных трудов. Однако, до настоящего времени у него нет официальной поддержки государственных учреждений и в нём не участвуют органы по охране культурного наследия. Международное сотрудничество – ответственная и затратная, но весьма плодотворная сфера деятельности. Это продемонстрировали блестяще подготовленные научная конференция 2006 года в Москве (МАРХИ) и «Неделя архитектурного авангарда» в Петербурге 2008 г.

Ludmila Tokmeninova: Neues Bauen und Bauhaus-Erbe im Ural

Der Artikel geht auf die Geschichte des Neuen Bauens und den Einfluss der Bauhaus-Bewegung in der Uralregion ein und stellt den aktuellen Forschungsstand und Erhaltungszustand vor.

Das Uralgebiet war in den 1920/30er Jahren ein Zentrum der forcierten Industrialisierung. Hier wurden bedeutende Großbetriebe der Schwerindustrie neu angelegt und erweitert sowie zahlreiche Wohnhäuser und Versorgungseinrichtungen gebaut. Die Region entwickelte sich in kur-

Екатеринбург. Заводоуправление УЗТМ по ул. Машиностроителей, 19а. Главный (восточный) фасад. Архитекторы Б. Шефлер, П. Оранский. 1935 г. Фото 2007 г.

Jekaterinburg, Ulica Mašinostróitelej 19a, Produktions- und Verwaltungsgebäude der Werksleitung von UZTM. Hauptfassade (Ost). Architekten: B. Scheffler, P. Oranskij, 1935. Foto 2007.

zer Zeit zu einem sowjetischen Hauptschauplatz des Neuen Bauens. Daran erinnert heute auch noch das Teilerbe von „Bauhäuslern“, die in den 1930er Jahren auf Einladung der Sowjetregierung nach Russland kamen. Der Zustand der Gebäude ist besorgniserregend. Viele stehen nicht unter Denkmalschutz – Zerstörung und Verfall schreiten schnell voran.

Die historische Aufarbeitung des Bauhaus-Erbes hat erst begonnen, nachdem westliche Forschungen zu den Biografien der Bauhausarchitekten einen wichtigen Anstoß gegeben hatten. 1996 richtete die Staatliche Uraler Architektur- und Kunstakademie (GACHA) ein spezielles „Zentrum für die Architektur des Neuen Bauens“ ein. 2007 fand in Ekaterinburg die internationale Konferenz „Bauhaus im Ural“ statt, die die Dringlichkeit sofortiger Schutzmaßnahmen und der russisch-deutschen Forschungskooperation hervorhob. Im August 2008 entstand in Zusammenarbeit zwischen GACHA und Bauhausuniversität Weimar eine Bauaufnahme der Fabrikküchen-Warenhaus-Anlage (UZTM) in Uralmaš, die als Basismaterial für studentische Entwürfe diente.

Als Produkt der russisch-deutschen Zusammenarbeit sind in den letzten Monaten einige Reportagen und Publikationen erschienen sowie Ausstellungen entstanden. Eine offizielle Unterstützung und finanzielle Förderung des Hochschul- und Forschungsprojekts durch staatliche Einrichtungen und Denkmalbehörden steht noch aus. Die Form der grenzüberschreitenden Zusammenarbeit von Hochschulen und Studenten hat sich für beide Seiten bestens bewährt.

¹ Тут имеются ввиду не только те вокруг Ганнеса Майера, но и другие, которые приехали в группе Эрнста Мая или по отдельным вызовом.

Internationaler studentischer Workshop – PE „Zeitgenössische Architektur + Revitalisierung der Avantgarde-Bauten in St. Petersburg“

Alex Dill

Junge Studierende aus Italien, Russland und Deutschland arbeiteten während der Aktionswoche im Workshop *Zeitgenössische Architektur + Revitalisierung der Avantgarde-Bauten in St. Petersburg* (20.–28. September 2008) sehr konzentriert an der Aufgabe, in konzeptionellen Ideen und Statements eine Zukunftsperspektive für ausgewählte Bau-

Provozierende Ausgangslage: Im Ausland bewundertes, kulturelles Erbe – in Russland diskriminiert

In St. Petersburg, Moskau, Ekaterinenburg und anderen russischen Städten sind zahlreiche Avantgarde-Bauten konfrontiert mit rasant fortschreitenden Veränderungen und großen

Während des Studentenworkshops. Exkursion zu den Avantgardebauten. Foto 2009
Проектный семинар. Экскурсия по сооружениям авангарда. Фото 2009 г.

ten und Ensembles zu entwerfen. Auf der Basis einer langjährigen Auseinandersetzung und Erfahrung an der Universität Karlsruhe (TH) in Forschung, Lehre und Praxis zum Umgang mit wertvollen Bauten, aufgrund zahlreicher vorhandener Kontakte, durch die Zusammenführung erfahrener Workshopleiter und vor dem Hintergrund des stetigen Austausches zur Situation der Avantgarde-Bauten in Moskau und St. Petersburg war es möglich, diesen Workshop im September 2007 anzukündigen und nach einem Jahr der Vorbereitung und Organisation schließlich in dieser kurzen Zeit durchzuführen.

Bautätigkeiten. Die Bauindustrie boomt. Die etablierten politischen Kreise haben kein Verständnis für den kulturellen Wert und den Erhalt dieser Bauten. Die weisungsgebundenen Verantwortlichen in Planungs- und Denkmalpflegeinstitutionen sind beschäftigt mit den unmittelbaren Anweisungen, den bürokratischen Problemen der Administration, den Geschäften der Investoren. Eine Lobby für dieses Kulturerbe existiert nur in Form von engagierten freien Initiativen oder von Spezialisten. Bis jetzt gibt es nur wenige wirklich bedeutsame Aktivitäten zur Erhaltung dieses Kulturerbes des 20. Jahrhunderts, eine davon war die Konferenz „Heritage

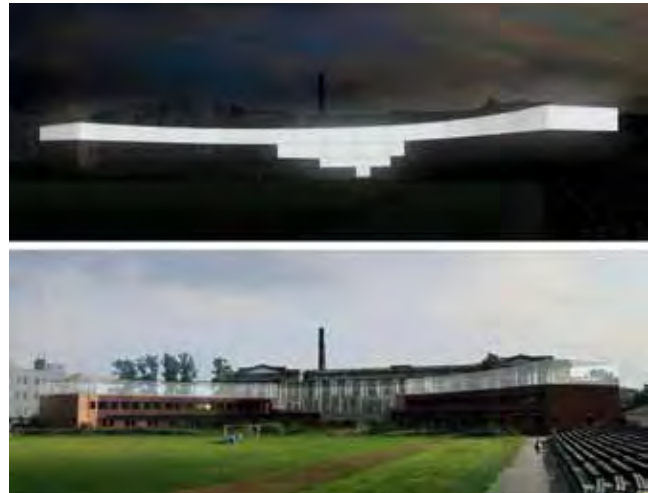
at Risk“ 2006 in Moskau, mit 400 internationalen Fachleuten, ihren Petitionen an die verantwortlichen Politiker und einer lebhaften Berichterstattung in den Medien.

Sehr aufschlussreich ist die öffentliche Meinung, dass in der Realität Politiker in Machtpositionen, in der Verantwortung stehende Personen in der Denkmalpflege, Architekten und Ingenieure die Gebäude und Ensembles zerstören, anstatt sie zu erhalten. Dies liegt zunächst in der Natur von Erneuerungs-, Modernisierungs- und Sanierungsmaßnahmen. Machen wir uns selbst nichts vor – Architekten haben immer versucht, Neues zu verwirklichen und dabei oft genug wertvollen Bestand zerstört. Dies wird zur Methode, wenn das kulturelle und fachliche Verständnis fehlt, wenn sehr ignorante politische Haltungen existieren oder das rein Materielle im Vordergrund steht. Spektakulär ist das Beispiel des „Grand Project“ des Moskauer Oberbürgermeisters, die als politisches Statement wiederaufgebaute Christus-Erlöser-Kirche in Moskau. Sie ist als erstes Objekt für eine Eintragung als Weltkulturerbe offiziell nominiert, obwohl sie eine nagelneue Replik ist. Deutlicher kann man nicht demonstrieren, wie unterschiedlich und von internationalen Standards abweichend offiziellste Haltungen und Absichten sind.

Aktionswoche und Workshop: Ziele – Strategien

Die Aktionswoche bot die Chance, mit einigen ausgewählten Projekten die wissenschaftliche Aufarbeitung der wichtigsten Avantgarde-Bauten und ihre Dokumentation zu unterstützen, auf die Potenziale dieser Gebäude aufmerksam zu machen und die Dringlichkeit und Aktualität ihrer Rettung zu unterstreichen. Vorhandene Initiativen in dieser Richtung sollten so umfassend und ideenreich wie möglich unterstützt werden. Ausgehend von der originären Aufgabe des Architekten – als Spezialist für Raum und Technologie sowie für Funktion, Ökonomie und Ästhetik – zukünftige, nachhaltige Lösungen und Perspektiven in seiner Entwurfsarbeit zu entwickeln, war der Workshop aufgefordert, einen erfrischenden Beitrag zu leisten. Mehrere und sehr unterschiedliche Ziele mussten dafür verfolgt, Strategien und Methoden angewandt werden, Improvisation und Kreativität selbstverständlich vorausgesetzt.

Die gezielte, für viele erstmalige und zeitlich komprimierte, von Spezialisten geführte Visite eines umfangreichen Spektrums der Petersburger Avantgarde und zeitgenössischen Bauten war erstes Etappenziel und bildete die Grundlage für die schöpferische Arbeit der Studenten und die konzeptionelle Entwurfsarbeit. Die gemeinsamen Analysen und Auswertungen der Informationen und Eindrücke waren ein wichtiges Anliegen neben der Sensibilisierung und konzentrierten Unterrichtung aller Teilnehmer. Ein wichtiges Ziel war des weiteren das Training, wie zeitgenössische Architekten durch ihre Kompetenz als verantwortliche Spezialisten dem herausragenden architektonischen Kulturerbe durch interessante Entwurfskonzepte und Ideen eine Zukunft eröffnen können. Fachlicher Austausch, Offenheit und Diskussionsfreudigkeit, Improvisationsfähigkeit und Engagement waren in hohem Maß gefragt. Prominenter Programm-Endpunkt war schließlich die Kritik und die öffentliche Ausstellung der Ergebnisse im Rahmen des Petersburger Dialogs,

Studentenentwurf „On Night's Wings“ von Lena Bakanova, Lenja Slonimskij, Maša Ceniper (MARChI).

Студенческий проект «На крыльях ночи»: Лена Баканова, Леня Слонимский, Маша Ценипер (Мархи).

Studentenentwurf „Show-Hill“: Dar'ja Bondarev, Liza Onuškina, Maria Osipkova (SPbGASU).

Студенческий проект «Шоу-Холм»: Дарья Бондарев, Лиза Онушкина, Мария Осипкова (СПбГАСУ).

als aktuelles Statement der Studierenden zur aktuellen Lage und Zukunftsperspektive der von ihnen ausgewählten Bauten im Kraftwerk der Textilfabrik „Rote Fahne“ von Erich Mendelsohn (1925–26).

Im Mittelpunkt der Entwurfsarbeit und aller Aktionen stand, in allen Beteiligten eine besondere Sensibilität für die architektonische Qualität und Originalität zu wecken. Möglichkeiten für einen angemessenen Umgang mit dieser Architektur lernten die Studenten durch das Vorstellen gelungener internationaler Sanierungsprojekte kennen (z. B. Bauhaus, Klinik Zonestrahl, VanNelle Fabrik etc). Eine angestrebte, grundlegende Kompetenzerweiterung war auch, die unterschiedlichen Potenziale, Mentalitäten, Ursachen und Haltungen aller Beteiligten innerhalb dieses internatio-

Studentenentwurf „The Gap is the Promise“
von Bettina Rombach, Lisa Schilling (TH Karlsruhe).
Студенческий проект «_ как обещание»:
Беттина Ромбах, Лиза Шиллинг (Карlsruhe).

Studentenentwurf „Light and Water“:
Nadežda Serdjukova, Dar'ja Baženova (SPbGASU).
Студенческий проект «Свет и вода»: Надежда
Сердюкова, Дарья Баженова (СПбГАСУ).

nenal Treffens zu erfahren, dies in der Arbeit zu reflektieren und sich darüber auszutauschen. Schließlich geht es darum, gerade bei den jungen Studierenden die Grundlagen für zukünftigen Austausch, für Aktualität und Engagement auf dem Gebiet von Forschung, Lehre und Praxis zu eröffnen, den Blick für eine langzeitliche Perspektive authentischen, architektonischen Erbes zu schärfen.

Workshopkonzept: Exkursionen – konzeptionelles Entwerfen – Ergebnisse

Einem strikten methodischen Konzept folgend war der Einstieg in das Entwerfen ein unmittelbar durch den Eindruck der Erfahrungen vor Ort geformtes, sehr persönliches erstes

Statement jedes Teilnehmers als zentrale Aussage und Ausgangspunkt. Nach einer Einführung und Übersicht, nach drei Tagen intensiver „field research“, Exkursionen zur Untersuchung der städtischen Ensembles, der Bauten, der Situationen, des besonderen und alltäglichen Kontext gemeinsam mit erfahrenen Spezialisten waren die Studierenden aufgefordert ihre „Impressionen“ konzentriert in Form von drei Statements zu fixieren: „ein Slogan“ (Statement) + „ein Bild“ (Impression) + „ein Haiku“ (Poem als emotionale, künstlerisch gestaltete Kurzmitteilung). Dies führte zu einer inhaltlichen Dynamik, zu sehr speziellen Sichtweisen und Positionen, zu einer erweiterten Bewusstheit am Start der Projektarbeit. Das „Projekt“ der Studenten entstand schließlich aus der Analyse aller Erfahrungen und Diskussionen und als Ausblick in eine architektonische Perspektive für das ausgewählte Objekt.

Das Anliegen war also, ein Statement in Form eines konzeptionellen Entwurfsansatzes für die Zukunft eines Bauwerks bzw. eines Ensembles zu erarbeiten, den Workshop als Laboratorium für Ideen zu nutzen, das Entwerfen als Analyse- und Konzept-Arbeit intensiv zu erleben und schließlich mit einer sehr komprimierten Botschaft und architektonischen Idee, d. h. auf der Fläche eines großen Plakats innerhalb der Ausstellung für die Zukunftsperspektive des Projektes erfolgreich zu werben und zu argumentieren und dabei sowohl Professionelle als auch Laien anzusprechen. Es gab von Beginn an die Absicht, die Schlusskritik und Ausstellung in unmittelbarer Beziehung zu den Bauten zu arrangieren. Glücklicherweise konnte die ursprüngliche Idee dann ausgeführt werden: Die Ausstellung „PE“ wurde in dem Kraftwerk der ehemaligen Textilfabrik „Rote Fahne“/„Krasnoe Znamja“ gezeigt und dabei auch dem offiziellen Teil des Petersburger Dialog zugänglich gemacht. Der Besitzer, der sich engagiert um den Erhalt des Gebäudes bemüht, hat den Workshop aufgrund der seit Beginn seines Projekts bestehenden, gemeinsamen Erfahrungen sehr offen und gastfreundschaftlich unterstützt.

Es ist interessanterweise festzustellen, dass gerade das couragierte Vorgehen, ein erfahrenes und gut konzipiertes Setting, die große Aufmerksamkeit und Konzentration der Lehrenden und ein gewisser Idealismus in der Sache angesichts der realen und schwierigen Situation vor Ort zu dem angestrebten, intensiven Ergebnis geführt haben. Ruppige lokale Handicaps, Sprachbarrieren, die Kürze der Zeit, die Schwierigkeit der Zugänglichkeit vor Ort, die mangelnde Bereitstellung vorhandener Dokumentation, die lokalen positiven wie negativen „Überraschungen“ beim Durchstreifen der Stadt und der Bauten, die Unmittelbarkeit der Erfahrungen, das Authentische – gerade die besonderen Herausforderungen – haben das Engagement aller Beteiligten auf der Basis einer sehr guten Atmosphäre im Workshop noch gesteigert.

Russland und St. Petersburg: architektonischer Schatz, zeitgenössische Tendenzen

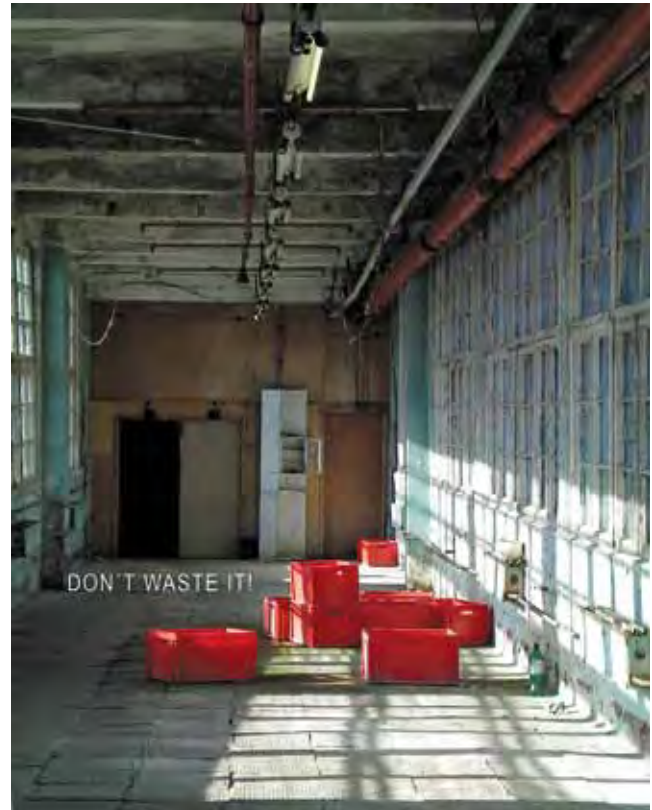
Es ist ein Fakt, dass St. Petersburg die große europäisch geprägte, herrliche, einheitlich in großzügigen Maßstäben gestaltete Stadt ist. Ihre großen Straßen und Plätze geben

einen lichten, weiten Blick frei zum Horizont des nördlichen Himmels. Die kompakte Masse der Gebäude bildet eine Symphonie architektonischer Rhythmen und plastischer sowie farblicher Modulation, die Horizontale der Stadtlandschaft garantiert die unbegrenzte Weite und Großzügigkeit. Höhepunkte überragen das gleichmäßige und ungestörte Höhenniveau der Stadt nur wie Nadeln an wenigen Stellen als vergoldete Türme der Admiralität oder der Peter-und-Paul-Festung. In den Wasserflächen reflektiert das Licht, die Spiegelbilder der Fassaden und die baulichen Proportionen sind kraftvoll und generös. Das Wasser ist ständig präsent, und die Newa ist das große Herz der Stadt. Es ist die große Stadt unter nordischem Himmel mit dem Geschmack und Charakter der europäischen Kultur.

Es ist auch ein Fakt, dass St. Petersburg für viele Jahre eine der größten industriellen Städte war, eine Hafenstadt, eine Stadt mit allen Attributen, dem Geist und den Beispielen einer Modernität. Gut informierte Fachkreise überall in der Welt sind fasziniert von der innovativen Kraft der russischen Avantgarde-Architektur, den theoretischen und den praktischen Potenzialen und Verdiensten an den Entwicklungen der Moderne weltweit. St. Petersburg ist einer der wichtigen Ausgangspunkte mit einem Schatz an herausragenden Gebäuden, die als Weltkulturerbe schützens- und erhaltenswert sind.

Es ist ebenfalls eine Tatsache, dass Bauten der Moderne vielfach nicht erwünscht sind. Sie passen nicht ins neoliberale Bild der hierarchisch strukturierten russischen Gesellschaft von heute. Das Engagement für die Ensembles und die Stilformen des 19. Jahrhundert erfährt hingegen in Russland soviel Zuneigung, dass selbst Neubauten als Retro-Architekturen ungeheuer verbreitet sind. Der Moskauer Triumph-Tower ist nur die Spitze eines Eisbergs, eine billige Kopie der großen Hochhausprojekte, die in der Zeit der Regierung unter Joseph Stalin als propagandistische und architektonische Gegenmodelle zur amerikanischen Hochhauskultur projektiert und gebaut wurden.

Gleichzeitig verfallen die Gebäude der Avantgarde oder werden zerstört, wie im Fall des Planetariums Moskau oder der Hochschule für Textilverarbeitung mit Studentenwohnungen von Ivan Nikolaev. Das Planetarium Moskau (1927–29, Sadovaja-Kudrinskaja Ul. 5, Architekten: M. O. Baršč/M. I. Sinjavskij, Ingenieur: G. A. Zundblat) wurde entsprechend der „Sanierungsplanung“ im Niveau um die entscheidende Höhe von sechs Metern angehoben. Zu diesem Zweck wurde der ganze Bau gründlich entkernt, in einem aufwändigen Verfahren geliftet, in seiner Substanz (buchstäblich) grundlegend verändert. Die Proportionen sind wesentlich entstellt. Die noch intakte Original-Projektoren- und Geräteausstattung wurde entfernt. An einer Sicherung dieser Originale zeigt niemand der Verantwortlichen ein Interesse. Beim Ensemble der Hochschule und des studentischen Wohnens für 2000 Studierende der Textilindustrie (1929–30, Ordžonikidze Ul. 8/9, Architekt I. S. Nikolaev), als Teil eines Programms für 10000 Studentenwohnungen erbaut und noch bis zum Jahr 2000 in allen seinen entwurfsbestimmenden Teilen erhalten, wurde durch mangelnde Unterhaltung, Untervermietung und sukzessiven Abriss vieler wichtiger Bauteile, wie Vordach, Außentreppen, Balkonen, Loggien, Geschossdecken, Fenster und Öffnungen, die Ori-

Slogan zum Exkursionseindruck: „Don't waste it!“ (Lisa Schilling, Bettina Rombach). Foto: Textilfabrik „Rote Fahne“. Слоган о впечатлениях во время экскурсии: „Don't waste it!“ (Беттина Ромбах, Лиза Шиллинг). Фото: фабрика «Красное Знамя».

ginalsubstanz der Oberflächen schrittweise und systematisch zerstört.¹

Russland hat keine Bewerbungs-Liste für die Avantgarde-Bauten, und die Institutionen der UNESCO sind sehr in Sorge wegen dieses Dilemmas.² Die Lethargie in den obersten Reihen der Politik, in der Administration und sogar in den russischen Architekturschulen und Kulturinstitutionen ist evident. Das architektonische Erbe ist in Gefahr, im Sog der gigantischen Investitionen weggespült zu werden. Es gibt eine große Menge Geld auf dem Finanzmarkt, dass gut und sicher investiert sein will. Russland ist gegenwärtig ein sehr reiches Land. Gegen Ende der Regierungszeit von Vladimir Putin als Präsident ist der problematische Anteil von Auslandsverschuldung beglichen. Der Ertrag aus Energie-Rohstoffexporten incl. Steigerungen von Gas- bzw. Ölpreis hat sich in seiner Regierungszeit verzehnfacht. Die Ansammlung riesiger Vermögen und die Generierung staatlicher Budgets würden ein engagiertes Erhalten der Gebäude mühelos ermöglichen.

Denkmal Avantgarde: stetiger Wandel – Chance und Aufgabe

Das Engagement um die Erhaltung der architektonischen Qualitäten der Architektur des 20. Jahrhunderts führte in den letzten Jahren zu sehr guten Ergebnissen überall in der Welt. Zum Beispiel sind sowohl das „Lever-House“ in New York

Studentenentwurf "Natural Mimicry": Aleksandr Leonov, Aleksandr Volkov, Marija Serova (MARChI).

Студенческий проект «Естественная мимикрия»: Александр Леонов, Александр Волков, Мария Серова (Мархи).

als auch die Ikonen der Moderne wie das Bauhaus in Dessau oder die Regierungsbauten in Brasilia außerordentlich professionell behandelt worden und äußerst sorgfältig saniert. Sie stehen der Fachwelt und der Öffentlichkeit als Attraktionen offen. Das Engagement der engagierten Fachkreise für die Moderne weltweit und der Fortschritt im Umgang mit dem Erbe der Moderne führte auch zur Gründung des internationalen Netzwerkes do-co-mo-mo (*documentation and conservation of modern movement buildings and sites*). In Theorie und Praxis ist ein uneingeschränkt verfügbares Erfahrungspotenzial gewachsen. Eine große Anzahl von architektonischen Schätzen des 20. Jahrhunderts ist inzwischen untersucht, Bestrebungen zur Erhaltung sind in Angriff genommen und viele gute Beispiele herausragend saniert worden.

UNESCO-Organisationen haben in den letzten Dekaden den Anteil der Architektur der Moderne im Weltkulturerbe stetig erweitern können. Einige der interessanten Beispiele sind mittlerweile als solches akzeptiert und stehen auf der Welt-Erbe-Liste. Sie wurden eine Attraktion für das kulturelle Leben, ein Schatz für die Wissenschaft, eine wirtschaftliche Erfolgsstory.³

Fazit

In den letzten zwanzig Jahren hat sich ein großer Erfahrungsschatz zum aktuellen Umgang mit den Bauten der Moderne angesammelt. Dieser Erfahrungsreichtum steht für den Austausch zu Verfügung. Er muss nur in Anspruch genommen und professionell angewendet werden.

Der Petersburger Dialog war ein fruchtbarer und sehr repräsentativer Rahmen, um in komprimierter Weise einen internationalen studentischen Workshop-Beitrag mit Analysen und konzeptionellen Ideen zu leisten, mit kreativen Statements sehr konkret und anschaulich auf den Wert der Bauten aufmerksam zumachen und dadurch auf die aktuelle Bedeutung und die Potenziale hinzuweisen. Das zeigte sich auch bei den Begehungen, vor allem im direkten

Kontakt mit den Eigentümern, den Nutzern und auch den Passanten, den zuständigen Autoritäten, den Behörden, der Presse.

In diesem internationalen Workshop entstand die Chance, alle Beteiligten kreativ einzubeziehen, die Aufmerksamkeit für diese Bauten und ihre aktuelle Lage zu erhöhen und die Sensibilität und Kompetenz der Studierenden für das Verständnis und den Umgang damit zu steigern. Sie werden schon in den nächsten Jahren professionell arbeiten und vielleicht die Chance wahrnehmen können, die gewonnenen Erkenntnisse umzusetzen und weiterzuentwickeln.

Mein herzlicher Dank geht an alle beteiligten Studierenden, an die beiden außergewöhnlich engagierten Kollegen Marina Montuori aus Venedig und Nikita Tokarev aus Moskau, an Diana Zitzmann für ihre Mitarbeit als Dozentin mit wichtigen Erkenntnissen aus ihrer Forschungsarbeit, an alle Personen, die den Workshop intensiv unterstützt haben sowie u. a. folgenden Institutionen: Peterburger Dialog 2008, Deutsches Konsulat und Goethe Institut St. Petersburg, Project Russia - Project Baltia, Russische Botschaft in Deutschland, Eremitage St. Petersburg, Stiftung Preußischer Kulturbesitz Berlin, MAPS und do.co.mo.mo.

Architekturschulen – Teilnehmer

- Karlsruhe, University (TH) – K.I.T., Gast-Prof. Alex Dill: Rombach, Bettina; Schilling, Lisa; Hermann, Julia
- Moscow, Institute of Architecture (MARChI), Gast-Prof. Nikita Tokarev: Slonimskij, Leonid; Volkov, Aleksandr; Serova, Maria; Kanterin, Sergej; Bakanova, Elena; Leonov, Aleksandr; Kiatjev, Artem; Zenzipper, Maria
- Brescia, Facoltà di Architettura e Ingegneria, Gast-Prof. Marina Montuori: Avigo, Federica; Ferraglio, Helga; Pasinetti, Claudio; Salini, Giulia; Usardi, Irene
- Staatliche Architektur- und Bau-Universität St. Petersburg (GASU) : Onushkina, Liza; Serdukova, Nadija; Bajenova, Darija; Bondarceva, Darija;

Entwurf "Space in Transition": Artem Kitaev, Sergej Kanterin (MARChI), Iren Usardi, Helga Ferraglio (Brescia).
 «Эволюция пространства»: Артем Китаев, Сергей Кантерин (Мархи), Ирене Усарди, Эльга Ферралье (Брешиа).

– Einführung zur Baugeschichte, Detailinformationen und Dozentin im Workshop: Diana Zitzmann (Moskau und Berlin)

Алекс Дилл: Международный студенческий проектный семинар «РЕ» «Современная архитектура + ревитализация построек авангарда в Санкт-Петербурге»

Статья рассказывает о проектном семинаре, организованном Алексом Диллом в рамках Недели авангарда Петербургского диалога и говорит о проблемах и шансах построек авангарда в России. Авангард в Санкт-Петербурге многими воспринимается как нежеланный, также в северной столице с трудом развивается современная архитектура. При этом дух современности – это важный атрибут этого города и в нем есть много памятников авангарда уровня мирового значения. Но ввиду отсутствующего понимания их культурной ценности существует опасность для памятников быть смытыми бумом строительства. Вместе с тем экономический бум России мог бы предоставить шанс активному сохранению памятников. При этом Россия могла бы воспользоваться богатством накопленного опыта в обращении с авангардом, который был собран в других странах за последние 20 лет. Работа студентов по теме оживления Петербургского авангарда вызвала внимание к ценности и потенциалу этих построек, подчеркнуть необходимость срочного спасения памятников. Целью семинара было пробудить у студен-

тов чувствительность к архитектурному качеству и подлинности, повысить компетенцию в обращении с памятниками авангарда. В проектном семинаре принимали участие студенты-архитекторы из Карлсруэ (Германия), Брешиа (Италия), Москвы и Петербурга, под руководством Алекса Дилла, Марины Монтуори, Никиты Токарева и референта Дианы Цитцманн. Методическая концепция состояла в: а) студентов посредством проведения экскурсий познакомить с ситуацией вокруг памятников, б) найти индивидуальный подход к проекту, выраженный в изображении, слогане и коротком стихотворении, в) разработать идейную концепцию будущего выбранной постройки, г) выставить эту идею сжато и привлекательно на планшете, д) провести выставку и заключительное обсуждение в непосредственном окружении по теме проекта в «Красное знамя».

¹ Exkursionen, Führungen und Vorträge anlässlich der Konferenz Heritage at Risk. ICOMOS: Heritage at Risk. Special Edition 2006. The Soviet Heritage and European Modernism/ Советское наследие и европейский модернизм. Berlin 2007, S. 67 ff.

² Avantgarde und Welterbe. Eine gemeinsame Denkschrift des Deutschen und Russischen Nationalkomitees von ICOMOS und des ICOMOS International Scientific Committee 20th Century Heritage, vorgelegt auf Initiative der Arbeitsgruppe Kultur des Petersburger Dialogs anlässlich der „Aktionswoche Avantgarde“ zum 8. Petersburger Dialog vom 30. September bis 3. Oktober 2008 in St. Petersburg. Berlin/München 2008. – Aleksandr Kudryavtsev (Hg.): 20th Century Preservation of Cultural Heritage, Moscow 2006.

³ <http://worldheritagesite.org/tags/tag22.html>. – Avantgarde und Welterbe [FN 2].

Denkmale der Avantgarde – deutsch-russische Hochschulkooperationen

Anke Zalivako

Die sowjetische Architektur-Avantgarde der 1920–30er Jahre und das deutsche Bauhauserbe zusammen mit anderen Bauten der Klassischen Moderne sind heute ein elementarer Teil unseres gemeinsamen kulturellen Erbes. Es ist damals

Baumaterialien der Moderne. Fundort: Rusakov-Arbeiterklub in Moskau, Foto 2007. Строительные материалы модернизма. Найдено: рабочий клуб Русакова в Москве, фото 2007.

Baufaufnahme der TU Berlin/MGSU Moskau im Rusakov-Arbeiterklub, Foto 2007. Обмеры, исследования ТУ Берлина/МГСУ Москва в рабочем клубе Русакова, фото 2007.

auch als ein Ergebnis eines Wissens- und Künftler austausches im Bauwesen zwischen unseren beiden Ländern entstanden. Zu Beginn der Aktionswoche „Avantgarde“ haben wir uns das bauliche Avantgarde-Erbe St. Petersburgs im Rahmen einer Rundfahrt ansehen können und waren sehr beeindruckt von dem reichen Bestand, aber auch von den mittlerweile zu verzeichnenden Bemühungen um die Bau-erhaltung. Die Aufgabe der Erhaltung zumindest der unter Denkmalschutz stehenden Ikonen aus dieser Zeit obliegt beiden Ländern gleichermaßen. Dieses ist vor allem wegen der Fragilität dieser Architektur, sowohl in ihren Materialien als auch in ihrer architektonischen Komposition, eine besondere Herausforderung. Hierbei kann wiederum ein bilateraler Wissensaustausch für beide Seiten sehr fruchtbar sein.

Zwei Punkte spielen für die Chancen der Avantgarde-Bauten auf Erhaltung, und bei ihren besten Vertretern für die Aufnahme in die Weltkulturerbeliste der UNESCO eine zentrale Rolle:

Kenntnis der Bautechnik als Voraussetzung für sachgemäße Sanierungsvorhaben

Auch heute noch mangelt es oft an einem detaillierten Wissen über die Bautechnik und Materialien der frühen Moderne. Seit ihrer Entstehung waren die Bauweisen der Architektur-Avantgarde stigmatisiert als eine mangelhafte Bautechnik aus schlechten Materialien. So war und ist es teilweise auch heute noch in Europa geblieben. In der Russischen Föderation liegt neben der Kritik an der ästhetischen Erscheinung der Bauten des Konstruktivismus gerade in diesem Vorurteil einer der Haupthinderungsgründe für eine Akzeptanz und angemessene Pflege dieses kleinen, jedoch im internationalen Zusammenhang sehr wertvollen Denkmalsbestands.

Dabei sollte man die Technik vor allem in ihrer Zeit sehen und verstehen, den Bau als in sich funktionierenden Organismus zu begreifen, um daraus jeweils im Einzelfall behutsame und angemessene Sanierungsmaßnahmen zu definieren und zu realisieren. Die Exkursion in St. Petersburg hat gezeigt, dass das Problem vor Ort vor allem in einer über viele Jahrzehnte währenden, mangelnden Bauunterhaltung und leider auch in unangemessenen Sanierungsmethoden, wie dem rücksichtslosen Ersatz originaler Materialien mit neumodischen Baustoffen (beispielsweise Kunststofffenster) liegt. Die fundierte Kenntnis der Bautechnik von damals ist deshalb eine unabdingbare Voraussetzung und das Fundament aller seriösen Restaurierungsbemühungen um die Bauten der Avantgarde. Ich bin deshalb der Deutschen Forschungsgemeinschaft für die Förderung eines *Forschungsprojektes über die Bauten des russischen Konstruktivismus (Moskau 1920–34). Baumaterial, Baukonstruktion, Erhaltung*, das ich seit 2005 an der Technischen Universi-

tät Berlin bearbeite und Ihnen kurz vorstellen möchte, sehr dankbar. Wir haben im Rahmen dieses Projektes über Jahre mit Unterstützung von Beteiligten aus Russland eine ganze Reihe von Informationen über die Bautechnik der russischen Avantgarde zusammengetragen. Aus den vielfältigen Einzelinformationen wurde eine umfangreiche Datenbank mit derzeit ca. 3 000 nach Bauschlagwörtern klassifizierten Bilddatensätzen und vielen weiteren Datensätzen zu den Rubriken „Gebäude“, „Architekten“, „Literatur“ und „Archive“ zusammengestellt. Jedem der 3 000 Bilddatensätze wurden in der Maske neben dem Datensatznamen zwei aus dem Bild erkennliche Schlüsselwörter der insgesamt 320 verschiedenen Bauschlagwörter (Materialien und Konstruktionen mit zugehörigen Definitionen) zugeordnet. So ergibt sich die Möglichkeit verschiedenster Suchanfragen, als deren Ergebnis die betreffenden Datensätze angezeigt werden. Sie können dann nach verschiedenen veränderbaren Kriterien sortiert werden. Auf diese Art und Weise verschaffen wir uns derzeit in Kooperation mit verschiedenen russischen Institutionen, insbesondere der Moskauer Staatlichen Bauuniversität (MGSU) einen Überblick über die verschiedenen Konstruktionen und Materialien – über die Bautechnik – der russischen Avantgarde. Die Bemühungen sind eingebettet in die Erfahrungen an den Objekten vor Ort. Hierbei helfen die Kontakte zu den russischen Hochschulen.

Thematisierung der Architektur-Avantgarde im Rahmen der Hochschullehre

Es ist die Aufgabe der heutigen Generation, das noch vorhandene architektonische Erbe der Avantgarde zu erhalten. Die Hochschulen, die den direkten Zugang zu den nachwachsenden Generationen haben, spielen dabei nicht nur eine besondere Rolle, sondern sie haben auch die besondere Pflicht, Architekten, Restauratoren und Ingenieure auszubilden sowie geeignet auch auf diese Aufgabe vorzubereiten. Dies gelingt in einer globalisierten Welt vermutlich am besten im internationalen Wissensaustausch miteinander.

Die Technische Universität Berlin verbindet seit einigen Jahren eine enge Zusammenarbeit mit dem Moskauer Architekturinstitut (MARChI), die besonders in der im April 2006 in Moskau stattgefundenen Konferenz „*Heritage at Risk. Preservation of 20th Century Architecture and World Heritage*“ zum Ausdruck kam. Hier wurde die Erhaltungssproblematik der Avantgarde erstmals ausführlich beleuchtet und diskutiert.

Mit der Moskauer Staatlichen Universität für Bauwesen MGSU hat die Technische Universität Berlin seit 1969 einen Kooperationsvertrag, der vom Fachgebiet Bau- und Stadtbaugeschichte, Prof. Johannes Cramer, während der Konferenz in Moskau 2006 aktiv wiederbelebt werden konnte. Vonseiten der MGSU wird die Partnerschaft seit vielen Jahren von der Architekturfakultät, Prof. Alexej K. Solovev, ausgefüllt.

Im April 2007 sind wir mit einer Arbeitsgruppe der TU Berlin, bestehend aus zwei Professoren, einer wissenschaftlichen Mitarbeiterin und vier Studenten nach Moskau gefahren, um den Rusakov-Arbeiterklub unter Bauforschungssichtspunkten zu untersuchen. Seitens der MGSU nahmen

Arbeiterklub „Rusakov“, 1927–29, Architekt K. S. Melnikov, Foto 2007.

Рабочий клуб Русакова, 1927–29, архитектор: К. С. Мельников, фото 2007.

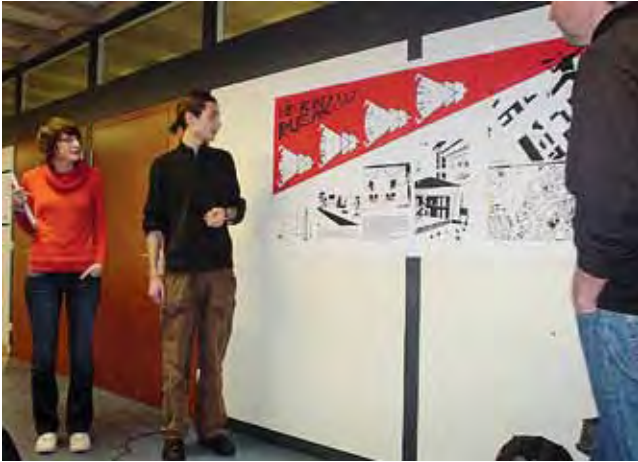

Modell des Entwurfs einer Stadtteilbibliothek, Foto 2007.

Макет проекта городской библиотеки, фото 2007.

unter Leitung von Prof. Solovev und Dr. Ol'ga Tjumeneva vier Architektur- bzw. Denkmalpflegestudenten teil. Eine Exkursion zu anderen exponierten Bauten des Konstruktivismus, zum *Narkomfin*-Haus, zum Mel'nikov- und zum Nikolaev-Haus, aber auch zum *Šabolovka*-Sendeturm und zu weiteren Gebäuden veranschaulichte den Studenten die Situation vor Ort.

Den Rusakov-Klub betreffend wurde der vorgefundene Baubestand mit den historischen Dokumenten abgeglichen und der konkrete Baubestand durch Kartierung und Beobachtung systematisch erfasst. Über vier Tage lang machten sich meist – paritätisch aus beiden Hochschulen – Zweiergruppen mit der Konstruktion des Hauses vertraut und studierten Detailbereiche, wie beispielsweise die Fenster. Die sowjetische Abteilung des Ščusev-Architekturmuseums in Moskau stellte hierfür einige Werkpläne von 1929 – Schnitte und Teilgrundrisse – in digitalisierter Form zur Verfügung. Einblicke in die konkrete Baukonstruktion wurden durch

Entwurf „Radio Rusakov“. Foto 2007.
Проект «Радио Русакова». фото 2007.

bereits vorhandene Bauteilöffnungen erleichtert. Die Studenten stellten fest, dass der Rusakov-Arbeiterklub in überaus vielfältigen und unterschiedlichen Konstruktionen und Materialien realisiert wurde. Er stellt heute so etwas wie eine Enzyklopädie der bautechnischen Möglichkeiten der russischen Avantgarde dar. Tatsache ist aber auch, dass der Bau heute vielfach überformt ist und es weiterer bauhistorischer und restauratorischer Voruntersuchungen bedarf, um ein geeignetes restauratorisches Denkmalpflegekonzept, das der Bedeutung des Gebäudes Rechnung trägt, fundiert zu erarbeiten. Im Sommersemester 2007 wurde das Thema Rusakov-Klub in einem Entwurfsseminar zur Nachnutzung dieses Arbeiterklubs an der TU Berlin weitergeführt. Zunächst mit Kurzreferaten zu verschiedenen Moskauer Gebäuden der Avantgarde, dann konkret auf den Rusakov-Klub bezogen mit einer historischen, städtebaulichen, Tragwerks- und Gebäudeorganisationsanalyse (Erschließung/Konstruktion/Masse/Volumina/Gebäudeorganisation). Es entstanden sechs Entwürfe, von denen zwei durchaus Realisierungspotenzial aufweisen, weil sich die Entwurfsideen sehr gut mit dem Denkmalstatus und der Bedeutung des Gebäudes im internationalen Kontext verbinden lassen. Eine Gruppe schlug die Umnutzung in eine „Stadtteilbibliothek mit modernem Informationsmedienzentrum“¹ vor. Durch minimale Eingriffe im Innern des Gebäudes, wie beispielsweise das Einziehen von Verbindungsstegen und weiterer Ebenen für Büchermagazine im ehemaligen Bühnenturm, ist es den Studenten gelungen, ein plausibles Raumkonzept für die Nachnutzung des ehemaligen Arbeiterklubs zu entwickeln. Von außen soll das Gebäude in seiner bauzeitlichen Erscheinung, auch durch Öffnung der in den 1940er Jahren geschlossenen Fensteröffnungen, restauriert werden. Inspiriert durch die Auseinandersetzung mit der sowjetischen Agitationskunst der 1920er Jahre und die empfundene Assoziation der skulpturalen Form des Gebäudes mit einer Sprechtrübe, hat sich eine andere Gruppe für eine Nachnutzung des Gebäudes als Rundfunkhaus² entschieden. Auch hier bleibt die äußere Kubatur unter Rückbau auf die bauzeitliche Fassadengestaltung erhalten. Den einzigen und geschickten Eingriff bildet der Einbau von ebenfalls schalldichten Aufnahmestudios im Bereich des Bühnenturms. Die Ränge werden zu offenen Arbeitsplätzen umgebaut, die bei Veranstaltungen mittels

flexibler Wände akustisch und optisch vom Studiosaal abtrennbar sind. Ein Rang bleibt als Konferenz- und Vortragsraum erhalten.

Außer dem Bauforschungs- und Entwurfsseminar ist es im September 2008 gelungen, mit denselben Studenten der MGSU aus Moskau eine Woche in Berlin zu verbringen. Auf dem Programm standen Exkursionen zu Berliner Bauten der Moderne, wie dem Einsteinurm und den Arbeitersiedlungen der 1920er Jahre (Bruno Taut), die im Sommer 2008 in die Weltkulturerbeliste der UNESCO eingetragen wurden. Zwei Tage in Dessau mit Übernachtung im ehemaligen Studentenwohnheim des Bauhauses und intensiver Beschäftigung mit den Dessauer Bauhausbauten sowie dem Bauforschungsarchiv, d. h. der Baustoffsammlung der Stiftung Bauhaus Dessau, boten allen Teilnehmern einen guten Einblick in die Materie. Zufälligerweise wurde in den Meisterhäusern gerade eine Ausstellung über den Bauhausmeister Hinnerk Scheper und seine Zeit in Moskau gezeigt, während der er das Innenfarbkonzept für das *Narkomfin*-Kommunehaus erarbeitete. Auch die kleine Avantgarde-Ausstellung in der TU Berlin „Umgang mit den Bauten der Moderne in Russland und Deutschland“ inklusive der Originalbaumaterialien aus dem Bauforschungsarchiv und aus Moskau konnten die Studenten sehen. Eine Studentin der MGSU war anschließend so begeistert von dem Thema, dass sie ihre Diplomarbeit über das *Narkomfin*-Haus in Moskau machen wollte. Leider wurde sie von den Moskauer Lehrkräften in ihrem Vorhaben gebremst, weil man die Aufgabe für zu umfangreich hielt. Ich finde das sehr schade und möchte im Gegenteil dazu ermutigen, solche restauratorischen Aufgabenstellungen an den Hochschulen bearbeiten zu lassen. Denn nur so können in der nächsten Generation Interessierte gefunden werden. Auch wir hatten im vergangenen Sommer ein Diplomprojekt zur Nachnutzung der Petersburger Fabrik „*Krasnyj Gvozdiščik*“, das ebenfalls durchaus realistisch ist. Der Diplomand Maximilian Wetzig ist hier in St. Petersburg sehr dabei unterstützt worden und konnte so eine schöne Arbeit vorstellen. Sie hat im Rahmen der Aktionswoche in einer der Ausstellungen in der Petersburger Akademie der Künste ihren Platz gefunden.

Die Förderung der Kenntnis und des Verständnisses der als Organismus zusammenwirkenden Baustoffe und Konstruktionsweisen der frühen Moderne einerseits und die Heranführung der nächsten Generation an das Thema der Erhaltung der Bauten der Klassischen Moderne, bzw. der Russischen Avantgarde andererseits sind extrem wichtig. In diese Richtung sollten sich die Bemühungen in Zukunft entwickeln.

Анке Заливако: Памятники авангарда – немецко-русское сотрудничество высших школ

Хрупкость деталей и материалов, а также архитектурной композиции зданий авангарда бросают ответственные за охрану памятников. Знание строительной техники и обучение специалистов соединены с между-

Studenten der MGSU und der TUB auf dem Dach des Narkomfin-Hauses in Moskau. Foto 2007.
Студенты ТУ Берлина / МГСУ Москва на крыше Дома Наркомфина в Москве. фото 2007.

народным научным обменом оптом помогут сохранить эти памятники.

В России по сегодняшний день распространено предубеждение, что постройки авангарда будто бы связаны с низким качеством строительства. Часто следствием этого становится недостаточное внимание к памятникам и отсутствие постоянного ухода за ними, замена сохранившихся элементов конструкций и оригинальных материалов новоделом. Хорошее знание строительных материалов, конструкций и техники строительства являются обязательным условием и основа выбора соответствующих мер по сохранению зданий.

Пример нескольких проведенных совместных проектов ТУ Берлина и Московских архитектурных институтов

показывает насколько большой потенциал содержится в международном обмене. Московские и берлинские студенты провели исследование Клуба им. Русакова и предложили разные варианты возможного использования здания. Разработанные впоследствии проекты показали как с минимальным вмешательством в его современное состояние возможно дальнейшее использование здания.

¹ Autoren: cand.arch. Katherina Naam, Katarzyna Gondzik und Nicole Kutzner.

² Autoren: cand.arch. Anton Dighmelashvili und Stephanie Bock

Vom Drahtseilwerk von Jakov Černichov zur Kulturfabrik – Diplomarbeit an der TU Berlin

Maximilian Wetzig

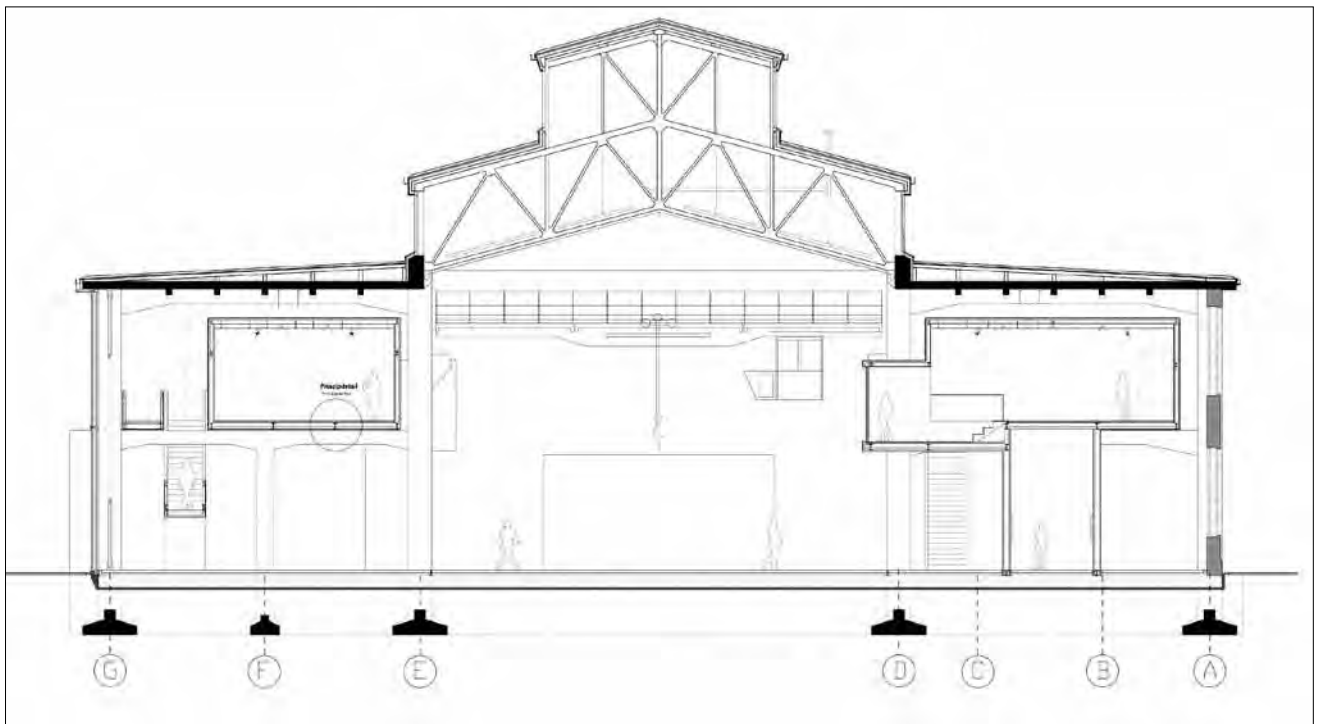

Drahtfabrik „Krasny Gvozdiščik“ („Roter Nagel“) in St. Petersburg.

Завод «Красный Гвоздищик» в Санкт-Петербурге.

Die Diplomarbeit entstand 2008 an der TU Berlin, unter Betreuung von Professor Finn Geipel und Professor Dr. Johannes Cramer. Das ehemalige Stahlwalzwerk „Krasny Gvozdiščik“ liegt im Südwesten der Vasilievskij Insel in St. Petersburg. An der Schnittstelle zwischen klassischer Blockrandbebauung und heterogener Baustruktur der brachliegenden Industriegebiete besitzt dieser beinahe vergessene Stadtbaustein die einmalige Chance, die bisher unzugänglichen Gebiete in eine Stadtlandschaft zu verwandeln

und somit zu einem neuen Identitätspunkt für die weitere Entwicklung der umliegenden Gebiete zu werden. Die Transformation der ehemaligen russischen Drahtseilfabrik „Kanatnyj Cech“ zu einer Mehrzweckhalle für diverse kulturelle Veranstaltungen hat zum Ziel, die Kulturlandschaft von St. Petersburg mit einem Ort für zeitgenössische Kunst, Musik und Events zu bereichern. Ergänzend zu der multifunktionalen Nutzung dieser „Kulturfabrik“ beinhaltet das Nutzungskonzept vier private Galerien und einen Ausstellungsbereich für die architektonischen und graphischen Werke von Jakov Černichov. Antreibende Kraft und das Herz der „Kulturfabrik“ bildet die Kooperation einer Agentur, welche temporäre Veranstaltungen im Mittelschiff organisiert und den privaten Galeristen bzw. der *Foundation ICIF*, welche die kontinuierlichen Ausstellungen in den Seitenschiffen kuratieren. Das Konzept sieht vor, den industriellen Charakter der Halle so weit wie möglich unberührt zu belassen und über die Geschichte des ehemaligen Stahlwalzwerkes zu informieren. Die entscheidende Voraussetzung für die flexible Handhabung der Haupthalle bildet die Reaktivierung der bestehenden Kräne, welche durch ihre horizontale Beweglichkeit die Entwicklung zahlreicher räumlicher Strukturen und Raumzonen ermöglichen. Das neue Lagergebäude am nördlichen Ende der Halle bildet hierfür das funktionale Rückgrat der Mehrzweckhalle und beinhaltet die benötigte technische Ausstattung, wie Wände, Bühnentechnik und Anlieferungsbereich. Die Architektursprache der neuen Ein-

Umnutzungsvorschlag als Kulturfabrik. Hallenquerschnitt

Предложение перепрофилирования в фабрику культуры. Поперечное сечение цеха.

bauten in die ehemalige Drahtseilfabrik ist ihrem Erbauer und Künstler-Architekten Jakov Černichov gewidmet. Inspiriert von seinen graphischen Studien und Visionen greift das Design die verschiedenartigen Formstudien des Schneidens, der Durchdringung und der Verschmelzung geometrischer Körper auf und entwickelt diese weiter zu einer zeitgenössischen Design-Sprache für die neue Nutzung. Die geschlossenen, aneinandergereihten Einzelräume bieten durch künstliche Beleuchtung und Klimatisierung optimale Licht- und Temperaturbedingungen für die fixen Ausstellungen. Immer wieder nimmt der Parcours durch große Schaufenster in den Ausstellungsräumen und seine offenen Stege Kontakt zur Haupthalle bzw. zur Maschinenausstellung auf.¹

*Leerstehende Fabrikhalle
Пустующий цех фабрики.*

Максимилиан Ветциг: От литейной фабрики Якова Черни- хова к культурной фабрике – дипломный проект ТУ Берлин

Дипломный проект Культурная фабрика им. «Якова Чернихова» автор: Максимилиан Ветциг, руководители: Проф. Финн Гейпель, Проф. Йоханнес Крамер / ТУ Берлин 2008 г. Бывшая литейная фабрика «Красный гвоздильщик» расположена на Васильевском острове в Санкт Петербурге. Она предоставляет шанс превратить до сих пор недоступную территорию в городской ландшафт. Предполагается перестройка бывшей фабрики «Канатный Цех» в «культурную фабрику», в мультифункциональный центр для различных культурных мероприятий, для современного искусства, музыки и конференций. Дополнительно в него войдут частные галереи и выставочная часть для архитектурных и гра-

фических произведений Якова Чернихова. В среднем нефе здания планируется проводить временные мероприятия, а в боковых нефах – выставки частных галерей и фонда им. Якова Чернихова (ICIF).

Концепция предусматривает сохранение характера промышленного здания и информацию об истории бывшего сталепрокатного цеха. Дизайн интерьера посвящается Якову Черникову. Реактивация существующих кранов позволяет, благодаря горизонтальной подвижности, разделить различные пространства. Используя искусственное освещение и кондиционирование воздуха, в закрытых помещениях созданы условия для проведения выставок. Через большие проемы и открытые галереи открывается вид из новых частей здания в центральный, старый цеховой зал и на выставку машин.

¹ Mehr zum Projekt siehe: <http://www.kraznygvozdilschik.de>

*Modellsimulation für eine Umnutzung der Fabrikhalle
Моделирование перепрофилирования фабричного цеха.*

Das Erbe der Avantgarde-Architektur – ein Thema für den deutsch-russischen Dialog von heute?

Thomas Flierl

„Haus des Kindes“ und „Haus Berlin“ von Hermann Henselmann, 1952–55. Die Bebauung am Strausberger Platz in Berlin bildete den Auftakt zur Stalinallee, heute Karl-Marx-Allee, und erinnert an die städtebauliche Lösung der Platzbebauung am Kaluga-Tor in Moskau. «Дом ребёнка» и «Дом Берлин» Германа Хензельмана, 1952–55. Застройка на Штраусбергер Platz в Берлине является началом Сталиналлее, сегодня Карл-Маркс-Аллея, и напоминает планировочное решение застройки площади перед Калужскими Воротами в Москве.

Es ist zweifellos ein großes kulturpolitisches Ereignis, dass es gelungen ist, diese Aktionswoche zur Avantgarde-Architektur im Rahmen des Petersburger Dialoges zu organisieren. Allen hieran Beteiligten sei dafür gedankt. Doch sollten wir uns auch fragen, wie es nun weitergehen sollte.

Wie kann es in den nächsten Jahren gelingen, die gemeinsame Erforschung der Architektur- und Kulturgeschichte der Avantgarde-Bewegungen zu vertiefen? Wie können wir insbesondere auch die Aufmerksamkeit und Wertschätzung in der breiten Öffentlichkeit für diesen Teil des kulturellen Erbes verstärken? Was wissen wir eigentlich über die Geschichte der Ablehnung und der systematischen Verdrängung der historischen Avantgarde-Bewegungen in unseren Ländern? Und schließlich, wie kann es gelingen, ein gesellschaftliches Bündnis für den konkreten und effektiven Erhalt sowie die Revitalisierung der wichtigsten Baudenkmäler dieser Epoche zu schaffen? Wer sind die Akteure und damit unsere Partner für eine solche Initiative? Bevor jedoch über konkrete Schritte nachgedacht werden soll, möchte ich kurz einige Gründe nennen, warum die Avantgarde-Architektur weiterhin Gegenstand des deutsch-russischen Kulturaustausches sein sollte, ein ja für sich genommen retrospektives, abgeschlossenes Kapitel der Kunst-, Kultur- und Gesellschaftsgeschichte? Ich sehe folgende fünf Gründe:

1. Die europäische Dimension

Die avantgardistischen Architekturströmungen der 20er und 30er Jahre in Deutschland und in Sowjetrußland demonstrieren auf einzigartige Weise die kulturelle Verflechtung unserer Länder zwischen dem Ersten und Zweiten Welt-

krieg. Die Avantgarde-Architektur war Teil der sozialen, kulturellen und technologischen Modernisierungsstrategien im ersten Drittel des 20. Jahrhunderts. Ich möchte hier insbesondere die europäische Dimension herausheben: Die sowjetische Avantgarde hat die Architekturentwicklung im europäischen Kontext reflektiert und stark auf Europa zurückgestrahlt, weniger übrigens auf Amerika, obwohl sich Sowjetrußland stark an den USA orientiert hat.

2. Avantgarde als historische Ressource

Die Moderne in Deutschland und mit ihr auch die Avantgarde-Bewegung haben den Nationalsozialismus nicht verhindern können. Doch ihre kulturelle und soziale Botschaft erschöpft sich darin gerade nicht. Auch die kulturelle Bedeutung der sowjetischen Architektur-Avantgarde, die ohne den Sozialismus nicht existiert hätte, hat sich mit dem Scheitern des Staatssozialismus sowjetischer Prägung keineswegs erledigt. Die sowjetische Avantgarde-Kultur war nicht nur Inspirator und radikaler Protagonist, sondern ist genuiner Bestandteil der klassischen internationalen Moderne geworden. Ihr weltumspannender Utopismus wird auch zukünftig Architektur und Gesellschaft herausfordern – ästhetisch von der Gestaltung und sozial vom Gebrauch her. So wie Bauhaus und Neues Bauen in Deutschland heute die besten Seiten der Weimarer Republik verkörpern, so ist die sowjetische Avantgarde eine andauernde kulturelle Ressource aus der Zeit der frühen Sowjetunion.

3. Die nichttotalitäre Tendenz

Unabhängig davon, dass sich die Avantgarde-Bewegungen in Deutschland stärker sozial-reformerisch und in Sowjetrußland stärker sozial-revolutionär ausgeprägt haben, kann man konstatieren, dass die Avantgarde-Bewegungen in Deutschland und Sowjetrußland gleichermaßen von den sich in den 30er Jahren in beiden Ländern herausbildenden autoritären und totalitären Strukturen zurückgedrängt, bekämpft und verfolgt worden. Die Avantgarde-Architektur war dem Wesen nach nichttotalitär.

Obleich die Avantgardisten selbst nicht frei waren von Dogmatismus, Formalismus und manchem Opportunismus, stehen sie tendenziell für egalitäre, libertäre und gegenständlich entlastete Lösungen, wenig oder gar nicht für sozial-exklusive, hierarchische und dinglich erdrückende Gestaltungen.

Das Scheitern der Avantgardebewegungen in Deutschland und Sowjetrußland, die ernüchternde Dominanz der Tradition, verweist somit direkt auf die kulturellen und gesellschaftspolitischen Grundkonflikte des 20. Jahrhunderts.

Die September-Ausgabe 1930 der Zeitschrift das „Das neue Frankfurt“ widmete sich dem Beitrag deutscher Architekten und Planer beim Aufbau der Sowjetunion.

Сентябрьский выпуск журнала «Дас нойе Франкфурт» (Новый Франкфурт) 1930 года, посвящённый вкладу немецких архитекторов и конструкторов в строительство в Советском Союзе.

4. Die heutige Aneignung der Avantgarde-Architektur wird eine kritische sein müssen.

Das, was die russischen Kollegen „Post-Avantgardismus“ nennen, markiert diese Korrekturbewegung der späten 30er Jahre, die überall auf der Welt zu beobachten war, aber dann von autoritären und traditionellen Formen der Moderne, ja von gegenmodernen Gestaltungen abgelöst wurde. Bevor die Avantgarde sich selbst kritisieren konnte, wurde sie abge-

schaft. Erst später wurde mit dem Wiederaufbau nach dem Zweiten Weltkrieg und der Industrialisierung des Bauwesens wieder an die klassische Moderne und die Avantgarde-Bewegung angeknüpft. Nach *International Style*, Spät- und Postmoderne fragt sich, worin heute die Avantgarde-Architektur besteht und welchen Bezug sie zur inzwischen klassischen Avantgarde des 1. Drittels des 20. Jahrhunderts einnimmt.

Architektur hat immer die Grundfragen nach Haus und Landschaft, Siedlung und Stadt, Funktion und Ornament, In-

Hinnerk Scheper, Meister am Bauhaus in Dessau und nach 1945 Denkmalpfleger in Berlin, war um 1930 in Moskau als Architekt und Berater tätig.

Хиннерк Шепер, «мастер» на школе Баухаус в Дессау, после 1945 года специалист по охране памятников в Берлине, работал примерно в 1930 году в Москве архитектором и советником.

dividualität der Gestaltung und Wohlfahrt für alle, Aufwand und Nutzen, Tradition und Erneuerung zu beantworten. Gerade deshalb brauchen wir die Avantgarde-Architektur, weil sie in den 20er und 30er Jahren neue und radikale Lösungen dieses Problems anbot. Lösungen, die man heute nicht kopieren wird, aber die man kennen muss, um eigene neue Lösungen entwickeln zu können.

5. Der evolutionäre Aspekt

Das Weltkulturerbe ist durchaus analog der Biodiversität unserer Erde zu denken. Jedes aussterbende Exemplar einer Gattung verringert universelle Entwicklungsmöglichkeiten. Bei der kulturellen Evolution des Gebauten genügt kein genetischer Code, kein Bauplan oder ein Modell im Archiv oder die Computersimulation. Architektur vererbt sich kulturell nur durch ihre Existenz in Gegenstand und Raum, durch ihren sozialen Gebrauch. Denkmalpflege ist daher auch Überlebenshilfe für gefährdete Exemplare der Weltkultur und Sicherung kultureller Innovation für heute und morgen.

Die Avantgarde-Architektur kennzeichnete ein überschießender sozialer und formaler Utopismus. Indem sie das Verhältnis von Kunst und Leben, von Gestalt- und Verhältnissei-

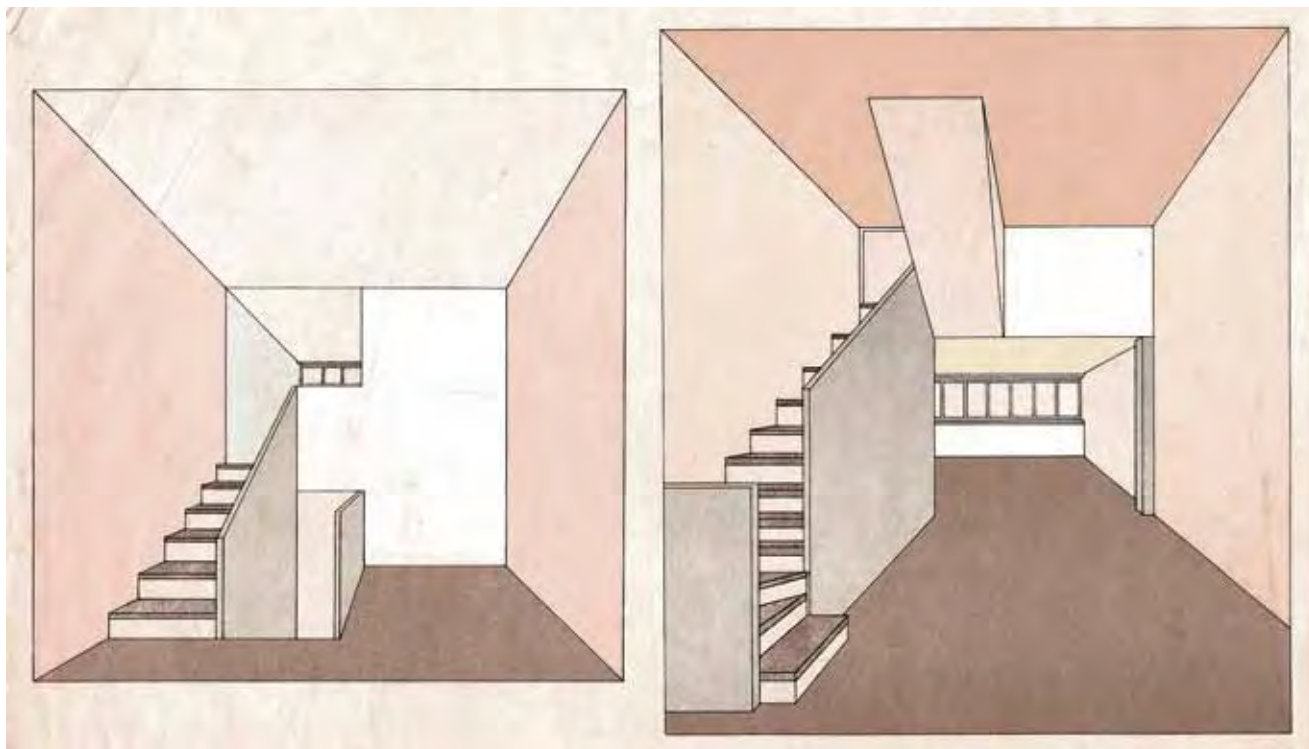
genschaften der Dinge, von Gegenstand und Raum erstmals radikal thematisierte, machte sie die Grundmechanismen kultureller Evolution sichtbar, selbst wenn sie sie ignoriert. Die klassischen Avantgarde-Bewegungen bleiben daher notwendig ein Bezugspunkt der ästhetischen Kultur moderner Gesellschaften. War es damals vor allem die soziale Dimension, die in den Mittelpunkt gerückt wurde, kommt heute die ökologische hinzu. Die Reduzierung der Avantgarde-Architektur auf eine Stilentwicklung wird dem allerdings nicht gerecht.

Was könnten geeignete Initiativen für die Zukunft sein?

Neben dem bereits von Prof. Haspel angesprochenen Projekt einer großen gemeinsamen Ausstellung zur Avantgarde-Architektur der 20er und 30er in der Sowjetunion und Deutschland sehe ich vor allem die Aufgabe, den Kreis der Kunsthistoriker und der für die Denkmalpflege Zuständigen weit zu öffnen: hin zu Persönlichkeiten des öffentlichen Lebens, die sich für das Anliegen der Denkmalpflege der Avantgarde-Architektur aus kultureller Verantwortung verbunden fühlen und die öffentliche Meinung positiv beeinflussen können – hin zu den Eigentümern der Denkmäler, die bisher noch zu selten den kulturellen Wert ihrer Objekte zu nutzen wissen – vor allem hin zur jungen Generation, für die die Vergangenheit selbstverständlich vergangen ist und die sich unvoreingenommen für ihre Vorgeschichte interessiert – die Öffnung hin zu lokalen Initiativen, nichtstaatlichen Organisationen und Einzelpersonen – hin zu alternativen oder ergänzenden Stadtführungen und Stadtplänen der Avantgarde-Architektur.

Wir benötigen eine Verstetigung der bestehenden interkommunalen und interregionalen Kooperationen. Hierzu könnte ich mir vorstellen, dass wir mit dem Goethe-Institut in Russland und Deutschland sowie mit den Stiftungen für politische Bildung der Parteien im Bundestag sprechen, solche Denkmaldialoge zur Avantgarde-Architektur und eine *Best Practice*-Sammlung zu unterstützen. Gut wäre es, für diese möglichst regionale und projektbezogene Zusammenarbeit auch die Unterstützung von Wirtschaftsunternehmen zu gewinnen, die am deutsch-russischen Austausch strategisch interessiert sind.

Ich wünschte mir weiterhin, dass für die beiden großen Leitprojekte, das *Narkomfin*-Gebäude in Moskau im Rahmen der Städtepartnerschaft Berlin – Moskau, und ebenso für die Petersburger Fabrik „Rote Fahne“ eine konkrete Kooperationsvereinbarung zwischen den Denkmalbehörden von Moskau bzw. Petersburg und Berlin vereinbart wird. Für die Schaffung gesellschaftlicher Bündnisse für konkrete Denkmalprojekte haben wir insofern eine neue und aussichtsreichere Situation als bisher, weil wir in Russland neuerdings private Eigentümer vorfinden, die sich selbst für die denkmalgerechte Sanierung und Nutzung ihrer Denkmalobjekte engagieren. Die Denkmaleigenschaft eines Gebäudes erscheint nicht länger als Grenze ihrer wirtschaftlichen Verwertung, sondern als kulturelles Kapital, das es zu erschließen gilt. Die Kabakov-Retrospektive in der Mel'nikov-Garage in Moskau ist zweifellos ein Meilenstein für eine veränderte gesellschaftliche Öffentlichkeit.

*Innenraumentwürfe von Hinnerk Scheper für die Farbgestaltung des Narkomfin-Hauses von Moisej Ginzburg in Moskau.
Эскизы цветового решения внутренних помещений Хиннерка Шепера для дома Наркомфина в Москве
Моисея Гинзбурга.*

Wir brauchen gerade solche Grenzüberschreitungen zwischen den Bereichen, solche gekoppelten Öffentlichkeiten, dann wird die öffentliche Aufmerksamkeit jene kritische Masse erreichen, es erleichtert, den Objekten selbst zu helfen. Wir müssen aus der Geste der Anklage und des Vorwurfs anderen gegenüber zur einladenden Aktion kommen. Viele Menschen sagen, die Avantgarde-Objekte seien nicht schön, schaffen wir Bedingungen, dass sie sich die Avantgarde, wie man im Deutschen sagt, schönsehen!

Томас Флиерль: Архитектура авангарда – тема сегодняшнего немецко-русского диалога?

Для сохранения архитектуры авангарда темой Петербургского диалога можно назвать пять причин. 1) Архитектура авангарда – это уникальное доказательство культурного единomyслия и взаимного влияния европейских стран, включая Россию в период между двумя мировыми войнами. 2) Архитектура авангарда содержит культурное и социальное послание, которое и после периода социализма имеет общественное значение. 3) Поражение архитектуры авангарда относительно сталинского ампира указывает на поражение эгалитарных

решений против тоталитарных, что является одним из основных конфликтов XX века. 4) Критическое освоение архитектурных и социальных предложений архитектуры авангарда имеет значение для развития новых идей в настоящее время. 5) Архитектура передается через свою пространственную и социальную узнаваемость. Авангард – очень важный шаг в культурной эволюции и необходимая отправная точка для развития эстетической культуры современного общества.

Главная задача будущих инициатив в области изучения авангарда и истории его восприятия, развития к нему внимания и оживление памятников должна состоять в создании общественных союзов, открытии и расширении круга лиц, заинтересованных судьбой авангарда и занимающихся охраной памятников. Имело бы смысл приобщить к этому общественных деятелей, собственников зданий-памятников, молодое поколение, а также местные инициативы и негосударственные организации. Была бы уместной поддержка предпринимателей, Гете-института и немецких политических организаций. Недавно появившийся интерес к зданиям авангарда в кругу частных собственников в России – хорошая предпосылка для создания таких общественных союзов. Для таких шедевров архитектуры авангарда как здания Наркомфина и фабрики «Красное знамя» было бы крайне желательным сотрудничество между организациями по охране памятников в Берлине, Санкт-Петербурге и Москве.

ВОПЛОЩЕННАЯ УТОПИЯ НОВАЯ АРХИТЕКТУРА 1920-х РОССИЯ — ГЕРМАНИЯ 30 СЕНТЯБРЯ — 26 ОКТЯБРЯ 2008

СОПРОВОДИТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА
ПОДИУМНАЯ ДИСКУССИЯ И КИНОВЕЧЕР

3 октября, 17.00
Наследие авангардного,
социалистического, советского?
Архитектура 20-х годов
России и Германии —
между эстетикой и политикой

ВСТРЕЧИ НА ЭКСПОЗИЦИИ
4 октября, 16.00

Эрих Мендельсон в России и Петербурге
Регина Шефф, куратор выставки
«Эрих Мендельсон — динамика и функция» (Берлин)

11 октября, 16.00

Современная архитектура в традиционном городе
Иван Саблин, Российский институт истории искусства,
научный сотрудник (Санкт-Петербург)

ВСТРЕЧИ НА ЭКСПОЗИЦИИ
18 октября, 16.00

Никольский и Малевич. Работа над формой
Дмитрий Козлов, искусствовед (Санкт-Петербург)

25 октября, 16.00

Архитектура и цвет. XX век. Россия и Европа
Иван Ченот, Смольный институт свободных
искусств и наук, искусствовед (Санкт-Петербург)

**Научно-исследовательский музей
Российской Академии художеств**
Университетская набережная, 17

AUSSTELLUNG–FILM–DISKUSSION
ВЫСТАВКА–ФИЛЬМ–ДИСКУССИЯ

Eröffnung der Ausstellungsreihe „Verwirklichte Utopie. Die neue Architektur der 1920er Jahre in Russland und Deutschland“, Museum der Russischen Kunstakademie St. Petersburg, am 29. September 2008

Ralf Eppeneder

Die junge Sowjetrepublik öffnete sich in den 20er Jahren des vergangenen Jahrhunderts der europäischen Avantgarde und begann in vielen Bereichen, und eben auch in Kunst und Architektur dem Leitbild des Neuen Menschen, der neuen Gesellschaft zu folgen. Diese Spuren aufzuzeigen, hat sich die Aktionswoche „Russische Avantgarde in St. Petersburg“ zum Ziel gesetzt. Das Goethe-Institut fasst als ein Element dieser Aktionswoche unter dem Titel „*Verwirklichte Utopie. Neue Architektur der 20er Jahre. Russland – Deutschland*“ vier Ausstellungen zusammen, die sich dem Thema der Avantgarde-Architektur widmen.

Im Mittelpunkt steht die Werkschau „*Erich Mendelsohn – Dynamik und Funktion*“. Die gestrige Rundfahrt zu Architekturbeispielen der Avantgarde in St. Petersburg endete in der Textilfabrik „Rote Fahne“, die in Teilen nach den Entwürfen Mendelsohns erbaut wurde. Ich darf mich bedanken beim Institut für Auslandsbeziehungen, Stuttgart, für die Bereitstellung der wunderbaren Ausstellung, bei der Kuratorin, Frau Regina Stephan, insbesondere bei Frau Pfeiffer, die die Ausstellung in den vergangenen Tagen aufgebaut hat.

Die beiden Ausstellungen des Deutschen Werkbundes Berlin bzw. der Senatsverwaltung für Stadtentwicklung Berlin

„*Wohnen im Welterbe*“ und „*Bruno Taut – Meister des farbigen Bauens in Berlin*“ zeigen am Beispiel von sechs Wohnsiedlungen, die zwischen 1913 und 1934 entstanden, wie in Deutschland die Avantgarde aus Kunst und Architektur auf das Konzept einer neuen Gesellschaft antwortete. Beide Ausstellungen waren verbunden mit dem Antrag Berlins, die Siedlungen in die Welterbeliste der UNESCO aufzunehmen, was vor wenigen Wochen erfolgte. Ich freue mich sehr, mit Professor Haspel und Herrn Brenne zwei prominente Agenten dieses Bestrebens heute Abend begrüßen zu können.

Die vierte Ausstellung „*Vom Experiment zur Praxis – Leningrader Konstruktivismus*“ ergänzt die Beispiele deutscher Avantgarde-Architektur. Wir haben sofort zugestimmt, als die Kustodin der Architektursammlung des Wissenschaftlichen Museums der russischen Akademie der Künste, Frau Ekaterina Savina, den Vorschlag machte, *Modelle des Leningrader Architekten Aleksandr Nikol'skij* in die Ausstellungen zu integrieren. Einmal öffentlich gezeigt, 1927 in Moskau,

werden sie heute nach 80 Jahren dem Publikum wieder zugänglich gemacht.

Ich bedanke mich bei der Petersburger Akademie der Künste für die Zusammenarbeit und die Bereitstellung der Räumlichkeiten, bei deren Rektor, Herrn Albert Čarkin, dem Direktor des Wissenschaftlichen Museums Akademie der Künste, Herrn Jurij Chvatov, sowie bei Frau Elena Tjutrina, Leiterin der Ausstellungsabteilung des Museums. Bitte erlauben Sie mir, zum Abschluss noch einige Personen besonders heraus zu stellen, die sich mit viel professioneller und persönlicher Leidenschaft für die Aktionswoche und die Ausstellungen engagiert haben: An erster Stelle danke ich Professor Menghin für die vielen Gespräche, Telefonate und Emails, mit denen er unermüdlich die Dinge am Laufen hielt. Mein Dank geht an Sergej Fofanov und Ivan Sablin für ihre wertvollen kunstwissenschaftlichen Beiträge in der Vorbereitung und Umsetzung der Ausstellungsvorhaben. Das Design der Ausstellungsräume wurde kongenial von „Loft Projekt Etaži“ gestaltet. Aber nicht zuletzt bedanke ich mich bei meinem Goethe-Team, das unter der kompetenten Führung von Jana Soboleva die Organisation der vier Ausstellungen bravourös bewältigt hat.

Ральф Эппенедер: Открытие выставочного проекта «Воплощенная утопия. Новая архитектура 1920-х. Россия – Германия»

Немецкий культурный центр им. Гёте показывает каждую неделю авангарда четыре выставки под названием

«Воплощенная утопия. Новая архитектура 1920-х. Россия – Германия»:

- монографическая выставка «Эрих Мендельсон – динамика и функция» Института связей с зарубежными странами (ifa), куратор Регина Штефан,
- выставка некоммерческого общества Немецкий Веркбунд, Берлин «Бруно Таут – мастер красочного строительства в Берлине»,
- выставка Управления Сената Берлина по вопросам развития города «Жизнь в памятниках мирового наследия – шесть жилых районов-памятников модернизма в Берлине» и
- выставка «От эксперимента к практике – Ленинградский конструктивизм», организованная Гёте-институтом совместно с Научно-исследовательским музеем Российской Академии художеств, дополненная оригинальными макетами архитектора Александра Никольского.

Благодарность ректору Академии художеств Альберту Чаркину, директору научного музея Юрию Хватову и начальнику экспозиционно-выставочного отдела Елене Тюриной за совместную работу и для предоставления залов для выставки. Также благодарность всем тем, кто с большим профессиональным и личным увлечением принимал участие в неделе авангарда, а именно господину Менгину, который вел подготовительную работу, Сергею Фофанову и Ивану Саблину за сопроводительную работу, «Лофт Проект Этажи» за дизайн выставок и не в последнюю очередь команду организаторов Гёте-института под руководством Яны Соболевой.

Grußwort zur Ausstellungsreihe „Verwirklichte Utopie. Die neue Architektur der 1920er Jahre in Russland und Deutschland“, Museum der Russischen Kunstakademie St. Petersburg, am 29. September 2008

Jörg Haspel

Die Sammelausstellung, die wir heute Abend in der Russischen Kunstakademie St. Petersburg am Vorabend des 8. Petersburger Dialogs eröffnen dürfen, verdanken wir der Diskussion um das Welterbe in St. Petersburg und Berlin. Es war Michail Piotrovskij, der Direktor der Eremitage St. Petersburg, der mit Klaus-Dieter Lehmann, dem deutschen Vorsitzenden der AG Kultur des Petersburger Dialogs, zu ei-

sen Bauwerken innewohnt, die außergewöhnliche künstlerische Qualität und die historische Authentizität dieser international bekannten Monumente der Moderne. Einen starken Eindruck hinterließ aber auch der mitunter Besorgnis erregende Zustand dieser sanierungsbedürftigen Meisterwerke der internationalen Avantgarde auf russischem Boden. So entstand erst vor wenigen Monaten auf einer Welterbeta-

Handskizze von Erich Mendelsohn für die Textilfabrik „Rote Fahne“ Leningrad, Zeichnung 1925.

Набросок Эриха Мендельсона ткацкой фабрики «Красное знамя» в Ленинграде, рисунок 1925.

nem vergleichenden Expertengespräch über die Zukunft der beiden historischen Zentren, der Altstadt von St. Petersburg mit der Eremitage und der historischen Mitte von Berlin mit der Museumsinsel sowie über die Zukunft der Schlösser und Gärten um St. Petersburg und in Potsdam und Berlin eingeladen hatte – und im Anschluss zu einem spontanen Round Table über das Erbe des 20. Jahrhunderts, also über die Denkmale der Avantgarde und der Post-Avantgarde in den beiden Großstädten.

Und es war Vera Dementieva, die Vorsitzende des Denkmalschutzkomitees St. Petersburg (KGIOP), die Gästen nicht nur eine Stadtrundfahrt zu den bekannten Sehenswürdigkeiten, sondern auch eine Spezialführung zu ausgesuchten Denkmälern des Konstruktivismus in St. Petersburg angeboten hatte.

Der Eindruck der Besichtigungen, der Besuch der Kabelfabrik „Roter Nagel“ von Jakov Černichov, oder der Textilfabrik „Rote Fahne“ von Erich Mendelsohn, war überwältigend. Imposant war die innovative Kraft, die die-

gung über das 18. und 19. Jahrhundert in St. Petersburg und Berlin das Projekt einer „Aktionswoche Avantgarde-Architektur“ als Rahmenprogramm des Petersburger Dialogs 2008, die wir mit der heutigen Ausstellung förmlich eröffnen dürfen.

Die vierteilige Ausstellung selbst und zahlreiche Beiträge, die das Denkmalschutzkomitee St. Petersburg (KGIOP) und die Mitarbeiter des Goethe-Institut St. Petersburg unter der Leitung von Ralf Eppeneder in Zusammenarbeit mit unseren Gastgebern, dem Museum der Kunstakademie am Newa-Ufer und dem PRO-ARTE-Institut auf der Peter-und-Paul-Festung, in kürzester Zeit zusammengestellt haben, zeigen, dass der Vorschlag auf einen fruchtbaren Boden gefallen ist. Die Initiative von Frau Dementieva (KGIOP), der Staatlichen Eremitage St. Petersburg und der Staatlichen Museen zu Berlin/Stiftung Preußischer Kulturbesitz, hat eine kaum erwartete Produktivität freigesetzt und bietet ein höchst aktuelles Erbethema für den morgen beginnenden deutsch-russischen Dialog.

Bruno Taut, Erich Mendelsohn und das Neue Bauen

Das „Neue Bauen“, so heißt im Deutschen ein Sammelbegriff, der die avantgardistischen und modernen Bestrebungen der Architektur der Zwischenkriegszeit ebenso umfasst wie die Architektur des Konstruktivismus oder des Funktionalismus. Das „Neue Bauen“, in dieser Bezeichnung schwingt die Aufbruchsstimmung mit, die von den revolutionären Ereignissen der russischen Oktoberrevolution (1917) und der deutschen Novemberrevolution (1918) auf Künstler und Intellektuelle, auf Baukünstler und Stadtbaukünstler, auf Architekten und Stadtplaner ausging. Das „Neue Bauen“, das war auch ein Credo, ein Glaubensbekenntnis von Künstlern und Baukünstlern in eine neue Ästhetik und in die gestaltende Kraft der Architektur zum Bau einer Neuen Welt. Die Vision vom „Neuen Bauen“ trug utopische Züge und schloss die große Hoffnung der revolutionären Aufbruchsjahre mit ein, durch Kunst, durch Baukunst und durch Stadtbaukunst am Bau einer neuen und besseren Gesellschaft, ja zur Schaffung eines neuen und besseren Menschen beizutragen. Die Ausstellungen, die wir heute in der Russischen Kunstakademie zur Architektur der Avantgarde und des Konstruktivismus eröffnen, ist einem Kapitel der jüngeren russisch-deutschen Vergangenheit gewidmet und zugleich einem gemeinsamen Anliegen, das nie veralten dürfte, nämlich dem ewig jungen Menschheits Traum von einer besseren Welt und gerechteren Welt.

Im Mittelpunkt stehen zwei Protagonisten des Neuen Bauens, zwei Avantgarde-Architekten (als die sie sich vielleicht nicht bezeichnet hätten), die aus Deutschland stammen und deren Berufs- und Lebensweg sie verschiedentlich nach Russland und in die ehemalige Sowjetunion führte. Bruno Taut und Erich Mendelsohn zählten nach 1918 zu den Hauptexponenten der Modernen Bewegung in Deutschland – und sie verkörpern zugleich zwei unterschiedliche künstlerische Charaktere und verschiedenartige Facetten des Neuen Bauens.

Beide hat ihr Studium schon vor dem ersten Weltkrieg nach Berlin geführt, und beide konnten sich nach ihren Lehr- und Wanderjahren und den Revolutionsereignissen 1918/19 mit einem eigenen Architekturbüro in der Hauptstadt der Weimarer Republik etablieren. Beide entstammen der expressionistischen Aufbruchsstimmung der Kriegs- und Revolutionsjahre, und beide haben nach der Novemberrevolution in Wort und Bild mit visionären Projekten im Arbeitsrat für Kunst und in der Gläsernen Kette für Aufsehen gesorgt. Beide fanden sich Jahre später als Mitglieder in der fortschrittlichen Architektenvereinigung Der Ring zusammen, vereint mit Walter Gropius, Hans Scharoun und anderen in der Abwehr einer konservativen architekturpolitischen Wende in Berlin und Deutschland. Die Großsiedlung Siemensstadt, die seit Juli 2008 als Welterbe bei der UNESCO verzeichnet ist und in dieser Ausstellung gezeigt wird, hieß auch „Ring-Siedlung“, benannt nach den beteiligten Architekten, die der gleichnamigen Vereinigung entstammten und uns mit der Großsiedlung sozusagen als Kollektiv ein programmatisches Gesamtkunstwerk des Neuen Bauens hinterließen. Beide Architekten, Taut wie Mendelsohn (und mit ihnen viele andere jüdische und fortschrittliche Baumeister), verloren unter den Nationalsozialisten ihr Büro und Haus in

Berlin und mussten im Dritten Reich schon früh mit ihrer Familie auf einer jahrelangen Odyssee durch die halbe Welt Zuflucht im Exil suchen, wo Bruno Taut 1938 in der Türkei verstarb und Erich Mendelsohn bis zu seinem Tod 1953 in den USA lebte.

Bruno Taut, Erich Mendelsohn und Sowjet-Russland

Leben und Werk der beiden Berliner Architekten Taut und Mendelsohn war über viele Jahre hinweg eng verbunden mit den Architektur- und Städtebauereignissen in Russland und der jungen Sowjetunion, an deren Entwicklung sie mit kritischer Faszination teilhatten.

Erich Mendelsohn öffnete dem deutschen Publikum mit seinem Buch *„Russland, Europa, Amerika – ein architektonischer Querschnitt“* die Augen für bahnbrechende Entwicklungen im Osten wie im Westen. Und mit seiner Textilfabrik *„Krasnoe Znamja“*, vor allem mit seinem Flaggschiff der Kraftzentrale, die dem gesamten Komplex städtebaulich wirkungsvoll voransteht, hat er eine Art Ikone der modernen Industriearchitektur und der internationalen Avantgarde-Architektur in St. Petersburg hinterlassen.

„*Das Licht kommt aus dem Osten*“, formulierte Bruno Taut in den Revolutionsmonaten, und er zählte später zu den Mitbegründern der Gesellschaft der Freunde des neuen Russland. Er sah in der Sowjetunion eine moderne sozialistische Kultur und Architektur im Entstehen begriffen. Und er kam umgekehrt auch in Moskau zunächst gut an – von dem sowjetischen Volkskommissar für Bildung und Kultur Lunačarskij, stammt der Ausspruch über die Berliner Hufeisensiedlung: „*Das ist*“, so postulierte er nach seinem Berlinbesuch 1926, *„gebauter Sozialismus“*. Auch die Hufeisensiedlung, vielleicht das bekannteste Werk von Bruno Taut, steht seit Sommer 2008 auf der UNESCO-Welterbeliste und ist in dieser Ausstellung vertreten.

Bei beiden Baukünstlern setzte freilich spätestens im Laufe der praktischen Tätigkeit als Architekten in der Sowjetunion eine gewisse Ernüchterung ein, bei Mendelsohn früher, bei Taut später. Die Sowjetunion, das *„Land der unbegrenzten architektonischen Möglichkeiten“*, hatte spätestens in den Stalinjahren eine Art künstlerischer und später auch bedrohlicher politischer Verkrustung erfahren.

Sammelbild der Welterbesiedlungen der Berliner Moderne. Коллаж: Всемирное наследие – жилые массивы берлинского модернизма.

Porträt Bruno Taut, 1935
 Портрет Бруно Таута, 1935

Der Idealismus der in Russland engagierten deutschen Baukünstler wich einer wachsenden Skepsis, zuletzt auch der Sorge um die im Land verbliebenen Kollegen. Taut flüchtete 1933 über die Sowjetunion, aber auch aus der Sowjetunion ins Exil. Mendelsohn hatte wohl schon das Ergebnis des Wettbewerbs um den Sowjetpalast 1931 skeptisch gemacht.

Taut und Mendelsohn waren beide Teil des Neuen Bauens und teilten beide vergleichbare Erfahrungen aus der Arbeit in Russland. Ihr Oeuvre verkörpert zugleich aber deutlich unterscheidbare Facetten der internationalen Avantgarde-Bewegung und der Moderne. Hier – Bruno Taut, der, wenn man so will, romantische Sozialist oder utopische Sozialist, auf jeden Fall ein eminent politisch denkender und schreibender, sozial engagierter Architekt; Bruno Taut, der „Meister der Farbe“, wie es im Ausstellungstitel heißt und wie das „Tuschkastensiedlung“ genannte Welterbe-Ensemble Falkenberg demonstriert; Taut, ein Großmeister des architektonischen Details, mit einem ausgeprägten Sinn für die Poesie des modernen Bauens, der gelegentlich auch für Reibungen sorgte mit radikaleren Positionen (und Kollegen) des Neuen Bauens; und schließlich Bruno Taut, der Baukünstler der gemeinnützigen Baugesellschaften, ein erfindungsreicher Architekt des Sozialen Wohnungsbaus.

Auf der anderen Seite Erich Mendelsohn, der geniale Schöpfer des expressionistischen Einsteinturms, ein früher Exponent des Organischen Bauens und des Plastischen Stils, ein Meister der dynamischen Großstadtarchitektur, die sich immer zeichenhafte Baukörper formt, die als un-

verwechselbar modellierte Volumen im Tempo des Großstadtverkehrs Orientierung bieten; und später dann auch Mendelsohn der Berliner Privatarchitekt, der sich im bürgerlichen Landhaus- und Villenbau einen guten Namen machen konnte.

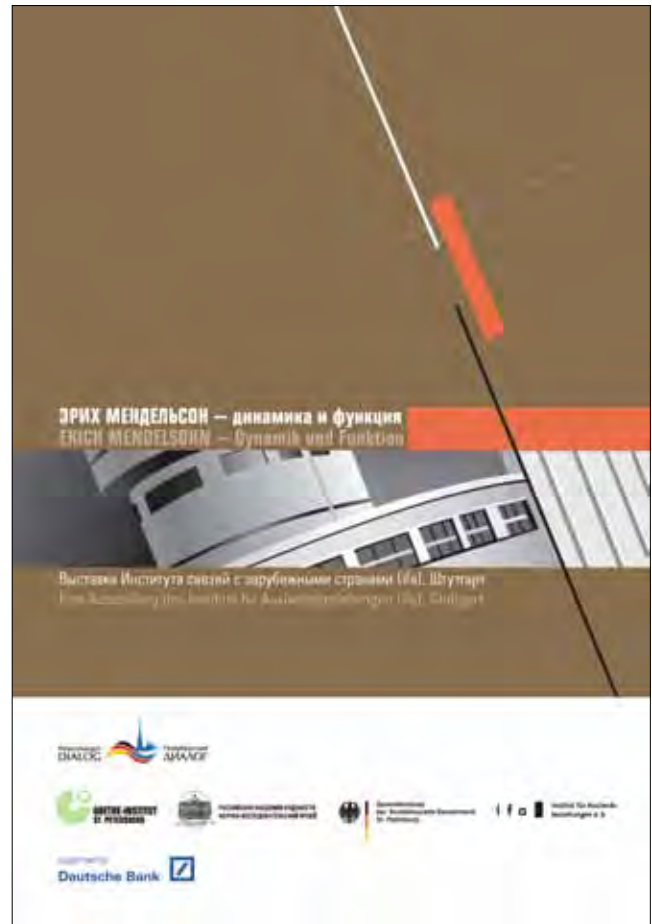
Das gemeinsame Erbe der Avantgarde entdecken

Gestern und heute waren wir in der Stadt unterwegs und zwar im St. Petersburg des 20. Jahrhunderts. Wir konnten viele denkmalgeschützte Bauwerke der 1920er bis 1940er Jahre besuchen und durften manche Innenräume besichtigen. Unter den Sehenswürdigkeiten befand sich auch die *Traktornaja*-Siedlung von Aleksandr Nikol'skij u. a. im Kirovskij-Distrikt. Sie hat uns ausgezeichnet gefallen, als Gartenstadt, wegen ihrer Maßstäblichkeit, den ausgewogenen Proportionen und guten Details, aber auch dank ihres guten Pflegezustands. Ich glaube, die *Traktornaja*-Siedlung hätte auch den beiden Protagonisten des Neuen Bauens aus Deutschland, hätte Bruno Taut wie Erich Mendelsohn ebenfalls gut gefallen.

Ich danke dem Hausherren, dem Wissenschaftlichen Museum der Russischen Kunstakademie St. Petersburg, und seinen Kuratoren sehr herzlich, dass sie unter dem Titel „*Vom Experiment zur Praxis – der Leningrader Konstruktivismus*“ eine spannende Parallel- und Gegenüberstellung zu Denkmälern des Neuen Bauens aus Deutschland, namentlich einen Vergleich mit den Bauwerken von Erich Mendelsohn und Bruno Taut sowie mit den Berliner Welterbesiedlungen, möglich gemacht haben. Viele der historischen Modelle und Pläne durften aus diesem Anlass erstmals seit vielen Jahrzehnten die Archive und Depots verlassen, um hier präsentiert zu werden. Die Modelle in der Mittelachse der Ausstellungssäle und die begleitenden Ausstellungstafeln sind eine Entdeckung bzw. eine Wieder-Entdeckung, die sich besonders lohnen. Und lohnen soll sich außerdem ein Besuch der Video-Box, in der die in Berlin entstandene Diplomarbeit von Maximilian Wetzig zu sehen ist über die Nachnutzung der Draht- und Kabelfabrik „Roter Nagel“ von Jakov Černichov in St. Petersburg. Auch das ist eine Premiere, die der Petersburger Dialog und die Avantgarde-Woche in diesem Jahr möglich gemacht haben.

Allen Kuratoren, Leihgebern und Sponsoren in Russland und Deutschland danke ich sehr herzlich für die Möglichkeit, das Erbe der Avantgarde neu sehen und die Wechselwirkungen zwischen Russland und Deutschland studieren zu dürfen. Sie haben eine Brücke der Baukultur zwischen beiden Ländern, aber auch eine wichtige Brücke zwischen Vergangenheit und Gegenwart geschlagen. Die Vergleichsausstellung zur Erhaltungsproblematik von Baudenkmalen der Moderne und des Konstruktivismus in Deutschland und Russland, zu der das PRO-ARTE-Institut, die TU Berlin und die Bauhaus-Stiftung in den kommenden Tagen auf die Peter-und-Paul-Festung einladen, erweitert das Spektrum um eine wichtige aktuelle Facette.

Ich bin sicher: Das Erbe der Avantgarde und des 20. Jahrhunderts ist ebenso ein bedeutendes gemeinsames deutsch-russisches Erbe wie die traditionellen Bau- und Kunstwerke oder Gartenanlagen des 18. und 19. Jahrhunderts. Ich danke

allen Beteiligten, dass sie uns hierfür die Augen geöffnet haben, und wünsche dem Haus und den Ausstellungen viele Besucher.

Йорг Хаспель: Приветственное слово на открытии выставочного проекта «Воплощенная утопия. Новая архитектура 1920-х. Россия – Германия»

Выставочным проектом «Воплощенная утопия. Новая архитектура 1920-х. Россия – Германия» открывается «Неделя архитектуры авангарда». Идея провести подобное мероприятие возникла во время конференции на тему архитектурного мирового наследия XVIII и XIX веков в Санкт-Петербурге и Берлине, когда председатели секции «Культуры» Михаил Пиотровский и Клаус-Дитер Леманн вдруг неожиданно пригласили к круглому столу по архитектуре авангарда XX века, а председатель Комитета по охране памятников С.-Петербурга (КГИОП) Вера Дементьева предложила экскурсию по конструктивизму в этом городе. Под впечатлением от высокого качества архитектуры, но также порой тре-

воги, вызванной состоянием зданий возникла идея этой недели мероприятий в рамках Петербургского диалога 2008. Большой вклад внесли КГИОП, Немецкий культурный центр им. Гёте, музей Академии художеств и ПРО АРТЕ в Санкт-Петербурге.

В центре немецких выставок стоят два протагониста, чьи работы показывают различные грани Современного движения и чей профессиональный и жизненный путь неоднократно приводил их в Россию: Бруно Таут и Эрих Мендельсон. Научный музей Академии художеств провел выставку-сопоставление построек Санкт-Петербурга под названием «От эксперимента к практике – ленинградский конструктивизм». Общим для архитектуры Современного движения является революционное настроение пробуждения, вера в новую эстетику и в лучший мир. Мы благодарим кураторов, участников, предоставивших экспонаты для выставки из своих частных коллекций и спонсоров за возможность увидеть заново наследие авангарда и возможность изучать взаимовлияния между Россией и Германией.

Так наводятся мосты строительной культуры между Россией и Германией и между прошлым и настоящим. Постройки авангарда и XX века настолько же важное совместное наследие как и архитектура XVIII и XIX веков.

Wohnen im Berliner Welterbe und Bauten von Bruno Taut

Winfried Brenne

Das Welterbe-Komitee hat am 7. 7. 2008 auf seiner 32. Sitzung in Quebec (Kanada) sechs repräsentative Wohnhaus-siedlungen der Berliner Moderne in die Welterbeliste der UNESCO aufgenommen. Die Siedlungen Gartenstadt Falkenberg, Schillerpark, Hufeisensiedlung Britz, Wohnstadt

und von der Senatsverwaltung für Stadtentwicklung kuratier-ten Ausstellungen zum Wirken des Architekten Bruno Taut bzw. zu den sechs Welterbesiedlungen zunächst Einblicke in die Entwicklungsgeschichte des Berliner Reformwohnungsbaus, von seinen Anfängen in der Gartenstadtbewegung um

Luftbild der Siedlung Britz – Hufeisensiedlung (1925–30).

Аэрофотоснимок жилмассива в районе Бритц – «Посёлок Хуфайзен/Подкова» (1925–30).

Carl Legien, Weiße Stadt und Ringsiedlung Siemensstadt „repräsentieren einen neuen Typus des sozialen Wohnungsbaus aus der Zeit der klassischen Moderne und übten in der Folgezeit beträchtlichen Einfluss auf die Entwicklung von Architektur und Städtebau aus.“¹ Mit der Anerkennung als neue Welterbestätte *Berlin Modernism Housing Estates* findet nicht nur die architektur- und sozialgeschichtliche Bedeutung dieser Siedlungen eine angemessene Würdigung, sondern auch ein seit drei Jahrzehnten währendes Engagement von Denkmalpflegern, Architekten und Wohnungsbau-gesellschaften um deren Erhalt und denkmalgerechte Wiederherstellung.

Entwicklung des Berliner Wohnungsbaus zwischen 1900 und 1933

Neben einer Rückschau zur Instandsetzung der Siedlungen nach 1945 gewähren die vom Deutschen Werkbund Berlin

1900 bis zur Großsiedlung des Neuen Bauens am Ende der Weimarer Republik. Die sechs UNESCO-Welterbe-Siedlungen stellen einen repräsentativen Querschnitt des Berliner Reformwohnungsbaus dar, der – im Umfeld jeweiliger gesellschaftlicher, politischer und wirtschaftlicher Rahmenbedingungen vor und nach dem 1. Weltkrieg – vielschichtig mit variierenden Ausformungen in architektonischer, städtebau-licher oder baukünstlerischer Sicht aufwarten konnte.

Vor dem 1. Weltkrieg bestimmte das aus frühen wohnre-formerischen Idealvorstellungen entwickelte Konzept der Gartenstadt im Grünen – als Gegenmodell zur Großstadt – das Leitbild eines zeitgemäßen Wohnungsbaus. Gartenstädte wurden zumeist entweder als Werkwohnungsbauten errichtet oder entsprangen der sich gegen Ende des 19. Jahr-hunderts entwickelnden Genossenschaftsbewegung, konzipiert als Selbstversorgersiedlungen. Genossenschaften waren auch Träger früher Wohnanlagen, die wohnungsre-formerische Vorstellungen (gesunde Wohnungsgrundrisse, Gemeinschaftseinrichtungen) in die Stadt trugen. Durch

„Weiße Stadt“ Reinickendorf, Rahmende Torhäuser von Bruno Ahrends. Foto 2005
 «Белый Город». Дома с проходными арками архитектора Б. Арендс. Фото 2005 г.

den 1. Weltkrieg kam die Wohnungsbautätigkeit in Deutschland fast vollständig zum Erliegen. Erst nach Beendigung der Inflationszeit mit der Währungsreform von 1924 belebte sich die Bautätigkeit. Voraussetzung war die Schaffung notwendiger wirtschaftlicher, finanzieller und organisatorischer Bedingungen für ein planmäßiges, zur Behebung der Wohnungsnot geschaffenes Bauprogramm. Vor allem wegen der speziell für den Wohnungsbau entwickelten staatlichen Förderprogramme, der zur Verfügung gestellten finanziellen Mittel konnten in den Ballungsräumen der Großstädte in der relativ kurzen Zeitspanne von 1924 bis 1933 zahlreiche Wohnanlagen und Siedlungen mit bemerkenswerten innovativen Lösungen aus städtebaulicher, architektonischer und zum Teil auch konstruktionstechnischer Sicht entstehen. Allein in Berlin entstanden 140 000 Wohnungen. Neben Hamburg, Frankfurt und Magdeburg war Berlin das Zentrum des neuen Siedlungsbaus in Deutschland, wo nahezu alle bedeutenden Architekten der Moderne ihre Vorstellungen eines von Licht, Luft und Sonne dominierten Wohnungsbaus umsetzen konnten. Funktionale Wohnungsgrundrisse, eine Ausstattung der Wohnungen mit Küchen, Bädern und Balkonen, sowie gemeinschaftlich nutzbare Einrichtungen, wie Waschküchen und Kindertagesstätten, und ausgedehnte Freiflächen zur Erholung waren die wichtigsten Neuerungen eines an menschliche Bedürfnisse ausgerichteten Siedlungsbaus. Neben kleineren innerstädtischen Wohnanlagen richtete sich die besondere Aufmerksamkeit der Stadtbaupolitik auf die neue Form der Großsiedlung am Stadtrand. Die dem „Neuen Bauen“ verpflichteten Stadtplaner und Architekten betrachteten den Massenwohnungsbau als besondere Herausforderung und sahen im Großsiedlungsbau die vielleicht wichtigste Bauaufgabe der Zeit.

Bruno Tauts farbiger Siedlungsbau

Von den sechs Berliner Siedlungen, die in die Welterbeliste aufgenommen wurden, sind allein vier Siedlungen nach Planungen von Bruno Taut errichtet worden, der bekannteste deutsche Architekt im Siedlungsbau der 1920er Jahre. Anlässlich des 125. Geburtstages von Bruno Taut im Jahr 2005 widmete der Deutsche Werkbund Berlin seinem Grün-

Gartenstadt „Falkenberg“ Treptow (1913–16), Gartenstadtweg 84–86, 2004.
 Город-сад «Фалькенберг» Тренто (1913–16 гг.), Гартенштадтвез, 84–86, Фото 2004 г.

dungsmittglied eine Ausstellung, die Tauts gesamtes architektonisches Berliner Werk behandelt, gleichwohl seinen Siedlungsbau, also jene Bauaufgabe, die Taut Zeit seines Lebens besonders antrieb und herausforderte, in den Mittelpunkt der Betrachtungen stellt. Erst in der Gesamtschau der wiederhergestellten Tautschen Wohnanlagen und Siedlungen werden deren städtebauliche und architektonische Qualitäten, verbunden mit hohem Gestaltungsanspruch und sozialer Verpflichtung, von Neuem erlebbar.

Wie bei keinem anderen deutschen Architekten jener Zeit wurde bei Bruno Taut das Bauen mit Farbe zum elementaren Bestandteil der Architektur und des Städtebaus, weshalb ihm schon zeit seines Lebens der Ruf „Meister des farbigen Bauens“ voraneilte. Bruno Taut besaß ein besonderes Verhältnis zur Farbigkeit und propagierte ihre Bedeutung als architektonisches Gestaltungsmittel für den Siedlungsbau. In einem von ihm verfassten „Aufruf zum farbigen Bauen“, der von verschiedenen Architektenkollegen unterschrieben worden ist, heißt es: „Wir wollen keine farblosen Häuser mehr bauen und erbaut sehen und wollen durch dieses geschlossene Bekenntnis dem Bauherrn, dem Siedler, wieder Mut zur Farbenfreude am Innern und Äußern des Hauses geben, damit er uns in unserem Willen unterstützt. Farbe ist nicht teuer wie Dekoration mit Gesimsen und Plastiken, aber Farbe ist Lebensfreude.“²

Wiederherstellung der Berliner Siedlungen – eine Erfolgsgeschichte der Berliner Denkmalpflege

Die in die Welterbeliste der UNESCO aufgenommenen sechs Siedlungen der Berliner Moderne gehören sicherlich zu den beeindruckendsten baulichen Zeugnissen im Wohnungsbau der Weimarer Republik, nicht zuletzt auch wegen ihres authentischen Erscheinungsbildes, das diese Siedlungen bis heute auszeichnet. Die beiden Ausstellungen halten Rückblick und geben Überblick zum Stand der Wiederherstellung und Instandsetzung der Berliner Siedlungen, angefangen von den Pilotprojekten zur Instandsetzung der Großsiedlungen ab den 1970er Jahren im damaligen West-Berlin bis zur Wiederherstellung von Wohnanlagen im früheren Ostteil der Stadt nach der Wiedervereinigung 1990.

*Siedlung „Schillerpark“ (1924–30),
Bristolstraße, Foto 2005.
Жилой массив «Шиллерпарк» (1924–1930гг.),
Бристольитрассе. Фото 2005 г.*

*Luftbild der Siedlung „Weiße Stadt“ (1929–31).
Вид сверху на жилмассив «Белый город»
(1929–1931).*

Die Wohnanlagen und Siedlungen aus den 20er Jahren bilden in Berlin einen besonders hohen Anteil am Denkmalbestand und sind die vielleicht wichtigste Denkmalgattung der Stadt. Darum wurde der Siedlungsbau schon früh Objekt der Berliner Denkmalpflege. 1978 vereinbarte die Denkmalpflege mit der GEHAG (heute Deutsche Wohnen AG) und

der GSW, beides Wohnungsbaugesellschaften mit umfangreichen Wohnungsbestand, ein Pilotprojekt zur erhaltenden Erneuerung von vier ausgesuchten Großsiedlungen: die Hufeisensiedlung (1925–1927) in Berlin-Britz, die Waldsiedlung Zehlendorf, Onkel-Toms-Hütte, (1926–1932), die Großsiedlung Siemensstadt (1929–1932) in Berlin-Spandau und die Siedlung Weiße Stadt (1929–1931) in Berlin-Reinickendorf. Für die Denkmalpflege, Eigentümer und Nutzer stellte die denkmalgerechte Instandsetzung von Großsiedlungen eine neue Herausforderung dar. Als Erbauer der Siedlungen standen die GSW und die GEHAG stets zu ihrer Verantwortung im behutsamen Umgang mit dem historischen Wohnungsbestand, so dass die grundsätzliche Bereitschaft bestand, die eigenen Siedlungen in Zusammenarbeit mit der Denkmalpflege instand setzen zu lassen. Das von der Denkmalpflege und den Eigentümergesellschaften gemeinsam getragene Konzept sah als Kerngedanke eine erhaltende, auf Reparatur abzielende Erneuerung des Siedlungsbestandes vor, die sukzessiv erfolgen sollte und für die ein über Jahre anzusetzendes Instandsetzungsprogramm eingeräumt werden musste. Für die Umsetzung der Instandsetzungsmaßnahmen waren grundlegende untersuchende Arbeiten zu den Siedlungen zu leisten, das heißt eine zeichnerische und fotografische Bestandsaufnahme, die Ermittlung des Originalzustandes unter Auswertung aller zur Verfügung stehenden Quellen (Literatur, Bauakten, Bildmaterial etc.). Erst aufgrund der ermittelten Ergebnisse – in einem Gutachten detailliert zu allen Bauabschnitten, Gebäuden, Bauteilen zusammengefasst – wurde ein zwischen Gutachtern, Denkmalpflege und Eigentümergesellschaften abgestimmter Maßnahmenkatalog erstellt, der die einzelnen Maßnahmen genau festlegt: Art der Ausführung, Verwendung von Materialien etc. Des Weiteren berücksichtigt der Maßnahmenkatalog berechnete Forderungen der Mieter nach Veränderungsmöglichkeiten, die den zeitgenössischen Wohnstandards entsprechen. Hierzu zählt z. B. die Festlegung von baulichen Erweiterungen oder der Veränderbarkeit von Wohnungsgrundrissen. Der Zweck des Maßnahmenkataloges liegt in der detaillierten Festschreibung von Instandsetzungs- und Erneuerungsmaßnahmen, die auch bei späteren, in der Zukunft liegenden Wiederherstellungsarbeiten uneingeschränkte Gültigkeit besitzen. Das Gesamtkonzept zielte auf eine „erhaltende Erneuerung“ der Siedlung, die möglichst viel originale Bausubstanz sichern soll und eine langfristige Wiederherstellung des Erscheinungsbildes anstrebt. Das denkmalpflegerische Interesse konzentrierte sich dabei in erster Linie auf die Sicherung bzw. Wiederherstellung der Siedlung in ihrer Großform und städtebaulichen Bedeutung. Hierbei spielte die Wiedergewinnung der Farbigkeit eine besondere Rolle. Aus der Rückschau kann festgestellt werden, dass sich das seiner Zeit ausgearbeitete Konzept der erhaltenden Erneuerung nach nun fast 30jähriger Praxis bewährt hat. Die bei der Instandsetzung der Großsiedlungen gemachten Erfahrungen halfen dann bei der Wiederherstellung der Wohnanlagen und Siedlungen im Ostteil der Stadt nach 1990. Obwohl die Berliner Siedlungen nach und nach ihr ursprüngliches Erscheinungsbild weitestgehend wiedererlangt haben, werden für deren Erhalt in der Zukunft Denkmalpflegepläne notwendig sein, die dem Status als Welterbestätte und Kulturgut von internationaler Bedeutung ausreichend Rechnung tragen.

Siedlung Carl Legien (1928–30), Erich-Weinert-Straße, Foto 2005.

Жилой комплекс им. Карла Легиена (1928–30), Эрих-Вайнерт-Штрассе, Фото 2005 г.

Berliner Siedlungen der Moderne – Weltkulturerbe der UNESCO

Die beiden Ausstellungen wurden vom Deutschen Werkbund Berlin (Kurator: Winfried Brenne) und von der Senatsverwaltung für Stadtentwicklung auch deshalb konzipiert, um das Anliegen auf Aufnahme der sechs ausgewählten Berliner Siedlungen der Moderne in die UNESCO-Welterbeliste zu unterstützen. Seit der Eröffnungsausstellung 2005 an der Technischen Universität Berlin hielt die Ausstellung über das Leben und Wirken von Bruno Taut in Berlin in verschiedenen europäischen Städten Station, u. a. in Istanbul, Izmir, Ankara und Adana, Moskau und St. Petersburg, Athen, Chania auf Kreta und Thessaloniki, Krakau, Kattowitz und Breslau, Venedig, Paris, Amsterdam und Glasgow. Kooperationspartner in den Städten waren das jeweilige Goethe-Institut und die am Ort angesiedelten Universitäten. Das Land Berlin folgte mit seiner Antragstellung zur Aufnahme von sechs Berliner Siedlungen der Moderne in die Welterbeliste der UNESCO-Strategie Stätten der Moderne verstärkt als Welterbe zu schützen und in die Welterbeliste aufzunehmen. Im Rahmen der Antragstellung wurde von der Senatsverwaltung für Stadtentwicklung die Ausstellung „Wohnen im Welterbe – Siedlungen der Berliner Moderne“ konzipiert, die die herausragende Bedeutung der Siedlungen für die Berliner Denkmallandschaft herausstellt und deren Zukunftsfähigkeit als baukultureller und sozialer Beitrag

Siedlung „Weiße Stadt“ (1929–31), Arosener Allee, Foto ca. 2005.

Жилой массив «Белый город» (1929–1931). Аросер Аллея. Фото 2005 г.

für die Wohnungsversorgung der Stadt unterstreicht. In Vorbereitung der Entscheidung über den eingereichten Antrag durch das Welterbekomitee wurden im Oktober 2007 in Paris beide Ausstellungen erstmalig als Doppelausstellung präsentiert. Seitdem erfüllt die zweisprachige Doppelausstellung, die in einer deutsch-englischen, deutsch-französischen und deutsch-russischen Fassung vorliegt und 2009 durch eine spanisch-portugiesische Version ergänzt wird, eine medienwirksame Funktion als Kulturvermittler im Ausland, um die architektur- und kulturhistorische Bedeutung der Berliner Siedlungen der 20er Jahre auch einem internationalen Publikum näherzubringen. Mit der Anerkennung der „Siedlungen der Berliner Moderne/Berlin Modernism Housing Estates“ als UNESCO-Welterbestätte wird das weltweite Interesse an den Siedlungen weiter wachsen und der Doppelausstellung die Funktion als Botschafterin für die neue Welterbestätte erhalten bleiben.

Винфрид Бренне: Жизнь в памятниках мирового наследия и постройки Бруно Таута

Статья даёт обзор истории жилищного строительства в г. Берлине 1900–1933 гг., и об усилий по уходу за

Siemensstadt (1929–34), Bauteil Scharoun, Foto 2007.

Жилмассив «Сименсштадт» (1929–34), здание архитектора Ханс Шароун. Фото 2007.

памятниками архитектуры - жилмассивами с 1978 года. В июле 2008 года шесть Берлинских жилмассивов 20-х годов, четыре из которых построены по проектам немецкого архитектора Бруно Таута, были внесены в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. В этой связи Управление сената Берлина запланировало выставку «Жизнь в памятниках мирового наследия». Кроме того, некоммерческое общество «Немецкий Веркбунд Берлин» в связи со 125-летием со дня рождения архитектора, которое отмечалось в 2005 году, организовало выставку «Бруно Тавт». В экспозициях показывается развитие жилищного строительства в Берлине между 1900 и 1933 годами. Здесь рассматриваются все берлинские постройки этой центральной фигуры массового жилищного строительства Германии. Причём жилмассивы являются центральным пунктом выставок. В октябре 2007 года в Париже обе выставки впервые были показаны вместе.

Шесть жилых массивов отличаются по подлинному внешнему облику и выставки документируют результат восстановительных и ремонтных мероприятий. В 1978 году западноберлинское Управление по охране памятников договорилось с обществами собственников

о запуске пилотного проекта по поддержанию и последовательному обновлению четырёх больших жилмассивов. Целью было максимально сохранить оригинальную суть, а в долгосрочной перспективе – восстановить изначальный внешний вид, и, в особенности, цветовое решение. Ему Тавт придавал большое значение при архитектурном и градостроительном оформлении. Сначала было проведено исследование и инвентаризация по состоянию на сегодняшний день, а также работы по выявлению первоначального вида. На основании детальных экспертиз был создан каталог мероприятий, в котором также для будущих возможных ремонтных работ был установлен способ их осуществления и необходимые материалы и т.д. С 1990 года полученный опыт используется также для восточноберлинских жилмассивов.

¹ Homepage Deutsche UNESCO-Kommission e. V. (www.unesco.de/berliner-siedlungen.html).

² Bruno Taut: Aufruf zum farbigen Bauen, in: Bauwelt 38/1919 (Jg. 10), S. 11.

Шесть жилмассивов ленинградского конструктивизма

Иван Саблин, Сергей Фофанов

Массовое жилищное строительство осуществлялось в 1920-е не только в Берлине! Если верить современному архитектурному путеводителю, наряду с 6 наиболее ценными зидлунгами, в июне 2008 года получившими статус памятников всемирного наследия ЮНЕСКО, в

столице Германии сохранилось еще около 40 подобных комплексов.¹ В Санкт-Петербурге также насчитывается около 40 жилмассивов², не смотря на значительно меньшую территорию города и не столь продолжительное время строительства (создание жилмассивов начиналось

Тракторная улица. (А. С. Никольский, Г. А. Симонов, А. И. Гегелло, 1925–1927). Фото 2007.
 Siedlung „Traktornaja Ulica“. (A. S. Nikol'skij, G. A. Simonov, A. I. Gegello, 1925–27). Foto 2007.

Тракторная улица (А. С. Никольский, Г. А. Симонов, А. И. Гегелло, 1925–1927). Фото 2008.
Siedlung „Traktornaja Ulica“ (Traktorenstraße)
(A. S. Nikol'skij, G. A. Simonov, A. I. Gegello, 1925–27)
Foto 2008.

здесь только в 1925 г. и фактически закончилось около 1932 года). Первые опыты строительства социального жилья в Санкт-Петербурге относятся ещё к периоду до Октябрьской революции, тогда на рабочих окраинах города уже начинали проектировать «городки» дешёвых квартир (Гаванский в конце Малого пр. В. О., городок Нобеля между Лесным и Б. Сампсониевским пр.), небезынтересные в архитектурном отношении, однако до возведения городов-садов в столице Империи дело не дошло.

Жилмассивы³

Революция радикализовала все подобные эксперименты. Можно бесконечно спорить о формальных достоинствах и недостатках советских жилмассивов – в социальном отношении превосходство наших жилмассивов над немецкими зидлунгами и любыми иными, прежде всего, с точки зрения охвата всех сфер бытия, очевидно. Но теперь это специфически «советское» начало может спровоцировать в ком-то устойчивую неприязнь к памятникам 1920-х. В немецких жилых комплексах, несмотря на ряд новых мер, заложенных ещё на стадии разработки проекта будущего комплекса, таких как прачечные, детские сады, свободные общественные пространства для отдыха, всё же сохраняются какие-то буржуазные черты. При строительстве жилмассивов, разрабатывается, целый комплекс новых типов зданий, призванных разрушить замкнутость семейной жизни, вывести человека на улицу и, в конечном итоге, подчинить личность коллективу – дома культуры, профилактики, фабрики-кухни. Вплоть до уникальных домов-коммун.

Тем не менее, обобществление быта не могло быть тотальным. Наоборот, в Ленинграде, уже успевшем снискать сомнительную славу столицы коммуналок – уплотнённых фешенебельных апартаментов в старом фонде – необычайно ценным было создание именно отдельных квартир небольших размеров, каковые в жилмассивах

преобладали. В них довольно сносные условия, хотя и отсутствовали ванны (их попросту тогда не производили), зато хорошо продумана инсоляция (при меридианальной ориентации дома жилые комнаты устраивали с обеих сторон, т.е. окнами на запад и восток, при широтной только с одной – южной), не такие уж и тесные коридоры и кухни, особенно в сравнении со стандартами жилищного строительства во времена Хрущёва. Все это предназначалось в первую очередь самому передовому, рабочему классу и строилось в промышленных районах, окружающих исторический центр города.

Тракторная улица (1925–1927, арх.: А. С. Никольский, Г. А. Симонов, А. И. Гегелло) уже своим новым названием (бывшая ул. Крылова) указывает на важнейшее достижение городской промышленности – первую партию советских тракторов, выпущенных Краснопутиловским заводом. Свое начало улица берет у пр. Стачек – имя, напоминающее о революционном прошлом. Жилмассив становится как бы наградой рабочим за их прежние (когда бастовали) и новые (когда принялись работать на благо страны) заслуги. Неслучайно в этом (Нарвском, позднее Кировском) районе вскоре появится большое количество разнообразных конструктивистских построек. Это же верно и по отношению к Невскому (тогда Володарскому) району.

Ещё одним центром нового строительства, районом, облик которого в значительной мере и теперь определяют памятники той эпохи, станет ещё один пролетарский район – Выборгская сторона. В этой части города велось активное жилищное строительство, например – студенческое общежитие-гигант (1925–1927, арх.: М. Д. Фельгер, С. Е. Бровцев, А. В. Петров, инж. К. В. Сахновский) – также совершенно новый для русской архитектуры тип здания. Дома-коммуны для молодых несемейных людей, открытых к социальным экспериментам – вот, чем были подобные студгородки, также готовившие наступление светлого будущего. Здесь на северной окраине города несколько жилмассивов, последовательно сменяя друг друга, на большой протяженности формируют панораму целой магистрали (Лесного пр.). Возникает, по существу, новый город, уже выходящий за рамки отдельного комплекса домов. Но к этому и стремились архитекторы авангарда в 1920-е. И особенности их планировочных решений заслуживают отдельного рассмотрения.

Город и жилмассив

«Новым стилем Петербурга, переименованного в Ленинград, стал конструктивизм – также строгий и стройный стиль ...»⁴ Одна из самых характерных черт ленинградского конструктивизма – глубоко продуманная планировка. Именно она обеспечивает привязку новых кварталов к градостроительной картине всего Петербурга–Ленинграда, выгодно отличая эти жилмассивы от их московских аналогов, расположение которых лишено какой-то формальной логики. Но ведь именно в этом принципиальное различие двух столиц: Москва – древний русский город, сохранивший средневековую структуру; следуя её основному принципу (разбегаю-

щиеся от центра магистрали), новые жилые комплексы строили здесь вдоль старинных трактов (Дубровка), дальше этого планировщики пойти не могли, ибо тотальное уподобление хаотичному плану старого города в XX веке было бы немислимо. Совсем по-другому это происходило в Ленинграде.

В основе планировки Ленинграда – многополярность (город на островах, это как бы несколько самостоятельных городов) и многообразие регулярных типов планировки. Ведь все попытки подчинить город единому плану – от Леблона в 1710-е до Ильина в 1930-е – по большому счету провалились, но они не прошли для города бесследно. Вкус к экспериментам с планировкой сохранялся на всех этапах существования города, не были чужды его и конструктивисты. Когда в середине 1920-х началась разработка новых жилых районов, формально-художественные проблемы не были оставлены без внимания. Конечно, в этом можно видеть проявление местного консерватизма – симметрично-осевая планировка, сохранение традиционных улиц и площадей, замкнутые кварталы с парадными въездами (похожие на некоторые дореволюционные доходные дома) – все это следовало, вероятно, отбросить в пользу сугубо функционального метода, полностью реализованного в строчной застройке (при которой все жилые корпуса расположены параллельно). Уничтоженный совсем недавно жилмассив на Крестовском – редкий для нашего города пример именно такого решения – пожалуй, не принадлежал к числу шедевров архитектуры, именно вследствие формального минимализма.

Но разве во всей мировой архитектуре XX века не было примеров гармоничного баланса утилитарного и эстетического начал в планировке? – вспомним хотя бы симметричный зидлунг – «Подкову» в Берлине. Другое дело, последовательная привязка жилмассивов к существующей сетке улиц, тем более осмысленное продолжение планировочных приемов предшествующих веков, которое имела место в Ленинграде, кажется, не встречается больше нигде. Жилмассивы других городов и стран все-таки стремились обособиться от старого города, как бы вставали к крупным магистралям спиной. У нас же первый большой успех жилищного строительства – Тракторная улица – явил собой уникальный пример комплексной застройки именно улицы, трактованной зодчими как ось ансамбля. И уступающий в целом этому первому примеру жилищного строительства 20-ых годов, жилмассив на ул. Ткачей, содержит оригинальное планировочное решение (1926–1929 г., арх.: Д. П. Бурышкин, Г. А. Симонов, Л. М. Тверской) – полуциркулярную площадь с тремя расходящимися лучами-перспективами.

Кондратьевский жилмассив (1929–1931 г., арх.: Г. А. Симонов, И. Г. Капцюг, Т. Д. Каценеленбоген, Л. М. Тверской (планировка квартала)), созданный значительно позднее и лишенный мелких декоративных деталей, отличающих первые жилые дома наших конструктивистов, при доминировании строчного принципа включает также отчетливо присутствующую ось, начало которой – въезд во двор со стороны проспекта, решенный в монументальных формах. То же верно и в отношении Студго-

Щемиловский жилмассив (Г. А. Симонов (?), при участии других архитекторов, конец 1920-х). Фото 2008.

Siedlung „Ščemilovka“ (G. A. Simonov (?) unter Mitarbeit anderer Architekten, Ende 1920er). Foto 2008.

Щемиловский жилмассив, Дом «Колбаса» (Г. А. Симонов (?), конец 1920-х). Фото 2008.

Siedlung „Ščemilovka“, als „Wurst“ bezeichneter Wohnflügel (G. A. Simonov (?), Ende 1920er). Foto 2008.

родка на Лесном проспекте. Насколько, кстати, беднее в градостроительном отношении московские аналоги (например, в 3-х комплексах общежитий: 1929–1930 Дорогомиловский студенческий городок арх.: Б. В. Гладков, Б. Н. Блохин, А. М. Зальцман, Научно-образовательный комплекс Анненгофская роща – городок ВЭИ, МЭИ, МТУСИ, 1929–1930, арх.: Б. В. Гладков, Б. Н. Блохин, А. М. Зальцман, Всехсвятский студенческий городок, 1935, арх.: Б. В. Гладков, Б. Н. Блохин, А. М. Зальцман). В этих примерах студенческих городков, последовательно выдержан строчный принцип, а ориентация подчи-

Тракторная улица

<i>Название</i>	Тракторная улица (Крыловский участок)
<i>Время</i>	1925–1927
<i>Авторы</i>	А. С. Никольский, Г. А. Симонов, А. И. Гегелло
<i>Адрес</i>	Пр. Стачек, 6, 8, 10, 12, Тракторная ул., 1–13, 15, ул. Метростроевцев, 2
<i>Назначение</i>	Жилые дома
<i>Сохранность</i>	Является охраняемым памятником истории культуры местного значения по закону Санкт-Петербурга от 5 июля 1999 года. В 2005 г. на зданиях проведен ремонт фасадов и частичная реставрация. Несмотря на официальный статус памятника архитектуры, имеют место многочисленные перестройки (лоджии и т.п.), особенно грубые в случае с домом 15 (мансарда), также изменена оригинальная окраска всех зданий. Дом 11 был перестроен еще в 1940-е гг. (дополнен классическими деталями).

Жилмассив завода «Большевик»

<i>Название</i>	Жилмассив завода «Большевик» (на Троицком поле)
<i>Время</i>	1925–1926
<i>Авторы</i>	Г. А. Симонов, Т. Д. Каценеленбоген при участии О. Р. Мунца* (в начале 1930-х)
<i>Адрес</i>	Ул. Бабушкина, 133, 135, Рабфаковская ул., 3 (корпуса 1–4), 5, 1-й Рабфаковский пер., 5–7, 9 (корпуса 1 и 2), 11, 2-й Рабфаковский пер., 1 (корпус 1), 5 (корпус 1)*
<i>Назначение</i>	Жилые дома (прежде включали фабрику-кухню – в доме 133 по ул. Бабушкина)
<i>Сохранность</i>	В 1970-е к дому 135 пристроен одноэтажный корпус библиотеки, ставший в принципе вполне корректным дополнением ансамбля. При отсутствии иных переделок, состояние комплекса в целом плохое. Не имеет охранного статуса.

Щемиловский жилмассив

<i>Название</i>	Щемиловский жилмассив, в т.ч. дом «Колбаса»*
<i>Время</i>	Конец 1920-х
<i>Авторы</i>	Г. А. Симонов (?), при участии других архитекторов
<i>Адрес</i>	Фарфоровская ул., 14/28, ул. Бабушкина, 61*, ул. Седова, 72, 76, ул. Полярников, 21
<i>Назначение</i>	Жилые дома с котельной
<i>сохранность</i>	Состояние комплекса плохое. Не имеет охранного статуса

Кондратьевский жилмассив

<i>Название</i>	Кондратьевский жилмассив (у 5 углов)
<i>Время</i>	1929–1931
<i>Авторы</i>	Г. А. Симонов, И. Г. Капцюг, Т. Д. Каценеленбоген, Л. М. Тверской (планировка квартала)
<i>Адрес</i>	Кондратьевский пр., 40; Полюстровский пр., 6/N, Жукова ул., 6/N
<i>Назначение</i>	Жилые дома, универмаг (на углу Полюстровского пр.), котельная с прачечной (сзади универмага), детский сад (корпус 4)
<i>Сохранность</i>	Экспертным заключением от 20.03.2000 рекомендован к включению в Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. Состояние комплекса среднее аварийное, корпус 4 руинирован

Батенинский жилмассив

Название	Батенинский жилмассив
Время	1929–1933 годы
Авторы	Г. А. Симонов, Т. Д. Каценеленбоген, Б. Р. Рубаненко, А. Р. Соломонов, П. С. Степанов, В. А. Жуковская
Адрес	Лесной пр., 37, корп.1; Лесной пр., 37, корп.1, лит.Б; Лесной пр., 37, корп.2, лит.В; Лесной пр., 37, корп.3; Лесной пр., 37, корп.4, лит.Д; Лесной пр., 37, корп.5, лит.Е; Лесной пр., 37, корп.6; Лесной пр., 37, лит.К, Л; Лесной пр., 39, корп.1, 2; Диагональная ул., 4, корп.1; Диагональная ул., 4, корп.2, лит.Б
Назначение	Жилые дома, детский сад (?), прачечная (?), универмаг, школа* (? - теперь сборный пункт военкомата)
Сохранность	Экспертным заключением от 20.03.2000 рекомендован к включению в Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. Пункт в редакции приказа Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга от 30 мая 2008 года N 8-133. Состояние комплекса среднее аварийное, корпуса 5 и 4 соединены перемычкой (1960-е?), нововыстроенный дом на углу Новолитовской и Диагональной ул. разрушил композицию безымянной площади, несомненно, задуманной в одно время с жилмассивом

Студенческий городок Политехнического института

Название	Студенческий городок Политехнического института
Время	1929–1932
Авторы	М. Д. Фельгер, С. Е. Бровцев, А. В. Петров, инж. К. В. Сахновский
Адрес	Лесной пр., 65, корп.1, лит.А; корп.2, лит.Б; корп.3, лит.В; Парголовская ул., 11, корп.1, лит.А; корп.2, лит.А; Капитана Воронина ул., 11, лит.А; 13, лит.А, лит.Б, лит.В; Харченко ул., 16, лит.А
Назначение	Жилые корпуса, пищеблок* (часть зданий занимает теперь торговый дом)
Сохранность	Пунктом в редакцию приказа Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга от 17 ноября 2003 года N 8-144, внесён в Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. Состояние комплекса среднее плохое. Корпус 1 завершен отделкой в 1930-е (украшен), его северная часть восстановлена в 2007–2008 гг. Реконструкция пищеблока далека от стандартов научной реставрации, тем не менее, состояние корпуса на общем фоне сравнительно неплохое

нена астрономическим (северюг или запад-восток), а не градостроительным соображениям!

Наконец, настоящий планировочный шедевр – Батенинский жилмассив (1929–1932 арх.: Г. А. Симонов, Т. Д. Каценеленбоген, Б. Р. Рубаненко, А. Р. Соломонов, П. С. Степанов, В. А. Жуковская), где сложный план местности, относящийся еще к XIX в., был творчески развит и переработан – хотя ничто не мешало архитекторам избежать формальных изысков, ведь плотной застройки в этом месте не существовало. Но они следовали традициям петербургской – а стало быть и европейской – архитектуры (необязательно связанным с авангардом), и кроме того, им менее всего хотелось приносить искусство в жертву суровой необходимости. Созданные нашими конструктивистами градостроительные единицы с точ-

ки зрения творческих претензий были, конечно, гораздо скромнее экспериментов сталинской эпохи, когда у города впервые появился генплан. Причем, как бы ни менялись стили, многие достижения 1920-х сохранили актуальность и в последующем. Так было до 1980-х! При всем убожестве массового строительства хрущевского и брежневского времен (во многом дискредитировавшего конструктивизм поверхностным сходством), оригинальные планировочные решения выгодно отличали Ленинград позднесоветской эпохи от многих других мегаполисов. Апрельская улица, Новосмоленская набережная, даже Комендантский аэродром – во всех этих районах еще живы вековые градостроительные традиции, окончательно утраченные лишь в самые последние годы.

Кондратьевский жилмассив. Фрагмент сохранившегося оригинального остекления лестничного пролёта (Л. М. Тверской, Г. А. Симонов, И. Г. Капцуг, Т. Д. Каценеленbogen, 1929–1931). Фото 2007.

Kondrat'evskij Siedlung. Teil der originalen Treppenhausverglasung. (L. M. Tverskoj, G. A. Simonov, I. G. Kapczug, T. D. Kacelenbogen, 1929–31). Foto 2007.

Первый пример ленинградского жилищного строительства, Тракторная улица давно вошла во все хрестоматии по истории русской архитектуры. Успех зодчих очевиден – и в сталинские времена не забывали о столь ярком примере «ансамблевого мышления». Но подобные улицы с раздельным расположением домов, соотнесенных друг с другом по формальному принципу, не являются принадлежностью авангарда. Скорее уж нужно искать классические аналоги – вроде ул. По в Турине, нашей ул. Зодчего Росси (XIX век) или даже галереи Уффици во Флоренции (XVI век). Эти приемы сохраняют свою актуальность и после конструктивизма. При всем том Никольский относится к традициям без излишнего пиетета. Не без иронии комбинирует он принципы симметрии и асимметрии – чем дальше от главной магистрали (пр. Стачек), тем слабее классическое начало, так, трем домам слева соответствуют два справа и т. д. Но то, что зодчий помещает при этом в центре ансамбля улицу, ведущую к площади – идея от канонов модернизма весьма далекая. Уникальна пластическая насыщенность фасадов – всевозможные мелкие детали, остроумно обыгрывающие стили прошлого. Кульминацией этой игры становятся знаменитые полуарки, в которых есть нечто от памятников, как средневековья, так и барокко – при всем том, они еще и узнаваемо петербургские. Внимание к пластике не исключает интересные цветовые решения, судя по старым (черно-белым) снимкам окраска фасадов

прежде была трех, не двухцветной. Впрочем, и нынешний мягкий розовый колер – решение вполне удачное.

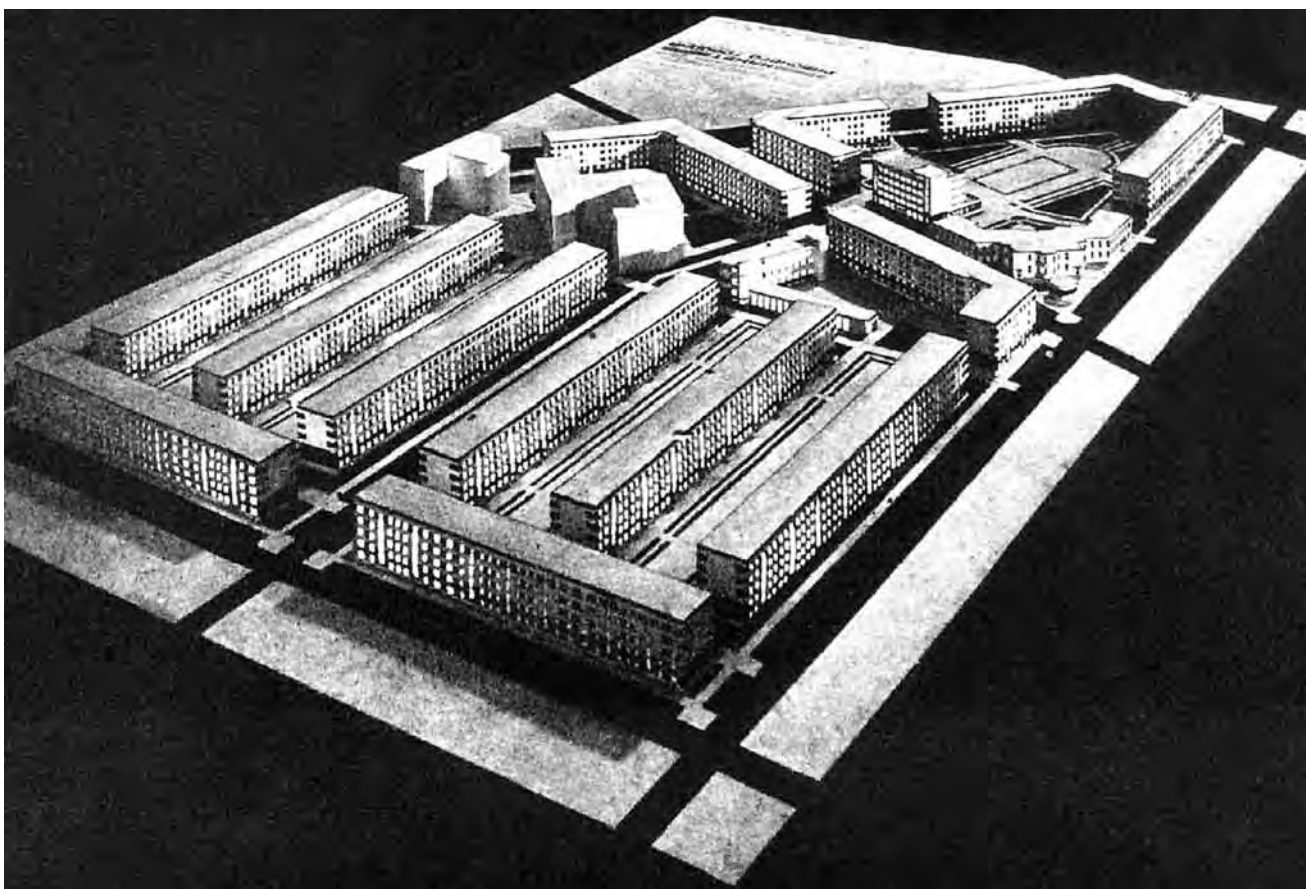
Если Тракторная улица напрямую связана с историей Путиловского завода, то комплекс домов на Троицком поле призван увековечить события Обуховской обороны, развернувшиеся неподалеку, равно как и новые достижения Обуховского завода, получившего громкое имя «Большевик». Первая очередь строительства (1-й Рабфакковский пер., 5, 7, 9) напоминает отчасти дома Никольского на Тракторной (и деталями, и цветом), возможно, на тот момент Симонов еще не преодолел влияния старшего товарища. Корпуса второй очереди по Бабушкина и Рабфаковской улице запечатлели развитие его манеры – не только в сторону укрупнения отдельных домов. Непонятно, отчего застройка Троицкого поля началась с его дальнего конца – ведь, как и на Тракторной ул., здесь практически не было старых домов, которые бы мешали строителям, однако, к самой проходной Обуховского завода они подберутся не раньше 1970-х. Замечательно, что и на пустыре, вдали от старого города зодчие не забывают градостроительных традиций Петербурга – в их комплексе прочитывается лучевая планировка, поэтому уже первые дома образуют трапециевидный, а не прямоугольный двор. Тогда же были намечены дугообразные связующие проезды, название которых – столь созвучное 1920-м: Рабфаковская улица и переулки, появилось гораздо позднее. В целом комплекс оставляет впечатление незавершенности. Немного странно выглядит одинокий дом в глубине участка – с эффектными полукруглыми балконами, заставляющими вспомнить дом-коммуна Наркомфина в Москве – создание неизвестного зодчего. Не менее интересен другой формальный шедевр – совмещенный с эркером асимметричный портал дома 7 по 1-му Рабфаковскому, относящийся еще к первой очереди строительства.

Основная часть Щемиловского жилмассива необычна, включает три двора-карре, расположенные вдоль Фарфоровской ул. (тогда Большая Щемиловка), центральный из которых раскрыт в сторону пивоваренного завода «Вена». Получается необычайно монументальный въезд, при этом здесь вновь обыгрывается тема симметрии-асимметрии – две мощные башни почти симметричны, только у восточной внизу великолепный по композиции портал магазина, напоминающий вход в блок старших классов школы, созданной Симоновым немного позже на ул. Ткачей (значительно дальше к северу от этого жилмассива). Других стилистических оснований предполагать его авторство нет, напротив, ребристая кирпичная кладка башен (напоминающая Ложу Трех патриархов Мендельсона в Советске (бывшем Тильзите), равно как и другие памятники немецкого экспрессионизма) для ленинградской архитектуры крайне необычна. Быть может, зодчий к этому моменту как раз только вернулся из заграникомандировки в Германию и Швецию? Основная ось упирается в курьезную перемычку меж двух домов, «украшенную» симметричными трубами котельной, мотив, кстати, для 1920-х нередкий. За ней и вне какой-либо формальной связи с ансамблем на Фарфоровской, тянется, построенный, вероятно, во вторую очередь уникальный дом, прозванный местны-

Батенинский жилмассив (Г. А. Симонов, Т. Д. Каценеленбоген, Б. Р. Рубаненко, А. Р. Соломонов П. С. Степанов, В. А. Жуковская, 1927–1930). Фото 2008.

Bateninskij Siedlung (G. A. Simonov, T. D. Kacenelenbogen, B. R. Rubanenko, A. R. Solomonov, P. S. Stepanov, V. A. Žukovskaja, 1927–1930). Foto 2008.

Батенинский жилмассив (Г. А. Симонов, Т. Д. Каценеленбоген, Б. Р. Рубаненко, А. Р. Соломонов П. С. Степанов, В. А. Жуковская, 1927–1930).

Bateninskij Siedlung (G. A. Simonov, T. D. Kacenelenbogen, B. R. Rubanenko, A. R. Solomonov, P. S. Stepanov, V. A. Žukovskaja, 1927–1930).

Студенческий городок Политехнического института (С. Е. Бровцев, А. В. Петров, М. Д. Фельгер, 1929–1932). Фото 2008.

„Studentenstädtchen“ des Polytechnischen Instituts (S. E. Brovcev, A. V. Petrov, M. Fel'ger, 1929–1932). Foto 2008

ми жителями «колбаса». Это, по сути дела, наш ответ берлинским домам-гигантам, таким как «Подкова» или же похожие длинные корпуса Сименс-штадта и зидлунга «Хижина дяди Тома». На авторство Симонова указывает присутствие характерного для него мотива, подворотни с подъездом и дворничкой, сложное пространственное решение которого – шаг вперед по сравнению с мелкой пластикой Тракторной улицы. На тот момент самый длинный жилой дом в городе идет сначала прямо, затем (после подворотни) плавно закругляется к северу. Замечательно чередование заглубленных и выступающих секций, равно как и сочетание штукатурки и голого кирпича. В градостроительном отношении дом, напротив, невыразителен – это как раз пример строительства отдельного экспериментального здания, а не ансамбля. Напротив, дома к югу от «Колбасы» предугадывают появление еще не проложенных на тот момент улиц Полярников и Седова.

Кондратьевский жилмассив – самый восточный из жилмассивов Выборгской стороны – за ним Полустрово и Охта, районы, где нет конструктивистских построек. В

непосредственной близости от этого жилого комплекса располагаются здания электростанции О. Р. Мунца на Полустровском пр. (построенное в эти же годы) и кинотеатра «Гигант» Гегелло-Кричевского, которым началось формирование новой площади (Калинина). Также раньше там находился, не сохранившийся до наших дней стадион «Красный Выборжец» Никольского на Кондратьевском проспекте. Архитектор Л. Тверской, ранее ответственный за оригинальную планировку жилмассива на ул. Ткачей, вероятно, и в этом случае отвечал за общую структуру участка. Однако, это не означает, что Симонов трудился в одиночку над архитектурным решением отдельных частей. Смелое, хотя и не вполне убедительное оформление парадного въезда со стороны Кондратьевского проспекта непохоже на другие его работы. Две симметричные арки могли одновременно служить чем-то вроде трибун (их назначение, впрочем, понятно не до конца). Далее по основной оси можно видеть две подворотни Симонова, и еще одну – со стороны Полустровского проспекта. Оригинально решен тупой угол на пересечении двух проспектов (площади еще не было). Здесь в корпусе пониженной этажности расположен универсам, а во дворе за ним прачечная и котельная. Все эти постройки, а также здание детского сада в глубине двора, близко Батенинскому жилмассиву, и в принципе не совсем обычны – учреждения торговли не занимают в конструктивизме такого большого места (в противоположность архитектуре буржуазной Германии!). А расцвет детских садов приходится на сталинскую эпоху, в 1920-е больше внимания уделяли среднему и высшему образованию (ближайшее здание школы – в конце пр. Металлистов, также является памятником конструктивизма). Впрочем, и здание самого большого кинотеатра того времени, кинотеатра «Гигант» (1933–1935 г., арх. А. И. Гегелло.) – храма «важнейшего из искусств»⁵ – один из немногих примеров сооружения подобного рода в архитектуре Ленинграда 20–30-ых гг.

Лучевая планировка, использованная в Батенинском жилмассиве – приём в принципе барочный, хотя то, что три луча расходятся не из одной точки, довольно необычно. Соседняя пл. Климова на Кантемировской ул., сформированная в послевоенные годы, в укрупненном масштабе повторяет именно эту планировку. Симоновым тоже была задумана площадь – но в необычном месте, практически на краю города, обращенная в пустоту. Это пустое пространство между Диагональной и Новолитовской ул. застроили только в 1970-е, а год назад совершенно испортили высотным зданием – единственным пока примером уплотнительной застройки на рабочих окраинах. По замыслу зодчих жилмассив образуют 2 равнобедренных треугольника, вершины которых, направленные в противоположные стороны, акцентированы, основания же решены пассивно. Малый треугольник обращен к Лесному пр., на острие его – самая монументальная из всех подворотен Симонова. У другого треугольника на вершине (с восточной стороны) – монументальный въезд во двор, фланкированный двумя башнями-эркерами. Напротив, со стороны Лесного, т. е. в основании этого треугольника малоинтересное здание универсама (пониженной этажности). Знамени-

тый график-авангардист Яков Чернихов, об осуществленных проектах которого известно довольно мало, в списке своих построек указывает некий «универмаг на Лесном пр.»⁶. И хотя другого здания с таким назначением здесь нет, участие Чернихова маловероятно. Интересно, что продолжением второго, северного треугольника должен был стать район (широтной) строчной застройки, нарушающей строгость первоначального замысла, но оставшейся неосуществленной, зато два дома за Парголовской ул. (39 и Диагональная, 6) по своей планировке продолжают Батенинский участок, хотя построены уже после войны.

Студенческий городок – редкий пример жилой архитектуры с обнаженной кирпичной кладкой – покрашенной (кое-где в серый цвет, как бы в предчувствии еще не вошедшего тогда в употребление силикатного кирпича), но по большей части не оштукатуренной. В Ленинграде такие фасады традиционно считались принадлежностью промышленного строительства, для жилых домов они казались слишком бедными, и даже в годы конструктивизма встречались нечасто. Тем не менее, в бедности или хотя бы скромности по части выразительных средств этот масштабный комплекс упрекнуть нельзя. Он необычайно насыщен разного рода формальными приемами – отметим почти «триумфальные» арки, оригинальные решения углов, экспрессивные полукруглые выступы и, конечно же, общий план. При последовательном проведении принципа строчной застройки (ориентированной по меридиану), в комплексе домов присутствует и симметрия, и осевое построение. Общая композиция игнорирует незначительный на тот момент Флюгов пер. (ныне Кантемировская ул.), все дома вдоль которого возведены уже после войны.

Особую ценность представляет здание пищеблока (с фабрикой-кухней), во втором этаже которого редкое по тем временам ленточное окно во весь фасад (освещавшее студенческую столовую), с другой же (северной) стороны, напротив, преобладают вертикальные членения. Школа-гигант в пер. Харченко композиционно связанная с ансамблем, функционально ему не принадлежит.

Sergej Fofanov, Ivan Sablin: Sechs Siedlungen des Leningrader Konstruktivismus

Der Beitrag stellt sechs Leningrader Siedlungen der Moderne vor und beschreibt kurz städtebauliche Gemeinsamkeiten des Leningrader Wohnungsbaus und die Besonderheiten der einzelnen Wohnanlagen. In den 1920/30er Jahren wurden in den Leningrader Randvierteln zahlreiche Wohnanlagen und Versorgungseinrichtungen gebaut. Im Vergleich zu zeitgleichen Moskauer Wohnungsbauprojekten unterscheiden sich die Planungen in Leningrad vor allem in städtebaulicher Hinsicht. Die neuen Wohngebiete in Leningrad grenzen sich kaum ab von der bestehenden Stadt, sondern stellen eine Erweiterung dieser dar, indem sie traditionelle Planungs-

prinzipien aufgreifen und das Straßennetz sowie die städtebauliche Grundstruktur fortschreiben, um die neuen Gebiete bewusst in das städtebauliche Gesamtbild einzufügen. Eine konsequente Zeilenbauweise, wie es das Leitbild des modernen Städtebaus forderte, ist in Leningrad selten oder nur in abgeschwächter Form anzutreffen.

Bei der Traktornaja Ulica (Traktorenstraße, 1925–27, A. Nikol'skij, G. Simonov, A. Gegello) ist noch die Gestaltung einer Straße das städtebauliche Grundthema. Dabei werden Symmetrie und Asymmetrie gemischt. Die Wohnanlage Bol'shevik (Ende 1920er, G. Simonov, T. Kacenenbogen u. a.) basiert auf einer strahlenförmigen Erschließung. Die Aufteilung des Šcemilovka-Viertels (Ende 1920er, G. Simonov?) stellt Bezug zum Betrieb „Vena“ her, und die Klinkergestaltung der begrenzenden Wohntürme erinnert an den deutschen Expressionismus. Eine Besonderheit der Kondrat'evskij-Wohnanlage (1929–1931, L. Tverskoj, G. Simonov u. a.) ist die mit einer Art von Tribünen und Durchfahrten gestaltete Mittelachse. Bei der Bateninskij Wohnanlage (1927–1930, G. Simonov u. a.) wird das barocke Prinzip einer strahlenförmigen Grundstücksaufteilung auf eigenwillige Weise interpretiert. Sichtziegel – wie beim Studenčeskij Gorodok (Studentenstädtchen, 1929–1932, M. Fel'ger, S. Brovcev, A. Petrov) – sind eher charakteristisch für den Industriebau und galten im Wohnungsbau als zu „ärmlich“. Der Städtebau ist dagegen reich an formalen Mitteln wie Achsenbildungen, „triumphale“ Durchfahrten, originelle Ecklösungen oder expressive Halbzylinder.

¹ Martin Wörner, Doris Mollenschott, Karl-Heinz Hüter u. a.: *Architekturführer Berlin*, Berlin 2001.

² Данная цифра приводится нами как примерная по количеству жилмассивов, построенных в этот период. При этом мы можем ссылаться, на те примеры, которые стала доступной в связи с проделанной нами исследовательской работой. В своём исследовании мы исходили из принципа, что две связанные между собой жилые постройки, уже являются жилмассивом. При этом эти постройки, должны отвечать следующим принципам – во первых, временной отрезок между 1925–1933 г., новое социальное назначение и применение нового архитектурного языка при проектировании этих комплексов.

³ Жилмассивы (жилые массивы), система застройки, характерная для новых гор. р-нов в 1920–30-х гг. В связи с острой потребностью в жилье в сер. 1920-х гг. на смену индивиду. стр-ву пришел Ж. – новый тип массовой застройки гор. пространств с включением комплексов бытового обслуживания, парков и пр. В 1920–30-х гг. Ж. сооружались на рабочих окраинах, пустырях и терр., примыкавших к крупным пр-тиям.

⁴ М. А. Орлов (Отв. Ред): Ленинград. История, экономика, культура, 1933, путеводитель. В 2 т, Москва-Ленинград 1933., т. 1, стр. 142.

⁵ Беседа В. И. Ленина с А. В. Луначарским // В. И. Ленин: Полн. собр. соч. 5-е изд., т. 44, Москва 1967, стр. 579.

⁶ И. Д. Саблин: Яков Чернихов // сост. В. Г. Исаченко; ред. Ю. Артемьева, С. Прохвятилова: Зодчие Санкт-Петербурга. XX век, Санкт-Петербург 2000, стр. 132.

Einführung in die Ausstellung „Avantgarde – Welterbe? Zur Erhaltung der Bauten der Moderne in Russland und Deutschland“

Anke Zalivako

Durch die Gründung der Weimarer Republik im Jahr 1919 eröffneten sich in Deutschland völlig neue Möglichkeiten im privaten Wohnungs- und kommunalen Siedlungsbau. Vor allem die Architekten des Neuen Bauens wollten die überkommenen Wohnformen und Konstruktionsmethoden des Kaiserreiches reformieren. Zur gleichen Zeit wurde der Russische Konstruktivismus mit einem vergleichbaren Ziel zur Architektursprache der neuen sowjetischen Gesellschaft. Mit den Bauten der Avantgarde in der Sowjetunion bzw. der Moderne in Westeuropa erfolgte in kürzester Zeit eine Revolutionierung der bestehenden Bautraditionen und die Ent-

heute als „unrussisch“ empfunden. Erst nach der Perestrojka konnte ein Teil der Bauten unter Denkmalschutz gestellt werden, aber ein adäquater baulicher Umgang steht noch immer aus.

Auch in der jungen Bundesrepublik wurde die Architektur des Neuen Bauens eher ignoriert und die Gebäude stark vernachlässigt. Die Sanierung vieler dieser Bauten im wiedervereinigten Deutschland löste geradezu eine Renaissance der Klassischen Moderne aus. Das Bauhausgebäude und die Meisterhäuser in Dessau wurden 1996 zum UNESCO-Welterbe erklärt. Inzwischen konnten zahlreiche Erfahrungen im

wicklung einer innovativen Ästhetik. Sie legten im Hinblick auf Konstruktion und Materialien den Grundstein für unsere heutige Bautechnik.

Nur wenige Jahre, nachdem sich die Moderne in herausragenden Bauten manifestiert hatte, wurde sie durch die Nationalsozialisten bzw. das stalinistische Regime unterbunden und diffamiert. Die mit neuen Materialien und Techniken errichteten Gebäude wurden als Billigbauten aus nicht dauerhaften Materialien abgelehnt. Sowohl in der Sowjetunion als auch später in der DDR änderte sich diese Haltung bis in die 1970er Jahre nicht. Die konstruktivistischen Bauten mit ihrer schlichten Fassadengestaltung werden in Russland bis

Umgang mit dieser besonders sensiblen Bausubstanz gesammelt werden.

Die Ausstellung weist auf die Bedrohung dieses kleinen, aber wertvollen Denkmalbestandes vor allem in der kurzen sowjetischen Baugeschichte hin und möchte für ihren Erhalt werben. Sie dokumentiert anhand von Beispielen auch, wie sich der anfangs schwierige Umgang mit dem Erbe der Klassischen Moderne in Deutschland positiv weiterentwickelt hat. Ich bedanke mich beim PRO-ARTE-Institut und dem Direktor des St. Petersburger Stadtmuseums sowie bei Maria Makagonova für die Räumlichkeiten und die Erweiterung der Ausstellung mit Leningrader Beispielen.

Анке Заливако: Введение в выставку «Авангард – всемирное наследие? К сохранению построек модернизма в России и Германии»

С возникновением Веймарской Республики в 1919 г. в Германии появились совершенно новые возможности в области частного и коммунального жилищного строительства. Главной целью архитекторов «Современного движения» в Германии была реформа устаревших традиционных форм и методов строительства. В это же время конструктивизм с похожими целями становится языком архитектуры «нового быта» в Советском Союзе. Появление зданий конструктивизма в Советском Союзе и модернизма в Западной Европе означало революцию в области существующих традиций в строительстве и начало развития совершенно новой эстетики. Конструкции

и материалы этой архитектуры стали основой сегодняшней строительной техники.

Уже несколько лет после проявления Современного движения в выдающихся постройках, оно подверглось резкой критике со стороны национал-социалистов и сталинского режима, а позже и вовсе оказалось под запретом. Здания, построенные с использованием новых материалов и методов были отвергнуты как дешёвые постройки из недолговечных материалов. Ситуация не менялась вплоть до 1970-х гг. ни в Советском Союзе, ни в Германии. Здания конструктивизма со своими простыми фасадами и сегодня воспринимаются в России как «нерусские». Начиная с политикой перестройки в 1987 году часть зданий поставили на охрану, но соответственного внимания им до сих пор не уделяется.

Поначалу в ФРГ архитектура движения модернизма тоже скорее игнорировалась и здания находились в плохом состоянии. Начиная с 1980 г. благодаря реставрации многих этих зданий в объединённой Германии ранний модернизм в архитектуре 1920х годов даже испытывал некий ренессанс. Удачное проведение реставраций немалого числа зданий конструктивизма в Германии включил в себя возможность накопления богатого реставрационного опыта в связи с наследием модернизма. В 1996 г. здание школы Баухаус и дома мастеров в Дессау были внесены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Выставка показывает наличие угрозы этому маленькому, но драгоценному числу памятников в короткой истории строительства Советского Союза и агитирует за их сохранение. Она документирует также на примерах как поначалу трудный процесс обращения с наследием классического Модернизма в Германии позитивно развивался с течением времени. Я хочу поблагодарить Институт ПРО АРТЕ, директора Государственного музея истории Санкт-Петербурга Александра Колякина и Марию Макогонову за дополнительную информацию о ленинградской архитектуре авангарда и предоставление залов для выставки.

*Ausstellungstafeln „Avantgarde – Welterbe?“ „Zur Erhaltung der Bauten der Moderne in Russland und Deutschland“
Стенды выставки «Авангард – всемирное наследие?»
К сохранению построек модернизма в России и Германии»*

Открытие выставки «Архитектурный авангард – всемирное наследие?»

Елена Коловская

Открытие выставки «Архитектурный авангард – всемирное наследие? Сохранение зданий конструктивизма в России и Германии» в Петропавловской крепости 3 октября 2008. Eröffnung der Wanderausstellung „Avantgarde – Welterbe? Zur Erhaltung der Bauten der Moderne in Russland und Deutschland“ (Technische Universität Berlin/Stiftung Bauhaus Dessau) in der Peter-und-Paul-Festung am 3. Oktober 2008.

Выставка «Архитектурный авангард – всемирное наследие?» – часть «Недели русского авангарда», проходящей в Санкт-Петербурге в октябре 2008 года в рамках российско-германского форума «Петербургский диалог». Эта выставка, открывающаяся в прекрасных залах Государева бастиона в Петропавловской крепости – продукт сотрудничества нескольких организаций и фондов.

Наши немецкие коллеги – Фонд Баухаус Дессау и Технологический университет Берлина – при поддержке Немецкого исследовательского фонда и в сотрудничестве с Государственным музеем архитектуры им. Щусева создали первую часть выставки, посвященную архитектуре авангарда 1920–30-х годов в Германии и Москве. Во время прошлогоднего «Петербургского диалога» (2007) проф. Йорг Хаспель и госпожа Анке Заливако предложили нам, Институту ПРО АРТЕ, показать эту часть выставки в Петербурге. Но нам показалось, что было бы важно дополнить выставку информацией о ленинградском периоде архитектуры авангарда, и мы обратились в Государственный музей истории Санкт-Петербурга, с которым сотрудничаем уже много лет: Мы и раньше проводили совместные семинары, выставки и лекции об архитектуре русского авангарда.

Мария Макогонова, сотрудница Музея и известный эксперт по ленинградской архитектуре 1920–30-х годов, подготовила вторую часть этого документального проекта, поднимающего вопросы сохранения зданий

конструктивизма в России и Германии. Московский Центр современной архитектуры предоставил фильмы из авторского цикла Ирины Коробыной «Советский архитектурный авангард». Выставка в Санкт-Петербурге была организована Институтом ПРО АРТЕ и поддержана Фондом Форда. Мне бы хотелось поблагодарить всех, кто участвовал в нашем проекте, а также организаторов «Петербургского диалога» и лично проф. Вильфреда Менгина, и особенно Немецкий культурный центр имени Гете, наших давних надежных партнеров.

Мне кажется очень важным, что для создания этого проекта объединились государственные и негосударственные институты, потому что сохранение культурного наследия – это каждодневная работа многих и многих людей, и только объединившись можно действительно что-то изменить. То, что выставка проходит в рамках форума «Петербургский диалог», позволяет надеяться, что такие сложные, а иногда и болезненные, вопросы сохранения архитектуры авангарда, наконец получают должное внимание и поддержку государственных властей. Просветительскую ценность нашего общего проекта трудно переоценить, и очень важно, чтобы выставка много путешествовала. По счастью, выставка имеет очень удобный формат – планшеты легко перевозить, и мы планируем показать ее еще в нескольких российских городах после Петербурга.

ФОНД «ПРО АРТЕ»

Петербургский благотворительный фонд культуры и искусства «ПРО АРТЕ» (www.proarte.ru) создан в 1999 году. Деятельность Фонда связана с изучением и продвижением явлений культуры и искусства XX–XXI века. Фонд организует лекции, семинары, конференции, выставки, концерты и поддерживает проекты российских художников и культурных организаций.

Программа по современной архитектуре была открыта в ПРО АРТЕ в 2004 году, с тех пор в Петербурге выступили с лекциями более 60 российских и зарубежных архитекторов, было организовано более 20 выставок и конференций.

Особое внимание уделяется вопросам архитектуры авангарда: в сотрудничестве с Государственным музеем истории Санкт-Петербурга была организована выставка «Неизвестный Ленинград. 20 шедевров архитектуры конструктивизма» и конференция «Судьба конструктивизма: проблемы охраны и реставрации памятников архитектуры конструктивизма» (2005), в 2008 совместно с Государственным центром современного искусства, Екатеринбург, издан сборник «Прогулки за искусством. Ленинград, Москва, Свердловск» и др.

Elena Kolovskaja: Eröffnung der Ausstellung „Architektur-Avantgarde – Welterbe?“

Die Ausstellung „Architektur-Avantgarde – Welterbe?“ entstand in Zusammenarbeit verschiedener staatlicher und nichtstaatlicher Institutionen aus Deutschland und Russland. Diese Kooperation ist ein Beispiel und eine Ermutigung dafür, wie die Erhaltung des kulturellen Erbes der Avantgarde mit vereinten Kräften vorangebracht werden kann. Die Stiftung Bauhaus Dessau und die TU Berlin hatten mit Unterstützung der Deutschen Forschungsgemeinschaft (DFG) und in Zusammenarbeit mit dem Architekturmuseum Moskau den ersten Teil organisiert, der die Erhaltung der Moderne in

Deutschland und in Moskau gegenüberstellte. In St. Petersburg wurde die Ausstellung von der gemeinnützigen Stiftung zur Erforschung und Förderung der Kultur und Kunst des 20. und 21. Jahrhunderts „PRO ARTE-Institut“ mit Unterstützung der Ford-Stiftung organisiert und aktualisiert. Das Stadtmuseum und Maria Makagonova konnten für die Ergänzung der Ausstellung um einen zweiten Teil zu Bauten der Moderne in Leningrad gewonnen werden.

Das PRO-ARTE-Institut dankt allen Mitwirkenden, den Organisatoren des Petersburger Dialogs und besonders Wilfried Menghin sowie dem Goethe-Institut. Dass sich der Petersburger Dialog des Themas angenommen hat, gibt uns die Hoffnung, dass das Erbe der Architekturavantgarde die ihm gebührende öffentliche Aufmerksamkeit und staatliche Unterstützung finden wird.

Выставочный проект в рамках
«Неделя русского авангарда в Санкт-Петербурге»

**Воплощенная утопия.
Новая архитектура 1920-х.
Россия – Германия**

Осенью этого года в Петербурге уже в четвертый раз пройдет международный форум «Петербургский диалог». Частная общественная программа Диалога называется «Неделя русского авангарда в Санкт-Петербурге», в рамках которой Немецкая культурная центр имени Гёте представляет выставочный проект «Воплощенная утопия. Новая архитектура 1920-х. Россия – Германия». Проект призван привлечь внимание общественности к вопросу сохранения архитектурных памятников конструктивизма и продемонстрировать творческое взаимодействие архитекторов Германии и России в 1920-е гг.

В залах Научно-исследовательского музея Российской Академии художеств развернута новая экспозиция: выставка генерального общества «Немецкая Берлина», Берлин – «Бруно Таут – мастер архитектуры цвета», монографическая выставка «Дриус Менделсон – динамика и функция» Института связей с зарубежными странами (DZ). «Жизнь в планировке мирового наследия» – шесть жилых районов памятников модернизма в Берлине – Урбанизация Сенкта-Вирлима по вопросам развития города и выставка «От эксперимента к практике – конструктивный конструктивизм», организованная Гёте-институтом совместно с Научно-исследовательским музеем Российской Академии художеств.

Работы немецких архитекторов представлены в разделах, посвященные Бруно Тауту, Дриус Менделсону, а также на выставке «Жизнь в планировке мирового наследия», демонстрирующей жизнь жилищных Берлина, в зданиях которых принимала участие Бруно Таут и другие крупные архитекторы той эпохи. Эти шесть наиболее значительных памятников жилой архитектуры 1920-х гг. в Берлине в начале 2000-х годов были внесены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Выставка «От эксперимента к практике – конструктивный конструктивизм» представляет шесть знаменитых жилищных, созданных в 1920-30-е годы, а также уникальную коллекцию моделей Александра Невельского – одного из самых знаменитых архитекторов довоенного Ленинграда.

Так с разных сторон и точек зрения на выставке показаны бытие, существование и противоречия архитектурной жизни двух стран в 1920-е гг.

Оформление выставочного пространства: Лофт Проект ЭТАЖИ

**ВОПЛОЩЕННАЯ УТОПИЯ.
НОВАЯ АРХИТЕКТУРА 1920-х. РОССИЯ – ГЕРМАНИЯ**
30 сентября – 25 октября 2008
Полноценный проект в рамках «Неделя русского авангарда»
Участники: Диалог, PRO ARTE, Гёте-институт, Музей архитектуры им. Щусева, Музей истории архитектуры им. Щусева, Музей истории архитектуры им. Щусева, Музей истории архитектуры им. Щусева

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДИАЛОГ 2008
Полноценный проект в рамках «Неделя русского авангарда»
Участники: Диалог, PRO ARTE, Гёте-институт, Музей архитектуры им. Щусева, Музей истории архитектуры им. Щусева, Музей истории архитектуры им. Щусева, Музей истории архитектуры им. Щусева

**Архитектурный авангард –
Всемирное наследие?**
Сохранение зданий конструктивизма в России и Германии

work.bund, ЭТАЖИ, Deutsche Bank

Информационный центр:
Полноценный культурный центр имени Гёте
Наб. реки Мойки, 38, 190000, Санкт-Петербург
тел. +7 812 2631123, факс +7 812 3256314
info@spb.petersburg.goethe.org, www.goethe.de/petersburg

Welterbestätte Bauhaus Dessau. Zum Umgang mit dem Erbe der Moderne

Monika Markgraf

Die internationale Diskussion über Fragen der Stadtplanung und Architektur, über neue Konstruktionsweisen und industrielle Fertigung wurde in den 1920er Jahren auch am Bauhaus geführt. Von hier sind Impulse für die Entwick-

Die Errichtung des Bauhausgebäudes, der Meisterhäuser und der Siedlung Dessau-Törten fand 1926 große Beachtung in der Öffentlichkeit, nach Schließung des Bauhauses wurden die Bauten jedoch diffamiert und stark verändert. Maß-

*Bauhausgebäude 2004.
Здание школы Баухаус 2004 г.*

lung der russischen Moderne gekommen, und Impulse aus der russischen Avantgarde haben die Entwicklung im Bauhaus beeinflusst. Auch die Rezeption der Moderne zeigt in beiden Ländern Ähnlichkeiten: In Russland wie in Deutschland wurden die Gebäude bereits wenige Jahre nach ihrer Entstehung gering geschätzt, entstellt und vernachlässigt.

Auch wenn die kunsthistorische Bedeutung der Bauten unumstritten war, wurden die Bauten oft nicht als historische und künstlerische Zeugnisse erkannt, die es zu erforschen und zu schützen gilt. Mit ihrer auch heute noch modernen Ausstrahlung sind diese Gebäude für viele alltäglicher Bestandteil im modernen Stadtbild; ihr historischer Wert wird nicht gesehen. Auch bauliche Veränderungen und Ergänzungen tragen dazu bei, dass die ursprüngliche Qualität der Bauten verdeckt wird. Das bedeutet eine besondere Gefährdung für diese Architektur, die für soziale, räumliche, technologische und ästhetische Innovationen steht. Mit der Aufnahme von Bauten der Moderne in die Liste des Weltkulturerbes ist deren Bedeutung zunehmend in das Bewusstsein der Öffentlichkeit gerückt und mit dem erfolgreichen Abschluss von Sanierungen dieser Bauten sind diese auch wieder in ihrer ursprünglichen Qualität zu erkennen. Die Bauhausbauten in Dessau sind Beispiele für diesen Wertewandel.

nahmen wie die geplante Errichtung eines geneigten Daches über dem Bauhausgebäude sollten vor dem immer wieder eindringenden Wasser schützen, boten aber auch willkommenen Anlass für Polemik gegen das Bauhaus¹. Die Umbauten an den Meisterhäusern waren nicht allein den neuen Nutzungen geschuldet, sondern auch dem Bestreben „dass die wesensfremde Bauart aus dem Stadtbild verschwindet“². Mit der Überschrift „Bauhaus-Irrtümer werden beseitigt“ kommentierte die *Mitteldeutsche Zeitung*³ den Ausbau der großflächigen Atelier-Verglasungen. In der Siedlung Dessau-Törten wurden Stahlfensterbänder durch Lochfenster aus Holz mit außen liegenden Klappläden ersetzt. Vernachlässigung und entstellende Veränderungen führten zum Verlust der architektonischen Qualität der Bauten. Mitte der 1960er Jahre wuchs die Wertschätzung des Bauhauses wieder. Nachdem das Bauhausgebäude unter Denkmalschutz gestellt war, wurde 1976 eine erste umfangreiche Rekonstruktion durchgeführt. Das Bauhaus mit seinen Bauten in Dessau und Weimar (Bauhausgebäude und Meisterhäuser in Dessau sowie ehemalige Kunstschule, ehemalige Kunstgewerbeschule und Haus am Horn in Weimar) wurde 1996 in die Liste des Weltkulturerbes bei der UNESCO aufgenommen. Im gleichen Jahr begann die umfassende Sanierung des Bauhausgebäudes, die 2006 abgeschlossen wurde. Zeitgleich er-

*Bauhausgebäude 1926.
Здание школы Баухаус 1926 г.*

*Bauhausgebäude 1958.
Здание школы Баухаус 1958 г.*

folgte die Sanierung weiterer Bauhausbauten: Meisterhäuser (1993–2002), einzelne Reihenhäuser in der Siedlung Dessau Törten (1996–2006), Stahlhaus (1992–93, 2007), Konsumgebäude (1996), Laubenganghäuser (1992–98), Arbeitsamt (1999), Kornhaus (1996).

Bei den Sanierungsarbeiten wurden auf der Grundlage umfassender Recherche und Untersuchungen unterschiedliche denkmalpflegerische Sanierungskonzeptionen realisiert, die den jeweils besonderen Umständen entsprachen. So kann es beispielsweise in der Siedlung Dessau-Törten, in der sich alle Häuser in privatem Eigentum befinden, aus denkmalpflegerischer Sicht kein Ziel sein, die gesamte Siedlung auf einen bauzeitlichen Zustand zurückzuführen. Ein realistisches Ziel ist es jedoch, am Beispiel einzelner Bauten die ursprüngliche Qualität der Siedlungshäuser zu zeigen. Bei der Siedlung der Meisterhäuser dagegen wurde die möglichst originalgetreue Wiederherstellung der Bauten in ihrer äußeren Gestalt angestrebt. Im Inneren wurde im Haus Feininger ebenfalls weitgehend der bauzeitliche Zustand von 1926 einschließlich der Ausstattung rekonstruiert. Das Haus Kandinsky-Klee, in dem die in sich geschlossene Farbfassung von 1932 wieder hergestellt wurde, ist zu einem Museum mit Klima- und Sicherheitstechnik umgebaut worden. Im Meisterhaus Muche-Schlemmer fand die Geschichte des Gebäudes besondere Beachtung. Im Inneren sind deshalb Veränderungen aus den vergangenen Jahrzehnten erhalten und die Ausstattung wurde mit heutigen Elementen ergänzt.⁴ Die Sanierung des Bauhausgebäudes wurde durch zwei Bauforschungsprojekte

begleitet. Besondere Aufmerksamkeit galt der Struktur und Materialität der Oberflächen, die zusammen mit der farbigen Gestaltung die Wirkung der Architektur entscheidend bestimmen.⁵ Erst durch die Erarbeitung von umfassenden Gesamtkonzeptionen für die Bauten war es möglich, die vielfältigen Anforderungen im Zusammenhang zu betrachten und zu bewerten, sodass in sich schlüssige Werke entstehen konnten. Viele der Dessauer Bauhausbauten sind heute öffentlich zugänglich und werden von Besuchern aus aller Welt besichtigt.

Моника Маркграф: Всемирное наследие Баухаус в Дессау: Отношение к наследию модернизма

Статья очерчивает схожие черты в архитектуре, истории восприятия построек Баухаус и русского модернизма и рассказывает об опыте работы по санации построек Баухаус в Дессау за последние 10 лет. И в немецкой архитектурной школе Баухаус, и в России обсуждались одни и те же темы. Таким образом, существовали взаимные импульсы развития. Также под конец периода модернизма были схожими в обеих странах пренебрежение и критика к его постройкам. Причины недостаточного признания кроются в том, что

*Meisterhaus Muche-Schlemmer 1998.
Дом мастеров Мухе-Шлеммер 1998 г.*

*Meisterhaus Muche-Schlemmer 2002.
Дом мастеров Мухе-Шлеммер 2002 г.*

*Siedlung Dessau-Törten, Kleinring 42, 2002.
Жилмассив «Дессау-Тёртен»,
Улица Клейнринг 42.*

*Siedlung Dessau-Törten, Kleinring 42, 2004)
(Foto: Johannes Bausch, Berlin. Architekt der Sanierung).
Жилмассив «Дессау-Тёртен», Улица Клейнринг 42,
2004 г. (Фото: Йоханнес Бауш, Берлин. архитектор).*

для многих историческое значение зданий модернизма не стало очевидным. Принципы модернизма до сих пор влияют на проектирование и облик современной архитектуры. Также некоторые строительные изменения привели к утрате эстетического качества памятников модернизма. Благодаря внесению построек модернизма в Список всемирного наследия ЮНЕСКО их значение постепенно становится частью общественного сознания, а несколько успешных проектов по санации этих зданий делают первоначальную красоту памятников модернизма снова узнаваемой.

В 1996 Баухаус с его постройками в Ваймаре и Дессау был включен в Список всемирного наследия. Были проведены обширные исследование и инвентаризация по состоянию этих зданий, разработаны комплексные концепции. Только с их помощью была возможна оценка многообразных запросов. При санации, в зависимости от исходной обстановки, были применены различные подходы по сохранению памятников. Например, в посёлке Дессау-Тёртен, только у отдельных домов воссоздается их первоначальный внешний вид. А в так называемых «Домах мастеров», где неподалеку от архитектурно-

строительной школы Баухаус проживали профессора этого учебного заведения, стремились по возможности к восстановлению максимально приближенному к оригиналу внешнего вида. Внутри же были реконструированы различные цветовые варианты, а также частично оставлены следы многолетней использования зданий перестройки и изменения. Многие постройки Баухауса сегодня общедоступны и стали привлекательными аттракционами для людей.

¹ Überdachung des Bauhauses – Unterlassungssünden werden wieder gutgemacht, in: Anhaltische Abendzeitung vom 10. Januar 1934.

² Ratsentschluss 2. Februar 1939.

³ Mitteldeutsche Zeitung 27. Juli 1929.

⁴ August Gebeßler: Gropius. Meisterhaus Muche/Schlemmer. Die Geschichte einer Instandsetzung, Stuttgart 2003.

⁵ Monika Markgraf: Archäologie der Moderne. Sanierung Bauhaus Dessau, Berlin 2006.

Ленинградский конструктивизм – наследие под угрозой

Мария Макогонова

Сегодня в Петербурге, гордящемся своими классическими традициями и всемирно-известными шедеврами барокко и классицизма, памятники той короткой эпохи, когда советская архитектура развивалась в русле международного Современного движения, еще не получили должного общественного признания, а многие здания перестраиваются, реконструируются или даже просто сносятся.

Александр Гегелло. Как бы то ни было, общим для всех ленинградских архитекторов в этот период было стремление к созданию дешевых в строительстве и начисто лишенных «буржуазного» декора зданий, имеющих конкретную социальную функцию по реорганизации всей жизненной среды, окружающей человека, традиционных форм быта и досуга в соответствии с потребностями социалистической эпохи.

Школа на улице Ткачей (1927–1929. Григорий Симонов). Фото 2007.
Schule in der Ulica Tkačej (1927–29, Grigorij Simonov). Foto 2007.

Ленинградскую архитектуру второй половины 1920-х – начала 1930-х годов обычно называют «ленинградским конструктивизмом». Этот термин объединяет такие несхожие здания как, например, школа имени 10-летия Октября (1925–1927. Александр Никольский), имеющая план в виде серпа и молота, кирпичные стены и деревянные перекрытия, и фабрика-кухня Московско-Нарвского района (1929–1931. Армен Барутчев, Иосиф Гильтер, Иосиф Меерзон, Яков Рубанчик), с каркасом из монолитного железобетона, большими поверхностями остекления и непрерывными ленточными окнами; наследие таких разных по своим творческим взглядам мастеров как Александр Никольский и Ной Троцкий, Армен Барутчев и Евгений Левинсон, Георгий Симонов и

Во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов в Ленинграде развернулось сооружение экспериментальных жилых массивов со сферой обслуживания и специфических типов общественных зданий (рабочие клубы и дворцы культуры, районные советы), проектировались дома-коммуны, строились школы, детские сады, больницы, спортивные сооружения... Первым опытом создания дешевого экономичного жилья со стандартными мало-метражными квартирами стала застройка Тракторной улицы (1925–1927. Александр Никольский, Александр Гегелло, Григорий Симонов). В жилую застройку включались учреждения культурного и бытового обслуживания. Так, рядом с жилым массивом на Тракторной улице были возведены Дворец культуры имени Горького

Фабрика-кухня Василеостровского района (1929–1931. Армен Барутчев, Иосиф Гильтер, Иосиф Меерзон, Яков Рубанчик). Фото начала 1930-х.
Fabrikküche des Vassilij-Ostrovskij Rayons (1929–31, Armen Barutčev, Iosif Gil'ter, Iosif Meerzon, Jakov Rubančik). Foto Anfang der 1930er Jahre.

Фабрика-кухня Василеостровского района. Фото 2008.
Fabrikküche des Vassilij-Ostrovskij Rayons. Foto 2008.

Первый дом Ленсовета (1931–1935. Евгений Левинсон, Игорь Фомин). Фото начала 1930-х.
Erstes Wohnhaus des Leningrader Stadtrats „Lensovet“ (1931–35, Evgenij Levinson, Igor Fomin). Foto Anfang der 1930er Jahre.

Школа на улице Ткачей. Фото начала 1930-х.
Schule in der Ulica Tkačej. Foto Anfang der 1930er Jahre.

(1925–1927. Александр Гегелло, Давид Кричевский), здания райсовета (1930–1934. Ной Троцкий) и Московско-Нарвской фабрики-кухни (1929–1931. Армен Барутчев, Иосиф Гильтер, Иосиф Меерзон, Яков Рубанчик), а по

проекту Александра Никольского были сооружены здания общественных бань (Баня «Гигант». 1928–1930) и школы имени 10-летия Октября (1925–1927).

Увы, многим смелым замыслам тех лет было суждено остаться на бумаге из-за отсталости строительной индустрии. Среди построенных в Ленинграде зданий найдется немного образцов «чистого» конструктивизма. Среди них выделяются здания трех фабрик-кухонь, созданных в 1929–1931 годах в разных районах города. К числу признанных шедевров относятся средняя школа на улице Ткачей (1927–1928. Григорий Симонов), клуб имени Ильича (1929. Николай Демков), Первый дом Ленсовета (1931–1935. Евгений Левинсон, Игорь Фомин). Все эти здания представлены на выставке «Архитектурный авангард – Всемирное наследие?», подготовленной при участии Музея истории Санкт-Петербурга. Ее задача – привлечь внимание общественности к проблемам сохранения архитектурного наследия 1920-х – начала 1930-х годов, особенно острым в современном Петербурге.

Ленинградскому конструктивизму, как и всей новаторской архитектуре в Советском союзе была суждена яркая, но недолгая жизнь. Справедливости ради надо отметить, что дискредитации модернистских идей способствовала сама строительная практика. Стремление к максимальной экономичности застройки нередко оборачивалось монотонностью и однообразием, интересные и яркие проекты осуществлялись в упрощенном, иногда до неузнаваемости искаженном виде.

В середине 1930-х годов эпоха поиска и эксперимента трагически завершилась. На долгие годы в общественном сознании утвердилось представление о маргинальном положении архитектуры второй половины 1920-х – начала 1930-х годов в Ленинграде – «городе классических традиций». Переоценка значимости этого наследия стала происходить лишь на протяжении последних десяти-пятнадцати лет. Сегодня в Петербурге под государственной охраной состоят уже около 80 памятников архитектуры 1920–1930-х годов, но судьба многих зданий, по-прежнему вызывает тревогу.

Клуб имени Ильича (1929. Николай Демков).
 Фото 2007.
 Klub „Il'ič“ (1929, Nikolaj Demkov).
 Foto 2007.

Дворец Культуры имени Горького (1925–1927.
 Александр Гегелло, Давид Кричевский). Фото 2008.
 Kulturpalast „Gorkij“ (1925–27, Aleksandr Gegello,
 David Kričevskij). Foto 2008.

Maria Makagonova: Leningrader Konstruktivismus: Erbe in Gefahr

Der Baustil, der sich in Leningrad von der zweiten Hälfte der 1920er bis Anfang der 1930er Jahre verbreitete, wird meistens als „Leningrader Konstruktivismus“ bezeichnet. Unter diesen Oberbegriff fallen ganz verschiedene Bauten und Architekten wie A. Nikol'skij, N. Trockij, A. Barutčev, E. Levinson, G. Simonov oder A. Gegello. Gemeinsam war ihnen das Streben nach einer preiswerten Bauausführung, die im Dienst einer neuen Lebensweise stehen und frei von „bourgeoisem“ Dekor sein sollte. Unter den Leningrader Bauten finden sich nur wenige Beispiele für eine stilreine Moderne. Hervorzuheben wären die drei Fabrikküchen (1929–31, A. Barutčev/I. Gil'ter/I. Meerzon/Ja. Rubančik), die Schule in der Tkačej-Straße (1927–28, G. Simonov), der Klub „Il'ič“ (1929, N. Demkov) und das Erste Wohnhaus

des Leningrader Rats (Pervyj dom Lensoveta, 1931–35, E. Levinson/I. Fomin). Zur folgenden Diskreditierung der Avantgarde-Architektur trug die damalige Baupraxis bei, denn unter dem Ökonomiediktat und wegen der zurückgebliebenen Bauindustrie wurden die Entwürfe vereinfacht realisiert oder teilweise bis zur Unkenntlichkeit entstellt.

Mitte der 30er Jahre war die Zeit der modernen Experimente vorbei. In der „Stadt der klassischen Traditionen“ sprach die lokale Baugeschichtsschreibung der Moderne nur eine marginale Bedeutung zu.

Ein Umdenken begann erst in den letzten zehn, 15 Jahren. Heute stehen zwar etwa 80 Gebäude unter Denkmalschutz, aber trotzdem genießt das Erbe der Avantgarde und des Neuen Bauens in St. Petersburg keine ausreichende öffentliche Anerkennung. Immer noch drohen den Baudenkmalen der Moderne und dem Erbe der Avantgarde entstellende Umbauten und sogar Abrisse.

Советский архитектурный авангард в телевизионных проекциях

Ирина Коробина

Как спасти советский архитектурный авангард от полного разрушения? Акцентирование этой темы в рамках Петербургского Диалога – подтверждает, что проблема

знать не хочет – этой проблемы в общественном сознании просто не существует. Именно поэтому мы приняли решение обратиться к максимально широкой аудитории,

В Доме Мельникова. Ирина Коробина, Арата Исодаки и Виктор Мельников, сын архитектора К. С. Мельникова (2005 год).

Im Haus des Architekten Melnikov. Irina Korobina, Arata Isozaki und Viktor Melnikov, der Sohn des Architekten Konstantin Melnikov (2005).

давно вышла за границы нашего государства и ей озабочен весь прогрессивный мир. Однако, уверена, что одна из причин плачевного состояния конструктивистских построек кроется в нас самих. Они никогда не были любимы в своей стране. Я имею в виду не «узкой прослойкой» творческой интеллигенции, а теми самыми «народными массами», для которых конструктивисты создавали свою архитектуру. Советские люди без восторга вселялись в дома-коммуны, мечтая переехать в «сталинскую высотку», образ которой до сих пор остается символом жизненного успеха. И сегодня общество не рассматривает утрату памятников 20-х, этих «бедных и убогих» объектов, как трагедию. Оно их не знает, и

путь к сердцу которой лежит, как известно, через телевидение.

Политикой Центра современной архитектуры стало продвижение культуры авангардистов, их идей, открытий и озарений, их совершенно особенной эстетики в телевизионную зрительскую аудиторию, которая в России исчисляется миллионами. За 8 лет Ц:СА выпустил порядка 15 фильмов, в том числе цикл «Проекция Авангарда», с которым нас пригласили к участию в Петербургском Диалоге. Этот цикл, объединяющий 8 фильмов, был показан несколько раз на ТК Культура в прайм-тайм. Он сыграл роль ликбеза и, насколько мы знаем по отзывам и публикациям, перетянул в «лагерь сочув-

ствующих» тысячи людей. Главная трудность, с которой мы столкнулись при создании фильмов – необходимость преодоления плотной ауры безысходности и депрессивности, окружающей проблему охраны памятников 20-х. Мы стремились романтизировать удивительный период в истории XX века, когда архитектура молодой Страны Советов утвердилась в авангарде мирового движения. Поэтому предметом нашего внимания стали самые яркие примеры строительства «нового мира», шедевры советского авангарда и его великие герои, легендарные Константин Мельников, Казимир Малевич, Владимир Татлин, Моисей Гинзбург, Иван Леонидов. В качестве экспертов, объясняющих значение советского архитектурного авангарда для культуры XX–XXI века, мы привлекли звезд современной мировой архитектуры – Рема Кулхаса, Арату Исодзаки, Хани Рашида и др. В России, где как не было, так и нет «пророка в своем отечестве» их мнение прозвучало объективно и убедительно.

Показ здесь, в Ст. Петербурге, начинается фильмом «Отверженные», посвященным двум титанам советского авангарда, главные надежды и разочарования в жизни которых были связаны с городом, называемым «колыбелью революции». Человеческая судьба Казимира Малевича и Владимира Татлина – отражение судьбы Советского Авангарда с ее мощным многообещающим началом и трагичным финалом. «Героями» цикла также стали легендарные памятники – Дом Наркомфина, дом-мастерская Константина Мельникова, рабочие клубы в Москве, Госпром в Харькове, Днепрогэс, Планетарий, Бахметьевский гараж... Телевизионный формат позволяет зрителям «посетить» эти закрытые для широкого доступа объекты и понять замысел их гениальных авторов, оценить новаторство архитектурной мысли и ее значение для нашего времени. Влияние советского авангарда на мировое архитектурное движение велико и бесспорно. Завершающий фильм «Метаморфозы» напоминает об этом, а также о том, что в России, огромный потенциал, заложенный в 20-е гг., оказался практически не востребован. Новое время дает шанс, похоже, последний. Как и тогда, в 20-е годы прошлого века сегодня строится Новая Россия. Без уважения к бесценному опыту советских авангардистов, без его спасения и сохранения для будущего, мы будем только множить и усугублять исторические ошибки.

Цикл «Проекция авангарда» (Ц: СА / Центр современной архитектуры)

Руины Русского Авангарда

Проблема спасения памятников Авангарда, образующих сегодня особую зону риска, становится камнем преткновения интересов местных инвесторов и международного культурного сообщества. Об угрозе утраты уникального явления говорят ведущие архитекторы мира и страны: Заха Хадид, Арата Исодзаки, Одиль Декк, и др. Русский и английский языки.

15' /2007/ авторы: Ирина Коробьина, Ольга Кабанова; режиссер: Елена Лысакова

Дом Наркомфина: История кораблекрушения

Дом Наркомфина арх. Моисея Гинзбурга и Игнатия Милиниса оказал влияние на развитие базовых идей рационализации жилых комплексов в отечественной и международной практике. Тем не менее, он является ярким художественным жестом – примером роскоши пространственных решений, невероятной в условиях жесткой экономии. Знаменитый памятник находится под реальной угрозой превращения в руины от собственной ветхости. Его судьба должна решиться сегодня – утверждает внук Моисея Гинзбурга Алексей, архитектор, автор проекта реставрации Дома Наркомфина. Русский и английский языки.

5' /2007/ авторы: Ирина Коробьина, Ольга Кабанова; режиссер: Елена Лысакова

Храм души Архитектора Мельникова

Странное здание в Кривоарбатском переулке всегда вызывало большое любопытство у прохожих. Оно стало местом паломничества архитекторов, приезжающих в Москву со всего мира, чтобы увидеть эту икону советского авангарда.

История создания дома, его секреты, его судьба – в центре повествования. Виктор Мельников, сын великого архитектора, построившего дом для своей семьи, как храм для человеческой души, был верным и единственным хранителем дома долгие годы. После его смерти над домом нависла реальная угроза. Русский и английский языки.

15' /2007/ автор: Ирина Коробьина, режиссер: Елена Лысакова

Клубная жизнь Страны Советов

Новый тип сооружений, организующих «досуг трудящихся» означал поиск идеальных пространственных решений для достижения гармонии духовного и физического развития. Утопическая задача времени всеобщего энтузиазма и подъема принимала радикальные формы – дерзкие и вдохновляющие. Клубное строительство составило славу Советского Авангарда. А идеи, которые критики того времени отвергали как утопические мечты, начинают реализовываться в наше время. Русский и английский языки.

15' /2007/ автор: Ирина Коробьина, режиссер: Елена Лысакова

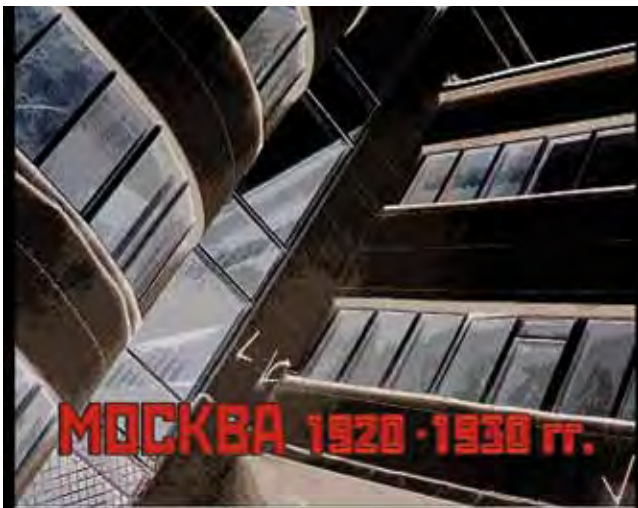
Республика Страны-Коммуны

Тема раскрывается на примере конструктивистских построек Киева, Харькова, Запорожья. Это и рабочие поселки, и общественные здания. Однако, главное внимание уделяется двум стройкам века – запорожскому Днепрогэсу, инженерно-архитектурному чуду XX

Обложка к фильму «Клубная жизнь Страны Советов», Ц: СА 2007.

Cover des Films „Klubleben des Sowjetlands“, C: SA 2007.

Обложка к фильму «Москва 1920–1930 гг.», Ц: СА 2008.
Cover des Films „Das Moskau der 1920er/30er Jahre“, C: SA 2008.

Обложка к фильму «Петроград–Ленинград 1920–1930 гг.», Ц: СА 2008.
Cover des Films „Petrograd-Leningrad in den 1920er/30er Jahren“, C: SA 2008.

века и комплексу Государственной промышленности в Харькове, одному из гигантов отечественного авангарда.

История строительства здания и его судьба на фоне истории страны – индустриализация, экономический подъем и энтузиазм первых пятилеток, война... Уникальная кинохроника погружает зрителя в контекст времени. Становится очевидным связь архитектуры с исторической эпохой. Фильм сделан в киностилистике, современной харьковскому шедевр архитектора Серафимова. Русский и английский языки

15' /2007/ автор: Ирина Коробина, режиссер: Елена Лысакова

Отверженные

Авангардная архитектура Питера отнюдь не отличается радикальностью. Она чутко реагирует на классицистический дух города. Она мало известна в мире. Однако, именно сюда после революции устремились самые выдающиеся представители русского авангарда, мечтавшие преобразовать мир. Судьба ленинградского конструктивизма, а если шире, то и советского авангарда, рифмуется с личной судьбой его основоположников, Казимира Малевича и Владимира Татлина, надежды которых были связаны с городом, названным «колыбелью революции». Русский и английский языки

15' /2007/ автор: Ирина Коробина, режиссер: Елена Лысакова

Реставрация/Реконструкция

На примере уже осуществленной реконструкции памятников советского авангарда – Планетария, Бахметьевского гаража (строительство Еврейского культурного центра), исследуются реальные перспективы их сохранения и приведения в порядок для дальнейшего использования. Каковы шансы привлечь инвестиции? Каково дальнейшее использование? Где пределы допустимого вмешательства в памятник? Не ведет ли реновация памятников к потере идентичности и, тем самым, к утрате подлинности?

Ответы на столь сложные вопросы дают ведущие специалисты. Пример цивилизованного решения тяжелейших проблем – научная реставрация произведений мастера итальянского авангарда Джузеппе Терраньи в г.Комо (Италия). Русский и английский языки

15' /2007/ автор: Ирина Коробина, режиссер: Олеся Буряченко

Метаморфозы Русского Авангарда

Очевидное влияние советской авангардной культуры прослеживается в творчестве таких всемирно известных мастеров, как Рем Кулхас, Заха Хадид, Арата Исоздаки и Хани Рашид о чем они с гордостью говорят в интервью. Отрадно, что и в работах отечественных архитекторов,

таких как М.Хазанов (комплекс ГЦСИ), в последнее время начинает проявляться авангардная традиция. Русский и английский языки

15' /2007/ автор: Ирина Коробина, режиссер: Елена Лысакова

Видеопроjekt «Советский архитектурный авангард», из цикла «Наследие в опасности» (Ц: СА / Центр современной архитектуры)

Часть 1. Москва 1920–1930 гг.

Фильм представляет главные шедевры московского архитектурного авангарда, такие как: Дом-мастерская Константина Мельникова, клубы им. Русакова и им. Зуева, Дворец культуры Пролетарского района, Дом Наркомфина, Центросоюз и др. Ведущие архитекторы современности – Рем Кулхаас, Заха Хадид, Маттиас Зауербрух, Одиль Декк – говорят о значении русского авангарда для мировой культуры и для собственного творческого развития. Каждый из объектов представлен самостоятельным художественным клипом.

/2008/ автор: Ирина Коробина; режиссер: Елена Лысакова

Часть 2. Петроград–Ленинград 1920–1930 гг.

Фильм представляет главные объекты ленинградского конструктивизма, такие как: завод «Красный гвоздильщик», фабрика «Красное Знамя», «Спасские» бани и бани «Гигант», хлебозавод Петроградского района, и др. Представители мирового профессионального сообщества и отечественные архитекторы – Арата Исодзаки, Тарек Нага, Томас Лизер, Хани Рашид, Андрей Чернихов, Ирина Коробина, Анке Заливако, Александр Кудрявцев – говорят о судьбе русского авангарда и его влиянии на архитектуру XX и XXI века. Каждый из объектов представлен самостоятельным художественным клипом.

/2008/ автор: Ирина Коробина; режиссер: Елена Лысакова

**Irina Korobina:
Sowjetische Avantgarde-Architektur
in Fernsehfilmen**

Wie kann die sowjetische Avantgarde-Architektur vor der Vernichtung bewahrt werden? Ein Grund für den jammervollen Zustand der konstruktivistischen Bauten ist, dass diese in der breiten Bevölkerung nie sehr beliebt waren. Sie galten und gelten als „ärmlich und schäbig“. Die Sowjetmenschen in Moskau träumten vom Umzug in die Stalin-Hochhäuser der 1940er und 1950er Jahre, die bis heute ein architektonisches Karriere-Symbol darstellen. Der Verlust von modernen 20er-Jahre-Bauten hingegen wird kaum als tragisch empfunden. Eine Wertschätzung existiert im öffentlichen Bewusstsein nicht.

Deshalb ist es das Ziel des in Moskau ansässigen „Zentrums für Moderne Architektur“ (C:SA), ein möglichst breites Publikum mit Filmen über die Ideen, Errungenschaften und ästhetischen Konzepte der Avantgardisten aufzuklären. Um die gesellschaftliche Indifferenz gegenüber den Avantgarde-Bauten abzubauen und das lähmende Gefühl der Ohnmacht unter Freunden der Avantgarde zu vertreiben, hat C:SA die Vergangenheit, als die Architekten der jungen Sowjetunion zur Avantgarde einer weltweiten Bewegung gehörten, gewissermaßen verklärt und ihre Protagonisten „romantisieren“. Deshalb werden die strahlenden Meisterwerke und Helden – Melnikov, Malewitsch, Tatlin, Ginzburg, Leonidov – gezeigt und internationale Stararchitekten zur Bedeutung der historischen Avantgarde für ihre eigene Entwurfstätigkeit heute interviewt.

Das Fernsehformat gibt den Zuschauern sozusagen Zutritt in die Bauwerke, ermöglicht die Visionen der Architekten zu verstehen und die Bedeutung der Bauten besser schätzen zu lernen. In acht Jahren hat C:SA 15 Filme produziert, darunter den Zyklus Avantgardeprojektionen, der im Rahmen des Petersburger Dialogs lief. Er wurde mehrfach auf dem Sender Kul'tura zur Primetime ausgestrahlt und hat tausende Menschen zu Sympathisanten für den Erhalt der Avantgarde-Bauten gemacht.

Autoren

Alter, Irina (geb. Grigor'eva)

Geschichts- und Kunstgeschichtsstudium in St. Petersburg und München. Magisterarbeit über Erich Mendelsohn. Derzeit Dissertation zur Reform der Akademie der Künste in Sankt-Petersburg 1893/94. Seit 2009 wissenschaftliche Mitarbeiterin in Slawische Kunst- und Kulturgeschichte an der Universität Bamberg.

Brenne, Winfried

Architekt mit Schwerpunkt in Denkmalpflege, u. a. Konzeptentwicklung/Planung/Bauüberwachung für die Berliner Welterbe-Siedlungen und das Meisterhaus Mücke-Schlemmer in Dessau. Mitglied des Deutschen Werkbundes Berlin, von ICOMOS Deutschland und der Akademie der Künste Berlin. Kurator der Werkbund-Ausstellung „Bruno Taut – Meister des farbigen Bauens in Berlin“.

Burdinskij, Igor' Il'ič

Eigentümer der Fabrikanlage „Rote Fahne“ von Erich Mendelsohn in St. Petersburg. Seit 1995 als Finanzberater tätig, seit 2002 auch im Bereich Projektentwicklung. Unterstützt Kultur- und Bildungsveranstaltungen.

Czeczot, Ivan Dmitrievič

Promotion in Kunstwissenschaften. Leiter des Bereichs Geschichte und Theorie der Darstellenden Künste und der Architektur am Russischen Institut für Kunstgeschichte St. Petersburg (RACH). Unterrichtet Kunst- und Architekturgeschichte an mehreren Hochschulen St. Petersburgs sowie im europäischen Ausland.

Dementieva, Vera Anatol'evna

Studium der Geschichte und Theorie der Bildenden Künste an der Kunstakademie St. Petersburg. Seit 1974 im der Denkmalpflege und Kulturverwaltung tätig. Seit 2003 Vorsitzende des St. Petersburger Denkmalschutzamts (KGIOP).

Dill, Alex

Architekt. Unterrichtet an der TH Karlsruhe (Fakultät für Architektur, Institut für Entwerfen, Kunst und Theorie), war Gastprofessor in Bologna, Moskau und St. Petersburg. Vorstandmitglied bei DOCOMOMO Deutschland. Arbeitsschwerpunkt: Internationaler Vergleich zum aktuellen Umgang mit den Bauten der Moderne. Organisator des Studentenworkshops im Rahmen der Aktionswoche zum Petersburger Dialog.

Duškina, Natalija Olegovna

Architekturstudium und Promotion an der Moskauer Architekturhochschule (MARChI). Professorin für Architektur- und Stadtbaugeschichte am MARChI und an der Moskauer Universität für Geodäsie und Kartografie (MGUGiK). Mitglied von ICOMOS Russland, Gründungsmitglied des Internationalen ICOMOS-Komitees für das Erbe des 20. Jahrhunderts. Welterbeberaterin von ICOMOS.

Eppeneder, Ralf

Dr. phil., studierte Politikwissenschaften, Philosophie und Linguistik in München und Tübingen, Promotion in Tübingen. Seit 1982 beim Goethe-Institut tätig. Seit März 2004 Leiter des Goethe-Instituts in St. Petersburg.

Fedorov, Sergej Grigor'evič

Dr.-Ing., Architekt und Bauhistoriker. Projektleiter und wissenschaftlicher Mitarbeiter an der Fakultät für Architektur der Universität Karlsruhe. Mitbegründer der Karlsruher Forschungsgruppe „Aktueller Umgang mit dem Erbe der Moderne“. Umfangreiche Forschungen und Publikationen zur Geschichte der deutsch-russischen Architekturbeziehungen.

Flierl, Thomas

Dr. phil., Philosophiestudium an der Humboldt-Universität Berlin, Promotion im Fachbereich Ästhetik. Kulturwissenschaftler und Politiker. 2002–2006 Berliner Senator für Wissenschaft, Forschung und Kultur. Seit 2006 Mitglied des Abgeordnetenhauses von Berlin und Vorsitzender des Stadtentwicklungsausschusses. Vorstandsmitglied der Rosa-Luxemburg-Stiftung.

Fofanov, Sergej Alekseevič

Germanist und Kunsthistoriker. Derzeit Dissertation an der Russischen Kunstakademie. Kurator des russischen Teils der Ausstellung „Verwirklichte Utopie. Neue Architektur der 20er Jahre“. Mitglied der Initiativgruppe zur Erforschung des Leningrader Avantgardeerbes.

Golubkova, Natalija Vladimirovna

Studium der Kunstwissenschaften und Kunstgeschichte. Seit 1992 im Komitee für Kulturerbe der Stadt Moskau (Moskomnasledie) tätig, Bereichsleiterin für Denkmale der Sowjetperiode. War u. a. beteiligt an den Restaurierungsprojekten des Wohnhauses von Mel'nikov, von Metrostationen und des Hotels „Leningradskaia“.

Harer, Klaus

Dr. phil. Slawist und Musikwissenschaftler. Seit 2002 wissenschaftlicher Mitarbeiter und stellvertretender Direktor des Deutschen Kulturforums östliches Europa, Potsdam.

Haspel, Jörg

Prof. Dr. phil. Studium der Architektur und Stadtplanung sowie der Kunstgeschichte und Empirischen Kulturwissenschaft. Mitglied von ICOMOS Deutschland und Gründungsmitglied des Internationalen ICOMOS-Komitees für das Erbe des 20. Jahrhunderts. Seit 1992 Landeskonservator und Direktor des Landesdenkmalamtes bei der Senatsverwaltung für Stadtentwicklung Berlin.

Kirikov, Boris Michajlovič

Architekturhistoriker, Promotion in Kunstwissenschaften. 1996 bis 2008 Stellvertretender Vorsitzende des Denkmalschutzkomitees St. Petersburg (KGIOP). Vorsitzender von DOCOMOMO Russland.

Kolovskaja, Elena Fëdorovna

Direktorin der Stiftung PRO ARTE Institut für Kultur und Kunst in St. Petersburg. Kuratorin von Ausstellungen und Herausgeberin von zahlreichen Publikationen über moderne Kunst und Kultur. Mitglied von CIMAM (Internationales Komitee des Internationalen Museumsrats für Museen und Sammlungen der modernen Kunst).

Korobina, Irina Michajlovna

Studium und Promotion in Architektur. Seit 2001 Direktorin des Zentrums für Moderne Architektur C:SA, Kuratorin von Ausstellungen und Autorin mehrerer Publikationen und Filme zur Architektur des 20. und 21. Jahrhunderts. Autorin der Filmreihe „Projektionen der Avantgarde“.

Kozlov, Dmitrij Vladimirovič

Kunstwissenschaftler und Kunsthistoriker, Magisterarbeit über „Dynamisierte Baukörperbildung in der Leningrader Avantgarde-Architektur“. Mitglied der Initiativgruppe zur Erforschung des Leningrader Avantgardeerbes.

Lehmann, Klaus-Dieter

Prof. Dr. h.c., Diplom in Physik und Mathematik, Staatsexamen in Bibliothekswissenschaften. 1999–2008 Präsident der Stiftung Preußischer Kulturbesitz in Berlin. Seit April 2008 Präsident des Goethe-Instituts. Bis 2010 Deutscher Vorsitzende der Arbeitsgruppe Kultur des Petersburger Dialogs.

Linke, Peter

Absolvent des Moskauer Staatlichen Instituts für Internationale Beziehungen (MGIMO). Seit 2005 Leiter des Moskauer Büros der Rosa-Luxemburg-Stiftung.

Makagonova, Maria Leonidovna

Kunst- und Architekturhistorikerin. Leiterin der Wissenschaftsabteilung des Staatlichen Museums für die Geschichte von St. Petersburg (GMISPB). Publikationen und Ausstellungen zur Leningrader Architektur der 1920–30er Jahre. Kuratorin des Leningrader Teils der Ausstellung „Avantgarde – Welterbe?“.

Makoveckij, Igor Ivanovič

Professor, Mitglied der „Akademie für Welterbe“, Präsident des Russischen Nationalkomitees von ICOMOS, Präsident des Russischen Welterbe-Komitees, Leiter des UNESCO-Lehrstuhls für Städtebauliche Denkmalpflege und Baudenkmalpflege an der Moskauer Akademie für Restaurierung, Mitglied der „Akademie für Architekturerbe“.

Markgraf, Monika

Architektin. Seit 1997 wissenschaftliche Mitarbeiterin für Bauforschung und Denkmalpflege bei der Stiftung Bauhaus Dessau. Mitglied von ICOMOS Deutschland und Vorsitzende von DOCOMOMO Deutschland.

Petzet, Michael

Prof. Dr. phil., Studium der Kunstgeschichte und Archäologie. Präsident des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS. 1974–1999 Generalkonservator des Bayerischen

Landesamt für Denkmalpflege, 1999–2008 Präsident von ICOMOS International.

Piotrovskij, Boris Michajlovič

Promotion und Habilitation in Geschichtswissenschaften. Spezialist für islamische Kunst. Seit 1992 Direktor der Staatlichen Eremitage St. Petersburg. Russischer Vorsitzender der Arbeitsgruppe Kultur des Petersburger Dialogs.

Sablin, Ivan Dmitrievič

Kunsthistoriker, Promotion in Kunstwissenschaft. Wissenschaftlicher Mitarbeiter u. a. am Russischen Institut für Kunstgeschichte und an der Staatlichen Universität St. Petersburg. Kurator der Ausstellung „Vom Experiment zur Praxis. Leningrader Konstruktivismus“.

Stephan, Regina

Prof. Dr. phil., Kunsthistorikerin, Promotion über Erich Mendelsohn. Seit 2008 Professorin für Architekturgeschichte an der FH Mainz. Kuratorin der Ausstellung „Erich Mendelsohn – Dynamik und Funktion“ des Instituts für Auslandsbeziehungen, Stuttgart.

Stiglitz, Margarita Sergeevna

Architekturstudium in St. Petersburg, Promotion und Habilitation über Leningrader Industriearchitektur. 1993–2006 Leiterin der Abteilung für Industriearchitektur im St. Petersburger Denkmalschutzkomitee (KGIOPI). Unterrichtet an der Staatlichen Architektur- und Bauuniversität und an der Stiglitz-Akademie in St. Petersburg, Mitglied des Internationalen Komitees für die Konservierung des Industrieerbes (TICCIH), Co-Vorsitzende der St. Petersburger Abteilung des Allrussischen Denkmalschutzverbands (VOOPIK).

Tokmeninova, Ludmila Ivanova

Architekturhistorikerin. Gründerin und Leiterin des Fachzentrums für Architektur des Neuen Bauens (UCASD) an der Uraler Kunstakademie in Ekaterinburg. Vorsitzende von DOCOMOMO Ural/Sibirien und russische Kuratorin des deutsch-russischen Netzwerkes „BAUHAUS im Ural“.

Volpert, Astrid

Kunstwissenschaftlerin und Publizistin. Seit 1999 Arbeiten zu den Bauhäuslern in Russland, insbesondere im Ural. 2001–2004 Forschungsprojekt „Russen und Deutsche im 20. Jahrhundert“ am Lotman-Institut der Ruhr-Universität Bochum Initiatorin und deutsche Kuratorin des russisch-deutschen Netzwerkes „BAUHAUS im Ural“.

Wetzig, Maximilian

Architekturstudium an der TU Berlin, 2008 Diplomarbeit zur Umnutzung des ehemaligen Drahtseilwerks „Roter Nagel“ von Jakov Černichov in St. Petersburg.

Zalivako, Anke

Dr.-Ing., Architekturstudium in Stuttgart und Aachen. Architektin in Hamburg, Moskau und Berlin. Promotion zur Architektur der Moderne in Russland und Deutschland. Gegenwärtig Forschungsprojekt „Bauten des russischen Konstruktivismus (Moskau 1920–1934)“ am Fachgebiet

Bau- und Stadtbaugeschichte der TU Berlin. Mitglied von ICOMOS Deutschland und Vorstandsmitglied von DOCOMOMO Deutschland. Initiatorin und Kuratorin der Ausstellung „Avantgarde – Welterbe?“.

Zitzmann, Diana

Architekturstudium in Dresden und St. Petersburg. Arbeitet an Dissertation über Bauten der Leningrader Avantgarde. Mitglied von DOCOMOMO Deutschland, Dozentin beim Studentenworkshop der Aktionswoche.

Авторы

Альтер Ирина (Григорьева)

Училась на историческом факультете в Санкт-Петербурге и изучала искусствоведение в Мюнхене. Дипломная работа об Эрихе Мендельсоне. В настоящее время работает над диссертацией о реформе Академии художеств в Санкт-Петербурге в 1893–94 гг. С 2009 г. сотрудник в Университете в Бамберге, отделение славянской истории культуры и искусствоведения.

Бренне Винфрид

Архитектор, специалист в области охраны памятников, в том числе разработка концепции, проектирования и строительного надзора Берлинских жилых массивов, являющихся всемирным наследием, и жилого дома мастеров Мухе-Шлеммер в Дессау. Член Немецкого Веркбунд Берлина, ICOMOS Германии и Академии художеств Берлина. Куратор выставки «Бруно Таут-мастер архитектуры цвета в Берлине».

Бурдинский Игорь Ильич

Владелец комплекса зданий бывшей фабрики «Красное знамя» Эриха Мендельсона в Санкт-Петербурге. С 1995 г. работает в области финансовых консультаций, с 2002 г. успешно занимается реализацией проектов в сфере развития коммерческой недвижимости. Одновременно поддерживает мероприятия, направленные на развитие культуры и просвещения.

Ветциг Максимилиан

Обучался на архитектурном факультете в Техническом Университете Берлина. Дипломная работа в 2008 г. – перепрофилирование фабрики «Красный гвоздильщик» Якова Чернихова в Санкт-Петербурге.

Голубкова Наталия Владимировна

Искусствовед и историк искусства. С 1992 г. работает в Комитете по культурному наследию города Москвы (Москомнаследие), возглавляет направление советского периода. Принимала участие в работах по реставрации Дома Мельникова, станций Московского метро, Гостилицы «Ленинградская» и др.

Дементьева Вера Анатольевна

Окончила факультет теории и истории искусства Академии художеств по специальности искусствовед. С 1974 г. работала в области охраны памятников и управления культуры. С 2003 г. – председатель Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга (КГИОП).

Дилл Алекс

Архитектор. Преподаёт в университете Карлсруэ (секция: проектирование, искусство и теория), преподавал в Болонье, Москве и Санкт-Петербурге. Член правления немецкого ДОКОМОМО. Специализация: отношение к памятникам модернизма в международном сопоставлении. Организатор международного студенческого проектного семинара в рамках Петербургского Диалога.

Душкина Наталья Олеговна

Окончила МАРХИ, кандидат архитектуры. Профессор кафедры истории архитектуры и градостроительства МАРХИ, профессор МГУГиК. Член ICOMOS России, член-основатель Международного комитета ICOMOS по наследию XX века. Эксперт ICOMOS по памятникам Всемирного наследия.

Заливако Анке

Архитектурное образование в Штутгарте и Аахене. Работала архитектором в Гамбурге, Москве и Берлине. Защитила диссертацию об архитектуре авангарда в России и Германии. В настоящее время – исследовательский проект «Постройки русского конструктивизма (Москва 1920–1934) при секции истории архитектуры и градостроительства в ТУ Берлина. Член ICOMOS Германии, правления ДОКОМОМО Германии. Инициатор и куратор выставки «Архитектурный авангард – всемирное наследие?».

Кириков Борис Михайлович

Историк архитектуры, кандидат искусствоведения. В 1996–2008 гг. – заместитель председателя Комитета по охране памятников (КГИОП) при правительстве Санкт-Петербурга. Председатель Российского отделения ДОКОМОМО.

Козлов Дмитрий Владимирович

Искусствовед и историк искусства. Дипломная работа: «Динамизированное объёмостроение в ленинградской архитектуре 1920-х – начала 1930-х гг.». Является членом инициативной независимой группы исследователей, изучающих авангардное наследие ленинградской архитектуры.

Коловская Елена Федоровна

Исполнительный директор фонда культуры и искусства ПРО АРТЕ, Санкт-Петербург. Куратор выставочных проектов. Автор статей, редактор изданий по современной культуре и искусству. Член СИМАМ (Международного комитета музеев и коллекций современного искусства).

Коробьина Ирина Михайловна

Окончила МАРХИ, кандидат архитектуры. С 2001г. – директор Центра Современной Архитектуры (Ц: СА), организатор выставок, автор ряда телевизионных фильмов, многочисленных публикаций о проблемах архитектуры и градостроительства XX и XXI вв., автор цикла «Проекции Авангарда».

Леманн Клаус-Дитер

Диплом по математике и физике, государственный экзамен по библиотековедению. Почетный доктор, профессор. В 1999–2008гг. – президент Фонда «Прусское культурное наследие» в Берлине. С апреля 2008г. – президент Гёте-института. До 2010 г. Немецкий председатель секции «Культура» Петербургского Диалога.

Линке Петер

Окончил Московский Государственный Институт международных отношений. С 2005г. – руководитель московского бюро Фонда «Розы Люксембург».

Маковецкий Игорь Иванович

Академик Академии архитектурного наследия, профессор, Президент Российского национального комитета ИКОМОС, Президент Российского национального комитета Всемирного наследия, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по сохранению градостроительных и архитектурных памятников (Московская академия реставрации).

Макогонова Мария Леонидовна

Историк архитектуры. Окончила отделение истории искусства исторического факультета Ленинградского Университета. Заведующая научным отделом Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Автор статей и выставок по истории ленинградской архитектуры 1920–1930-х гг. Куратор выставки «Архитектурный авангард – всемирное наследие?».

Маркграф Моника

Архитектор. С 1997г. – научный сотрудник по строительным изысканиям и охране памятников Фонда «Баухаус Дессау», член ICOMOS, председатель ДОКОМОМО Германии.

Петцет Михаэль

Проф., др. философии. Изучал историю искусств и археологию. Президент Германского национального комитета ИКОМОС. В 1974–1999гг. – главный хранитель и председатель земельного ведомства по охране памятников Баварии, в 1999–2008 гг. Президент ICOMOS International.

Пиотровский Михаил Борисович

Директор Государственного Эрмитажа, возглавляет его с 1992г. Выпускник Ленинградского Университета, – специалист по исламскому искусству. Кандидат и доктор исторических наук. Российский председатель секции «Культура» Петербургского Диалога.

Саблин Иван Дмитриевич

Окончил кафедру истории искусств исторического факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета, кандидат искусствоведения. Научный сотрудник Российского Института истории искусств, лектор в различных учебных заведениях города, в том числе, в Государственном Университете. Куратор выставки «От эксперимента к практике. Ленинградский конструктивизм»

Токменинова Людмила Ивановна

Историк архитектуры. Основатель и руководитель Уральского центра архитектуры современного движения (УЦАСД) при Уральской Академии художеств в Екатеринбурге. Председатель ДОКОМОМО-Урал/Сибирь, русский куратор немецко-русской инициативы «БАУХАУС на Урале».

Фёдоров Сергей Григорьевич

Архитектор. Защитил диссертацию по истории архитектуры, руководитель проектов и научный сотрудник факультета архитектуры Университета Карлсруэ. Соучредитель исследовательской группы «Актуальные методы обращения с наследием современной архитектуры» (Карлсруэ).

Флиерл Томас

Обучался философии в Университете Гумбольдта в Берлине. Защитил диссертацию в области эстетики. В 2002–2006гг – Сенатор земли Берлин по вопросам науки, исследований и культуры. С 2006 г. член палаты депутатов Берлина и председатель Комитета по развитию города. Член правления Фонда «Розы Люксембург».

Фольперт Астрид

Искусствовед и публицист. С 1999г. – исследования и публикации об архитекторах Баухауса в России, в особенности, на Урале. 2001–2004 гг. – исследовательский проект «Немцы и Русские в 20 веке» в Институте им. Лотмана Рурского университета в г. Бохум. Инициатор и немецкий куратор немецко-русской инициативы «БАУХАУС на Урале».

Фофанов Сергей Алексеевич

Германист и историк искусства, аспирант Российской Академии Художеств. Куратор русской части экспозиции выставки «Воплощённая утопия. Новая архитектура 1920-х». Является членом инициативной независимой группы исследователей, изучающих авангардное наследие ленинградской архитектуры.

Харер Клаус

Славист и искусствовед. Защитил диссертацию. С 2002г. – научный сотрудник и заместитель директора Немецкого форума восточно-европейской культуры в Потсдаме.

Хаспель Йорг

Изучал архитектуру и градостроительство, а также историю искусств и эмпирическое искусствоведение. Др. Философии. Вице-президент ICOMOS Германии, член-основатель Международного комитета ICOMOS по наследию XX века. С 1992г. – Земельный хранитель и председатель Земельного ведомства по охране памятников Берлина.

Цитцманн Диана

Архитектурное образование в Дрездене и Санкт-Петербурге. Работает над диссертацией об архитектуре ленинградского авангарда (Технический Университет в Дрездене). Член ДОКОМОМО Германии. Участвовала, как доцент, в студенческом проектном семинаре в рамках Петербургского Диалога.

Чечот Иван Дмитриевич

Кандидат искусствоведения; руководитель сектора истории и теории изобразительного искусства и архитектуры Российского Института истории искусств РАН. Профессор или ведущий научный сотрудник по истории и теории изобразительного искусства и архитектуры в различных учебных заведениях.

Штефан Регина

Искусствовед. Защитил диссертацию по Эриху Мендельсону. С 2008г. профессор кафедры истории архитектуры в Майнце. Куратор выставки «Эрих Мендельсон – динамика и функция» Института связей с зарубежными странами (ifa), Штутгарт.

Штиглиц Маргарита Сергеевна

Архитектор, доктор архитектуры по теме «Промышленная архитектура Санкт-Петербурга». В 1993–2006гг. – начальник отдела промышленной архитектуры КГИОПа Санкт-Петербурга. Профессор кафедры архитектуры СПбГАСУ и кафедры искусствоведения СПбГХПА им.А.Л.Штиглица. Член Международного комитета по сохранению индустриального наследия, сопредседатель Санкт-петербургского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Эппенедер Ральф

Изучал политологию, философию и лингвистику в Мюнхене и Тюбингене. Защитил диссертацию в Тюбингене. С 1982г. работает в Немецком культурном центре имени Гёте, с марта 2004г. – заведующий Гёте-института в Санкт-Петербурге.

- Akademie der Künste Berlin: S. 128
 Alter, Irina: S. 28
 Antony, Doris (http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/0/01/Luckenwalde_HatFactory_inner_view.jpg): S. 44
 Archiv Nikolaj Mengel: S. 60
 Bauhaus Archiv – Museum für Gestaltung Berlin/Dirk Scheper: S. 120, 121
 Bauhaus-Universität Weimar: S. 64 o.
 Bausch, Johannes, Berlin: S. 150
 Berlin Partner GmbH/FTB-Werbefotografie: S. 130
 David Chipperfield Architects Berlin/Aleksej Tužikov: S. 32 u.
 Dill, Alex/Universität Karlsruhe (TH): S. 106, 107, 108, 109, 110, 111
 Goethe Institut St. Petersburg/Designstudio mediamama: S. 122
 Hilberseimer, Ludwig: Internationale Neue Baukunst, Stuttgart 1928: S. 26
 imhof-multimedia-consulting – Kulturdatenbank/Andres Imhof: S. 45 u.
 Klaus Block Architekt BDA, Berlin: S. 112 u.
 Kramm + Strigl Architekten Stadtplaner, Darmstadt: S. 30, 32 o.
 Landesarchiv Berlin: S. 46 o.
 Landesdenkmalamt Berlin/Archiv: S. 45 o., 47 o., 48 u., 118
 Landesdenkmalamt Berlin/Wolfgang Bittner: S. 45 M., 46 r., 134
 Landesdenkmalamt Berlin/Wolfgang Reuss: S. 47 u., 48 o.
 Mendelsohn, Erich: Das Gesamtschaffen des Architekten, Berlin, 1930: S. 25, 40
 Mendelsohn, Erich: Rußland – Europa – Amerika. Ein architektonischer Querschnitt, Berlin 1929: S. 27
 Mizgiris, Kazimieras (A FIAP): S. 53
 Pare, Richard, New York: S. 18
 Senatsverwaltung für Stadtentwicklung Berlin: S. 127, 132 u.
 Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz/bpk – Bildagentur für Kunst, Kultur und Geschichte: S. 37, 42 o., 51, 52, 55
 Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz/Kunstabibliothek: Titel U 1, Rückentitel U 4; S. 24, 119, 126
 Stephan, Regina: S. 54
 Stiftung Bauhaus Dessau/Martin Brück: S. 148
 Stiftung Bauhaus Dessau/Friedrich Engemann: S. 149 o. l.
 Stiftung Bauhaus Dessau/Justus Herrenberger: S. 149 o. r.
 Volpert, Astrid: S. 62, 63
 Wetzig, Maximilian: S. 116, 117
 Winfried Brenne Architekten Berlin: S. 131, 132 o., 133
 Wüstenrot Stiftung/Thomas Wolf: S. 149 u.
 Zalivako, Anke/TU Berlin: S. 112 o., 113, 114, 115
 Zimmermann, Harf, Berlin: S. 57
 Zitzmann, Diana: S. 84, 85 o., 86
 Архитектура Ленинграда 1940/4: стр. 85 с.
 Бурдинский/Юрий Молотковец: стр. 31 л.
 Бурдинский/ПР: стр. 33 с.
 Бурдинский/Алексей Тужиков: стр. 31 п., 33 в., 34 в.
 Душкина, Наталия: стр. 56, 95, 96 л., 97, 98, 99
 Голубкова, Наталия: стр. 58, 59
 Государственный Музей истории Санкт-Петербурга (ГМИ СПб): стр. 68, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 92 с., 152 в. л., 152 с. л.
 Государственный Музей истории Санкт-Петербурга/Л. Андреевский: стр. 152 н. л.
 Государственный Музей истории Санкт-Петербурга/Илья Антипов: стр. 87, 151, 152 п., 153 л.
 Государственный Музей истории Санкт-Петербурга/Мария Герасимова: стр. 153 п.
 Фонд ПРО АРТЕ, Санкт-Петербург: стр. 144, 145, 146, 147
 Ежегодник общества архитекторов художников, Вып. 13, Ленинград 1930: стр. 100
 Карелин, Д.: стр. 96 п.
 Кириков Б. М., Штиглиц М. С.: Архитектура ленинградского авангарда: путеводитель, Санкт-Петербург 2008: стр. 28 н., 66, 67, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 110
 Немецкий культурный центр им. Гёте, Санкт-Петербург/Designstudio mediamama, Санкт-Петербург: стр. 122, 124, 129
 Путеводитель по Ленинграду, Ленинград 1933: стр. 35
 Раммо, В.: За образцовый Ленинград, Москва, Ленинград 1932: стр. 141 н.
 Саблин, Иван: стр. 135
 Уральский центр архитектуры современного движения (УЦАСД) УралГАХА, Екатеринбург: стр. 104
 Уральский центр архитектуры современного движения (УЦАСД) УралГАХА, Екатеринбург/Н. Боченин: стр. 64 н., 102, 105
 Успенская, М.: стр. 136, 137, 142
 Фонд ПРО АРТЕ, Санкт-Петербург: стр. 144, 145, 146, 147
 Фофанов, Сергей: стр. 36, 38, 39, 140, 141 в.
 Центр современной архитектуры Ц:СА, Москва: стр. 154, 156
 Частный архив, Москва: стр. 61
 Частный архив, Санкт-Петербург: стр. 90, 91, 92 в., 92 н., 93
 Чечот, Иван: стр. 42 н.

ICOMOS · HEFTE DES DEUTSCHEN NATIONALKOMITEES

I. ICOMOS PRO ROMANIA

Exposition/Exhibition/Ausstellung Paris, London, München, Budapest, Kopenhagen, Stockholm 1989/1990, München 1989. ISBN 3-87490-620-5

II. GUTSANLAGEN DES 16. BIS 19. JAHRHUNDERTS IM OSTSEERAUM – GESCHICHTE UND GEGENWART

Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS in der Akademie Sandelmark, 11.–14. 9. 1989, München 1990. ISBN 3-87490-310-9

III. WELTKULTURDENKMÄLER IN DEUTSCHLAND

Deutsche Denkmäler in der Liste des Kultur- und Naturerbes der Welt, eine Ausstellung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS in Zusammenarbeit mit der Dresdner Bank, München 1991. 2. erweiterte Auflage von 1994. ISBN 3-87490-311-7

IV. EISENBAHN UND DENKMALPFLEGE I

Erstes Symposium. Eine Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS, Frankfurt am Main. 2.–4. 4. 1990, München 1992. ISBN 3-87490-619-1

V. DIE WIES

Geschichte und Restaurierung/History and Restoration, München 1992. ISBN 3-87490-618-3

VI. MODELL BRANDENBURG

Eine Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS und der GWS – Gesellschaft für Stadterneuerung mbH Berlin/Brandenburg zum Thema Stadterneuerung und Denkmalschutz in den fünf neuen Bundesländern, München 1992. ISBN 3-87490-624-8

VII. FERTŐRÁKOS

Denkmalpflegerische Überlegungen zur Instandsetzung eines ungarischen Dorfes/Műemlékvédelmi megfontolások egy magyar falu megújításához, hrsg. vom Deutschen Nationalkomitee von ICOMOS mit der Arbeitsgemeinschaft Alpen-Adria, München 1992. ISBN 3-87490-616-7

VIII. REVERSIBILITÄT – DAS FEIGENBLATT IN DER DENKMALPFLEGE?

Eine Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS und des Sonderforschungsbereichs 315 der Universität Karlsruhe, 24.–26. 10. 1991, München 1992. ISBN 3-87490-617-5

IX. EISENBAHN UND DENKMALPFLEGE II

Eine Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS, Frankfurt am Main, 2.–4. 4. 1992, München 1993. ISBN 3-87490-614-0

X. GRUNDSÄTZE DER DENKMALPFLEGE/PRINCIPLES OF MONUMENT CONSERVATION/PRINCIPES DE LA CONSERVATION DES MONUMENTS HISTORIQUES

München 1992. ISBN 3-87490-615-9 (vergriffen)

XI. HISTORISCHE KULTURLANDSCHAFTEN

Eine Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS mit dem Europarat und dem Landschaftsverband Rheinland, Abtei Brauweiler, 10.–17. 5. 1992, München 1993. ISBN 3-87490-612-4

XII. ARCHITEKTEN UND DENKMALPFLEGE

Eine Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS, des Instituts für Auslandsbeziehungen in Zusammenarbeit mit der Deutschen UNESCO Kommission und der Architektenkammer Baden-Württemberg, 18.–20. 6. 1992, München 1993. ISBN 3-87490-613-2

XIII. BILDERSTURM IN OSTEUROPA

Eine Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS, des Instituts für Auslandsbeziehungen und der Senatsverwaltung Berlin, 18.–20. 2. 1993, München 1994. ISBN 3-87490-611-6

XIV. Christoph Machat (Hrsg.)

DENKMÄLER IN RUMÄNIEN/MONUMENTS EN ROUMANIE
Vorschläge des Rumänischen Nationalkomitees von ICOMOS zur Ergänzung der Liste des Weltkulturerbes/Propositions du Comité National Roumain de l'ICOMOS pour la Liste du Patrimoine Mondial, München 1995. ISBN 3-87490-627-2

XV. Michael Petzet und Wolf Koenigs (Hrsg.)

SANA'A Die Restaurierung der Samsarat al-Mansurah/The Restoration of the Samsarat al-Mansurah, München 1995. ISBN 3-87490-626-4

XVI. DAS SCHLOSS UND SEINE AUSSTATTUNG ALS DENKMALPFLEGERISCHE AUFGABE

Eine Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS und des Facharbeitskreises Schlösser und Gärten in Deutschland, 5.–8. 10. 1994, München 1995. ISBN 3-87490-628-0

XVII. DER GROSSE BUDDHA VON DAFOSI/

THE GREAT BUDDHA OF DAFOSI München 1996. ISBN 3-87490-610-8

XVIII. DIE TONFIGURENARMEE DES KAISERS QIN SHI HUANG

Monuments and Sites, Bd. II, München 2001.

XIX. Matthias Exner (Hrsg.)

STUCK DES FRÜHEN UND HOHEN MITTELALTERS

Geschichte, Technologie, Konservierung. Eine Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS und des Dom- und Diözesanmuseums Hildesheim, 15.–18. 6. 1995, München 1996. ISBN 3-87490-660-4

XX. STALINISTISCHE ARCHITEKTUR UNTER DENKMALSCHUTZ?

Eine Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS und der Senatsverwaltung für Stadtentwicklung und Umweltschutz in Berlin, 6.–9. 9. 1995, München 1996. ISBN 3-87490-609-4

XXI. DAS DENKMAL ALS ALTLAST?

Auf dem Weg in die Reparaturgesellschaft. Eine Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS und des Lehrstuhls für Denkmalpflege und Bauforschung der Universität Dortmund, 11.–13. 10. 1995, München 1996. ISBN 3-87490-629-9

XXII. DIE BISCHOFSBURG ZU PÉCS. ARCHÄOLOGIE UND BAUFORSCHUNG

Eine Publikation des Deutschen und des Ungarischen Nationalkomitees von ICOMOS mit dem Ungarischen Denkmalamt, Budapest 1999.

XXIII. Matthias Exner (Hrsg.),

WANDMALEREI DES FRÜHEN MITTELALTERS.

BESTAND, MALTECHNIK, KONSERVIERUNG

Eine Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS mit der Verwaltung der Staatlichen Schlösser und Gärten in Hessen, Lorsch, 10.–12. 10. 1996, München 1998. ISBN 3-87490-663-9

XXIV. KONSERVIERUNG DER MODERNE

Über den Umgang mit den Zeugnissen der Architekturgeschichte des 20. Jahrhunderts. Eine Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS mit der ›denkmal '96‹, der Europäischen Messe für Denkmalpflege und Stadterneuerung, Leipzig, 31. 10.–2. 11. 1996, München 1998. ISBN 3-87490-662-0

XXV. DOM ZU BRANDENBURG

Eine Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS und des Brandenburgischen Landesamtes für Denkmalpflege, mit Unterstützung des Domstifts Brandenburg und des Fördervereins ›Dom zu Brandenburg‹, Brandenburg, 2.–3. 12. 1996, München 1998. ISBN 3-87490-661-2

XXVI. LEGAL STRUCTURES OF PRIVATE SPONSORSHIP

International Seminar organized by the German National Committee of ICOMOS with the University of Katowice, Weimar, 17th–19th of April 1997, München 1997. ISBN 3-87490-664-7

XXVII. EISENBAHN UND DENKMALPFLEGE III

Drittes internationales Eisenbahnsymposium des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS, Frankfurt am Main, 14.–16. 4. 1997, München 1998. ISBN 3-87490-667-3

XXVIII. DIE GARTENKUNST DES BAROCK

Eine internationale Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS in Zusammenarbeit mit dem Bayerischen Landesamt für Denkmalpflege und dem Arbeitskreis Historische Gärten der Deutschen Gesellschaft für Gartenkunst und Landschaftskultur e. V., Schloß Seehof bei Bamberg, 23.–26. 9. 1997, München 1998. ISBN 3-87490-666-3

XXIX. Martin Mach (Hrsg.)

METALLRESTAURIERUNG/METAL RESTORATION

Internationale Tagung zur Metallrestaurierung, veranstaltet vom Bayerischen Landesamt für Denkmalpflege und vom Deutschen Nationalkomitee von ICOMOS, München, 23.–25. 10. 1997, München 1998. ISBN 3-87490-665-5

XXX. Michael Petzet

PRINCIPLES OF CONSERVATION/PRINCIPES DE LE CONSERVATION DES MONUMENTS HISTORIQUES

München 1999. ISBN 3-87490-668-X

XXXI. OPERNBAUTEN DES BAROCK

München 1999. ISBN 3-87490-669-8

XXXII. DAS KONZEPT „REPARATUR“. IDEAL UND WIRKLICHKEIT

München 2000. ISBN 3-87490-671-X

XXXIII. THIRD INTERNATIONAL CONFERENCE ON ARCHAEOLOGICAL PROSPECTION

München 1999. ISBN 3-87490-670-1

XXXIV. Michael Kühlenthal/Helge Fischer

PETRA. DIE RESTAURIERUNG DER GRABFASSADEN/ THE RESTORATION OF THE ROCKCUT TOMB FAÇADES

München 2000. ISBN 3-87490-672-8

XXXV. Michael Kühlenthal (Hrsg./Ed.)

OSTASIATISCHE UND EUROPÄISCHE LACKTECHNIKEN/ EAST ASIAN AND EUROPEAN LACQUER TECHNIQUES

Internationale Tagung des Bayerischen Landesamtes für Denkmalpflege und des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS in Zusammenarbeit mit dem Tokyo National Research Institute of Cultural Properties, München, 11.–13. 3. 1999, München 2000. ISBN 3-87490-673-6

XXXVI. HERITAGE AT RISK/PATRIMOINE EN PÉRIL/ PATRIMONIO EN PELIGRO

ICOMOS World Report 2000 on Monuments and Sites in Danger, München 2000. ISBN 3-598-24240-9

XXXVII. Matthias Exner/Ursula-Schädler-Saub (Hrsg.)

DIE RESTAURIERUNG DER RESTAURIERUNG?/ THE RESTORATION OF THE RESTORATION?

Eine Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS in Zusammenarbeit mit dem Hornemann Institut und dem Fachbereich Konservierung und Restaurierung der Fachhochschule Hildesheim/Holzminde/n/Göttingen, Hildesheim, 9.–12. 5. 2001, München 2002. ISBN 3-87490-681-7

XXXVIII. SPORT–STÄTTEN–KULTUR, HISTORISCHE SPORTANLAGEN UND DENKMALPFLEGE/SPORTS–SITES–CULTURE, HISTORIC SPORTS GROUNDS AND CONSERVATION

Internationale Fachtagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS und des Landesamts Berlin im Deutschen Sportforum auf dem Olympia-Gelände in Berlin, 15.–17. 11. 2001, München 2002. ISBN 3-87490-680-9

XXXIX. Jürgen Pursche (Hrsg.)

HISTORISCHE ARCHITEKTUROBERFLÄCHEN

Internationale Fachtagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS und des Bayerischen Landesamtes für Denkmalpflege in München, 20.–22. 11. 2002, München 2003. ISBN 3-87490-682-5

XL. Ursula Schädler-Saub (Hrsg.)

DIE KUNST DER RESTAURIERUNG/THE ART OF RESTORATION

Internationale Fachtagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS u. des Bayerischen Nationalmuseums, München, 14.–17. 5. 2003, München 2005. ISBN 3-935643-28-4

XLI. Cesare Brandi

THEORIE DER RESTAURIERUNG

Herausgegeben, übersetzt und kommentiert von Ursula Schädler-Saub und Dörthe Jakobs, München 2006. ISBN 10-stellig: 3-935643-32-2
ISBN 13-stellig: 978-3-935643-32-0

XLII. Matthias Exner/Dörthe Jakobs

KLIMASTABILISIERUNG UND BAUPHYSIKALISCHE KONZEPTE.

WEGE ZUR NACHHALTIGKEIT BEI DER PFLEGE DES WELTKULTURERBES

Eine Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS in Zusammenarbeit mit dem Landesdenkmalamt Baden-Württemberg, Insel Reichenau, 25.–27. November 2004, München u. Berlin 2005. ISBN 3-422-06401-X

XLIII. ORANGERIEN IN EUROPA – VON FÜRSTLICHEM VERMÖGEN UND GÄRTNERISCHER KUNST

Ergebnisse der internationalen Tagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS in Zusammenarbeit mit dem Arbeitskreis Orangerien e. V., der Bayerischen Verwaltung der staatlichen Schlösser, Gärten und Seen und dem Arbeitskreis Historische Gärten der DGGL, Schloss Seehof bei Bamberg 29. 9.–1. 10. 2005, München 2007. ISBN 978-3-87490-683-8

XLIV. Claudia Denk/John Ziesemer (Hrsg.)

DER BÜRGERLICHE TOD. STÄDTISCHE BESTATTUNGSKULTUR VON DER AUFLÄRUNG BIS ZUM FRÜHEN 20. JAHRHUNDERT

Internationale Fachtagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS in Zusammenarbeit mit dem Bayerischen Nationalmuseum, München, 11.–13. 11. 2005, Regensburg 2007. ISBN 978-3-7954-1946-2

XLV. Ursula Schädler-Saub (Hrsg.)

WELTKULTURERBE DEUTSCHLAND – PRÄVENTIVE KONSERVIERUNG UND ERHALTUNGSPERSPEKTIVEN

Internationale Fachtagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS, der Hochschule für angewandte Wissenschaft und Kunst Hildesheim/Holzminde/n/Göttingen und der Diözese Hildesheim in Zusammenarbeit mit der Evangelisch-lutherischen Landeskirche Hannovers, Hildesheim, 23.–25. November 2006, Regensburg 2008. ISBN 978-3-7954-2136-6

XLVI. Jörg Haspel/Michael Petzet/Christiane Schmückle-Mollard (Hrsg.)

WELTERBESTÄTTEN DES 20. JAHRHUNDERTS – DEFIZITE UND RISIKEN AUS EUROPÄISCHER SICHT

Internationale Fachtagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS in Zusammenarbeit mit dem Landesdenkmalamt Berlin und dem ICOMOS International Scientific Committee on 20th Century Heritage, Berlin, 9.–12. 9. 2007, Petersburg 2008. ISBN 978-3-86568-393-9

XLVII. Erwin Emmerling (Hrsg.)

TOCCARE – NON TOCCARE

Internationale Konferenz des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS in Zusammenarbeit mit dem Architekturmuseum und dem Lehrstuhl für Restaurierung, Kunsttechnologie und Konservierungswissenschaft der Fakultät für Architektur, TUM, München, 7.–8. 12. 2007, München 2009. ISBN 978-3-935643-46-7

XLVIII. Jörg Haspel (Hrsg.)

DAS ARCHITEKTONISCHE ERBE DER AVANTGARDE IN RUSSLAND UND DEUTSCHLAND

Eine Veranstaltung der Arbeitsgruppe Kultur des Petersburger Dialogs, des Komitees für Denkmalschutz der Stadtverwaltung St. Petersburg (KGIOP) und des Landesdenkmalamts Berlin in Zusammenarbeit mit der Staatlichen Eremitage St. Petersburg, den Staatlichen Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz und dem Goethe-Institut e. V. anlässlich der 8. Tagung des Petersburger Dialogs vom 30. September bis 3. Oktober 2008 in St. Petersburg, Berlin 2010. ISBN 978-3-930388-58-5

